

ДЕСЯТЬ ВЕЛИКИХ
ЭКОНОМИСТОВ
ОТ МАРКСА ДО КЕЙНСА

Joseph A. Schumpeter

Ten Great Economists

From Marx to Keynes

New York
Oxford University Press
1951

Йозеф Шумпетер

Десять
ВЕЛИКИХ
ЭКОНОМИСТОВ
от Маркса до Кейнса

*Перевод с английского Натальи Автономовой
при участии Ирины Осадчей и Натальи Розинской
под научной редакцией Владимира Автономова*

Издательство
Института Гайдара
Москва / 2011

УДК 330.101.5

ББК 65.011.3

Ш96

Перевод гл. 2–7, 10, прилож. 1–3 выполнен *Н. Автономовой*;
гл. 8–9 – *Н. Розинской*; гл. 1 – *И. Осадчей*.

Шумпетер, Й.

Ш96 Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса
[Текст] / пер. с англ. Н. В. Автономовой, И. М. Осад-
чей, Н. А. Розинской; под науч. ред. В. С. Автономова. М.:
Изд. Института Гайдара, 2011. – 400 с. – 1000 экз. –
ISBN 978-5-91129-075-7.

Настоящее издание представляет собой сборник работ выдающегося экономиста Йозефа Шумпетера (1883–1950), которые были отобраны для публикации самим автором, но увидели свет в виде книги только после его смерти. Каждый из вошедших в книгу биографически-теоретических очерков посвящен жизни и трудам классиков экономической науки, работавших во второй половине XIX – первой половине XX столетия, с большинством из которых Шумпетер был знаком лично.

Книга представляет интерес не только для специалистов по истории экономической мысли, но и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-93255-302-2

© Издательство Института Гайдара, 2011

Содержание

<i>Элизабет Шумпетер</i> . Введение	7
Глава 1. Карл Маркс (1818–1883)	17
Глава 2. Мари Эспри Леон Вальрас (1834–1910)	117
Глава 3. Карл Менгер (1840–1921)	125
Глава 4. Альфред Маршалл (1842–1924)	138
Глава 5. Вильфредо Парето (1848–1923)	162
Глава 6. Ойген фон Бём-Баверк (1851–1914).	206
Глава 7. Фрэнк Уильям Тауссиг (1859–1940)	265
Глава 8. Ирвинг Фишер (1867–1947)	306
Глава 9. Уэсли Клэр Митчелл (1874–1948)	328
Глава 10. Джон Мейнард Кейнс (1883–1946)	355
Приложение 1. Георг Фридрих Кнапп (1842–1926)	401
Приложение 2. Фридрих фон Визер (1851–1926)	405
Приложение 3. Ладислав фон Борткевич (1868–1931)	410

Введение

Эти эссе были написаны в течение сорока лет, с 1910 по 1950 год, три самых ранних — о Вальрасе, Бём-Баверке и Менгере — на немецком, а остальные — на английском языке. Не считая эссе о Марксе, они были написаны для разных экономических журналов либо по поводу смерти их героев, либо в честь знаменательной даты, как в случае пятидесятилетия «Принципов» Маршалла или столетия со дня рождения Парето. Из-за того, что они писались в спешке и по особым поводам, Шумпетер не считал эти эссе достойными издания в виде отдельной книги. Но его постоянно о них спрашивали, поскольку журналы, в которых они были когда-то напечатаны, трудно было достать, и за несколько месяцев до своей смерти в январе 1950 года он наконец согласился, чтобы издательство *Oxford University Press* выпустило их отдельным сборником.

Десять основных эссе для книги Шумпетер выбрал сам, с одним лишь исключением — эссе о Карле Марксе. Он планировал вместо него включить в книгу статью «Манифест коммунистической партии в социологии и экономической науке», написанную им для *Journal of Political Economy* за июнь 1949 года, чтобы несколько запоздало отметить столетие со дня выхода «Манифеста коммунистической партии». Вместо этой статьи в сборник вошла первая часть книги «Капитализм, социализм и демократия», потому что в ней подробней рас-

сказывалось о Марксе как о пророке, социологе, экономисте и учителе. Я в большом долгу перед Кэссом Кэнфилдом и издательством *Harper & Brothers* за их великодушное разрешение включить это эссе в книгу «Десять великих экономистов». Кроме того, я хочу воспользоваться возможностью поблагодарить редакторов и издателей журналов *Quarterly Journal of Economics*, *American Economic Review*, *Economic Journal* и *Econometrica* за разрешение использовать в книге статьи, изначально опубликованные в этих журналах; журнала *Zeitschrift für Volkswirtschaft* больше не существует.

Три коротких эссе, приведенные в приложении (о Кнаппе, Визере и Борткевиче), были включены в книгу по предложению профессора Готтфрида Хаберлера, который считал, что они должны быть переизданы и что лучше всего будет включить их в сборник вместе с другими биографическими эссе Шумпетера. Все три эссе из приложения были написаны для журнала *Economic Journal*, в котором Шумпетер был австрийским корреспондентом с 1920 по 1926 год и немецким с 1927 по 1932 год, пока не уехал из Боннского университета в Гарвард.

Автора и героев его эссе связывали тесные отношения. Он не только восхищался их работой, но и был, с одним лишь исключением, знаком с каждым из них*, а с некоторыми его связывала теплая дружба. Исключением является опять же Карл Маркс, умерший в 1883 году, в котором родились Шумпетер и Кейнс, самый молодой из десяти экономистов в этой книге. С Марксом Шумпетера связывало только одно — общее понимание экономического процесса. В своей «Теории экономического развития» Шумпетер пытается изложить «чисто

* Это касается только героев десяти основных эссе. Из трех героев приложения он хорошо знал Визера и, вероятно, был знаком и с Кнаппом, и с Борткевичем.

экономическую теорию экономического развития, которая не полагается на то, чтобы внешние факторы передвигали экономическую систему из одного состояния равновесия в другое». В предисловии к изданию этой книги на японском языке он пишет: «Мне было вначале неясно то, что читателю, возможно, сразу будет очевидно, а именно то, что эта идея и эта цель [самого Шумпетера] в точности совпадают с идеей и целью, лежавшими в основе экономического учения Карла Маркса. В сущности, от предшественников и экономистов его времени его отличало именно виденье экономической эволюции как отдельного процесса, генерируемого самой экономической системой. Во всех остальных отношениях он лишь использовал и адаптировал понятия и предположения Рикардовой экономической теории, но понятие экономической эволюции, которое он поместил в несущественное гегельянское окружение, принадлежит только ему. Возможно, именно благодаря этому факту одно поколение экономистов за другим возвращается к его системе, хотя многое в ней они и находят достойным критики». В «Истории экономического анализа» мы снова читаем: «В его общей научной схеме развитие не было тем, чем оно являлось у других экономистов того периода, т. е. приложением к экономической статике, — оно служило центральной темой. И он сосредоточил свою аналитическую мощь на задаче, заключающейся в том, чтобы показать, как экономический процесс, изменяющийся в силу собственной внутренней логики, непрерывно изменяет социальную структуру и общество в целом». У них было общее видение, но привело оно их к очень разным результатам: Маркса оно привело к осуждению капитализма, а Шумпетера сделало его рьяным защитником.

Для Шумпетера прогресс экономической теории как науки зависел от виденья и методов. Так же как

он восхищался Марксовым видением экономического процесса, он восхищался Вальрасовой чистой теорией. В «Истории экономического анализа» он пишет о Вальрасе, с которым встречался лишь раз: «...экономическая наука подобна большому omnibusу, наполненному множеством пассажиров с несоизмеримыми интересами и способностями. Однако в том, что касается чистой теории, по моему мнению, величайшим из всех экономистов является Вальрас. Его теория экономического равновесия объединяет в себе „революционную“ креативность и классический синтез, это единственная работа из написанных экономистами, которая заслуживает сопоставления с достижениями теоретической физики».

Маркс и Вальрас находились на разных полюсах науки: один пытался логическим путем объяснить изменения экономической системы, а второй дал нам «теоретический аппарат, который впервые в истории нашей науки эффективно охватывал чистую логику взаимозависимости экономических величин».

Для Шумпетера было очень характерно* то, что он восхищался историей и чистой теорией, эконометрикой и компиляциями фактических материалов, социологией и статистикой, и все эти области науки находил полезными; широта его интересов отражена в десяти эссе, вошедших в эту книгу.

Он познакомился с Менгером, Бём-Баверком и Визером в студенческие годы в Венском университете. Менгер, который вместе со своими двумя уче-

* Хаберлер однажды написал в журнале *Quarterly Journal of Economics* (август 1950), что были ученые, превосходившие Шумпетера в отдельных областях науки. «Но как знаток всех ветвей экономической науки и ученый-универсалист Шумпетер занимал уникальное положение среди своих современников».

никами, Бём-Баверком и Визером, может считаться основателем австрийской, или венской, школы экономической мысли, уже не занимался преподаванием, и Шумпетер встречался с ним лишь раз или два. Но автор этих эссе был активным участником семинаров Визера и Бём-Баверка с 1904 по 1906 год; впоследствии он вступил в знаменитый спор с Бём-Баверком о норме процента (см.: *Schumpeter J. A. Eine «dynamische» Theorie des kapitalzinses: Eine Entgegnung // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 1913. Bd. 22. S. 599–639*); он произнес одну из трех поздравительных речей на праздновании семидесятилетия Визера в 1921 году.

Хотя Шумпетер высоко ценил работу австрийской школы, в традиции которой получил образование, еще больше его интересовала другая школа, развившая теорию предельной полезности, — лозаннская школа, объединившаяся вокруг трудов Вальраса. В некотором смысле настоящим основателем этой школы был Парето, блестящий ученик Вальраса, сменивший его на посту заведующего кафедрой политической экономии в Лозаннском университете. До недавнего времени американские и английские экономисты считали труды этой школы слишком «математическими» и слишком «теоретическими», кроме того, они считали трудоемким и, возможно, нестоящим занятием чтение экономистов, писавших на иностранных языках. Однако лозаннская школа довольно рано приобрела двух первоклассных поклонников-американцев в лице Ирвинга Фишера и Генри Л. Мура. Три из десяти эссе в этой книге посвящены Вальрасу, Парето и Фишеру. В эссе о Парето (см. прим. * на с. 178) Шумпетер описывает встречу, во время которой они обсуждали разных экономистов, и Парето с жаром хвалил Ирвинга Фишера: «Для меня было полной неожиданностью услышать его [Парето] горячую похвалу „Капиталу и доходу“ [Фишера]».

Защитив диплом в Вене в 1906 году, Шумпетер на несколько месяцев отправился в Англию. Там он отдал дань уважения некоторым английским экономистам и в 1907 году познакомился с Маршаллом. Это знакомство кратко описано в рецензии к Кейнсовой книге «*Essays in Biography*», которую Шумпетер написал для журнала *Economic Journal* за декабрь 1933 года. Комментируя эссе Кейнса о Маршалле, он написал: «Глядя на Маршалла через стол, за которым мы завтракали у него дома в 1907 году, я сказал ему: „Профессор, после нашего разговора о моих научных планах я чувствую себя точно так, как если бы я был неосмотрительным влюбленным, намеренным вступить в безрассудный брак, а вы — благожелательным старым дядюшкой, который пытается убедить меня отказаться от этой идеи». Он ответил: «И это совершенно верно. Потому что даже если дядюшка и прав, его увещевания останутся втуне». Эссе самого Шумпетера о Маршалле показывает, как высоко он ценил работы Маршалла. После выхода эссе в журнале *American Economic Review* он получил записку от Мэри Маршалл (из Кембриджа, 19 июля 1941), в которой говорилось: «Только что принесли *American Economic Review*, и я с большим интересом прочла Ваше эссе по случаю пятидесятилетия „Принципов“ Маршалла. Я всегда знала, что Вы высоко ценили его работу, и я так рада, что Вы воспользовались этой возможностью, чтобы столь тепло и искусно выразить это отношение. Меня особенно восхищает последний параграф эссе. Я также присоединяюсь к Вашему восхищению „Воспоминаниями об Альфреде Маршалле“ Кейнса».

С американскими экономистами — Тауссигом, Фишером и Митчеллом — Шумпетер, вероятно, познакомился, когда прибыл в Соединенные Штаты в 1913–1914 учебном году в качестве австрийского профессора по обмену в Колумбийском универси-

тете. До этого он был знаком с их трудами и переписывался как минимум с Тауссигом. Сохранилось письмо, написанное ему Тауссигом из Кембриджа, что в штате Массачусетс (27 ноября 1912), в котором Тауссиг хвалит английский молодого экономиста и обсуждает поднятую им теоретическую проблему. «Я не спорю с Вашими рассуждениями; но сам я расположен подходить к этим вопросам с более реалистичной точки зрения». Далее следует несколько графиков кривой предложения, а затем Тауссиг пишет: «Применение к труду того же хода рассуждений, который применяется к капиталу и земле, а также развитие теории „трудовой ренты“ меня сильно занимают; я набросал план статьи на эту тему. Вы, конечно, знаете, как пробовали рассуждать на эту тему мой друг, Дж. Б. Кларк, а также, не так давно и более аккуратно, Ирвинг Фишер. Последнее слово об этом вопросе еще не было сказано. Я не настолько нескромен, чтобы думать, что это последнее слово будет сказано мной, но я надеюсь внести свой вклад в развитие этой темы». Таким образом начавшаяся дружба продолжалась до самой смерти Тауссига в 1940 году. В сущности, свои первые годы в Гарвардском университете, с 1932-го по 1937-й, Шумпетер прожил дома у Тауссига на Скотт-стрит, 2.

Шумпетер так же восхищался Ирвингом Фишером и Уэсли Митчеллом, и тоже тепло к ним относился. С Фишером его связывало основание Эконометрического общества. Немало добродушных шуток прозвучало, когда Шумпетер посетил несколько аскетичное заседание этого общества в Нью-Хейвене, во время которого табак, алкоголь, кофе и, насколько я помню, мясо были запрещены, так что кофе заваривался специально для «порочного» посетителя. Общение, происходившее во время таким образом проведенных в Нью-Хейвене выходных, описано профессором Жоржем-Ан-

ри Буске из Алжирского университета в статье для журнала *Revue d'Economie Politique* (1950. No. 3). Некоролог Уэсли Митчелла, вошедший в эту книгу, был закончен всего за неделю или две до смерти самого Шумпетера. И Митчелл, и Шумпетер работали над теорией экономических циклов и считали, что успешное исследование этого явления капиталистического процесса требует обширнейшего анализа фактов. Шумпетер сам кропотливо отбирал данные для своего исследования, почти не прибегая к чужой помощи, потому что таков был его метод работы, но он питал громадное уважение к человеку, который сумел организовать целое Национальное бюро экономических исследований и умно и эффективно использовать его ресурсы.

С Кейнсом он познакомился только в 1927 году, хотя Кейнс к этому времени уже давно был одним из редакторов *Economic Journal*, а Шумпетер с 1920 года был его австрийским корреспондентом. По какой-то причине, объяснить которую не так просто, отношения между ними не были близкими ни в личном, ни в профессиональном плане.

Перевод эссе о Вальрасе, Менгере и Бём-Баверке оказался довольно сложным делом. Как писал Пол Суизи в предисловии к «Империализму и социальным классам», а также Хаберлер в своем эссе в *Quarterly Journal of Economics*, тексты Шумпетера, написанные на немецком языке, крайне тяжело поддаются переводу. Хаберлер написал: «Его достаточно сложный литературный стиль, который, пожалуй, лучше всего описывает слово „барочный“, адекватно выражает сложное устройство его ума. Для него характерны длинные предложения, многочисленные уточнения, уточнения уточнений, использование казуистических значений слов. Эти особенности его стиля особенно ярко выражены, как и стоило ожидать, в его текстах на немецком, поскольку немецкий язык предоставляет автору

больше возможностей для использования сложных конструкций». Шумпетер знал об этом обстоятельстве, особенно в случае эссе о Бём-Баверке. Он считал, что это эссе слишком длинное и что его нужно сократить в два раза и переписать для англоязычного читателя. Он настаивал, что без этого «невозможно» обойтись.

Эссе о Бём-Баверке было урезано примерно наполовину. Этим занимался Хаберлер и переводчик, профессор Герберт Цассенхаус, бывший ученик Шумпетера. Хочу выразить свою благодарность профессору Хаберлеру и всем трем переводчикам — Вольфгангу Штольперу, Хансу Зингеру и Герберту Цассенхаусу — за их интерес и помощь, а также Полу Суизи, который вычитывал вместе со мной все переводы и помогал сглаживать шероховатости языка и прояснять непонятные места. В некоторых местах переводов я весьма вольно обошлась с текстом — когда дословный перевод оказывался слишком сложным или непонятным. Особенно много таких мест было в эссе о Бём-Баверке. Поэтому любые недочеты в переводах — моя вина, и ответственность за них несу только я.

Остальные эссе, все написанные по-английски, приведены в этой книге в своем оригинальном виде. Они не менялись и не редактировались, не считая исправления мелких опечаток и небольших изменений, внесенных ради единообразия в таких технических деталях, как использование заглавных букв и пунктуационных знаков, а также оформление сносок.

*Таконик, штат Коннектикут,
2 февраля 1951 г.
Элизабет Шумпетер*

Глава 1

Карл Маркс

(1818–1883)*

Марксистская доктрина

Порождения интеллекта или фантазии в большинстве случаев завершают свое существование в течение периода, который колеблется от часа послеобеденного отдыха до жизни целого поколения. Но с некоторыми этого не происходит. Они переживают упадок и вновь возвращаются, возвращаются не как неузнанные элементы культурного наследия, но в собственном индивидуальном облике, со своими особыми приметами, которые люди могут видеть и трогать. Их с полным основанием можно называть великими, никакого изъяна в этом определении, связывающем величие с жизнеспособностью, я не вижу. В этом смысле это определение, несомненно, применимо к учению Маркса. Есть еще одно преимущество в определении величия способностью к возрождению: тем самым оно перестает зависеть от нашей любви или ненависти. Нам совсем не нужно верить, что великие открытия непременно должны быть источником света или не содержать ошибок в своих основах или деталях. Напротив, мы можем считать их воплощением тьмы; мы можем признавать их в корне неверны-

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper Brothers Publishers, 1942. Русский перевод печатается по изданию: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 34–102.

ми или не соглашаться с отдельными частностями. Что до Марксовой системы, то подобные отрицательные оценки и даже полное ее опровержение самой неспособностью нанести этой системе смертельный удар только свидетельствуют о ее силе.

В последние десятилетия мы стали свидетелями самого интересного возрождения Марксовой теории. В том, что великий вдохновитель социалистической идеи должен был обрести себя в Советской России, нет ничего удивительного. И чрезвычайно характерно, что в процессе происходящей здесь канонизации между истинным значением Марксовой теории, с одной стороны, и большевистской практикой и идеологией — с другой, образуется пропасть такого же масштаба, как между религией жалких галилеян и идеологией и практикой князей в церкви или средневековых военачальников.

Другое явление — возрождение марксизма в США — объяснить труднее. Этот феномен интересен тем, что вплоть до 20-х годов ни в американском рабочем движении, ни среди американских интеллектуалов не было сколько-нибудь серьезного марксистского движения. То, что здесь называлось марксизмом, всегда было искусственным, незначительным, не имело корней. Кроме того, большевистский тип возрождения марксизма вызвал отнюдь не одинаковые сдвиги в странах, прежде наиболее сильно приверженных марксизму. Примечательно, что в Германии, которая из всех стран имела самую сильную марксистскую традицию, в течение послевоенного социалистического бума, как и в предшествующий период депрессии, продолжала существовать маленькая секта ортодоксов. Однако лидеры социалистической мысли (не только приверженцы социал-демократической партии, но и те, кто в практических вопросах пошел гораздо дальше ее осторожного консерватизма) не обнаружили особого стремления к возврату к старым догмам и, проявляя уважение

к своему божеству, сделали все, чтобы дистанцироваться от него, а экономические проблемы решали теми же способами, что и прочие экономисты. Следовательно, если не считать России, американский феномен остается уникальным. Мы не собираемся выяснять его причины. Стоит сделать другое — рассмотреть общие черты и суть того учения, которое стало близким столь многим американцам*.

I. Маркс — пророк

Аналогия из области религии попала в название этой главы не случайно. На самом деле это больше чем аналогия. В определенном смысле марксизм и есть религия. Для верующего он предоставляет, во-первых, систему конечных целей, определяющих смысл жизни, и абсолютных критериев для оценки событий и действий; и, во-вторых, руководство к осуществлению целей, содержащее не только путь к спасению, но и определение того зла, от которого человечество или избранная часть человечества должна быть спасена. Можно добавить и следующее: марксистский социализм принадлежит к той разновидности религий, которая обещает рай уже при жизни. Я думаю, что если бы за определение марксизма взялся богослов, это по-

* Ссылки на работы Маркса будут сведены к минимуму, никакие данные о его жизни также не даются. Видимо, в этом нет нужды, поскольку любой читатель, желающий ознакомиться со списком этих работ или с его жизнеописанием, найдет все необходимое в любом словаре, особенно в «Британской энциклопедии» или в «Энциклопедии социальных наук». Изучение Маркса лучше всего начинать с первого тома «Капитала». Несмотря на огромное число работ, появившихся в последнее время, я по-прежнему считаю биографию, написанную Ф. Мерингом, лучшей, во всяком случае с точки зрения обычного читателя.

зволило бы дать гораздо более глубокую характеристику социальной сущности марксизма, чем та, которую может сделать экономист.

То, что это обстоятельство объясняет успех марксизма, пожалуй, наименее важно*. Чисто научные достижения, будь они даже намного более совершенными, чем у Маркса, никогда бы не обрели подобного исторического бессмертия. Этому не способствовал и весь арсенал его партийных лозунгов. Частично его успех, хотя и в очень небольшой степени, действительно обязан тому набору жарких фраз, страстных обвинений, гневных жестов, который он предоставил в распоряжение своей паствы и которые могут быть использованы с любой трибуны. Все, что следует сказать по данному поводу, заключается в том, что указанное боевое снаряжение очень хорошо служило и служит своим целям, однако его производство породило и свои убытки: чтобы выковать подобное оружие социальной борьбы, Марксу временами приходилось приспособляться или даже отступать от тех концепций, которые логически вытекали из его теоретической системы. Однако если бы Маркс был простым поставщиком фразеологии, он был бы сегодня мертв. Человечество не благодарит за этот сорт услуг и быстро забывает имена людей, которые пишут либретто для политических опер.

Он был пророком, и для того, чтобы понять природу его системы, мы должны рассмотреть ее в контексте времени ее создания. Это была высшая точка

* Религиозные свойства марксизма объясняют и характер отношений ортодоксального марксиста к своим оппонентам. Для него, как и для всякого сторонника определенной веры, оппонент не просто ошибается, он греховен. Инакомыслие осуждается не только с интеллектуальных позиций, но и с позиций морали. Раз провозглашено учение, никакого оправдания для инакомыслия быть не может.

самореализации буржуазии и низшая точка буржуазной цивилизации, время механистического материализма, время культурной среды, предававшейся самому пошлому разгулу, в то время как в ее недрах таились зародыши нового искусства и нового образа жизни. Вера в любом реальном значении этого слова быстро улетучивалась из сознания всех классов общества, а вместе с ней умирал и единственный луч света, освещавший жизнь рабочих (если не считать Рочдэйльского кооперативного движения и возникновения сберегательных банков), в то время как интеллектуалы заявили, что их вполне устраивает «Логика» Милля и Закон о бедных.

Итак, для миллионов человеческих сердец учение Маркса о земном социалистическом рае означало новый луч света и новый смысл жизни. Называйте марксизм, если угодно, подделкой под религию или карикатурой на нее, на этот счет многое можно сказать, но нельзя не восхититься его величием. Неважно, что почти все эти миллионы были не в состоянии понять и оценить учение в его истинном значении. Такова судьба всех учений. Важно то, что учение было создано и изложено в соответствии с позитивистским мышлением своего времени — несомненно, буржуазным по своей сути, и потому не будет парадоксом, если мы скажем, что по существу марксизм — продукт буржуазного образа мышления. Он, с одной стороны, с непревзойденной силой выразил страстные чувства всех тех, кому не повезло и плохо жилось, что было целительным для многих неудачников, а с другой стороны, провозгласил, что избавление от этих болезней с помощью социализма вполне поддается рациональному обоснованию.

Заметьте, с каким чрезвычайным искусством здесь удалось соединить иррациональные чаяния страждущих, которые, лишившись религии, бродили во тьме, подобно бездомным собакам, с неизбежными для того времени рационалистическими

и материалистическими тенденциями, сторонники которых не признали бы ни одного утверждения, не подкрепленного научным или псевдонаучным доказательством. Проповедь одной лишь цели не дала бы эффекта, анализ социального процесса был бы интересен всего лишь для нескольких сотен специалистов. Но проповедь в одежде научного анализа и анализ в интересах достижения выстраданных целей — вот что обеспечило страстную приверженность марксизму, вооружило марксиста высшим преимуществом — убежденностью, что он и его доктрина никогда не потерпят поражения и в конце концов обязательно победят. Конечно, этим смысл учения не исчерпывается. Личное влияние и пророческие прозрения действуют независимо от содержания учения. Без этого невозможно призвать ни к новому образу жизни, ни к новому ее смыслу. Но не это нас здесь интересует.

Несколько слов следует сказать о другом — об убедительности и корректности попыток Маркса доказать неизбежность достижения социалистической цели. Одно замечание, однако, следует сделать по поводу того, что выше мы определили как отражение чаяний многих неудачников. Конечно, это не было подлинным отражением их истинных стремлений, сознательных или подсознательных. Скорее, мы могли бы назвать это попыткой подменить истинные чувства правильным или неправильным изложением логики социальной эволюции. Осуществляя это и приписывая, вопреки истине, народным массам собственное «классовое сознание», Маркс, несомненно, фальсифицировал подлинную психологию рабочего (который стремится стать мелким буржуа, опираясь на помощь политической силы); но по мере того как его учение приобретало влияние, он расширял и облагораживал его. Он не проливал сентиментальных слез по поводу красоты социалистической идеи. В этом, как он

считал, заключалось его превосходство над тем, что именовалось им утопическим социализмом. Не занимался он и прославлением героизма трудящихся, как это делают буржуа, когда дрожат за свои дивиденды. Он был абсолютно свободен от склонности пресмыкаться перед рабочим классом, свойственной некоторым его более слабым последователям. По-видимому, он достаточно ясно осознавал, что такое народные массы, и глядел гораздо выше их голов в направлении достижения социальных целей, даже если это было не то, о чем они думали и мечтали. Кроме того, он никогда не проповедовал собственных идеалов. Подобное тщеславие было ему чуждо. Как всякий истинный пророк изображает себя простым глашатаем своего бога, так Маркс претендовал всего лишь на то, чтобы рассказать о логике диалектического процесса исторического развития. Во всем этом есть некое благородство, перекрывающее в ряде случаев мелочность и вульгарность, с которыми на протяжении его жизни и деятельности это благородство вступало в столь странный союз.

Наконец, еще один момент, о котором нельзя не упомянуть. Сам Маркс был слишком образованным человеком, чтобы солидаризироваться с теми вульгарными социалистами, которые не способны узнать храма, даже когда он высится перед ними. Он отчетливо понимал значение цивилизации и «относительно абсолютную» ценность ее ценностей, как бы чужда она ни была для него самого. В этом отношении нет лучшего доказательства широты его мышления, чем «Коммунистический манифест», который представляет собой, хотя и краткий, отчет о блестящих* достижениях капитализма. Даже

* Возможно, это преувеличение. Но давайте процитируем: «Буржуазия впервые показала, чего может достичь человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские

вынося капитализму *pro futuro* смертный приговор, Маркс не упускает случая признать его историческую необходимость. Подобное отношение, конечно, подразумевает многое такое, чего лично Маркс не желал бы признавать. Однако, без сомнения, это его убеждение было чрезвычайно крепким, тем более что оно соответствовало тому пониманию естественной логики вещей, частным проявлением которой была его теория исторического процесса. Социальные явления выстраивались для Маркса в определенный порядок, и хотя в некоторых аспектах своей жизни он вел себя как «ресторанный заговорщик», его истинное «я» презирало такого рода вещи. Социализм не был для него навязчивой идеей, стирающей все краски жизни и порождающей нездоровую и тупую ненависть или презрение к иным цивилизациям. Во многих смыслах присущие Марксу типы социалистического мышления и социалистического выбора, соединенные вместе в его фундаментальной позиции, действительно заслужили название научного социализма.

водопроводы и готические соборы... Буржуазия... вовлекает в цивилизацию все нации... Она создала огромные города... и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма (sic!) деревенской жизни... Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 427–428). Заметьте, что все отмеченные достижения приписываются только буржуазии — это больше того, на что могли бы претендовать многие самые буржуазные экономисты. В этом суть того, что я имел в виду в вышеприведенном абзаце, и именно здесь я резко расхожусь с сегодняшними вульгарными марксистами или с вебленовскими идеями, взятыми на вооружение нынешними немарксистскими радикалами. Сразу же скажу: именно это будет исходным пунктом всего того, о чем я буду говорить во второй части относительно экономических достижений капитализма.

II. Маркс — социолог

Теперь нам надо сделать то, против чего стали бы протестовать все правоверные марксисты. Ведь они отвергают любое применение трезвого анализа к тому, что для них является светочем истины. Особенно сильно они стали бы протестовать против дробления наследия Маркса на отдельные части и последовательного их обсуждения. Они стали бы говорить, что самый этот акт обнаруживает неспособность буржуазии понять великолепие целого, все части которого дополняют и объясняют друг друга, так что истинное значение этого целого исчезает, как только одна его часть или аспект рассматривается обособленно. Однако у нас нет выбора. Совершив преступление и рассматривая Маркса как социолога, после того как мы рассмотрели его как пророка, я вовсе не отрицаю ни наличия в работе Маркса цельности социального видения, которое обеспечило в известной мере аналитическую цельность и в еще большей степени видимость такой цельности, ни того факта, что каждая ее часть, хотя и внутренне независимая, была увязана автором со всеми другими. Тем не менее каждая часть этого обширного целого сохранила достаточно самостоятельности, что позволяет исследователю признать плодотворной одну из них, отвергая другие. Много от величия веры теряется при подобной процедуре, но кое-что удается и выиграть, спасая важное и стимулируя поиски истины, что само по себе принесло бы больше пользы, чем в том случае, если бы она погибла вместе с крушением целого.

Это относится прежде всего к Марксовой философии, которую мы можем отринуть раз и навсегда. Получив образование в Германии и тяготев к теоретическим размышлениям, он имел основательные знания в области философии и питал к ней страст-

ный интерес. Чистая философия германского типа была его началом, его юношеской любовью. В течение некоторого времени он даже полагал, что это его истинное призвание. Он был неогегельянцем, что означает примерно следующее: признавая фундаментальные положения и методы своего учителя, он и его группа устранили и заменяли на противоположные те консервативные элементы, которые были внесены в гегелевскую философию многими из других его приверженцев. Этот философский фундамент обнаруживается во всех его произведениях, где только появляется такая возможность. Не удивительно, что его немецкие и русские читатели — по аналогичной склонности и в силу схожего образования — ухватились прежде всего за эти аспекты его учения, сделав их ключевыми для всей системы.

Я же полагаю, что это было ошибочным и несправедливым по отношению к научным возможностям Маркса. Он сохранял свою раннюю любовь на протяжении всей своей жизни. Ему доставляли удовольствие те формальные аналогии, которые можно было обнаружить между его аргументацией и гегельянской. Ему нравилось подтверждать свое гегельянство и использовать гегельянскую фразеологию. Но это в общем-то и все. Нигде не изменял он позитивной науке ради метафизики. Именно об этом он говорит сам в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала»; то, что он там говорит, действительно верно, а его самообман не подтверждается анализом его аргументации, которая всюду опирается на факты социальной действительности и на исходные предпосылки, ни одна из которых не является собственно философской. Конечно, те комментаторы или критики, которые сами шли от философии, не могли поступать так же, поскольку мало что смыслили в общественных науках. К тому же склонность Марк-

са к построению философских систем отвращала их от любой интерпретации, кроме той, что выводит все его учение из философских принципов. В итоге они усматривали философию в самых обычных утверждениях Маркса, касающихся экономической действительности, направляя тем самым дискуссию по ложному следу и сбивая с толку одновременно и друзей, и врагов.

Инструментарий Маркса как социолога заключался в первую очередь в овладении обширным историческим и современным фактическим материалом. Знание последнего было у него всегда немного устаревшим, поскольку он был самым книжным из людей, и потому материалы фундаментальных исследований, в отличие от газетных, долго ждали своей очереди и всегда доходили до него с опозданием. Однако едва ли существовало хоть сколько-нибудь значительное по своему содержанию и посвященное общим вопросам историческое исследование его времени, которое бы ускользнуло от его внимания, хотя эта участь постигла значительную часть монографической литературы по отдельным проблемам. И хотя мы не можем превозносить полноту его информации в области истории в той же степени, в какой это касается его эрудиции в сфере экономической теории, тем не менее он мог иллюстрировать свою социальную концепцию не только масштабными историческими фресками, но и многими деталями, достоверность которых была скорее выше, чем ниже, среднего уровня социологических исследований его времени. Взгляд Маркса, разом охватывая эти факты, проникал через случайную нерегулярность поверхностных явлений и устремлялся вглубь — к грандиозной логике исторического процесса. Здесь страстность сочеталась с аналитическим порывом. Итог его попытки сформулировать эту логику, так называемая экономическая

интерпретация истории*, несомненно, является одним из величайших открытий современной социологии, совершенных каким-либо исследователем. В свете этого не имеет значения, является ли это открытие полностью оригинальным и в какой мере следует отдать должное предшественникам — немцам и французам.

Экономическая интерпретация истории *не означает*, что люди сознательно или бессознательно, полностью или в первую очередь руководствуются экономическими мотивами. Напротив, объяснение роли и механизма неэкономических мотивов и анализ того, как социальная реальность отражается в индивидуальной психике, являются существенным элементом теории и одним из самых важных ее достижений. Маркс не считал, что религия, философия, разные направления искусства, этические идеи и политические устремления могут быть сведены к экономическим *мотивам* и не имеют самостоятельного значения. Он лишь стремился вскрыть экономические *условия*, которые формируют их и которые обуславливают их взлет и падение. Вся система фактов и аргументов Макса Вебера** отлично вписывается в систему Маркса. Конечно, больше всего его интересовали социальные группы и классы и способ, каким эти группы или классы объясняют себе свое существование, место в обществе и поведение. Он изливал свой са-

* Впервые опубликована в связи с его уничтожающей критикой «Философии нищеты» Прудона в работе, названной «Нищета философии» (1847). Другая версия была включена в «Коммунистический манифест» (1848).

** Вышесказанное относится к веберовскому исследованию социологии религии и в особенности к его знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма», переизданной в его собрании сочинений (см.: *Вебер М. Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272).

мый яростный гнев на тех историков, которые брали эти представления и их словесное выражение (т. е. идеологию, или, как сказал бы Парето, *деривацию*) в буквальном значении и пытались с их помощью объяснить социальную реальность. Но хотя идеи и ценности не были для него главным двигателем социального процесса, он не считал их пустым звуком. Если использовать аналогию, то в его социальной машине они играют роль приводных ремней. Мы не можем рассматривать здесь наиболее интересное послевоенное направление, развивающее эти принципы анализа и лучше всего объясняющее данное явление, а именно социологию знания*. Но об этом надо было сказать, поскольку Маркса в этом плане постоянно интерпретируют неверно. Даже его друг Энгельс у открытой могилы Маркса так изобразил эту его теорию, будто индивиды и группы подвержены воздействию главным образом экономических мотивов, что в некоторых важных аспектах неверно, а в остальном, к сожалению, тривиально.

Говоря об этом, нам следует защитить Маркса и от другого недоразумения: *экономическую* интерпретацию истории часто называют *материалистической* интерпретацией. Так было сказано самим Марксом. Эта фраза чрезвычайно увеличила популярность данной концепции у одних и непопулярность у других. На самом деле она абсолютно бессмысленна. Философия Маркса не более материалистична, чем философия Гегеля, а его историческая теория не более материалистична, чем любая другая попытка объяснить исторический процесс средствами,

* Немецкий термин — *Wissensoziologie*. Лучшие авторы, достойные упоминания, — это Макс Шелер и Карл Маннгейм. Статья последнего в «Немецком социологическом словаре» («*Handwörterbuch der Soziologie*») может служить введением в тему.

имеющимися в распоряжении эмпирических наук. Следует понять, что логически это совместимо с любой метафизической или религиозной верой — точно так же, как последняя совместима с любой физической картиной мира. Средневековая теология сама дает методы, с помощью которых можно обосновать подобную совместимость*.

То, о чем на самом деле говорит эта теория, можно свести к двум положениям: 1) формы или условия производства являются базисными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют оценки людей, их поведение, типы цивилизаций. Маркс иллюстрирует это своим знаменитым утверждением, что «ручная мельница» создает феодальное, а «паровая мельница» — капиталистическое общество. Здесь подчеркивание важности технологического элемента доводится до опасных пределов, но с этим можно согласиться при условии, что технология — это далеко не все. Немного упрощая и признавая, что при этом многое из существенного утрачивается, можно сказать, что именно наш повседневный труд формирует наше сознание; наше место в производственном процессе — это как раз то, что определяет наш взгляд на вещи — или ту сторону явления, которую мы выделяем, — и то социальное окружение, в котором находится каждый из нас. 2) Сами формы производства имеют собственную логику развития, т. е. они меняются в соответствии с внутренней присущей им необходимостью, так что то, что является им на смену, есть исключительно следствие их собственного функционирования. Проиллюст-

* Я встречал немало радикалов-католиков, среди них одного священника, и все они, будучи правоверными католиками, придерживались этой точки зрения и фактически провозглашали себя марксистами во всем, кроме вопросов, относящихся к их вере.

рировать можно тем же примером Маркса: система, характеризовавшаяся применением «ручной мельницы», создает такие экономические и социальные институты, которые делают неизбежным использование механических методов помола, и эту неизбежность ни индивиды, ни группы не в состоянии изменить. Распространение и работа «паровой мельницы» в свою очередь порождают новые социальные функции и места размещения производства, новые группы и взгляды, которые развиваются и взаимодействуют таким образом, что перерастают собственные рамки. В итоге мы имеем тот двигатель, который в первую очередь обуславливает экономические, а вследствие этого и все прочие социальные изменения, двигатель, работа которого сама по себе не требует никакого внешнего воздействия.

Оба положения, несомненно, содержат значительную долю правды и являются, как мы увидим впоследствии, бесценной рабочей гипотезой. Большинство существующих возражений абсолютно несостоятельны, в частности те, которые в качестве опровержения указывают на влияние этических или религиозных факторов; или такое, с которым выступил Эдуард Бернштейн, который с восхиительной простотой утверждает, что «люди имеют голову на плечах» и, следовательно, действуют так, как им заблагорассудится. После всего, что было сказано выше, едва ли необходимо подробно останавливаться на слабостях подобных аргументов: конечно, люди «выбирают» свой образ действий, который непосредственно не навязывается им объективными условиями окружающей среды, но они выбирают, исходя из таких позиций, оценок и склонностей, которые не только не принадлежат к числу независимых переменных, но и сами формируются под влиянием объективных факторов. Тем не менее возникает вопрос, не является ли эконо-

номическая интерпретация истории всего лишь удобной аппроксимацией, которая в одних случаях работает менее удовлетворительно, чем в других. Очевидное уточнение следует внести с самого начала. Социальные структуры, социальные типы и взгляды, подобно монетам, не стираются быстро. Однажды возникнув, они могут существовать столетиями, а поскольку разные структуры и типы обнаруживают различные способности к выживанию, мы почти всегда обнаруживаем, что фактически существующие группы и реальное национальное поведение более или менее отклоняются от того, какими им следовало быть, если бы мы попытались вывести их из господствующих форм производственного процесса. Хотя это имеет место повсюду, особенно наглядно это, когда в высшей степени устойчивая структура полностью переносится из одной страны в другую. Общественная ситуация, возникшая в Сицилии в результате норманнского завоевания, может служить иллюстрацией того, что я имею в виду. Подобные факты Маркс не игнорировал, но вряд ли представлял все их значение.

Еще более пагубную роль играют следующие обстоятельства, схожие с только что упомянутыми. Рассмотрим возникновение феодального типа землевладения в Королевстве франков в VI–VII столетиях. Наверняка это было самым важным явлением, которое сформировало общественную структуру на многие века и *в то же время оказало влияние на условия производства, включая потребности и технологию.*

Но самое простое объяснение его возникновения можно найти в функции военного лидерства, ранее выполнявшейся отдельными семьями или индивидами, которые (сохраняя эту функцию) становились после окончательного завоевания новой территории феодальными лендлордами. Подобное объяснение совсем не укладывается в Марксову схему и легко может быть истолковано противоположно-

ным образом. Факты подобного рода, несомненно, можно включить в общую теорию с помощью вспомогательных гипотез, однако необходимость включения подобных гипотез обычно означает начало конца самой теории.

Многие другие трудности, возникающие при попытках исторической интерпретации на основе Марксовой схемы, могут быть преодолены, если признать некоторую степень взаимодействия между сферой производства и прочими сферами общественной жизни*. Однако чары, окружающие фундаментальную истину, зависят как раз от точности и простоты утверждаемого ею одностороннего отношения. Если же оно ставится под вопрос, то экономическая интерпретация истории должна будет занять свое место среди прочих теорий такого же рода — в качестве одной из многих частичных истин — или уступить дорогу другой, способной возвести более фундаментальную истину. Однако ни ее ранг в качестве научного открытия, ни ее операбельность в качестве рабочей гипотезы от этого не страдают.

Конечно, для правоверного марксиста эта концепция представляет собой универсальный ключ ко всем секретам человеческой истории. И хотя временами такой наивный способ ее применения вызывает улыбку, нам не следует забывать, какие концепции она заменила. Даже убогая сестра экономической интерпретации истории — Марксова теория общественных классов — выступает в более благоприятном свете, как только мы вспоминаем об этом.

В первую очередь следует подчеркнуть научное значение этой теории. Экономисты удивительно

* На склоне жизни Энгельс это признал открыто, Плеханов же пошел еще дальше в этом направлении.

запоздали с признанием феномена общественных классов. Конечно, они всегда классифицировали экономических субъектов, взаимодействие которых порождало изучаемые ими процессы. Но эти классы представляли собой лишь совокупности индивидов, обнаруживающих некоторые общие черты: так, отдельные индивиды классифицировались как землевладельцы или рабочие, поскольку они владели землей или продавали услуги своего труда. Однако общественные классы не являются порождением классифицирующего наблюдателя, это живые организмы, существующие сами по себе. Их существование вызывает последствия, которые полностью игнорируются схемой, рассматривающей общество как аморфную совокупность индивидов или семей. С точки зрения чистой экономической теории вопрос о значении феномена общественных классов остается открытым. То, что он имеет очень важное значение с точки зрения практической жизни, а также для всех более широких аспектов социального процесса в целом, не вызывает никаких сомнений.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что общественные классы совершили свой торжественный выход на сцену благодаря известному тезису, содержащемуся в «Коммунистическом манифесте», согласно которому история общества есть история классово-вой борьбы. Конечно, это сильное преувеличение. Но даже если ослабить этот тезис до предположения о том, что исторические события нередко можно объяснить на основе классовых интересов и классовых позиций и что существующие классовые структуры всегда важны как фактор исторической интерпретации, — этого достаточно, чтобы иметь основание говорить о концепции столь же ценной, как и сама экономическая интерпретация истории.

Очевидно, успех этого направления анализа, исходным пунктом которого является принцип клас-

совой борьбы, зависит от верности выбранной нами теории классов. Наша картина истории, вся наша интерпретация культурных форм и механизма общественных изменений будет изменяться в зависимости от того, выберем ли мы, к примеру, расовую теорию классов и подобно Гобино (Gobineau) сведем человеческую историю к истории борьбы рас или, скажем, основанную на разделении труда теорию классов в духе Шмоллера или Дюркгейма и сведем классовые антагонизмы к антагонистическим интересам профессиональных групп. Разница точек зрения может объясняться не только различными определениями классов.

Какую бы точку зрения мы ни приняли в этом вопросе, мы все равно будем иметь различные интерпретации в зависимости от определения классового интереса* и представления о том, в чем выражаются сами классовые действия. Эта тема по сей день полна предрассудков и вряд ли находится на стадии научного исследования.

Довольно любопытно, что Маркс, насколько нам известно, никогда последовательно не разрабатывал того, что совершенно очевидно являлось одним из центральных пунктов его теории. Возможно, потому, что он откладывал эту работу так долго, что уже было поздно этим заниматься, а скорее потому, что его мышление настолько естественно оперировало концепцией классов, что он вовсе не чувствовал необходимости ее точного определения.

* Читателю надо понять, что любая концепция классов и их происхождения вовсе не однозначно определяет, каковы *интересы* этих классов и как каждый из них будет действовать, преследуя то, что в представлении и ощущении его вождей и рядовых членов в долгосрочной или краткосрочной перспективе верно или ошибочно считается его интересами. Проблема группового интереса полна собственных преград и ловушек совершенно независимо от природы тех групп, которые мы исследуем.

Вполне возможно, что отдельные ее моменты в его собственном сознании оставались непроясненными, а путь ко всеобъемлющей теории классов преграждали созданные им самим трудности, а именно упор на чисто экономическую и свехупроценную трактовку этого феномена.

И сам Маркс, и его последователи применяли эту недостаточно разработанную теорию к отдельным случаям; из них самым выдающимся примером является его работа «Классовая борьба во Франции»*. Кроме того, никакого реального прогресса достигнуто не было. Теория его главного соратника Энгельса была по сути своей немарксистской разновидностью теории, выводящей классы из разделения труда. За исключением этого мы имеем лишь отдельные и мимолетные проблески, некоторые из них потрясающей силы и яркости, которые разбросаны по всем произведениям мастера, особенно в «Капитале» и «Коммунистическом манифесте».

Задача сведения воедино этих фрагментов весьма сложна, и мы не можем ее здесь осуществить. Однако главная идея достаточно ясна. Разделение общества на классы основывается на собственности или отстранении от собственности на средства производства, такие как фабричные здания, оборудование, сырье и потребительские товары, которые входят в потребление рабочих. Мы име-

* Другим примером является социалистическая теория империализма, на которой мы остановимся ниже. Интересная попытка О.Бауэра антагонизм между различными расами, населявшими Австро-Венгерскую империю, интерпретировать на основе классовой борьбы между капиталистами и рабочими (*Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия // *Нации и национализм.* М.: Праксис, 2002. С.52–120) также заслуживает упоминания, хотя искусство аналитика лишь подтверждает неадекватность этого инструмента анализа.

ем поэтому в принципе только два класса — собственников, капиталистов, и неимущих, вынужденных продавать свой труд, т. е. рабочий класс, или пролетариат. Существование промежуточных групп — таких как фермеры или ремесленники, которые нанимают труд и в то же время занимаются физической работой, служащие, лица свободных профессий, — конечно, не отрицается, но они рассматриваются как отклонения, которые постепенно исчезнут в ходе капиталистического развития. Эти два основных класса в соответствии с логикой их положения и совершенно независимо от желаний их отдельных представителей являются глубокими антагонистами. Раскол внутри класса и столкновение между отдельными подгруппами случаются и даже способны иметь исторически важное значение. Но в конечном счете подобные расколы и коллизии преходящи. Единственный антагонизм, который не носит преходящего характера и встроено в основу капиталистического общества, коренится в частном контроле над средствами производства, а потому отношение между капиталистическим классом и пролетариатом по природе своей — это борьба, война классов.

Далее, как мы увидим, Маркс пытается показать, что в этой классовой борьбе капиталисты уничтожают друг друга, а заодно уничтожают и капиталистическую систему. Он старается также показать, как собственность на капитал ведет ко все большему его накоплению. Но эта линия доказательства, так же как и само определение, делающее собственность конституирующей характеристикой общественного класса, только усиливает важность проблемы первоначального накопления, т. е. проблемы того, как капиталисты становятся капиталистами в самом начале и приобретают тот запас товаров, который согласно Марксовой доктрине необходим для того, чтобы дать им возможность

начать эксплуатацию. На этот вопрос Маркс отвечает гораздо менее ясно*. Он презрительно отвергает буржуазную сказочку (Kinderfabel) о том, что некоторые люди стали и становятся капиталистами благодаря большим умственным способностям и энергии, проявляемым в работе и сбережении. Он намеренно глумился над этой историей о хороших мальчиках, потому что нет лучшего способа дискредитировать неудобную правду — и это знают все политики — как поднять ее на смех.

Те же, кто изучает историю и современность без предубеждений, не могут не обратить внимания на то, что эта сказочка, хотя и не говорит всей правды, все же многое раскрывает. В девяти случаях из десяти экономический успех, особенно при *основании* промышленного предприятия, действительно обязан незаурядным умственным способностям и энергии. Как раз в начальной стадии капитализма в целом и каждой индивидуальной карьеры в отдельности сбережения были и остаются важным элементом процесса, хотя и не в том смысле, как считала классическая экономическая теория. Действительно, стать капиталистом (промышленником — нанимателем рабочей силы) путем сбережений из заработной платы или жалованья, чтобы основать собственную фабрику с помощью накопленного таким образом фонда, чрезвычайно трудно. Источником большей части накоплений являются прибыли, следовательно, накопление предполагает прибыль, и это *разумная* причина для того, чтобы отличать сбережение от накопления. Необходимые для основания предприятия средства можно обеспечить, взяв займы сбережения других лиц, наличие которых в виде мелких сумм легко объяснить, либо с помощью депозитов, кото-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 725–773.

рые создаются банками для будущего предпринимателя. Как бы то ни было, последний сберегает почти всегда: сбережения нужны ему для того, чтобы подняться над необходимостью ежедневной рутинной работы ради куска хлеба, обеспечить жизненное пространство, чтобы оглядеться вокруг, осуществить свои планы, войти в кооперацию с другими. Следовательно, с точки зрения экономической теории у Маркса было реальное основание — хотя он и преувеличил его значение для того, чтобы отрицать ту роль сбережений, которую им приписывали классики. Однако его собственный вывод отсюда никак не вытекает, так что смех здесь вряд ли уместен*.

Насмешки, однако, сделали свое дело и помогли расчистить путь для альтернативной теории первоначального накопления Маркса. Эта альтернативная теория сформулирована не столь определенно, как нам бы хотелось. Насилие, ограбление, подчинение народных масс, усугубляющие их отделение от собственности, и как результат — еще большее ограбление, усиливающее подчинение, — конечно, все это звучало хорошо и замечательно совпадало с идеями, распространенными среди интеллектуа-

* Я не собираюсь останавливаться на этом, но хотел бы упомянуть, что даже классическая теория не так уж неверна, как об этом писал Маркс. «Сбережение» в самом буквальном смысле этого слова было, особенно на ранних стадиях капитализма, отнюдь не второстепенным методом «первоначального накопления». Кроме того, существовал и другой метод, родственный этому, но не идентичный ему. Многие фабрики в XVII–XVIII столетиях представляли собой всего лишь навес, под которым человек, работавший вручную, мог укрыться, и требовали простейшего оборудования. В этих случаях физический труд будущего капиталиста и совсем небольшой фонд сбережений — необходимое для создания предприятия, если не считать, разумеется, головы на плечах.

лов всех мастей, причем в наши дни еще сильнее, чем во времена Маркса. Но, очевидно, это не решает проблему, состоящую в том, чтобы объяснить, как некоторые люди приобретают такую власть, чтобы подчинять и грабить других. Популярную литературу это не тревожит, и я не собираюсь адресовать этот вопрос произведениям Джона Рида. Но мы имеем дело с Марксом.

По крайней мере, некоторое подобие решения можно получить благодаря историзму всех основных теорий Маркса. По его мнению, тот исторический *факт*, что капитализм вырастает из феодального общества, имеет существенное значение для логики его развития. Конечно, и в этом случае встает тот же самый вопрос о причинах и механизме социальной стратификации. Но Маркс, по существу, принимает буржуазную точку зрения, согласно которой феодализм был царством насилия*, в котором подчинение и эксплуатация народных масс были уже свершившимся фактом. Классовая теория, приспособленная главным образом к условиям капиталистического общества, была распространена на его феодального предшественника, так же как и многое из концептуального аппарата экономической теории капитализма**;

* У многих писателей-социалистов, помимо Маркса, обнаруживается та же не критическая вера в познавательную ценность таких категорий, как сила и контроль над физическими средствами применения силы. Фердинанд Лассаль, например, в качестве объяснения государственной власти не мог предложить ничего иного кроме пушек и штыков. У меня всегда вызывало удивление, что столь многие люди были слепы к слабостям подобной социологии и не понимали, что гораздо вернее сказать, что именно власть дает контроль над пушками (и людьми, жаждущими использовать их), чем утверждать, что контроль над пушками порождает власть.

** В этом учение Маркса сближается с учением К. Родбертуса.

некоторые из самых щекотливых проблем были просто перенесены на феодальную территорию, с тем чтобы появиться вновь уже в готовой форме, в виде исходных данных, при анализе капиталистической системы.

Феодальный эксплуататор был просто заменен эксплуататором капиталистическим. В тех случаях, когда феодальные землевладельцы действительно превращались в промышленников, это могло служить решением проблемы. История дает немало подтверждений верности подобной точки зрения: многие помещики, особенно в Германии, действительно строили фабрики и управляли ими, нередко используя в качестве финансовых источников свою феодальную ренту, а в качестве рабочей силы — сельскохозяйственное население (не обязательно крепостных, но иногда и их)*. Во всех других случаях марксистская теория первоначального накопления не согласуется с имеющимися фактами. Единственно честный способ выйти из этого положения — заявить, что с марксистской точки зрения удовлетворительного объяснения этого процесса нет; иными словами, сказать, что мы не можем объяснить первоначальное накопление, не обратившись к немарксистским концепциям, порождающим в свою очередь немарксистские выводы**.

* В. Зомбарт в первом издании своей «Теории современного капитализма» пытался возвести такие случаи в принцип. Однако его попытка обосновать теорию первоначального накопления исключительно накоплением земельной ренты оказалась безуспешной, что в конце концов признал и сам Зомбарт.

** Этот вывод будет справедливым, даже если отвести максимально возможное значение грабежу (разумеется, не принимая на веру откровенный вымысел). Ограбления нередко вносили свой вклад в создание торгового капитала. Богатство финикийцев и англичан — знакомые примеры. Но даже и тогда Марксова теория недостаточ-

Это, однако, опровергает марксистскую теорию как в историческом, так и в логическом аспекте. Поскольку большая часть методов первоначально накопления определяет и последующее накопление (первоначальное накопление как таковое продолжается в течение всей эры капитализма), то мы не можем утверждать, что Марксова теория общественных классов в полном порядке, если не считать тех трудностей, с которыми она сталкивается, когда речь идет об отдаленном прошлом. Но, видимо, нет смысла говорить об отдельных недостатках теории, которая даже в самых благоприятных случаях не доходит сколь-нибудь близко до сути тех явлений, которые стремится объяснить, и которую никогда не следовало принимать всерьез. Эти благоприятные случаи можно найти главным образом в тот период развития капитализма, который определялся преобладанием предприятий среднего размера, принадлежавших отдельным собственникам и управлявшимся ими. За пределами этого общественного слоя классовые позиции, хотя, как правило, они и отражались в более или менее соответствующем экономическом положении, скорее были причиной, чем следствием последнего: экономический успех, очевидно, не всегда является единственным путем к социальному возвышению, но только там, где это становится возможным, собственность на средства производства однозначно определяет позицию данной группы в общественной структуре. Но даже тогда считать собственность определяющим элементом столь же правомерно, как называть солдатом человека, которому удалось заполучить ружье. Жесткое деление, при

на, ибо в конечном счете успешное ограбление должно основываться на личном превосходстве грабителя. И как только мы это признали, сразу появляется совершенно иная теория социальной стратификации.

котором одни (вместе со своими наследниками) якобы навсегда остаются капиталистами, а другие (тоже вместе с их наследниками) навсегда остаются пролетариями, не только, как уже неоднократно указывалось, нереалистично: при этом упускается из виду решающий момент, касающийся формирования общественного класса, — непрерывное перемещение отдельных семей в верхние слои и одновременное непрерывное выпадение из них других семей. Факты, о которых я говорю, очевидны и неоспоримы. И если они не упоминаются в марксистской схеме, то причина всего лишь в том, что они противоречат марксистской теории общественных классов.

Нелишне, однако, рассмотреть, какую роль играет эта теория в рамках общей теоретической системы Маркса, задав себе вопрос об аналитических целях, которым она должна была служить, в отличие от использования ее в качестве части агитационного снаряжения.

С одной стороны, мы должны иметь в виду, что для Маркса теория общественных классов и экономическая интерпретация истории не были тем, чем они являются для нас, а именно двумя независимыми друг от друга доктринами. У Маркса первая связана со второй совершенно особым образом и поэтому ограничивает — делает более определенным — *modus operandi* условий или форм производства. Эти последние определяют социальную структуру, а через социальную структуру — все формы цивилизации и все развитие культурной и политической истории. Сама же социальная структура для всех несоциалистических эпох определялась им в терминах классов — тех двух классов, которые являются подлинными участниками драмы и в то же время *прямыми* порождениями логики развития капиталистической системы производства, которая через них воздействует и на все

остальное. Это объясняет, почему Маркс вынужден был определить свои классы как чисто экономический феномен, причем экономический в очень узком смысле слова. Тем самым он отрезал себе путь к более глубокому их анализу, но то место, на которое он поместил классы в своей аналитической схеме, не позволило ему сделать иного выбора. С другой стороны, Маркс хотел определить капитализм на основе тех же характерных черт, что и деление общества на классы.

Небольшое размышление должно убедить читателя, что подобная связь не является ни неизбежной, ни естественной. На деле это было смелым ходом в аналитической стратегии, который связал судьбу феномена классов с судьбой капитализма таким образом, что социализм, который в действительности не имеет ничего общего ни с наличием, ни с отсутствием общественных классов, становится по определению единственным видом бесклассового общества, за исключением первобытного племени. Эту бесхитростную тавтологию нельзя было бы столь же удачно сформулировать, если выбрать какие-либо иные определения классов и капитализма, а не те, что избрал Маркс, а именно определения, основывающиеся на частной собственности на средства производства. Из Марксовых определений следовало, что в обществе должны существовать только два класса — имущие и неимущие, а все прочие принципы классового деления, причем гораздо более важные, игнорировались, недооценивались либо сводились к данному.

Преувеличение Марксом определенности и значимости разделительной линии между характеризующим таким образом классом капиталистов и пролетариатом уступает по масштабам лишь его абсолютизации антагонизма между ними. Для любого ума, не извращенного привычкой перебирать марксистские четки, совершенно очевидно, что от-

ношения классов в обычное время характеризуются прежде всего сотрудничеством и что любая теория противоположного характера должна базироваться преимущественно на патологических случаях.

В общественной жизни антагонизм и сотрудничество встречаются всюду и фактически неразделимы, за исключением редчайших случаев. Но я почти убежден, что в старой теории гармонии интересов было гораздо меньше полных нелепостей (хотя и в ней их хватало), чем в Марксовой конструкции, предполагающей непреодолимую пропасть между собственниками орудий труда и теми, кто их применяет. Однако мы подчеркиваем еще раз: у него не было выбора не потому, что он стремился к революционным выводам, — последние могли быть получены с таким же успехом на основе дюжины других возможных схем, — а потому, что так требовал его собственный анализ. Если классовая борьба была решающим фактором исторического развития, а также способом приближения социалистического будущего и если предполагалось существование только этих двух классов, то их отношения обязаны быть антагонистическими в принципе, в противном случае его теория социальной динамики утратила бы свою силу.

Далее. Хотя Маркс определяет капитализм социологически, т. е. на основе института частного контроля над средствами производства, механику функционирования капиталистического общества он объясняет с помощью своей экономической теории. Эта экономическая теория призвана показать, как социологические категории *класс*, *классовый интерес*, *классовое поведение*, *обмен между классами* проявляются через посредство экономических категорий — стоимости, прибыли, заработной платы, инвестиций и т. п. — и как они порождают такой экономический процесс, который в конце концов разрушает собственную институциональную структуру

и в то же время создает условия для возникновения иного социального порядка. Эта особая теория общественных классов является тем аналитическим инструментом, который, соединяя экономическую интерпретацию истории с концепцией экономики, основанной на прибыли, определяет все общественные события, сводит воедино все явления. Следовательно, это не просто теория какого-то индивидуального явления, призванная объяснить именно это явление и больше ничего. Ее внутрисистемная функция в Марксовой системе в целом гораздо более важна, чем мера успеха, с которой она решает свою собственную задачу. Эту внутрисистемную функцию следует иметь в виду, если мы хотим понять, как исследователь такой силы, как Маркс, мог мириться с ее недостатками.

Всегда были и по-прежнему существуют энтузиасты, которые восхищались Марксовой теорией общественных классов как таковой. Но более понятны чувства тех, кто настолько восхищается силой и величием общей концепции, что готовы простить все недостатки ее составных частей. Мы постараемся дать свою оценку. Но сначала следует посмотреть, каким образом экономический механизм, описываемый Марксом, осуществляет ту задачу, которая возложена на него общей концепцией.

III. Маркс — экономист

Как экономист-теоретик Маркс был прежде всего очень эрудированным человеком. Может показаться странным, что я считаю необходимым подчеркнуть эту особенность автора, которого я называл гением и пророком. И тем не менее это важно отметить. Гении и пророки обычно не отличаются профессиональными познаниями и оригинальны, если они действительно оригинальны, зачастую

именно потому, что этих познаний у них нет. Однако в Марксовой экономической теории нет ничего, что говорило бы о каком-либо стремлении к учености как таковой или об упражнениях в технике теоретического анализа. Он был ненасытным читателем и неутомимым тружеником и оставил без внимания лишь немного из того, что имело значение. И что бы он ни читал, он усваивал прочитанное, бросаясь в схватку по поводу каждого факта или аргумента с пристрастием к отдельным частностям, совершенно необычным для человека, который способен был охватывать своим взглядом целые цивилизации и вековые тенденции. Критикуя и отвергая одно, признавая и обобщая другое, он всегда доходил до сути любого вопроса. Выдающимся доказательством этого является его работа «Теории прибавочной стоимости», являющаяся памятником теоретическому энтузиазму. Это непрерывное стремление к самообразованию, к овладению всем, чем только можно было овладеть, в какой-то мере способствовало освобождению его от предрассудков и вненаучных целей, хотя он, конечно, работал для того, чтобы подтвердить определенное видение реальности.

Для его могучего интеллекта интерес к проблеме как таковой имел первостепенное значение вопреки его собственному намерению, и как бы сильно не искажал он смысл своих конечных выводов, в процессе самой работы он занимался прежде всего оттачиванием инструментов анализа, предлагаемых современной ему наукой, решением логических трудностей и строительством на основе созданного таким образом фундамента теории, которая по своей природе и намерениям была подлинно научной, несмотря на все ее недостатки.

Легко понять, почему и друзья, и враги исказили смысл его достижений в чисто экономической области. Друзья считали его больше чем просто про-

фессиональным теоретиком, с их точки зрения было бы просто оскорблением придавать слишком большое значение этому аспекту его деятельности. Для противников же, возражавших против его позиций и теоретической аргументации, оказывалось почти невозможным признать, что в некоторых частях своей работы он, по сути, делал то же самое, что ценилось ими так высоко, когда исходило из других рук. Кроме того, холодный металл экономической теории на страницах Марксовых работ погружен в такой котел кипящих фраз, что приобрел температуру, ему несвойственную. Всякий лишь пожмет плечами по поводу предложения считать Маркса аналитиком в научном смысле, имея в виду, конечно, эти фразы, а не мысли, этот полный страсти язык, эти пылающие обвинения в «эксплуатации» и «обнищании» (*immiserization*) (вероятно, последнее — лучший перевод слова *Verelendung*, которое на немецком звучит не намного лучше, чем на английском такой монстр, как *immiserization*; на итальянский это переводится как *immiserimento*). Эти инвективы, как и многое другое, грубые выпады или вульгарные замечания вроде ссылки на леди Оркни* — все это существенные компоненты спектакля как для самого Маркса, так и для тех, кто верил или не верил ему. Это частично объясняет, почему многие упорно желают видеть в Марксовых теоремах нечто большее, чем в аналогичных концепциях его учителя, и даже нечто совершенно противоположное им. Однако все это не влияет на природу его анализа.

Значит, у Маркса есть учитель? Да. Настоящее понимание его экономической теории начинается с признания того, что как теоретик он был учени-

* Подруга Вильгельма III (1650–1702), короля, который, будучи столь непопулярным в свое время, стал в тот период идиолом английской буржуазии.

ком Рикардо. Он был его учеником не только в том смысле, что его аргументы явно берут свое начало от рикардианских предпосылок, но и в гораздо более существенном смысле: у Рикардо он научился искусству теоретизирования. Он всегда пользовался рикардианским инструментарием, а каждая теоретическая проблема выступала у него либо в форме трудностей, с которыми он столкнулся при глубоком изучении работ Рикардо, либо в виде тех требующих дальнейшей разработки положений, которые он оттуда тщательно отбирал. Многое из этого признавал сам Маркс, хотя, конечно, он не согласился бы с тем, что его отношение к Рикардо было типичным отношением ученика, который ходит к своему профессору, слушает, как тот повторяет одни и те же сентенции об избыточности населения, о населении, которое избыточно, и вновь о машинах, которые делают население избыточным, а затем идет домой и старается усвоить все это. То, что обе стороны в споре о Марксе не склонны были признавать это, вполне объяснимо.

Рикардо не единственный, кто повлиял на экономическую теорию Маркса, но в настоящем очерке упоминания заслуживает лишь Кенэ, у которого Маркс взял свою фундаментальную концепцию экономического процесса в целом. Группа английских экономистов, пытавшихся в 1800–1840 годы развить теорию стоимости, возможно, повлияла на некоторые положения и частности, но это влияние охватывается в данном случае ссылкой на рикардианское направление в экономической мысли. Враждебность Маркса к некоторым авторам, работы которых во многих отношениях параллельны его собственной (Сисмонди, Родбертус, Джон Стюарт Милль), обратно пропорциональную расстоянию между их теориями и его собственной, принимать в расчет не следует, как и все, что прямо не относилось к главной линии его аргументации,

как, например, крайне слабую область денежной теории, в которой ему не удалось подняться даже до рикардианского уровня.

Теперь обратимся к чрезвычайно краткому изложению Марксовой экономической теории, которое неизбежно будет во многих отношениях несправедливым по отношению к структуре «Капитала», пусть где-то незаконченного, а где-то потрепанного успешными атаками противников, все еще сохраняющего свои могучие очертания.

1. Маркс начинает с обычной для теоретиков своего времени, как и более ранних периодов, попытке сделать теорию стоимости* краеугольным камнем всей теоретической структуры. Его теория стоимости рикардианская. Я знаю, что такой выдающийся авторитет, как профессор Тауссиг, не согласен с этим и всегда подчеркивал различия этих теорий. Да, есть масса различий в словах, в методах дедукции и социологических выводах, но никаких различий в самой теореме, которая одна только и имеет значение для современного теоретика, не существует**.

* При переводе этой главы, посвященной Марксовой экономической теории, мы сочли необходимым употреблять термин «стоимость» в соответствии с традицией русских переводов работ Маркса, а не «ценность», несмотря на то, что последний лучше передает смысл английского слова *value* и немецкого *Wert*. — *Прим. ред.*

** Остается, однако, открытым вопрос, только ли это имело значение для самого Маркса. Он был во власти того же заблуждения, что и Аристотель, а именно, что стоимость, хотя и является фактором, определяющим относительные цены, в то же время есть нечто, отличное от них, она существует независимо от относительных цен или меновых отношений. Положение, согласно которому стоимость товара *есть* количество труда, воплощенного в нем, вряд ли означает что-либо другое. Но если это так, то между Рикардо и Марксом различия есть, поскольку

И Рикардо, и Маркс утверждают, что стоимость каждого товара (в условиях совершенного равновесия и совершенной конкуренции) пропорциональна количеству труда, содержащегося в этом товаре, при условии, что этот труд соответствует существующим стандартам эффективности производства («общественно необходимому количеству труда»). Оба измеряют это количество часами труда и используют тот же метод сведения различных свойств труда к единому стандарту. Оба одинаково относятся к фундаментальным трудностям, внутренне присущим этому подходу (т. е. Маркс относится к ним так, как он усвоил это у Рикардо). Ни один из них не сказал ничего толкового относительно монополии или того, что мы называем сегодня несовершенной конкуренцией. Оба отвечают на критику одинаковыми аргументами. Только Марксовы аргументы менее вежливы, более многословны и более «философичны» в самом худшем смысле этого слова.

Все знают, что эта теория стоимости неудовлетворительна. Однако в бесчисленных дискуссиях

ку стоимость у Рикардо — это просто меновые стоимости или относительные цены. Об этом стоит упомянуть, поскольку, если мы примем эту концепцию стоимости, многое в теории Маркса, кажущееся нам неприемлемым или даже бессмысленным, перестает быть таковым. Но, конечно, мы не можем сделать это. Ситуация не улучшится и в том случае, если, следуя некоторым марксологам, мы согласимся с точкой зрения, согласно которой независимо от того, существует отличная от меновой стоимости «субстанция» или нет, Марксовы стоимости, определяемые количеством труда, предназначены лишь для того, чтобы служить инструментом для разделения совокупного общественного дохода на трудовой доход и доход на капитал (при том что теория индивидуальных относительных цен имеет второстепенное значение). Потому что, как мы увидим, теория стоимости Маркса не справляется и с этой задачей (при условии, что мы можем отделить эту задачу от проблемы индивидуальных цен).

на эту тему правда вовсе не всегда принадлежит одной стороне, и оппоненты трудовой теории высказали немало ошибочных аргументов. Коренной вопрос состоит вовсе не в том, является ли труд истинным источником или причиной экономической стоимости. Этот вопрос может быть предметом первостепенной важности для социального философа, который стремится вывести из него этическое притязание на продукт, и сам Маркс, конечно, не был безразличным к этому аспекту проблемы. Для экономической же теории как позитивной науки, которая призвана описать или объяснить фактический процесс, гораздо важнее ответить на вопрос, как трудовая теория стоимости выполняет свою функцию инструмента анализа и каковы те реальные причины, в силу которых она выполняет ее столь плохо.

Начнем с того, что она вовсе не работает вне условий совершенной конкуренции. Во-вторых, даже в условиях совершенной конкуренции она никогда не работает *гладко*, за исключением того случая, когда труд является единственным фактором производства и притом весь труд выступает как труд одного вида*. Если любое из этих условий

* Необходимость второй предпосылки является особенно губительной для трудовой теории стоимости. Она способна справиться с различиями качества труда, обусловленными обучением (приобретенной квалификацией): соответствующее количество труда, которое затрачивается на обучение, следует добавить к каждому часу квалифицированного труда; так что мы можем, не нарушая принципов, считать час труда, совершаемого квалифицированным рабочим, равным часу неквалифицированного труда, умноженному на определенный коэффициент. Однако этот метод не срабатывает в случае «естественных» различий в качестве, обусловленных различиями в умственных способностях, силе воли, физической силе или ловкости. В этом случае необходимо учесть различия в стоимости часов, отработанных рабочими, кото-

не выполняется, приходится вводить дополнительные предпосылки; при этом аналитические трудности возрастают в такой степени, что вскоре становятся неуправляемыми. Следовательно, аргументация, основанная на трудовой теории стоимости, является объяснением очень специального случая, не имеющего практического значения, хотя кое-что можно сказать и в ее пользу, если интерпретировать ее в смысле аппроксимации к историческим тенденциям в движении относительных стоимостей. Теория, которая пришла ей на смену, в ее самой ранней и ныне уже устаревшей форме, известная как теория предельной полезности, может претендовать на превосходство по разным причинам. Но реальным аргументом в ее пользу является то, что она носит более общий характер. С одной стороны, она равным образом применима к условиям монополии и совершенной конкуренции, а с другой — к наличию других производственных факторов помимо труда, а также к труду разных видов и различного качества. Более того, если мы введем в эту теорию упомянутые выше ограничения,

рые обладают разной работоспособностью в силу своих естественных особенностей, но это явление не может быть объяснено в соответствии с принципом трудовых затрат. Фактически Рикардо поступает следующим образом: он просто говорит, что эти качественные различия каким-то образом воплотятся в правильные соотношения благодаря игре рыночных сил, так что мы можем в конце концов сказать, что час труда работника А равен умноженному на определенный коэффициент часу труда работника В. Однако он полностью упускает из вида, что, следуя этой логике доказательства, он апеллирует к иному принципу оценки стоимости и фактически отказывается от принципа трудовых затрат, который таким образом с самого начала оказывается несостоятельным в рамках своих собственных предпосылок, прежде чем он потерпит неудачу из-за наличия иных факторов, не относящихся к труду.

то из нее будет вытекать пропорциональность между стоимостью и количеством затраченного труда*. Отсюда должно быть ясно, что со стороны марксистов совершенно абсурдно ставить под сомнение противостоящую им теорию предельной полезности, что они пытались делать вначале. Столь же некорректно называть трудовую теорию стоимости неправильной. В любом случае она умерла и похоронена.

2. Хотя ни Рикардо, ни Маркс, по всей видимости, до конца не осознавали всех слабостей положения, в которое они ставили себя этими исходными посылками, некоторые трудности они понимали достаточно четко. В частности, оба они пытались справиться с проблемой устранения такого элемента, как услуги естественных агентов производства, которые, конечно же, не находят своего места в процессе производства и распределения, описываемого теорией стоимости, базирующейся только на количестве затраченного труда. Знакомая нам рикардианская теория земельной ренты, по существу, является попыткой подобного устранения, то же самое пытается осуществить и теория Марк-

* Фактически из теории предельной полезности вытекает следующее: для существования равновесия каждый фактор должен быть так распределен между различными, открытыми для него видами производства, чтобы последняя единица этого фактора, где бы она ни использовалась для производственных целей, производила ту же величину стоимости, что и последняя единица, используемая в каждом из любых других видов производства. Если не существует других производственных факторов, кроме труда одного вида и качества, то из этого с очевидностью следует, что относительные стоимости или цены всех товаров должны быть пропорциональны количеству человеко-часов, содержащихся в них, при условии существования совершенной конкуренции и мобильности.

са. Как только мы обретаем аналитический аппарат, позволяющий рассматривать ренту так же естественно, как и оплату труда, все затруднения исчезают. После этого ничего уже более не нужно говорить о внутренних достоинствах или недостатках Марксовой доктрины абсолютной ренты в отличие от дифференциальной или о ее соотношении с подобной доктриной Родбертуса.

Но даже если мы оставим это без внимания, у нас все еще остаются трудности, связанные с наличием капитала в смысле запаса средств производства, производимых самими средствами производства. Для Рикардо здесь все очень просто; в знаменитой IV части первой главы своих «Начал» он без всяких объяснений вводит и принимает следующий факт: там, где капитальные блага, такие как производственные постройки, оборудование и сырье, используются для производства товаров, эти товары продаются по ценам, которые будут приносить чистый доход собственникам средств производства. Он понимал, что это явление каким-то образом связано с периодом времени, который протекает от инвестирования до появления готового к продаже продукта, и оно-то и будет вызывать отклонения фактических стоимостей от тех, которые были бы пропорциональны количеству «содержащихся» в них рабочих часов, включая человеко-часы, затраченные на производство самих капитальных товаров, в том случае, когда эти периоды в разных отраслях различны. На это явление он указывает так спокойно, как будто оно следует из его фундаментальной теории стоимости, а не противоречит ей, и дальше этого не идет, ограничиваясь рядом второстепенных проблем и, очевидно, полагая, что его теория по-прежнему описывает базисные детерминанты стоимости.

Маркс также ввел, признал и рассмотрел самое явление, нигде не подвергая сомнению его суще-

ствование. Он сознавал также, что это явление, по всей видимости, противоречит трудовой теории стоимости. Однако он считал рикардовский подход к решению этой проблемы неприемлемым и, признавая ее в том виде, как ее сформулировал Рикардо, всерьез ринулся в бой против его решения, посвятив этому примерно столько же сотен страниц, сколько предложений затратил Рикардо на свои доказательства.

3. В процессе этой критики он не только обнаружил более глубокое понимание характера проблемы, но и усовершенствовал унаследованный им концептуальный аппарат. К примеру, Маркс заметил введенное Рикардо различие между основным и оборотным капиталом, различие между постоянным и переменным (заработная плата) капиталом, а его рудиментарное понятие длительности процесса производства гораздо более строгой концепцией «органического строения капитала», которая основывается на соотношении постоянного и переменного капитала. Он внес также целый ряд других усовершенствований в теорию капитала. Однако мы ограничимся здесь его объяснением чистого дохода на капитал, его теорией эксплуатации.

Трудящиеся массы далеко не всегда чувствуют себя угнетенными и эксплуатируемыми. Однако интеллектуалы, формулирующие для них свои концепции, всегда убеждали их в этом, никогда не уточняя, что при этом имеется в виду. И Марксу не удалось бы избежать этой фразеологии, даже если он хотел этого. Его заслугой и достижением было то, что он понимал слабость различных аргументов, с помощью которых духовные наставники трудящихся масс до него пытались показать, как возникает эксплуатация, и которые по сей день поставляют этот товар для среднего радикала. Ни одно из стан-

дартных объяснений, ссылающихся либо на силу той или иной стороны в переговорах между капиталистами и рабочими, либо просто на обман, его не удовлетворяло. Он как раз и хотел доказать, что эксплуатация возникает не из индивидуальных ситуаций, случайно или неожиданно, что она есть результат самой логики капиталистической системы, неизбежный и не зависящий от индивидуальных намерений.

Вот как он это делает. Ум, мускулы и нервы рабочего образуют как таковые фонд или запас потенциального труда (*Arbeitskraft* — термин, не всегда правильно переводимый как рабочая сила). Этот фонд или запас Маркс рассматривает в виде некоей субстанции определенного количества, которая в капиталистическом обществе является таким же товаром, как и все прочие. Мы можем пояснить для себя эту мысль, рассмотрев ситуацию в условиях рабства. Марксова идея состоит в том, что существенного отличия, за исключением некоторых частных случаев, между трудовым контрактом, определяющим заработную плату, покупкой раба нет, хотя то, что покупает наниматель «свободного» труда, в действительности не сам трудящийся, как это было в условиях рабства, а определенная часть общей суммы потенциального труда.

Далее, поскольку труд в этом смысле (не услуги труда и не фактические затраты человеко-часов) является товаром, к нему должен быть применен и закон стоимости. То есть в условиях равновесия и совершенной конкуренции он должен обеспечить пропорциональность зарплаты количеству рабочих *часов*, затраченных на его «производство». Какое же количество рабочих *часов* затрачивается на «производство» запаса потенциального труда, накапливаемого под кожей рабочего человека? Такое количество рабочих *часов*, которое необходимо для того, чтобы вырастить, накормить, одеть рабо-

чего и обеспечить его жилищем*. Они-то и определяют стоимость этого запаса, и если он продает часть его, выраженную в днях или неделях, он получает зарплату, соответствующую трудовой стоимости этой части, так же как работорговец, продавая раба, в условиях равновесия получает цену, пропорциональную общему количеству этих трудовых часов. Следует заметить еще раз, что Маркс, таким образом, дистанцируется от всех тех популярных лозунгов, которые в той или иной форме утверждают, что капиталистический рынок грабит или обманывает рабочего или благодаря его достойной сожаления слабости вынуждает принимать любые навязываемые ему условия. Действительность не так проста: на самом деле он получает полную стоимость своего трудового потенциала.

Однако как только «капиталисты» заполучили этот запас потенциальных услуг, они в состоянии заставить рабочего гораздо дольше оказывать большее количество фактических услуг, чем нужно для создания этого потенциального запаса. В этом смысле они в состоянии извлечь больше фактических часов труда, чем ими оплачено. Поскольку созданная продукция также продается по ценам, пропорциональным затраченному на нее количеству человеко-часов, то появляется разница между двумя стоимостями, возникающая просто-напросто как следствие *modus operandi* Марковского закона стоимости, которая неизбежно благодаря действию механизма капиталистических рынков поступает капиталистам. Это и есть прибавочная стоимость

* Это различие между рабочей силой и трудом С. Бэйли (*Bailey S. A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value. 1825*) заранее объявил абсурдным, что не преминул отметить сам Маркс (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23*).

(Mehrwert)*. Присваивая ее, капиталист «эксплуатирует» труд, хотя он платит рабочим не меньше полной стоимости их трудового потенциала и получает от потребителей не больше, чем полную стоимость продаваемых продуктов. И вновь следует отметить, что Маркс не обращается к таким фактам, как нечестные цены, ограничение производства или обман на рынках товаров. Конечно, он не намеревался отрицать существование подобной практики, однако видел истинное значение этих явлений и никогда не основывал на них фундаментальных выводов.

Между прочим, эта теория дает нам восхитительный урок: какое бы специальное значение ни приобрел в итоге термин «эксплуатация», каким бы далеким ни был он от обычного словоупотребления, каким бы сомнительным ни было его выведение из требований естественного права и философии учителей и писателей эпохи Просвещения, в конце концов он был включен в круг научных аргументов и в этом качестве служит опорой ученикам, ведущим борьбу за дело своих учителей.

Что касается достоинств этой научной аргументации, то мы должны тщательно различать два ее аспекта, один из которых упорно игнорировался критиками. На уровне обычной теории стационарного экономического процесса легко показать, что теория прибавочной стоимости несостоятельна, если исходить из собственных Марксовых предпосылок. Трудовую теорию стоимости, даже если допустить, что она имеет силу для любого другого товара, ни в коей мере нельзя применить к товару по имени труд, поскольку это бы означало, что рабочие,

* Норма прибавочной стоимости (степень эксплуатации) определяется как отношение между прибавочной стоимостью и переменным капиталом (затрачиваемым на заработную плату).

подобно машинам, производятся в соответствии с рациональным расчетом издержек. Поскольку это не так, нет никаких оснований полагать, что стоимость рабочей силы будет пропорциональна количеству человеко-часов, затраченных на ее «производство». Логически Маркс должен был бы улучшить свою позицию, приняв «железный закон заработной платы» Лассаля или просто рассуждая в духе Мальтуса, как это делал Рикардо. Но поскольку он весьма мудро отказался поступить таким образом, его теория эксплуатации с самого начала теряет одну из своих существенных опор*.

Более того, можно показать, что равновесие, характеризующееся совершенной конкуренцией, не может существовать в условиях, когда наниматели-капиталисты получают прибыль от эксплуатации. Потому что в этом случае каждый из них будет стремиться расширить производство и всеобщим результатом этого будет неизбежная тенденция к увеличению зарплаты и к сокращению их доходов до нуля. Без сомнения, ситуацию можно было бы как-то поправить, обратившись к теории несовершенной конкуренции, вводя «трения» и институциональные ограничения, препятствующие свободной конкуренции, подчеркивая всевозможные помехи в сфере денег, кредита и т.д. Однако таким способом можно было бы объяснить лишь частный случай, что для Маркса было абсолютно неприемлемо.

Но есть и другой аспект проблемы. Стоит только взглянуть на ту цель, которую поставил перед собой Маркс, чтобы понять, что ему вовсе не следовало принимать бой там, где его легко могли разбить. Все так просто только до той поры, пока мы видим в теории прибавочной стоимости лишь

* Ниже мы увидим, чем Маркс пытается заменить эту опору.

концепцию, связанную со стационарными экономическими процессами в условиях совершенного равновесия. Поскольку же желаемым объектом его анализа было не состояние равновесия, которого, как он считал, капиталистическое общество никогда не в состоянии достигнуть, а, наоборот, процесс непрерывного изменения экономической структуры, то вышеприведенные критические аргументы не являются в полной мере решающими. Прибавочная стоимость не может существовать в условиях совершенного равновесия, но она может возникать, если установление такого равновесия не допускается. Она всегда *имеет тенденцию* к исчезновению и в то же время всегда наличествует, поскольку вновь и вновь возникает. Подобного рода защитный аргумент не спасает трудовую теорию стоимости, особенно в применении к самому труду как товару, не спасает он и теорию эксплуатации в ее обычной формулировке. Но он позволяет дать более приемлемую интерпретацию самого результата, хотя удовлетворительная теория этих излишков вовсе избавляет их от специфически марксистского толкования. Этот аспект особенно важен. Он по-новому освещает другие элементы аппарата экономического анализа Маркса и помогает объяснить, почему этот аппарат не был столь сильно разрушен той успешной критикой, которая была направлена против самых основ его теории.

4. Если же мы будем продолжать наше обсуждение на том уровне, на котором обычно ведутся дискуссии вокруг Марксовой доктрины, то трудности будут все более возрастать, и нам станут понятнее проблемы верных сторонников Маркса, старающихся следовать по пути своего учителя. Начнем с того, что доктрина прибавочной стоимости не облегчает решение упомянутых выше проблем, порожденных расхождением между трудовой тео-

рией стоимости и обычными фактами экономической реальности. Напротив, она затрудняет его, поскольку согласно этой теории постоянный капитал, т. е. капитал, не воплощенный в заработной плате, переносит в продукт не больше стоимости, чем теряет ее в процессе производства; больше переносит только тот капитал, который воплощен в заработной плате, и, следовательно, полученная прибыль должна колебаться в той мере, в какой это касается фирм, в соответствии с органическим строением капитала. Маркс полагает, что перераспределение общей «массы» прибавочной стоимости таким образом, чтобы каждая фирма получила прибыль, пропорциональную ее общему капиталу, или чтобы индивидуальные нормы прибыли были равны, осуществляется с помощью конкуренции между капиталистами. Мы легко увидим, что эта трудность принадлежит к классу надуманных проблем, которые всегда возникают при попытках создать недостаточно обоснованную теорию*, а ее предлагаемое решение — к числу решений, продиктованных отчаянием. Маркс, однако, не только полагал, что его решение способно объяснить установление единой нормы прибыли и тот факт, что относительные цены товаров отклоняются от их стоимостей,

* В ней существует, однако, один элемент, который не является неверным и понимание которого, каким бы туманным оно ни было, следует отнести к заслугам Маркса. Вопреки мнению почти всех сегодняшних экономистов, тезис, согласно которому произведенные средства производства приносят доход в условиях совершенно стационарной экономики, не является бесспорным. То, что на практике это, как правило, действительно происходит, может объясняться тем фактом, что экономика никогда не бывает стационарной. Марксова теория чистого дохода на капитал могла бы быть истолкована как косвенный способ признания этого.

выраженных в трудовых затратах*. Он считал, что его теория дает объяснение и другому «закону», который занимал важное место в классической доктрине, а именно — положению о том, что норма прибыли имеет закономерную тенденцию к понижению. Это логично следует из увеличения относительного значения постоянной части совокупного капитала (т. е. зданий и оборудования) в отраслях, производящих те товары, на которые расходуется зарплата: если оно действительно возрастает, как

* Решение этой проблемы он дал в рукописях, из которых его друг Энгельс собрал посмертный, третий, том «Капитала». Следовательно, перед нами нет того, что Маркс, по всей вероятности, в конечном счете хотел сказать. Благодаря этому большинство критиков не испытывало колебаний, обвиняя его в том, что третий том явно противоречит доктрине, изложенной в первом. На самом деле этот приговор несправедлив. Если мы поставим себя на место Маркса, в чем и состоит наш долг при анализе подобного вопроса, то нет ничего абсурдного в том, чтобы рассматривать прибавочную стоимость как «массу», производимую общественным процессом производства в его единстве, а все остальное как процесс распределения этой массы. И если это не является абсурдным, то вполне можно утверждать, что относительные цены товаров, как они выводятся в третьем томе, вытекают из трудовой теории, изложенной в первом. Следовательно, неверно утверждать, как это делают некоторые авторы от Лексиса до Коула, что Марксова теория стоимости полностью оторвана от его теории цен и ничего в нее не вносит. Однако Маркс, будучи оправдан в этом пункте, мало что выигрывает от этого. Остаются еще достаточно серьезные обвинения. Наилучшим вкладом в анализ всей проблемы соотношения стоимостей и цен в Марксовой системе, причем автор ссылается и на более успешные, хотя и не столь захватывающие примеры решения этой контроверзы, является труд Л. фон Борткевича «Определение стоимостей и цен в Марксовой системе» (*Bortkiewicz L. von. Wert rechnung und Preisrechnung in Marxschen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907*).

это и происходит в ходе капиталистической эволюции, а норма прибавочной стоимости или степень эксплуатации остается прежней, тогда норма дохода на совокупный капитал будет в целом понижаться. Этот аргумент вызвал неимоверное восхищение, и, возможно, сам Маркс относился к нему с тем чувством удовлетворения, которое мы испытываем, когда оказывается, что наша теория объясняет явление, которое не учитывалось при ее создании.

Было бы интересно обсудить это особо, независимо от тех ошибок, которые Маркс делает при выведении этого закона. Но нам не стоит задерживаться на этом, поскольку, чтобы опровергнуть этот аргумент, достаточно взглянуть на его предпосылки. Однако сходное, хотя и не идентичное, утверждение характеризует одну из важнейших «движущих сил» в Марксовой теории общественной динамики и одновременно связывает теорию эксплуатации и другую часть Марксовой аналитической системы, обычно именуемую теорией накопления.

Основную часть несправедливых доходов, выжатых из эксплуатируемого труда (по мнению некоторых последователей, все доходы), капиталисты превращают в капитал, в средства производства. Если отбросить ассоциации, которые навязываются Марксовой терминологией, речь, конечно, идет всего лишь об очень знакомом явлении, описываемом обычно в терминах сбережений и инвестиций. Для Маркса же этого простого факта было недостаточно: если капиталистический процесс призван был разворачиваться с неумолимой последовательностью, то этот факт должен был стать частью этой последовательности, а это практически означало, что он должен был стать необходимостью. И совсем недостаточно было допустить, чтобы эта необходимость выростала из социальной психологии капиталистического класса, например, как у Макса Вебера, который выбрал пуританскую жизненную

позицию, а воздержание от растраты прибылей на жизненные удовольствия, по всей видимости, отлично вписывается в нее причиной капиталистического поведения. Маркс никогда не отвергал той поддержки, которую мог извлечь из такого рода аргументов*. Однако для его системы нужно было нечто более существенное, что принуждало бы капиталистов накапливать независимо от того, что они по этому поводу чувствуют и что было бы достаточно могущественным, чтобы определять самую их психологию. И он находит эту причину.

Рассматривая далее природу этого принуждения к накоплению, я в целях удобства соглашусь с одним пунктом Марксова учения: как и он, я буду исходить из того, что сбережение, осуществляемое классом капиталистов, *ipso facto*, означает соответствующее увеличение реального капитала**. Подобное всегда происходит в первую очередь с переменной частью совокупного капитала, воплощаемого в заработной плате, даже если целью при этом является

* К примеру, он превосходит самого себя в разглагольствовании на эту тему, заходя, на мой взгляд, гораздо дальше, чем это позволительно автору экономической интерпретации истории. Для класса капиталистов накопление может быть «Моисеем и всеми пророками» (!), а может и не быть, в свою очередь, подобные пассажи способны поражать нас своей нелепостью, а могут и не поражать, но что касается Маркса, то аргументы такого типа и выраженные в таком стиле свидетельствуют об определенной их слабости, которую следовало бы скрывать (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 608).

** Для Маркса сбережение или накопление идентично превращению «прибавочной стоимости в капитал». Это положение я не собираюсь оспаривать, хотя индивидуальное стремление к сбережению совсем не обязательно автоматически увеличивает реальный капитал. Марксова позиция представляется мне настолько более близкой к истине, чем противоположная точка зрения, отстаиваемая многими моими современниками, что я не думаю, что здесь стоит подвергать ее сомнению.

прирост постоянной части, особенно той части, воплощенной главным образом в оборудовании, которую Рикардо называл основным капиталом. Обсуждая Марксову теорию эксплуатации, я указывал, что в условиях совершенной конкуренции доходы от эксплуатации будут побуждать капиталистов расширять или хотя бы пытаться расширять производство, поскольку, с точки зрения каждого из них, это будет означать увеличение прибыли.

Чтобы осуществить это, им надо накапливать. При этом массовым результатом такого расширения станет тенденция к снижению прибавочной стоимости вследствие растущей заработной платы, а также, возможно, в результате одновременного падения цен на продукцию, что является прекрасным примером внутренне присущих капитализму противоречий, столь любезных сердцу Маркса. Эта тенденция сама по себе, в том числе и для индивидуального капиталиста, образует другую причину, которая принуждает его накапливать*, хотя в конечном счете положение всего класса капиталистов в целом еще более ухудшается. Возникает своего рода принуждение к накоплению даже в условиях стационарного в иных отношениях процесса, который, как я говорил выше, не может достичь устойчивого равновесия до тех пор, пока прибавочная стоимость не сократится до нуля, вследствие чего разрушится сам капитализм**.

* Вообще, конечно, из малого дохода сберегаться будет меньше, чем из большого. Но из любой данной величины дохода будет сберегаться больше тогда, когда не ожидается, что его уровень удержится надолго, или предполагается его снижение, нежели в том случае, если известно, что этот доход будет по крайней мере устойчиво держаться на данном уровне.

** До некоторой степени Маркс признает это. Однако он полагает, что если зарплата растет и тем самым нарушает процесс накопления, темпы последнего будут сни-

Однако гораздо более важным и значительно более убедительным является совсем другое. На самом деле капиталистическая экономика, разумеется, не является и не может быть стационарной, и растет она вовсе не устойчивыми темпами. Она непрерывно революционизируется *изнутри* благодаря новому предпринимательству, т. е. благодаря внедрению в существующую на каждый данный момент времени промышленную структуру новых товаров, новых методов производства или новых коммерческих возможностей. Любые существующие структуры, как и все условия функционирования бизнеса, находятся в непрерывном процессе изменения. Любая сложившаяся ситуация подрывается, прежде чем проходит время, достаточное, чтобы она исчерпала себя. Экономический прогресс в капиталистическом обществе означает беспорядок. И, как мы увидим в следующем разделе, в этом беспорядке конкуренция действует абсолютно иным образом, нежели в условиях стационарного процесса, даже если последний характеризу-

жаться, «потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли». Следовательно, «механизм капиталистического процесса производства сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создает» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 633). Итак, эта тенденция механизма капиталистического производства к достижению равновесия отнюдь не бесспорна, и любое суждение о ней требует по меньшей мере тщательных уточнений. Но вот что интересно: мы посчитали бы подобное утверждение самым что ни на есть немарксистским, если бы наткнулись на него в работе какого-либо другого экономиста. В той мере, в какой оно выдерживает критику, оно чрезвычайно ослабляет главное направление Марксовой аргументации. В этом пункте, как и во многих других, Маркс обнаруживает, в какой поразительной степени сохранил он на себе оковы современной ему буржуазной экономической теории, от которых, по его представлениям, он избавился.

ется совершенной конкуренцией. Возможности получения доходов благодаря производству новых предметов или тех же предметов, но более дешевым способом непрерывно материализуются и требуют новых инвестиций. Эти новые продукты и новые методы конкурируют со старыми продуктами и методами не на равных условиях; первые имеют решающие преимущества, означающие возможную смерть для вторых. Так осуществляется «прогресс» в капиталистическом обществе. Чтобы не оказаться с непроданной продукцией, *каждая* фирма в конце концов вынуждена следовать этому образцу — в свою очередь инвестировать, и чтобы быть в состоянии делать это, вкладывать в производство часть своих прибылей, т. е. накапливать*. В итоге накаплиют все.

Итак, Маркс видел этот процесс индустриальных изменений более ясно, чем любой другой экономист его времени. Еще более полно осознавал он его основополагающее значение. Но это не означает, что он правильно понимал его природу и верно анализировал его механизм. У него этот механизм проявлялся только лишь в механике движения масс капитала. У него не было адекватной теории предпринимательства, а неспособность отличить предпринимателя от капиталиста вместе с ошибочной теоретической методологией является источником многих ошибок и *non sequitur*. Но само по себе ви-

* Это, конечно, не единственный способ финансирования технологических улучшений. Но только он рассматривается Марксом. Поскольку на самом деле он очень важен, мы можем следовать здесь за Марксом, хотя другие методы, в особенности займы в банках, т. е. создание депозитов, вызывают самостоятельные последствия, введение которых в исследование будет действительно необходимым, для того чтобы нарисовать верную картину капиталистического процесса.

дение процесса было достаточным для достижения ряда целей.

Non sequitur перестает быть убийственным недостатком, если то, что не вытекает из Марксовой аргументации, может быть обосновано с помощью других предпосылок. Даже явные ошибки и недоразумения часто устраняются благодаря истинности общего направления аргументации, по ходу которой они возникают, в частности, их можно свести на нет на следующих этапах анализа, которые, с точки зрения критика, не способного понять эту парадоксальную ситуацию, видимо, заранее осуждены без права на апелляцию.

Ранее мы уже приводили подобный пример. Взятая сама по себе, Марксова теория прибавочной стоимости не выдерживает критики. Но поскольку капиталистический процесс вызывает повторяющиеся волны временных избыточных доходов над издержками, доходов, которые с точки зрения других теорий, придерживающихся совсем не марксовой методологии, являются абсолютно правомерными, то оказывается, что следующий шаг в анализе Маркса, посвященный накоплению, не обесценивается полностью его предыдущими ошибками. Равным образом не дает сам Маркс удовлетворительного объяснения неизбежности накопления, которая столь существенна для его аргументации. Однако большого вреда из недостатков его объяснения не проистекает, поскольку мы можем сами, как это было показано выше, предложить более удовлетворительный вариант, в котором среди прочего процесс снижения нормы прибыли попадает на подобающее ему место. Совокупной норме прибыли на весь промышленный капитал в долгосрочном плане нет необходимости падать ни от того, что постоянный капитал растет по отношению к переменному, как считал

Маркс*, ни по какой-либо другой причине. Достаточно того, как мы видели выше, что прибыли каждого индивидуального предприятия непрерывно угрожает реальная или потенциальная конкуренция со стороны новых товаров или методов производства, которые рано или поздно превратят ее в убыток. Так мы получаем требуемую движущую силу и даже нечто сходное с тем утверждением Маркса, согласно которому постоянный капитал не создает прибавочной стоимости, поскольку никакое конкретное скопление капитальных товаров никогда не является источником дополнительных доходов. При этом нам не надо опираться на сомнительную часть его аргументации.

Другой пример дает следующее звено в цепи Марксовой аргументации, его теория concentra-

* Согласно Марксу, прибыли, конечно же, могут снижаться и по другой причине, а именно — вследствие падения нормы прибавочной стоимости. Это может происходить либо вследствие увеличения ставок заработной платы, либо вследствие сокращения, например, благодаря законодательству о продолжительности рабочего дня. Можно доказать, даже исходя из Марксовой теории, что это будет побуждать «капиталистов» заменять труд трудосберегающими капитальными благами и, следовательно, также временно увеличивать инвестиции независимо от воздействия со стороны новых товаров и технического прогресса. Однако в эти проблемы мы не можем вникать. Отметим лишь такой любопытный момент. В 1837 г. Нассау У. Сениор опубликовал памфлет под названием «Письма о фабричном законодательстве», в котором он попытался доказать, что предлагаемое сокращение продолжительности рабочего дня приведет к уничтожению прибыли в текстильной промышленности. В «Капитале» (Т. I. Гл. VII. 3) Маркс превосходит самого себя в яростных обвинениях, направленных против подобной трактовки последствий этого законодательства. Аргументация Сениора на самом деле весьма нелепа. Но Марксу не следовало бы так ожесточенно с ней сражаться, поскольку она совершенно в духе его собственной теории эксплуатации.

ции, т. е. его рассмотрение тенденции капиталистического процесса производства одновременно к увеличению размеров промышленных предприятий и формированию центров контроля. Все, что он в состоянии предложить в качестве объяснения*, если очистить его от всевозможных фигуральных выражений, сводится к малоинтересным утверждениям о том, что «конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров», которое «зависит *ceteris paribus* от производительности труда»; что последняя определяется масштабами производства и что «мелкие капиталы побиваются более крупными»**. Почти то же самое сообщают по этому вопросу нынешние учебники, и это само по себе не является ни глубоким по содержанию, ни заслуживающим восхищения. Этого недостаточно особенно потому, что Маркс делает в своем исследовании исключительный акцент на размере индивидуальных «капиталов». Что же касается описания последствий, Маркс оказывается скованным своей собственной техникой анализа, которая не позволяет эффективно анализировать ни монополию, ни олигополию.

И все же восхищение этой теорией столь большого числа экономистов, не принадлежащих к его последователям, вполне оправданно. По одной только причине: предсказать пришествие крупного бизнеса, учитывая времена, в которые писал Маркс, было само по себе научным достижением. Но он сделал больше этого. Он искусно связал концентрацию с процессом накопления; точнее, концентрацию он рассматривал как часть накопления,

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 398–406.

** Этот вывод, часто определяемый как теория экспроприации, является у Маркса единственной чисто экономической основой той борьбы, посредством которой капиталисты уничтожают друг друга.

и не только как часть процесса, идущего в реальной действительности, но и как его логику. Многие последствия, пусть в односторонней или искаженной интерпретации, он уловил верно; например, то, что «растущий размер индивидуальных капиталов становится материальной основой непрерывной революции в самом способе производства», и т. п.

Он наэлектризовал атмосферу, окружающую этот феномен, наполнив ее классовый борьбой и политикой. Одного этого было бы достаточно, в особенности для людей без всякого собственного воображения, чтобы возвысить его концепцию над сухими экономическими теоремами, имеющими отношение к той же теме. И самое главное — он был способен идти напролом, не обращая внимания на несоответствующие его теории мотивы поведения отдельных участников этого представления, что, с точки зрения профессионалов, свидетельствует об отсутствии строгости в его аргументации, поскольку в конце концов индустриальные гиганты фактически были уже на подходе, а вместе с ними и та общественная ситуация, которую им предстояло создать.

5. Две другие темы завершают этот очерк: Марксова теория обнищания (*Verelendung*, или по-английски *immiserization*) и его (и Энгельса) теория экономического цикла. Что касается первой, то здесь и анализ, и само видение безнадежно неадекватны; лучше обстоит дело со второй.

Маркс был убежден, что в ходе капиталистической эволюции реальная зарплата и уровень жизни трудящихся масс будут снижаться для лучше оплачиваемых слоев и не смогут улучшаться для тех, кто находится в худших условиях, причем это будет происходить не благодаря случайным или внешним обстоятельствам, но в силу самой логики

капиталистического развития*. Это был исключительно неудачный прогноз, и марксисты всех сортов вынуждены были делать все возможное, чтобы примирить его с явно противоположными фактами реальной действительности. На первых порах, а в некоторых случаях даже и в наши дни они проявляли редкое упрямство, пытаясь спасти этот «закон», представив его как якобы фактическую тенденцию, подтвержденную статистикой заработной платы. Затем делались попытки вложить в него другое содержание, а именно отнести его не к уровню реальной заработной платы или к той абсолютной величине, которая идет рабочему классу, а к относительной доле трудовых доходов в совокупном национальном доходе. Хотя некоторые места у Маркса фактически допускают подобную интерпретацию, это явно нарушает главный смысл его теории. Кроме того, эта интерпретация мало что дает, поскольку основной вывод Маркса предполагает, что *абсолютная* величина трудового дохода на одного работающего должна падать или, во всяком случае, не увеличиваться: если бы он действительно думал об относительной доле, то это только бы увеличило трудности марксистской теории.

* Передовая линия обороны, обычно занимаемая марксистами, как и большинство апологетов возможной критики, вызываемой подобными прямолинейными утверждениями, состоит в том, что Маркс не видел другой стороны медали, он очень часто «признавал» случаи повышения зарплат, это никто не мог бы отрицать, и таким образом полностью предвидел все, что могли высказать его критики. Разумеется, столь многословный автор, снабжавший свою аргументацию такой богатой начинкой из исторических фактов, обеспечивает гораздо больше простора для подобной обороны, чем это сделал бы любой из отцов церкви. Но что толку от «признания» упрямых фактов, если им не позволено влиять на выводы?

В конце концов и само это предположение неверно, поскольку относительная доля зарплаты рабочих и служащих в совокупном доходе мало меняется от года к году и заметно устойчива на протяжении длительного периода времени, она явно не обнаруживает какой-либо тенденции к понижению.

Возможен, однако, другой способ выхода из этого затруднения. Эта тенденция может не проявить себя в статистических рядах, последние могут даже показывать противоположную тенденцию, что они и делают в данном случае, и все же она может быть внутренне присуща исследуемой системе, поскольку ее могут подавлять какие-то исключительные обстоятельства. Фактически это та линия доказательств, которой придерживаются большинство современных марксистов. Исключительные обстоятельства находят в колониальной экспансии или вообще в открытии новых стран в течение XIX столетия, что, как считают, повлекло за собой «передышку» для жертв эксплуатации*. В следующей части у нас будет возможность коснуться этого вопроса. Пока же просто отметим, что данные факты на первый взгляд в известной мере подкрепляют эту не лишенную логики аргументацию, способную разрешить вышеупомянутое затруднение, если бы тенденцию к обнищанию можно было обнаружить в иных обстоятельствах.

Однако подлинная беда состоит в том, что теоретический аппарат, который использует здесь Маркс, вообще не заслуживает доверия: наряду с видением порочна и сама аналитическая основа. Теория обнищания базируется на теории промышленной резервной армии, т. е. безработицы, порождаемой механизацией процесса производ-

* Эта идея была высказана самим Марксом, хотя и была развита неомарксистами.

ства*. А теория резервной армии, в свою очередь, основывается на доктрине, развитой Рикардо в главе о машинном производстве. Ни в каком другом месте, за исключением, конечно, теории стоимости, Марксова аргументация не зависит в такой мере от аргументации Рикардо, не внося в нее чего-либо существенного**. Конечно, я говорю только о чистой теории. Маркс, как всегда, дополнил ее множеством менее значительных подробностей: например, вполне уместным выводом о том, что такое явление, как замена квалифицированных рабочих неквалифицированными, может быть включено в концепцию безработицы; он добавил также несметное количество иллюстраций и пояснений; и что самое главное — он снабдил ее производящей огромное впечатление декорацией, богатым фоном социального процесса.

На первых порах Рикардо был склонен разделять очень распространенную в его время точку зрения, что введение машин в производственный процесс скорее всего принесет пользу трудящимся массам. Когда он начал сомневаться в этом или, во всяком случае, во всеобщей значимости подобного резуль-

* Этот вид безработицы, конечно, следует отличать от других. В частности, Маркс отмечает и такой вид, который обязан своему существованию циклическим колебаниям деловой активности. Поскольку оба вида не существуют независимо друг от друга и поскольку в своей аргументации он часто ссылается скорее на второй, чем на первый, то возникают трудности для соответствующей интерпретации, что не все критики полностью осознают.

** Для любого теоретика это должно быть очевидным при изучении не только *sedes material* (места изложения вопроса — *лат.*) см. «Капитал». Т. I. Гл. XIII, 3, 4, 5 и особенно 6, где Маркс рассматривает теорию компенсации относительно рабочих, вытесняемых машинами, но и главы XXII и XXIII, в которых, хотя и в связи с другим, повторяются и разбираются те же вопросы.

тата, он с присущей ему честностью пересмотрел свою позицию. Не менее характерно и то, что, возвращаясь вновь к этому вопросу и используя свой обычный метод «мысленных экспериментов», он привел численный пример, хорошо известный всем экономистам, чтобы показать, что результат может оказаться и совершенно иным. С одной стороны, он не собирался отрицать того, что речь идет всего лишь о возможности, хотя и довольно вероятной. С другой стороны, он не отрицал, что в конце концов механизация принесет чистую выгоду трудящимся через свое конечное воздействие на совокупный продукт, цены и т. п.

Пример, приведенный Рикардо, корректен, но это только пример*. Несколько более рафинированные, современные методы анализа подтверждают его результат в той мере, в какой они признают возможность, лежащую в его основе, но в равной мере они могут давать и противоположный результат. Они выходят за рамки этого примера, определяя формальные условия, при которых будут наступать те или иные последствия. Это, конечно, все, что может сделать чистая теория. Нужны дополнительные данные, чтобы предсказать реальный эффект. Но для наших целей пример, предложенный Рикардо, обнаруживает другую интересную черту. Он рассматривает фирму, владеющую данным количеством капитала и нанимающую данное число работников, которая решает сделать шаг в сторону механизации своего производства. Соответственно, она направляет группу работников на установку машин, применение которых затем позволит

* Либо его можно сделать корректным без ущерба для его смысла. Есть несколько сомнительных пунктов в системе доказательства, обусловленных, по всей видимости, несовершенной техникой анализа, которая продолжает нравиться столь многим экономистам.

фирме расстаться с частью этой группы. Прибыли могут временно остаться теми же (после того как конкуренция устранит все временные доходы), но валовой доход сократится ровно на ту величину, которая ранее выплачивалась работникам, которые теперь оказались высвобожденными. Марксова идея замещения переменного капитала (зарплаты) постоянным является почти точной копией этого хода рассуждения. Акцент, который делает Рикардо на существовании *избыточного* населения, равным образом является точной параллелью того, что Маркс говорит об относительном перенаселении, термин, который он использует как синоним термина «промышленная резервная армия». Поистине учение Рикардо проглочено здесь вместе с крючком, леской и грузилом.

Но то, что может сойти за образец, пока мы находимся в рамках тех целей, которые ставил перед собой Рикардо, становится в высшей степени неверным, а фактически источником другого *non sequitur*, не оправдываемого на этот раз правильным видением конечных результатов, как только мы переходим к рассмотрению надстройки, которую Маркс воздвиг на этом хлипком фундаменте. Кое-какие чувства подобного рода, видимо, испытывал и сам Маркс. Потому что с энергией, в которой было что-то от отчаяния, он ухватился за пессимистический вывод, полученный Рикардо на основе данного примера, как будто последний характеризовал единственную возможность. С еще большим отчаянием он набрасывался на тех авторов, которые развивали рикардовские идеи о компенсации, которую эпоха машин могла принести рабочим, даже если непосредственный эффект от введения машин был для них неблагоприятным (теория компенсации — самая неприятная вещь для всех марксистов).

У него были все основания избрать этот курс. Ведь он страшно нуждался в прочном обосновании сво-

ей теории резервной армии, которая должна была служить двум фундаментально важным целям наряду с прочими менее существенными. Во-первых, как мы видели, он лишил свою теорию эксплуатации того, что я назвал основательной ее подпоркой, отказавшись по совершенно понятным причинам от использования мальтузианской теории народонаселения. Эта подпорка была заменена промышленной резервной армией, всегда имеющейся в наличии вследствие постоянного ее возобновления*.

Во-вторых, именно то узкое понимание процесса механизации, которое он избрал, было необходимо для того, чтобы оправдать звучные фразы гл. XXIV первого тома «Капитала», в определенном смысле венчающие не только этот том, но и всю работу Маркса. Я процитирую их полностью более полно, чем это заслуживает рассматриваемая проблема, чтобы дать моим читателям хотя бы мимолетное представление о той позиции Маркса, которая вызывала такой же энтузиазм одних, как и неприятие других. Что бы это ни было, набор слов, не соответствующих действительности, или сама суть пророческой истины, вот эти фразы: «Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается... вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с уменьшающимся числом

* Конечно, необходимо подчеркнуть именно эту непрерывность ее образования. Было бы совершенно несправедливо по отношению к тому, что Маркс писал или имел в виду, как это делают некоторые критики, считать, будто он предполагал, что введение машин лишает людей работы, и они, каждый в отдельности, остаются безработными навсегда. Он не отрицал обратного поглощения. И критики Маркса, базирующиеся на утверждении, что любая возникшая безработица всякий раз будет вновь поглощаться производством, бьют абсолютно мимо цели.

магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»*.

6. Достижения Маркса в области теории экономического цикла оценить чрезвычайно трудно. По-настоящему ценная часть ее состоит из десятков наблюдений и замечаний, большинство из них случайного характера, они разбросаны почти во всех его работах, включая и многие из писем. Попытки реконструкции из подобных *membra disjecta* чего-то целого, нигде не являвшегося во плоти и, возможно, существовавшего лишь в зародышевой форме в голове у Маркса, могут в разных руках легко дать разные результаты. К тому же эти результаты могут быть искажены вполне понятным стремлением почитателя Маркса фактически подогнуть их посредством соответствующей интерпретации под результаты более поздних исследований, с которыми согласен сам почитатель. И друзья, и противники Маркса даже не представляют, насколько трудна задача, стоящая перед комментатором, вызванная калейдоскопическим характером анализа этой про-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 772–773.

блемы. Учитывая, что Маркс очень часто упоминал о ней и что она вполне очевидно имела прямое отношение к его фундаментальной теме, они приняли за данное, что должна существовать простая и ясно выраженная марксистская теория цикла, которая вытекала бы из самой логики капиталистического процесса, так же как, например, теория эксплуатации вытекает из трудовой теории стоимости. Соответственно, они отправлялись искать такую теорию, и легко догадаться, что с ними случилось.

С одной стороны, Маркс, без сомнения, превозносит, хотя и не приводит достаточно адекватной мотивировки, колоссальные способности капитализма развивать производственные возможности общества. С другой стороны, он без конца подчеркивает растущую нищету трудящихся масс. Следует ли сделать отсюда естественный вывод, что кризисы или депрессии вызваны тем фактом, что эксплуатируемые массы не в состоянии купить то, что выдает или готов выдать непрерывно расширяющийся производственный аппарат, и что по этой, а также прочим причинам, которые не стоит здесь повторять, норма прибыли падает, порождая банкротства? Таким образом, мы причаливаем к берегам в зависимости от того, какие элементы нам желательно подчеркнуть, либо теории недопотребления, либо теории перепроизводства — обе самого сомнительного свойства.

Фактически Марксово объяснение кризисов относят к разряду теорий недопотребления*. Есть

* Хотя подобная интерпретация стала привычной, я упомяну только двух авторов; одному из них мы обязаны модификацией этой версии, в то время как другому — устойчивым ее существованием. Первый — это Туган-Барановский, который в своей работе «Theoretische Grundlagen des Marxismus» (*Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. М.: Эдиториал УРСС, 2010*) именно

два обстоятельства, способные подтвердить это. Во-первых, в теории прибавочной стоимости и в других местах близость учения Маркса к учению Сисмонди и Родбертуса очевидна. Эти авторы придерживались концепции недопотребления. И нет ничего неестественного в том, чтобы сделать из этого вывод, что Маркс мог думать так же, как они. Во-вторых, некоторые места в работах Маркса, особенно краткое заявление относительно кризисов в «Коммунистическом манифесте», несомненно, дают основание для подобной интерпретации, хотя к рассуждениям Энгельса это относится в гораздо большей степени*.

на этой основе осудил Марксову теорию кризисов; второй — это М.Добб, который в работе «Политическая экономия и капитализм» (*Dobb M. Political Economy and Capitalism: Some Essays in Economic Tradition. L.: Routledge, 1937*) высказал более благожелательное отношение к ней.

- * Довольно банальная концепция Энгельса по этому вопросу лучше всего сформулирована в его полемической книге, названной «Анти-Дюринг», соответствующие абзацы которой стали самыми цитируемыми во всей социалистической литературе. Он дает здесь самое точное описание морфологии кризиса, несомненно, достаточно хорошее для использования в популярной лекции, а также свое объяснение причины кризиса как раз такое, какое и следовало ожидать, а именно, что «расширение рынка не может идти в ногу с расширением производства». Кроме того, он одобрительно относится и к мнению Фурье, выраженному термином, который говорит сам за себя, *crises plethoriques*. Нельзя, однако, отрицать, что Маркс написал часть главы X и разделяет ответственность за книгу в целом. Замечу, что те несколько пассажей данного очерка, которые касаются Энгельса, несколько снижают его значение. Это вызывает сожаление. Они не связаны с намерением умалить заслуги этого великого человека. Однако я думаю, что следовало бы честно признать, что интеллектуально и в особенности как теоретик он стоял значительно ниже Маркса. Нельзя даже быть уверенным в том, что он всегда понимал

Но тем не менее Маркс, проявив незаурядную тонкость, явно отверг эту теорию*.

Реальность состоит в том, что у него не было простой теории экономического цикла. И ни одна из них не могла логически вытекать из его «законов» капиталистического процесса производства. Даже если мы признаем его объяснение причин возникновения прибавочной стоимости и согласимся допустить, что накопление капитала, механизация (относительное увеличение постоянно-го капитала) и избыточное население, неумолимо усугубляющее массовую нищету, увязываются в единую логическую цепь, которая завершается катастрофой капиталистической системы, даже тогда у нас не будет фактора, который неизбежно бы порождал циклические колебания производства и был бы имманентной причиной смены периодов процветания и депрессий**.

Несомненно, под рукой всегда имеется масса случаев и событий, позволяющих восполнить недостающее фундаментальное объяснение. Существуют неправильные расчеты, неоправданные ожидания и прочие ошибки, волны оптимизма и пессимизма, спекулятивные эксцессы и реакции

смысл его учения. Поэтому к его интерпретации следует подходить осторожно.

* *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 464.

** Для неспециалиста противоположное, по-видимому, настолько очевидно, что не так-то легко обосновать подобное утверждение, даже если бы у нас имелись для этого все возможности. Лучший способ для читателя убедиться в том, что это так, — изучить аргументацию Рикардо по поводу машинного производства. Описываемый им процесс может породить любое количество безработных и тем не менее продолжаться неопределенно долго, не вызывая никаких срывов, за исключением конечного краха самой системы. С таким выводом Маркс бы согласился.

на эти эксцессы, существует также неисчерпаемый поток «внешних факторов». Все равно из самой логики Марксова механического процесса накопления, осуществляющегося равномерным темпом, а в принципе нет ничего, что мешало бы ему быть таковым, следует, что он в основе своей лишен и процветаний, и депрессий.

Конечно, это не обязательно означает недостаток теории.

Многие теоретики считали и считают, что кризисы возникают просто всякий раз, когда что-то существенно важное выходит из строя. Это не является недостатком и в теории Маркса, поскольку освобождает его из плена собственной системы и позволяет свободно анализировать реальные факты, не совершая над ними насилия. Соответственно, он рассматривает широкое разнообразие факторов, более или менее относящихся к данному вопросу.

К примеру, он весьма поверхностно пытается опровергнуть концепцию Сэя о невозможности общего перепроизводства, ссылаясь только лишь на участие денег в товарных сделках, используя тезис о доступности кредита для объяснения диспропорционального развития отраслей, характеризующихся крупными долгосрочными капиталовложениями. Он использует особые стимулы, такие, как открытие новых рынков или возникновение новых социальных потребностей, чтобы объяснить внезапные ускорения «накопления». Он пытается, правда, не слишком успешно, превратить и рост населения в фактор, порождающий колебания производства*. Он отмечает, хотя

* И в этом он не одинок. Однако что касается Маркса, то следовало ожидать, что со временем он обнаружит слабость этого подхода. В связи с этим надо отметить, что подобные замечания на эту тему появляются в незавершенном

и не дает этому объяснений, что «внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения».

Справедливо пишет он и о том, что «поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами»*.

Разумеется, он активно использовал материал главы, посвященной описанию конкретных фактов и событий.

Все это соответствует здравому смыслу и по существу верно. Мы находим здесь практически все элементы, которые когда-либо включались в любой серьезный анализ экономического цикла, и в целом здесь очень мало ошибок. Кроме того, нельзя забывать, что одно лишь признание существования циклического движения было огромным достижением своего времени. Многие экономисты до Маркса имели слабое представление об этом. В основном, однако, они фокусировали свое внимание на эффектных спадах производства, получивших название «кризисы». Но они были не способны увидеть эти кризисы в их истинном свете, т. е. в контексте циклического процесса, элементами которого они являются. Они изучали кризисы, не глядя на то, что предшествует им или следует

третьем томе; поэтому трудно судить, какова была бы его окончательная точка зрения.

* *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 647. Сразу после этого абзаца он делает шаг в направлении, очень знакомом исследователям современных теорий цикла: «Следствия, в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности» (С. 648).

за ними; они видели в них отдельные неприятности, возникающие вследствие ошибок, эксцессов, неправильного руководства или плохого функционирования кредитной системы. Маркс, как я думаю, был первым экономистом, который возвысился над этой традицией и предвосхитил, не считая статистиков, работу Клеман Жюглара. Хотя, как мы уже видели, он не дал адекватного объяснения экономического цикла, сам феномен был для него ясен, и он многое понимал в его механизме. Так же как и Жюглар, он без колебаний говорил о десятилетнем цикле, «прерываемом слабыми колебаниями»*. Маркса занимал вопрос, что может быть причиной такой продолжительности, и он полагал, что она, вероятно, имеет какое-то отношение к продолжительности жизни оборудования в текстильной промышленности. Есть и множество других признаков его предпочтительного интереса к проблеме экономического цикла в отличие от проблемы кризисов. Этого достаточно, чтобы присвоить ему высокий ранг среди отцов-основателей современной теории этого вопроса.

Следует отметить и другой аспект. В большинстве случаев Маркс использовал термин «кризис» в обычном смысле, говоря о кризисе 1825 года или

* Энгельс пошел еще дальше. Некоторые из его заметок к третьему тому «Капитала» Маркса показывают, что он предполагал также существование длинных волн. И хотя он был склонен объяснять относительную слабость периодов процветания и относительную интенсивность депрессий в 70-х и 80-х годах скорее структурными изменениями, чем воздействием депрессивной фазы волны более длительной протяженности (именно так многие современные экономисты объясняют послевоенное развитие, в особенности его последнее [т. е. 50-е годы. — Прим. ред.] десятилетие), тем не менее в этом можно видеть определенное предвосхищение работы Кондратьева о «длинных циклах».

кризисе 1847 года, как и все прочие исследователи. Но он употреблял его и в другом значении. Полагая, что эволюция капитализма в один прекрасный день разрушит его институциональную структуру, Маркс считал, что прежде чем произойдет фактический крах, функционирование капитализма будет наталкиваться на растущие трудности, обнаруживая симптомы смертельной болезни. Вот к этой стадии, рассматриваемой, конечно, как более или менее продолжительный исторический период, он и применял тот же термин. Маркс стремился увязать повторяющиеся кризисы с этим единственным кризисом капиталистической системы. Он даже высказывает мысль, что циклические кризисы можно в каком-то смысле рассматривать в качестве предвестников окончательного краха. Поскольку для многих читателей это может выглядеть как ключ к Марксовой теории кризисов в обычном смысле этого слова, то необходимо указать, что факторы, ответственные, по мнению Маркса, за конечный крах системы, не могут без достаточной порции дополнительных гипотез объяснить повторяющиеся периоды депрессии*, и этот ключ не выводит нас за пределы тривиального утверждения, согласно которому «экспроприация экспроприаторов» — дело более простое в условиях депрессии, чем в период подъема.

7. Наконец, идея, согласно которой эволюция капитализма ведет к развалу институтов капиталистического общества или к перерастанию этими

* Чтобы убедиться в этом, читателю достаточно взглянуть еще раз на цитату, приведенную на с. 78–79. Хотя Маркс частенько и забавлялся этой идеей, на самом деле он старается не связываться с ней; это важно отметить, поскольку не в его манере было упустить возможность для обобщений.

институтами рамок капиталистического общества (*Zusammenbruchstheorie*, или теория неизбежного краха), дает последний пример сочетания *non sequitur* с глубоким пониманием проблемы, благодаря которому можно спасти сам результат. Основанная в соответствии с Марксовой «диалектической дедукцией» на росте нищеты и угнетения трудящихся масс, побуждающих их к восстанию против системы, эта идея обесценивается вследствие *non sequitur*, заложенного в доказательстве неизбежного роста нищеты. Кроме того, марксисты, ортодоксальные в других вопросах, давно уже стали сомневаться в правильности того положения, что концентрация промышленного контроля в любом случае несовместима с «капиталистической оболочкой». Первым, кто высказал свои сомнения и достаточно умело их аргументировал, был Рудольф Гильфердинг*, один из лидеров значительной группы неомарксистов, которые фактически склонялись к противоположному выводу, а именно, что благодаря концентрации капитализм способен приобрести дополнительную стабильность**. Откладывая

* См. его работу «Финансовый капитал» (М.: Политиздат, 1959). Сомнения, основанные на некоторых вторичных обстоятельствах, из которых следовало, что Маркс слишком полагался на тенденции, которые, как ему казалось, он открыл, и что общественное развитие было гораздо более сложным и менее последовательным процессом, возникали, конечно, и прежде. Достаточно упомянуть Э. Бернштейна. Однако Гильфердинг в своем исследовании не прибегает к смягчающим обстоятельствам, а сражается с этим выводом в принципе и на почве самой Марксовой теории.

** Это утверждение Гильфердинга зачастую смешивается (даже его собственным автором) с другим — о том, что экономические колебания со временем становятся все слабее. Это может быть так, а может и нет (кризис 1929–1932 гг. ничего не доказывает), однако большая стабильность капиталистической системы, т. е. несколь-

до следующей части то, что я мог бы сказать по этому вопросу, отмечу лишь, что Гильфердинг, по-моему, сильно преувеличивает, хотя, как мы увидим, нет оснований полагать в настоящее время и в данной стране, что крупный бизнес «становится окочками для способа производства». А сделанный Марксом вывод фактически не вытекает из его собственных предпосылок.

Однако даже если приводимые Марксом факты и рассуждения содержали бы гораздо больше ошибок, чем на самом деле, тем не менее его вывод оказывается верен в той мере, в какой он является простой констатацией того, что капиталистическая эволюция разрушает основы капиталистического общества. Я думаю, что так оно и есть. И я не считаю преувеличением назвать это видение, высказанное без малейших сомнений в 1847 году, глубоким. Сегодня это общепризнано. Но первый, кто сказал об этом, был Густав Шмоллер. Его превосходительство профессор фон Шмоллер, прусский тайный советник и член верхней палаты Пруссии, не был революционером и не занимался агитацией. Но он спокойно утверждал то же самое. Почему и как — эти вопросы он также оставил без ответа.

Вряд ли необходимо подробно суммировать сказанное. Каким бы несовершенным ни был наш очерк, он достаточен, чтобы установить: во-первых, никто, кого интересует чисто экономический анализ, не может говорить о безоговорочном успехе Марксовой теории; во-вторых, никто, кого интере-

ко менее перманентное поведение временных рядов, характеризующих динамику цен и объемов производства, необязательно предполагает и вовсе не обуславливается большей стабильностью, т.е. большей способностью капиталистического *порядка* противостоять атакам извне. Система и порядок, конечно, связаны друг с другом, но это не одно и то же.

сует эта смелая конструкция, не может констатировать безусловную неудачу. В суде, который рассмотрел технику его теоретического анализа, приговор был бы неблагоприятным. Приверженность аналитическому аппарату, который всегда был неадекватным и уже во времена Маркса стремительно устаревал; длинный список выводов, которые не следуют из предпосылок или просто неверны; ошибки, которые если их исправить, существенно меняют или превращают в противоположные построенные на их основе выводы, — все это может быть справедливо поставлено в вину Марксу как аналитику. Но даже в этом суде потребуется смягчение приговора по двум следующим причинам.

Во-первых, хотя Маркс так часто и иногда столь безнадежно ошибался, его критики не всегда были правы. Поскольку среди них были отличные экономисты, этот факт следует записать в его пользу, особенно потому, что с большинством из них он не мог встретиться лично.

Во-вторых, следует отметить вклад Маркса, как критический, так и позитивный, в разработку огромного числа индивидуальных проблем. В очерке, подобном этому, невозможно перечислить все эти проблемы, не говоря уже о том, чтобы отдать этому должное. Но мы касались некоторых из них, когда обсуждали его подход к анализу экономического цикла. Я упоминал также о некоторых из тех проблем, которые улучшили нашу теорию физической структуры капитала. Схемы, которые он сконструировал в связи с этим вопросом, хотя и не безукоризненные, также доказали свою полезность, будучи использованными в работах последнего времени, которые местами очень напоминают Марксову теорию.

Но апелляционный суд, даже если он ограничится теоретическими проблемами, может склониться к тому, чтобы полностью отменить обвинительный

приговор. Потому что всем мелким прегрешениям Маркса противостоит одно поистине великое достижение. Через все, что есть ошибочного и даже ненаучного в его анализе, проходит одна фундаментальная идея, в которой нет ничего ошибочного или ненаучного, идея теории, построенной не на некотором числе отдельных индивидуальных форм или на логике развития количественных экономических показателей в целом, но на действительной последовательности этих форм, на развитии экономического процесса как такового, движимого собственной энергией, в условиях исторического времени, порождающего в каждый данный момент такое состояние, которое само определяет то, что будет следовать за ним. Вот почему автор столь многих неверных концепций оказался в то же время первым, кто представил себе то, что до сих пор все еще остается экономической теорией будущего, для которой мы медленно и упорно копим строительный материал, статистические факты и функциональные уравнения.

Маркс не просто задумался над этой идеей, он попытался ее воплотить. Учитывая великую цель, которой пыталась служить его аргументация, все искажающие его труд недостатки должны оцениваться иначе даже там, где они, а в ряде случаев так оно и есть, не полностью этой целью оправдываются. Существует, однако, один вопрос, имеющий фундаментальное значение с точки зрения методологии экономической теории, которую он действительно создал. Экономисты обычно либо сами делали работу в области экономической истории, либо использовали исторические труды других. Но факты экономической истории отправлялись ими в особое подразделение. Они включались в теорию, если вообще включались, только в роли иллюстраций или, возможно, для проверки результатов. Они смешивались с ней только механически. Смесь же, созданная

Марксом, является химической; другими словами, он ввел их непосредственно в аргументацию, с помощью которой обосновываются его выводы. Он был первым экономистом высокого ранга, увидевшим и последовательно учившим других тому, как экономическую теорию можно превратить в исторический анализ и как историческое повествование можно обратить в *histoire raisonnée**. Аналогичную проблему в отношении статистики он не пытался решать. Но в каком-то смысле она подразумевалась при решении проблемы с историей. Это является и ответом на вопрос, в какой мере в том аспекте, в каком это разъяснялось в конце предыдущей главы, экономической теории Маркса удалось вписаться в его социологическую систему. Этой цели добиться не удалось, но сама эта неудача выдвинула одновременно и цель, и метод ее достижения.

IV. Маркс — учитель

Итак, главные составляющие теоретической структуры Маркса перед нами. Что же можно сказать относительно их впечатляющего синтеза как целого? Вопрос не праздный. Если это вообще возможно,

* Если его верные последователи на этом основании станут доказывать, что он обосновал цели исследования исторической школы в экономической теории, это будет нелегко опровергнуть, хотя работы того же Шмоллера велись совершенно независимо от влияния Маркса. Но если они будут настаивать на том, что Маркс и только Маркс знал, какую теорию подвести под исторический процесс, а сторонники исторической школы знали только, как описывать факты без понимания их значения, то они только навредят своему делу. Потому что эти люди на самом деле знали, как надо анализировать. И если их обобщения были менее широкими, а изложение менее избирательным, то это говорит только в их пользу.

то именно в данном случае целое превышает сумму частей. Более того, синтез способен в такой мере испортить зерна или, наоборот, утилизировать плевелы, которые присутствуют почти всюду, что целое может оказаться более верным или, напротив, более ошибочным, чем любая его отдельно взятая часть. Наконец, существует учение, которое вытекает только из целого. Однако о последнем мы ничего больше не скажем. Пусть каждый решает сам, что оно значит для него.

Наше время восстает против безжалостной неизбежности специализации, а потому вопиет о синтезе, причем нигде так громко, как в общественных науках, в которых так велик удельный вес непрофессионального элемента. [Этого непрофессионального элемента особенно много в работах тех поклонников Маркса, которые, не являясь типичными экономистами-марксистами, до сих пор принимают всерьез все, что написал учитель. Это очень важно. В каждой стране на одного грамотного экономиста приходится по меньшей мере три непрофессионала, и даже этот экономист, как правило, является марксистом в том специфическом смысле, о котором мы говорили во введении к этой части: он молится перед этим алтарем, но поворачивается к нему спиной, как только приступает к исследованию.] Однако система Маркса является хорошей иллюстрацией того, что, хотя синтез способен нести новый свет, он может означать и новые оковы. Мы уже видели, как в Марксовой теории социология и экономическая теория пронизывают друг друга. По замыслу Маркса, а в некоторой степени и в реальной действительности, они едины. Следовательно, все основные концепции и положения являются здесь одновременно экономическими и социологическими и имеют одинаковое значение на обоих уровнях, если, с нашей точки зрения, мы все же можем говорить о двух уровнях аргументации. Так, эко-

номическая категория «труд» и общественный класс «пролетариат» в принципе соответствуют друг другу, а фактически идентичны. Другой пример. Функциональное распределение дохода в экономической теории, т. е. объяснение того, как образуются доходы в качестве вознаграждения за производственные услуги независимо от того, к какому социальному классу получатель подобного дохода может принадлежать, выступает в Марксовой системе только в форме распределения между общественными классами и таким образом приобретает иное, дополнительное значение. Еще пример. Капитал в системе Маркса становится капиталом только в руках особого капиталистического класса. Те же предметы, но в руках рабочих, капиталом не являются.

Не может быть никакого сомнения в том, что тем самым в анализ вливается живительная сила. Воображаемые концепции экономической теории начинают дышать. Бескровная теорема погружается в *agmen, pilverem at clamorem*: не теряя своей логической природы, она перестает быть только положением, характеризующим логические свойства системы абстракций; она превращается в мазок художника, рисующего дикий беспорядок общественной жизни. В подобном анализе не только заключено более глубокое содержание, нежели в обычном экономическом анализе, но он охватывает и более широкую сферу, он включает рассмотрение любого вида классового действия, независимо от того, соответствует ли это классовое действие обычным правилам бизнеса или нет. Войны, революции, законодательство всех видов, изменения в структуре правительств — короче, все явления, которые не-марксистская экономическая теория рассматривает просто как внешние возмущения, находят свое место наряду, скажем, с инвестициями в оборудование или с трудовыми договорами, все охвачено единой объясняющей схемой.

В то же время подобная процедура имеет и свои недостатки. Концептуальная структура, на которую надето такого рода ярмо, может легко терять в эффективности по мере усиления ее «жизненности». Спаренная категория «рабочий — пролетарий» может служить наглядным, хотя и банальным примером. В немарксистской экономической теории все доходы от услуг отдельных лиц по своей природе становятся заработной платой, являются ли эти лица первоклассными юристами, кинозвездами, служащими компаний или дворниками. Поскольку все эти доходы с точки зрения связанных с ними экономических процессов имеют много сходного, то подобное обобщение не является ни бесполезным, ни искусственно сконструированным. Напротив, оно может нести определенную информацию даже с точки зрения социологии. Но уравнивая трудящегося и пролетария, мы искажаем эту информацию, фактически выбрасываем ее из нашей картины. Равным образом полезная экономическая теорема благодаря ее социологической метаморфозе может вместо обогащения содержания внести ошибку, и наоборот. Таким образом синтез экономической теории и социологии в принципе и марксистский его вариант в частности может легко привести к ухудшению как экономической теории, так и социологии.

Синтез как таковой, т. е. координация методов и результатов различных направлений анализа, является трудным делом, за которое не каждый способен взяться. В итоге за него обычно вовсе никто не берется; от студентов же, которых учат видеть только отдельные деревья, мы слышим гневные требования показать им лес в целом. Однако они не могут представить себе, что проблема частично состоит в *embarras de richesse* и что синтезированный лес может стать для исследователя концентрационным лагерем.

Синтезу по-марксистски, т. е. координации экономического и социологического анализа в интере-

сах сведения и того и другого к единой цели, конечно же, особенно присущи подобного рода черты. Цель *histoire raisonnée*, т. е. объяснение истории капиталистического общества, носит достаточно широкий характер, но не такова аналитическая основа. Действительно, перед нами грандиозное сочетание политических фактов и экономических теорем; но они соединены насильственно, в итоге ни одна из сторон не в состоянии дышать. Марксисты претендуют на то, что их система решает все великие проблемы, с которыми не могла справиться немарксистская экономическая теория. Да, она их решает, но только путем выхолащивания содержания. Однако здесь требуется некоторое разъяснение.

Несколько выше я говорил, что Марксов синтез охватывает все те исторические события, такие, как войны, революции, изменения в законодательстве, и все те институциональные моменты, такие, как собственность, контрактные отношения, формы государственного правления, которые экономисты, не являющиеся сторонниками марксизма, предполагают рассматривать как дестабилизирующие факторы либо как исходные данные. Это значит, что они предполагают не объяснять их, а только анализировать их *modi operandi* и последствия. Это необходимо для того, чтобы ограничить предмет и границы анализа, о какой бы исследовательской программе ни шла речь. Если же эти предпосылки не всегда явно обозначены, то лишь потому, что считается, что они всем известны. Особенность Марксовой системы состоит в том, что она подчиняет сами эти исторические события и социальные институты процессу объяснения, основанному на экономическом анализе, или, если использовать специальную терминологию, она рассматривает их не в качестве исходных данных, а в качестве переменных величин.

Поэтому Наполеоновские войны, Крымская война, Гражданская война в Америке, мировая война

1914 года, Французская фронда, Великая Французская революция, революции 1830 и 1848 годов, свобода торговли в Англии, рабочее движение в целом и в отдельных его проявлениях, колониальная экспансия, институциональные изменения, национальная и партийная политика во все времена и во всех странах — все это включено в сферу Марксовой экономической теории, претендующей на открытие теоретического объяснения всех этих явлений на основе классовой борьбы, стремления к эксплуатации и протеста против эксплуатации, накопления капитала и качественных изменений в его структуре, изменений нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли. Экономист не должен более удовлетворяться чисто техническими ответами на технические вопросы; вместо этого он учит человечество познавать скрытый смысл его борений. «Политика» не рассматривается более как независимый фактор, от которого можно и должно абстрагироваться в анализе фундаментальных величин. Ее вторжение в традиционную экономическую теорию либо играет роль мальчика, который злонамеренно портит машину, стоит лишь инженеру повернуться к ней спиной, либо, наоборот, роль *deus ex machina*, т. е. неожиданного спасителя благодаря таинственной мудрости, присущей сомнительной разновидности млекопитающих, называемых государственными деятелями. У Маркса сама политика определяется структурой и состоянием экономического процесса, становится проводником экономических эффектов и так же полностью включается в сферу экономической теории, как обычная покупка или продажа.

Вновь повторим: нет ничего легче, чем понять очарование подобного синтеза. Особенно это понятно в отношении молодежи, а также тех интеллектуальных обитателей нашего читающего газеты мира, которым боги, видимо, даровали вечную молодость. Страстно желая выразить собственное

«я», мечтая от чего-нибудь спасти мир, испытывая отвращение к неописуемой скуке учебников, разочарованные эмоционально и интеллектуально, неспособные создать собственный синтез, они отыскивают страстно желаемое у Маркса. Вот он — ключ ко всем самым сокровенным тайнам; вот та волшебная палочка, которая управляет и великими, и малыми событиями. Именно они владеют объяснением, которое, на мгновение я позволю себе удариться в гегельянство, одновременно является и самым общим, и самым конкретным. Им не нужно больше выискивать его среди многообразия жизненных явлений — они насквозь видят всех этих претенциозных марионеток от политики и бизнеса, которые ничего не понимают в окружающем мире. И кто может их обвинять, зная, какие существуют альтернативы?

Да, конечно, это так. Но, кроме того, какова все же в конечном счете польза от Марксова синтеза, спрашиваю я. Обычный экономист, описывающий переход Англии к свободе торговли или первые достижения английского фабричного законодательства, не забывает и, видимо, никогда не забывал упомянуть о тех структурных особенностях английской экономики, которые породили подобную политику. Если он не делает этого в учебном курсе или в книге, посвященной чистой теории, то только потому, что он ставит своей целью более тонкий и более эффективный анализ. Марксисту же остается добавить лишь одно — отстаивать сам принцип и особенно ту узкую, искаженную теорию того, как этот принцип следует внедрять. Эта теория, несомненно, дает результаты, к тому же достаточно простые и определенные. Но начните систематически применять ее к отдельным случаям, и вам быстро наскучит этот бесконечный трезвон по поводу классовой борьбы между собственниками и теми, у кого собственности нет. Вы начнете испытывать болезненное чувство неадекватности этой теории, если

не присягали на верность лежащей в ее основе схеме, или еще хуже — ее тривиальности, в том случае, если вы исповедуете марксистскую веру.

Марксисты обычно с торжеством указывают на успех Марксова диагноза экономических и социальных тенденций, которые, как полагают, внутренне присущи капиталистической эволюции. Как мы уже видели, в этом есть доля правды: более ясно, чем любой другой автор своего времени, Маркс разглядел тенденцию к росту крупного производства и не только это, но и некоторые особенности последующей ситуации. Мы видели также, что в этом случае общее видение помогло анализу, исправив некоторые недостатки последнего и сделав синтез более верным, чем сами составляющие его элементы анализа. Но на этом все и кончается. Этому достижению следует противопоставить ошибочный прогноз относительно растущей нищеты, являющийся объединенным результатом неправильного видения и неверного анализа, результатом, на котором базируется множество марксистских спекуляций относительно будущего развития общественной жизни. Тот, кто в своем стремлении понять современную ситуацию и ее проблемы делает ставку на Марксов синтез в целом, к несчастью, оказывается неправ*. Фак-

* На это некоторые марксисты ответили бы, что экономисты-немарксисты вообще ничего не внесли в понимание нашего времени, так что последователи Маркса в этом отношении находятся все же в лучшем положении. Избегая обсуждения вопроса о том, что лучше ничего не говорить или изрекать ошибочные вещи, следует иметь в виду, что это утверждение неверно, потому что и экономисты, и социологи немарксистского направления на самом деле внесли немалый научный вклад, правда, в разработку отдельных проблем. Меньше всего это притязание марксистов должно базироваться на сравнении учения Маркса с теориями австрийской, вальраовской или маршаллианской школ. Приверженцы этих

тически это понимают теперь многие марксисты. В частности, нет никаких оснований испытывать гордость по поводу того, как с помощью Марксова синтеза объясняется опыт последнего десятилетия*. Каждый продолжительный период депрессии или слабого оживления будет служить подтверждением любого пессимистического прогноза в той же мере, в какой он будет подтверждать и марксистский прогноз. В этом случае впечатление, что он подтверждает именно марксистский прогноз, создается болтовней лишившихся мужества буржуа и ликующих интеллектуалов, которые благодаря своим страхам и надеждам, естественно, перекрасились в марксистов. Однако ни один реальный факт не подтверждает ни одного специфически марксистского диагноза. В еще меньшей степени подтверждается общая оценка ситуации, согласно которой все, чему мы являемся свидетелями, представляет собой не просто депрессию, но свидетельствует о структурных изменениях в капиталистическом развитии, предсказанных Марксом. Потому что, как будет отмечено в следующей части, все наблюдаемые явления, такие, как сверхнормальная безработица, отсутствие инвестиционных возможностей, снижение стоимости денег, банкротства и т. п., всегда происходят в рамках периодов глубокой депрессии, подобных тем, которые наблюдались в 70-е и 80-е годы и которые Энгельс комментировал со сдержанностью, заслуживающей подражания со стороны его сегодняшних пламенных последователей.

школ целиком или по преимуществу интересовались чисто экономической теорией. Их теории, следовательно, несопоставимы с Марксовым синтезом. Их можно сравнивать только с теоретическим аппаратом Маркса, и в этой области сравнение полностью в их пользу.

* Речь идет о длительной депрессии после Великого кризиса 1929–1933 годов — *Прим. ред.*

Достоинства и недостатки Марксова синтеза как способа решения всех проблем мы покажем на двух исключительно важных примерах.

Рассмотрим вначале марксистскую теорию империализма. Все ее корни можно обнаружить в главной работе Маркса, но развита она была неомарксистской школой, которая процветала в первые два десятилетия нашего времени и которая, не отрицая своей общности со старыми защитниками веры, такими как Карл Каутский, много сделала для ревизии всей системы. Их центром была Вена, их лидерами Отто Бауэр, Рудольф Гильфердинг, Макс Адлер. Работа последних в области теории империализма была продолжена с небольшими второстепенными изменениями многими другими авторами. Самыми известными среди них были Роза Люксембург и Фриц Штернберг. Их аргументация такова.

Поскольку капиталистическое общество не может существовать, а его экономическая система не может функционировать без прибыли, и в то же время, поскольку прибыли непрерывно исчезают благодаря самому функционированию этой системы, центральной задачей класса капиталистов становятся неустанные усилия по поддержанию жизнеспособности этого общества. Накопление, сопровождаемое количественными изменениями в структуре капитала, является, как мы видели, тем лекарством, которое, хотя и облегчает на какой-то момент положение отдельного капиталиста, в конечном счете ухудшает ситуацию в целом. В итоге под давлением падающей нормы прибыли (а падает она, как мы помним, по двум причинам: вследствие роста постоянного капитала по отношению к переменному и снижения нормы прибавочной стоимости, поскольку зарплата имеет тенденцию повышаться, а рабочий день сокращаться) капитал ищет применения в странах, где все еще имеется рабочая сила, которую можно безжалостно эксплуатировать

и где процесс механизации еще не зашел достаточно далеко. Так мы получаем экспорт капитала в слаборазвитые страны, который, по сути, представляет собой экспорт капитального оборудования либо потребительских товаров, предназначенных для покупки рабочей силы или для приобретения вещей, посредством которых можно купить рабочую силу*. Но в то же время это есть и экспорт капитала в обычном смысле слова, поскольку экспортируемые товары не оплачиваются, по крайней мере немедленно, товарами, услугами или деньгами импортирующей страны. Экспорт капитала превращается в колонизацию, если в целях защиты инвестиций как от враждебной реакции местного окружения или, если угодно, от сопротивления эксплуатации, так и от конкуренции со стороны других капиталистических стран слаборазвитая страна становится объектом политического подчинения. Как правило, оно происходит с помощью военной силы, поставляемой либо самими капиталистами-колонизаторами, либо правительствами их стран, которые таким образом соответствуют определению, данному в «Коммунистическом манифесте», где сказано, что «исполнительные власти современного госу-

* Я имею в виду предметы роскоши, предназначенные на продажу вождям племен в обмен на рабов или в обмен на товары, покупаемые на заработную плату, товары, необходимые для найма местной рабочей силы. Ради краткости я не принимаю в расчет тот факт, что экспорт капитала, в том смысле, в каком мы его здесь понимаем, вообще возникает как часть торговых отношений двух стран, которые включают и обмен товарами, не связанный с тем особым процессом, о котором здесь идет речь. Эти отношения, конечно, чрезвычайно стимулируют экспорт капитала, но не затрагивают его сути. Я игнорирую также другие виды экспорта капитала. Рассматриваемая теория не является, да и не предназначена для того, чтобы быть общей теорией международной торговли и финансов.

дарства... представляют собой комитет по управлению общими делами буржуазии». Конечно, эта сила используется не только в оборонительных целях. Происходят завоевания, возникают противоречия между капиталистическими странами, ведутся разрушительные войны между соперничающими группами буржуазии.

Следующий элемент завершает эту теорию империализма в ее теперешнем виде. Поскольку колониальная эксплуатация вызывается падением нормы прибыли в капиталистических странах, она должна иметь место на более поздних стадиях капиталистической эволюции, фактически марксисты говорят об империализме как о стадии капитализма, желательной последней. Следовательно, она должна сочетаться с высокой степенью концентрации капиталистического контроля над промышленностью и с упадком того типа конкуренции, который был присущ периоду господства средних и мелких фирм. Сам Маркс не слишком подчеркивал итоговую тенденцию к монополистическому ограничению производства и вытекающую отсюда тенденцию к защите своих охотничьих угодий от вторжения браконьеров из других капиталистических стран. Может быть, он был слишком знающим экономистом, чтобы злоупотреблять этой линией аргументации. Однако неомарксисты с радостью использовали ее. Так мы получили не только еще одно объяснение империалистической политики и империалистических неурядиц, но и как побочный продукт теорию того явления, которое само по себе не обязательно является империалистическим, теорию современного протекционизма.

Отметим еще одну особенность этого процесса, которая используется марксистом для объяснения дальнейших трудностей капитализма. Когда слабо-развитые страны становятся развитыми, экспорт вышеупомянутого капитала снижается. Тогда мо-

жет наступить период, в течение которого материнская страна и колония будут обменивать, скажем, промышленные товары на сырье. Но в конце концов и экспорт промышленных товаров также должен снизиться по мере того, как конкуренция товаров из колонии начнет заявлять о себе в материнской стране. Попытки затормозить наступление такой ситуации создают новый источник противоречий, на этот раз между каждой из старых капиталистических стран и ее колониями вплоть до войн за независимость и т. д. Но в любом случае двери колоний в конце концов закроются для капитала, который уже больше не сможет спастись от исчезающих прибылей у себя дома, убегая на более богатые заграничные пастбища. Отсутствие сфер приложения капитала, избыток мощностей, полный паралич, в конечном счете регулярное повторение национальных банкротств и прочих бедствий, возможно, и мировых войн как результат полного отчаяния буржуазии — все это можно уверенно предвидеть. Такая вот простая история.

Эта теория является честным и, возможно, лучшим примером того, каким образом марксистский синтез стремится решить теоретические проблемы и заработать на этом авторитет. Вся аргументация, как видим, превосходно вытекает из двух фундаментальных предпосылок, прочно вмонтированных в основу системы: из теории классов и теории накопления капитала. Кажется, что целый ряд существенных явлений нашего времени отлично объясняется ею. Представляется, что все хитросплетения международной политики можно распутать одним мощным ударом этого анализа. С его помощью мы видим, как и почему поведение класса, всегда остающееся, по существу, одним и тем же, приобретает форму политического или экономического действия в зависимости от обстоятельств, которые определяют лишь его тактические методы и фразео-

логию. Если средства и возможности, находящиеся в распоряжении группы капиталистов, таковы, что более выгодно отдать их в займы, будут вестись переговоры о займе. Если средства и возможности таковы, что прибыльнее вести войну, будет объявлена война. Последняя альтернатива имеет не меньше прав стать частью экономической теории, чем первая. Даже протекционизм отныне прекрасно проистрастает из самой логики эволюции капитализма.

Кроме того, эта теория использует все преимущества, которые присущи ей, как и большинству других марксистских концепций, в той области, которую обычно называют прикладной экономической теорией. Она тесно связана с исторической и современной действительностью. Вероятно, нет такого читателя, внимательно изучавшего мое резюме, который не был бы поражен тем обилием подтверждающих эту теорию фактов, которые буквально наваливаются на него в ходе нашего анализа. Разве не слышал он об угнетении европейцами местных рабочих во многих частях света; о том, как страдали индейцы Южной и Центральной Америки, к примеру, от испанцев; об охоте на рабов и работорговле, о несчастных кули? Разве экспорт капитала до сих пор не происходит из капиталистических стран? Разве не сопровождается он почти неизменно войнами и завоеваниями, которые направлены на подчинение местного населения этих стран и на борьбу с другими европейскими державами? Разве колонизация, как правило, не сопровождается сомнительными военными акциями, даже когда она осуществлялась исключительно экономическими методами, такими компаниями, как Ост-Индская компания или Компания Британской Южной Африки? Мог бы сам Маркс пожелать лучшую иллюстрацию, чем действия Сесилия Родса или англо-бурская война? Разве не очевидно, что колониальные амбиции были по меньшей мере существенным фак-

тором европейских бед, во всяком случае начиная с 1700 года? Что же касается современности, то кто не слышал о «сырьевой стратегии» и о воздействии на Европу роста национального капитализма в тропических странах? И т. д. Если же говорить о протекционизме, то здесь все ясно как день.

Однако давайте будем осторожны. Верификация с помощью на первый взгляд подтверждающих, но детально не проанализированных фактов может быть крайне обманчивой. Более того, как знает каждый адвокат и каждый политик, энергичного обращения к известным фактам еще недостаточно, чтобы суд или парламент принял ту концепцию, которую ему стремятся навязать. Марксисты довели этот прием до совершенства. В данном случае этот опыт был особенно удачным, поскольку рассматриваемые факты соединяют в себе два достоинства, поверхностно они известны каждому при том, что их глубинный смысл понятен далеко не многим. На деле же, хотя мы и не можем здесь вдаваться в детальное обсуждение, даже короткого размышления на эту тему достаточно, чтобы заподозрить, что здесь «что-то не то».

В следующей части мы еще выскажемся по поводу отношения между буржуазией и империализмом. Теперь же мы рассмотрим вопрос, является ли марксистская концепция империализма, даже если соответствующая интерпретация экспорта капитала, колонизации и протекционизма верна, такой общей теорией, которая бы объясняла все те явления, которые мы имеем в виду, используя этот расплывчатый и не всегда верно употребляемый термин. Конечно, мы можем всегда определить империализм таким образом, как это подразумевается марксистской концепцией; мы можем также всякий раз убеждать себя, что все эти явления *должны* объясняться в марксистском духе. Но тогда проблема империализма, допуская, что теория сама по себе верна, мо-

жет быть «решена» только тавтологически*. Имеет ли марксистский или любой чисто экономический подход к той же проблеме нетавтологическое решение — этот вопрос еще нуждается в рассмотрении. Но здесь нет необходимости его затрагивать, поскольку проблема оказывается исчерпанной прежде, чем мы поставим вопрос таким образом.

На первый взгляд марксистская теория достаточно хорошо объясняет некоторые случаи. Самые наглядные примеры — это английские и голландские завоевания в тропиках. Однако другие случаи, как, например, колонизация Новой Англии, она со-

* Опасность навязываемых нам пустых тавтологий лучше всего иллюстрируется отдельными примерами. Так, Франция завоевала Алжир, Тунис и Марокко, а Италия — Абиссинию с помощью военной силы, без того, чтобы хоть какие-нибудь существенные капиталистические интересы побуждали их к этому. На самом деле наличие подобных интересов было лишь прикрытием, которое весьма трудно соорудить, последующее возникновение подобных интересов происходило медленно, весьма негладко и под давлением правительства. Поскольку все это выглядит не очень по-марксистски, то обычно утверждается, что эти акции были предприняты под воздействием потенциальных интересов либо интересов, которые можно было предвидеть заранее, или, как об этом говорится в одном из последних исследований, капиталистический интерес или объективная необходимость просто «должны» были лежать в основе этих завоеваний. После этого мы можем выискивать подтверждающие факты, которые есть всегда, поскольку капиталистические интересы, подобно многим другим, проявляются в любой ситуации, любому состоянию капиталистической системы всегда присущи такие свойства, которые без больших натяжек могут быть увязаны с политикой национальной экспансии. Очевидно, только заранее сложившееся убеждение, и ничто другое, может заставить нас взяться за осуществление такой неблагодарной задачи. Мы можем с полным правом избавить себя от этих хлопот, следует только сказать: «Так должно быть» — и все. Вот что я имел в виду, говоря о тавтологическом объяснении.

всем не объясняет. И даже первый тип завоеваний не так уж хорошо описывается марксистской теорией империализма. Признать, что жажда наживы играла какую-то роль в качестве движущей силы колониальной экспансии, очевидно, далеко не достаточно*. Неомарксисты и не собирались доказывать столь очевидные банальности.

Хотя они и принимали в расчет подобные примеры, из их теории неизбежно следовало, что колониальная экспансия, осуществляемая указанным выше способом, происходит под давлением накопления капитала на норму прибыли и, следовательно, является особенностью умирающего или во всяком случае вполне зрелого капитализма. Однако героические времена колониальных авантюр были временами раннего и незрелого капитализма, когда накопление капитала только начиналось и его давления, так же как и препятствий для эксплуатации труда в собственной стране, просто не существовало. Элементы монополии были. Больше того, они носили более явный характер, чем сегодня. Но это только усиливает абсурдность той теории, которая делает монополию и колониальные завоевания специфическими чертами позднего капитализма.

К тому же и другая опора этой теории, классовая борьба, находится не в лучшем положении. Нужно иметь шоры на глазах, чтобы концентрировать внимание на тех аспектах колониальной экспансии, которые играли скорее вторичную роль, и конструировать на основе идеи классовой борьбы явление, которое представляет собой самый поразитель-

* Недостаточно подчеркивать и тот факт, что каждая страна «эксплуатировала» свои колонии. Потому что тогда мы имели бы эксплуатацию одной страны в целом другой страной в целом (всех классов всеми классами), и это не имело бы ничего общего со специфически Марксовым видом эксплуатации.

ный пример классового сотрудничества. Это был процесс, направленный в такой же мере на увеличение заработной платы, как и на увеличение прибылей; в долгосрочном плане он оказался более выгодным для пролетариата (частично благодаря эксплуатации труда туземцев), чем для капиталистов. Но я не хочу акцентировать внимание на *результатах* процесса колонизации. Существенно то, что *причины* этого процесса не имели прямого отношения к классовой борьбе, а с классовой структурой они были связаны лишь в той мере, в какой процесс колониальной экспансии возглавляли группы или отдельные лица, которые принадлежали к классу капиталистов или стали его членами благодаря колониальному предпринимательству. Если же мы сбросим эти шоры и перестанем рассматривать колонизацию или империализм только как проявление классовой борьбы, то в объяснении этого вопроса остается мало того, что является собственно марксистским. То, что сказал по этому поводу Адам Смит, ничуть не хуже, а точнее, даже лучше объясняет факты.

Остается рассмотреть побочный продукт теории империализма — неомарксистскую теорию современного протекционизма.

Классическая литература полна негодования по поводу «иных интересов» в основном, но не исключительно, представителей аграрного сектора, протекционистские требования которых означали непростительные преступления против общественного благосостояния. Так что у классиков имелась теория, объясняющая причины протекционизма, а не только его последствия, и если теперь мы добавим к ней протекционистские интересы современного крупного бизнеса, то ничего большего, собственно, не требуется. Современным симпатизирующим марксизму экономистам не следовало бы утверждать, будто даже теперь их буржуазные коллеги не видят связи между тенденцией к протек-

ционизму и тенденцией к образованию мощных центров контроля (хотя их коллеги могут не считать нужным постоянно подчеркивать этот столь очевидный факт). Не то чтобы классики и их сегодняшние последователи были правы относительно протекционизма: их интерпретация последнего была и остается столь же односторонней, как и марксистская, к тому же они часто неверно оценивали его последствия и связанные с ним интересы. Но по меньшей мере за полвека до появления марксистской теории империализма они уже знали о монопольной компоненте протекционизма все, что удалось выяснить марксистам (что было нетрудно, учитывая банальный характер этого открытия).

К тому же позиция классиков превосходила марксистскую теорию в одном очень важном отношении. Какова бы ни была ценность их экономической теории, возможно, она и не была высока, в основном они оставались в ее рамках*. В данном случае это было преимуществом. Утверждение, согласно которому многие протекционистские тарифы обязаны своим существованием крупным концернам, которые стремятся использовать их в целях поддержания более высоких внутренних цен на свои товары, а возможно, и для того, чтобы продавать их по более низким ценам за границей, само по себе является банальным, но верным, хотя ни один тариф никогда не был целиком и даже в основном обусловлен только этой частной причиной. Именно марксистский синтез делает это утверждение неадекватным

* Они не всегда оставались в рамках своей экономической теории. Когда они выходили за эти рамки, результаты были невдохновляющими. Так, чисто экономические труды Джеймса Милля, хотя и не очень ценные, не могут быть просто отброшены за безнадежно низкий уровень. Подлинный нонсенс, причем нонсенс на уровне банальности, — это его статьи о государственном управлении и связанных с ним проблемах.

или вовсе неверным. Если наша цель состоит в том, чтобы просто понять все политические, социальные и экономические причины и следствия современного протекционизма, то марксистское объяснение неадекватно. Например, последовательная поддержка американским народом протекционистской политики всегда, когда ему предоставлялась возможность высказаться по этому поводу, была вызвана не любовью к крупному бизнесу или к его господству, а страстным желанием построить и сохранить свой собственный мир, отгородиться от всех неприятностей остального света. Теоретический синтез, упускающий подобные элементы анализа, — это не приобретение, а потеря. Если же мы стремимся свести все причины и следствия современного протекционизма, в каких бы формах он ни выступал, к монополистическим элементам современной промышленности как единственной *pausa causans*, то наша теория становится ошибочной. Крупный бизнес оказался способным использовать народные чувства, он подогревал их; однако абсурдно утверждать, что он их породил. Теоретический синтез, вынужденный еще раз подчеркнуть это, который обосновывает подобные утверждения, хуже, чем отсутствие всякого теоретического обобщения.

Положение значительно ухудшается, если вопреки фактам и здравому смыслу мы станем использовать данную теорию экспорта капитала и колонизации для объяснения международной политики, которая таким образом сводится к борьбе монополистических капиталистических групп друг с другом и каждой из них с собственным пролетариатом. Такое объяснение, возможно, полезно для партийной пропаганды; но оно свидетельствует о том, что детские сказочки не являются монополией буржуазной экономической теории. На самом деле большой бизнес, или *haute finance*, от Фуггеров до Морганов оказывал очень слабое влияние на внешнюю политику;

и в большинстве случаев, когда крупная промышленность или банковские интересы как таковые были в состоянии предъявить собственные притязания, их наивный дилетантизм завершался поражением. Капиталистические группы скорее приспособляются к политике своих государств, нежели определяют ее, и сегодня в большей степени, чем прежде. К тому же это отношение определяется поразительно краткосрочными соображениями, равно далекими от каких-либо глубоко обоснованных планов и каких-либо определенных «объективных» классовых интересов. В этом пункте марксизм опускается до того, что облакает в теоретические формулировки обывательские предрассудки*.

Есть и другие примеры подобного рода во всех частях марксистского учения. Например, определение природы государства в «Коммунистическом манифесте», которое мы цитировали совсем недавно, содержит в себе элемент истины. Во многих случаях эта истина объясняет отношение государства к наиболее очевидным проявлениям классового антагонизма. Однако в той мере, в какой она справед-

* Этот предрассудок ничем не лучше другого, распространенного среди многих почтенных и простодушных людей, которые объясняют для себя современную историю на основе гипотезы, согласно которой где-то существует комитет чрезвычайно умных и злых евреев, которые, будучи за сценой, контролируют международную политику, а может быть, и всякую политику вообще. Марксисты не стали жертвами этого вида предрассудков, но их предрассудки по своему уровню не выше. Должен сказать, что когда я сталкиваюсь с той или иной из этих доктрин, мне всегда бывает очень трудно возражать удовлетворительным для меня образом. Это вызвано не только тем обстоятельством, что всегда трудно опровергнуть утверждения, якобы основанные на фактах. Главная трудность проистекает из того, что люди, не имеющие знаний из первых рук о международных отношениях и о тех, кто работает в этой области, лишены к тому же и чувства абсурдного.

лива, теория, выраженная в данном определении, попросту тривиальна. Подлинная проблема заключается в том, почему и как существует такое огромное количество случаев, когда эта теория либо не соответствует фактам, либо, даже соответствуя им, не способна правильно описать действительное поведение «этих комитетов по управлению общими делами буржуазии». Повторяю, практически во всех случаях эту теорию можно считать тавтологически верной. Потому что не существует государственной политики, если только она не направлена на уничтожение буржуазии, которая не отвечала бы каким-либо экономическим или неэкономическим, краткосрочным или долгосрочным буржуазным интересам, по крайней мере в том смысле, что она предотвращает еще худшие ситуации. Это, однако, не прибавляет ценности рассматриваемой теории.

Но давайте вернемся к нашему второму примеру, характеризующему возможности марксистского синтеза в решении теоретических проблем.

Характерная черта научного социализма, благодаря которой, согласно Марксу, он отличается от утопического социализма, состоит в доказательстве того, что социализм неизбежен вне зависимости от желания людей. Как уже утверждалось ранее, это означает, что в силу собственной логики капиталистическая эволюция ведет к разрушению капиталистического и созданию социалистического строя. Насколько Марксу удалось доказать существование подобных тенденций?

Что касается тенденции к самоуничтожению, то этот вопрос уже рассмотрен. Доктрина, согласно которой капиталистическая экономика неизбежно рухнет под влиянием чисто экономических причин, не была доказана Марксом — достаточно сослаться на возражения Гильфердинга. С одной стороны, некоторые из предположений Маркса относительно будущего, столь существенные для ортодоксальной

аргументации, в особенности такие, как неизбежный рост нищеты и угнетения, оказались несостоятельными; с другой стороны, тезис о крахе капиталистического строя вовсе не обязательно должен следовать из этих предпосылок, даже если бы они были верными. Но Маркс правильно сформулировал другие факторы, которые развиваются в недрах капиталистического процесса, а также, и я попытаюсь это показать, конечный результат этого развития. Что касается конечного результата, то цепочку Марксовых аргументов целесообразно заменить иной, и тогда термин «крушение» может оказаться неадекватным, в особенности если понимать его как крах, вызванный отказом капиталистического производственного механизма; однако все это не влияет на суть доктрины, как бы сильно ни затрагивались отдельные ее формулировки и выводы.

Что же касается тенденции к социализму, то прежде всего мы должны осознать, что это совсем другая проблема. Капиталистический или какой-либо другой порядок может потерпеть явный крах, либо экономическая и социальная эволюция выведет общество за его пределы, и все же социалистический феникс может не возродиться из этого пепла. Во-первых, может возникнуть полный хаос, во-вторых, если только мы не определим социализм как любую нехаотическую альтернативу капитализму, могут быть и другие возможности. Особый тип социальной организации, которую, по всей видимости, представлял в своем воображении средний ортодоксальный марксист, во всяком случае до наступления большевизма, — это только одна из многочисленных возможностей.

Сам Маркс, весьма мудро избегая детального описания социалистического общества, делал акцент лишь на условиях его возникновения: наличие, с одной стороны, гигантских образований, осуществляющих контроль в промышленности, что, конеч-

но, чрезвычайно усиливало процесс социализации; а с другой — существование угнетенного, поработанного, эксплуатируемого и к тому же очень многочисленного, *дисциплинированного*, объединенного и организованного пролетариата. Все это говорит о том, что вековая война двух классов должна завершиться окончательным сражением. Кое-что говорится и о том, что за этим последует; выдвигается идея, что пролетариат как таковой «возьмет верх» и с помощью своей диктатуры положит конец «эксплуатации человека человеком», создаст бесклассовое общество. Если бы нашей целью было доказать, что марксизм принадлежит к числу хилиастических учений, этого было бы совершенно достаточно.

Поскольку же нас интересует не этот аспект, а научный прогноз, то этого мало. Шмоллер занимал здесь более здравую позицию. Хотя он также отказывался от описания деталей, он явно представлял себе этот процесс как процесс прогрессивной бюрократизации, национализации и т. п., завершающийся государственным социализмом, который, нравится он нам или нет, несет в себе определенный смысл. Итак, Марксу не удастся обратить возможность социализма в неизбежность, даже если мы полностью примем на веру его теорию краха капитализма, тем более если мы этого не сделаем.

Независимо от того, признаем ли мы Марксово учение или какое-либо иное, социалистический строй никогда не сможет реализоваться автоматически; даже если капиталистическая эволюция обеспечит для него все условия, предусматриваемые марксизмом, все еще будут необходимы определенные действия, чтобы воплотить его в жизнь. Это, конечно, соответствует учению Маркса. Его «революция» есть не что иное, как специфическая форма, в которую его воображение любило облекать эти действия. Можно понять упор на насилие у того, кто в годы своего возмужания пережил все волне-

ния 1848 года и кто, хотя и мог презирать революционную идеологию, тем не менее никогда не смог выбраться из ее сетей. Кроме того, большая часть его аудитории едва ли желала слушать проповедь, в которой не звучал бы призыв к борьбе. Наконец, хотя он и видел возможность мирного перехода к социализму, по крайней мере для Англии, он не верил в его вероятность. В его время поверить в это было нелегко, а его любимая идея двух классов, стоящих в боевом построении друг против друга, еще более препятствовала этому. Его друг Энгельс фактически предпринял усилия по изучению тактики действия. И хотя революцию оказалось возможным зачислить в разряд не столь существенных форм, необходимость каких-то действий все равно остается.

С этим связано и решение той проблемы, которая разделила последователей Маркса: революция или эволюция? Если я правильно понял смысл учения Маркса, то ответ дать нетрудно. Эволюция была для него причиной социализма. Он был слишком сильно пропитан чувством внутренней логики социального развития, чтобы поверить, что революция может заменить какую-либо часть работы эволюции. Революция тем не менее придет. Но она придет только для того, чтобы подписать заключение под целым рядом выполненных условий. Следовательно, революция, по Марксу, по своей природе и функциям от начала до конца отличается как от революции буржуазных радикалов, так и от революции социалистических конспираторов. По существу, это революция вследствие того, что «ситуация назрела». Конечно, те последователи Маркса, которым этот вывод не понравится, особенно в применении к Русской революции*, могут сослаться

* Карл Каутский в своем предисловии к «Теориям прибавочной стоимости» даже революцию 1905 года готов был назвать социалистической, хотя совершенно очевидно,

на многие места в священной книге, которые, видимо, противоречат ему. Но как раз в этих местах сам Маркс противоречит своей самой глубокой и зрелой идее, которая безошибочно вытекает из аналитической структуры «Капитала» и которая, как любая идея, рожденная чувством внутренней логики развития явлений, несет в себе под фантастически сверкающей оболочкой из сомнительных драгоценностей исключительно консервативный смысл. В конце концов почему бы и нет? Ни одна серьезная теория никогда не поддерживала какой-либо «изм» без всяких оговорок*. Сказать, что Маркс, избавленный от фразеологии, допускает интерпретацию в консервативном духе, означает только, что его можно принимать всерьез.

что все, что было в ней социалистического, — это марксистская фразеология отдельных интеллектуалов.

* Эту линию доказательства можно развивать и дальше. В частности, нет ничего специфически социалистического в трудовой теории стоимости, с этим согласится каждый, кто знаком с историей развития этой доктрины. То же самое справедливо (за исключением, конечно, фразеологии) в отношении теории эксплуатации. Нам нужно только признать, что существование прибавочного продукта, столь часто поминаемого Марксом, является или по крайней мере являлось неизбежным условием возникновения всего, что мы объединяем термином «цивилизация» (это было бы трудно отрицать). Для того чтобы быть социалистом, совсем не обязательно быть марксистом; но и недостаточно быть марксистом, чтобы стать социалистом. Обоснование социализма или революции можно получить на основе любой научной теории; но любая научная теория вовсе не обязательно предполагает подобные выводы. Ни одна из них не приведет нас в состояние, которое Бернард Шоу как-то назвал социологическим ражем, если только ее автор не свернет с пути научного анализа специально для того, чтобы возбудить аудиторию.

Глава 2

Мари Эспри Леон Вальрас (1834–1910)*

Скромное величие человека, отдавшего всего себя служению единственной цели, — вот что поражает нас сегодня, когда мы оглядываемся на судьбу Вальраса. Мощь, внутренняя логика и неизбежность всех событий его научной жизни впечатляет нас своей естественностью. Все течение этой жизни определено размышлениями о вопросах чистой экономической науки. Больше ничем. Ничто не нарушает единства ее целостной картины. Никакой иной элемент в ней не имеет значения. Медленно, но верно, будто под воздействием собственной тяжести, достижение труда всей его жизни предстает перед нами во всей его значимости.

Описание внешних обстоятельств этой жизни займет немного времени. Я взял из автобиографии Вальраса** факты для скромного обрамления, которое включает в себе картину столь огромного научного значения. Вальрас родился 16 декабря 1834 года в городе Эвре, что в департаменте Эр во Франции. Ход его научной карьеры показывает, насколько этот мыслитель был не приспособлен к делам практическим: мы видим неудачи, подобные той, которой стоит ожидать всякому, кто

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. A. Marie Esprit Léon Walras (1834–1910) // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 1910. Bd. XIX. S. 397–402.*

** *Walras L. Autobiografia // Giornale degli economisti. XXXVII. Dicembre 1908. P. 603–610.*

готовится к поступлению в Политехническую школу, читая Декарта и Ньютона; отсутствие интереса к проторенным дорожкам, типичное для любого пытливого ума. Вальрас предпринял неудачную попытку учиться в Горной школе. Затем он пробовал себя в журналистике, работал на разных предприятиях, и все это одинаково безуспешно. Для нас, однако, важно то, что уже в первой своей публикации, в 1859 году, при попытке опровергнуть основные идеи Прудона Вальрас озвучил убежденность, что к экономической теории нужно подходить математически. Начиная с этого момента он знал, чего хочет, начиная с этого момента он посвятил все свои силы лишь *одной* цели. Именно это условие — поиск метода, а не решение конкретных задач, — стало основой его трудов. Он уже чувствовал в себе склонность к определенному пути, но пока еще не знал, как далеко по нему пойдет. Кроме того, ему не хватало свободного времени и необходимого окружения: в своей автобиографии он с горьким сарказмом описывает атмосферу, царившую во французских научных кругах, да и в целом он так и не сумел пустить корни во Франции.

В этот период его жизни случай оказал науке великую услугу. В 1860 году Вальрас принял участие в Налоговом конгрессе в Лозаннском университете — этот конгресс впоследствии вдохновил его на вторую значительную публикацию — и завязал там знакомства, благодаря которым десять лет спустя был назначен заведующим новой университетской кафедры экономической теории. Для науки, как и для Вальраса, это имело большое значение. И каждый, кто ценит труды Вальраса, будет глубоко тронут, читая ту часть его автобиографии, в которой он не без торжественности описывает, как ходил в префектуру за разрешением (необходимым из-за угрозы мобилизации) покинуть страну и как потом отправился в Лозанну 7 декабря 1870 года

из Кана через Анжер, Пуатье, Мулен и Лион. Прибыв на место назначения, он приступил к работе и продолжал ее, пока труд всей его жизни не был завершен и пока силы не покинули его.

В 1892 году он оставил кафедру, хотя и сохранил связь с университетом в качестве почетного профессора. Он продолжил работать в своей маленькой квартирке, в доме неподалеку от деревни Кларанс. Там он и скончался 4 января 1910 года.

Из объективных обстоятельств жизни Вальраса мне остается упомянуть лишь одно: то равнодушие к его письменным трудам, которое сильно омрачало последние тридцать лет его жизни. Эта история не нова. Судьба истины, так же как и судьба красоты, в нашем мире часто бывает печальна. А уж когда новшество представляет собой не открытия и изобретения, которые интересны и понятны широкой публике, а новый способ смотреть на вещи, когда, к тому же, этот способ видения вещей так далек от актуальных интересов профессионалов, как в случае Вальраса, то невозможно ожидать быстрого или легкого признания. Принимая во внимание эти обстоятельства, мы не должны быть разочарованы его малыми фактическими достижениями — пожалуй, наоборот, мы должны быть поражены масштабом его успехов. Вальрас основал свою школу, и преимущественно через Маршалла его влияние распространилось и за ее пределы. Уже давно стало очевидно, кому на самом деле был вынесен приговор, когда парижская Академия моральных и политических наук (*Académie des Sciences Morales et Politiques*) отвергла его работу. И без звуков фанфар влияние его труда глубоко и все продолжает расти. Хотя долгое время у Вальраса не было сторонников, он прожил достаточно долго, чтобы убедиться, что его идеям защитники не нужны, что они вышли далеко за рамки научной моды. Однако эта мысль его не радовала и он так и не оправился

от воспоминаний о борьбе и поражении. Его автобиография заканчивается горькими словами, и, похоже, его одолевали горькие мысли, так что над его жизнью, внешне такой тихой, витает элемент трагичности.

Празднование юбилея Вальраса весной 1909 года подействовало на него как луч солнца после дождя. Он увидел расположение и восхищение, которые до того не находили выражения и о которых он раньше и не подозревал. Он получил больше признания, чем когда-либо мечтал получить. Это был знаменательный момент в его жизни.

Теория экономического равновесия — вот заявка Вальраса на бессмертие, великая теория, кристально ясный ход которой осветил структуру чисто экономических отношений светом *единого* фундаментального принципа. На памятнике, возведенном в честь Вальраса Лозаннским университетом, по праву высечены лишь два слова: «Экономическое равновесие» (*Équilibre économique*). Безусловно, его основная идея привела его ко многим результатам, имеющим важное практическое значение. Никто другой не сумел так же убедительно выступить в защиту национализации земли, а его вклад в монетарную политику практически не знает себе равных. Но все эти достижения ничтожны по сравнению с тем знанием, которое он открыл нам. Все три тома, в которых он синтезировал основной труд своей жизни*, принадлежат к числу богатейших книг нашей науки, но *aere perennius* это ход рас-

* *Walras L. Éléments d'économie politique pure; ou, Théorie de la richesse sociale. Lausanne: Corbaz, 1874* (рус. изд.: *Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Экономика, 2000*); *Walras L. Études d'économie sociale. Lausanne: F. Rouge, 1896*; *Walras L. Études d'économie politique appliquée. Lausanne: F. Rouge, 1898.*

суждений, содержащийся в разделах II–VI первого тома.

Вальрас начал с трудов Курно. Он вскоре обнаружил, как он пишет, что кривая спроса Курно, которая представляет величину спроса в виде функции цены, строго описывает только случай обмена двумя товарами, но показывает примерный результат в случае обмена более чем двумя товарами. Вначале он ограничился вторым случаем и аккуратно вывел кривую предложения одного товара из кривой спроса на другой; затем он получил равновесные цены на оба товара в точке пересечения двух кривых. Из этих кривых, которые описывали общее количество товаров на исследуемом рынке, он вывел отдельные кривые спроса и полезности в отношении количеств каждой отдельной экономической единицы и тем самым приблизился к краеугольному камню своей теории: понятию предельной полезности. На этой стадии развития, в 1873 году, теория была опубликована, и в последующие годы Вальрас продолжал над ней работать. Совпадение полученных им результатов с выводами Менгера и Дживонса поразительно настолько же, насколько поразительно далеки друг от друга их отправные точки и методы. В этих простых теоремах содержится достижение фундаментальной важности.

Дальнейшие проблемы следуют из первой по безукоризненно логичной цепочке рассуждений. Вначале обнаружилась проблема обмена более чем двумя товарами, которая с точки зрения научной формулировки куда сложнее, чем представляется непрофессионалу. Затем Вальрас встал перед проблемой производства, сопоставив рынок определенного количества потребительских товаров, который он ранее рассматривал в изоляции, с аналогичным образом устроенным рынком факторов производства. Они были связаны между собой, с *одной* стороны, через «предпринимателя, не имеюще-

го ни прибыли, ни убытков» (*entrepreneur faisant ni bénéfice ni perte*), а с *другой* стороны — через тот факт, что общая выручка от продажи всех средств производства должна в условиях совершенной конкуренции и равновесия равняться общей выручке от продажи всех потребительских товаров. Принимая во внимание тот факт, что полезность должна быть максимизирована для каждого участника обмена, а также так называемые производственные коэффициенты, которые варьируются определенным способом, теория взаимодействия издержек и полезности, а с ней и фундаментальный принцип всего хода экономического процесса приводят к блистательному в своей простоте решению.

Вальрас выдвинул проблему капитализации, предположив, что некоторые продавцы производственных услуг делают сбережения и инвестируют эти сбережения в новые капитальные товары, которые благодаря спросу на них существуют на рынке в определенных количествах. Цена этих новых капитальных товаров формируется на основании ценности их услуг. Эта цена, в свою очередь, становится основанием для определения капитальной стоимости старых средств производства, что решает проблему капитализации, или деривации капитализированной стоимости всех товаров. У такой точки зрения есть свои недостатки. Но мы замечаем их только потому, что сравниваем ее с сегодняшними достижениями Бём-Баверка. Притом что в ней есть некоторые погрешности, как и во многих других, более ранних теориях процента, она все же выгодно отличается от них. Теория процента Вальраса, пожалуй, более всего сравнима с теорией процента Рикардо, причем они соотносятся друг с другом так же, как здание с фундаментом.

Из всех частей системы Вальраса его теория денег претерпела больше всех изменений с течением времени, пока не стала считаться одной из наиболее

зрелых в этой области. Значительная доля усилий Вальраса с 1876 по 1899 год была посвящена теории денег. Если в первом издании «Элементов» он еще пишет о «необходимой циркуляции» (*circulation à servir*), то впоследствии его денежная теория строится на индивидуальной потребности в «средствах оплаты благ» (*encaisse désirée*). Эта разница крайне важна. Невозможно говорить о потребности экономики в средстве обращения в том же смысле, в каком мы говорим о потребности человека в хлебе. Однако потребность человека в средствах платежа совершенно аналогична потребности в хлебе; ее можно отнести к проявлениям закона убывающей предельной полезности. Тогда этот принцип используется блестящим образом и из уравнений обращения развивается прекрасная теория определения цены денег. Однако поскольку я не могу сейчас вдаваться в детали, достаточно будет сказать, что подход Вальраса к проблеме биметаллизма близок к классике и будет еще долгое время оставаться оптимальным.

Вся чистая экономическая теория у Вальраса опирается на два условия: что каждая экономическая единица стремится увеличить полезность и что спрос на каждый товар равен предложению. Все его теоремы построены на этих двух предпосылках. Эджуорт, Бароне и прочие, возможно, дополнили его анализ; Парето и прочие, возможно, даже превзошли его по некоторым направлениям; однако это никак не умаляет значения этого анализа. Тот, кто знаком с основами и механизмами точных естественных наук, знает, что их великие достижения сходны по методу и сути с достижениями Вальраса. Находить точные формулы для явлений, о взаимной зависимости которых мы знаем из опыта, сводить эти формулы друг к другу и выводить их друг из друга — этим занимаются физики, и этим занимался Вальрас. Причем Вальрас зани-

Йозеф Шумпетер

мался этим в новой области, в которой он не мог опираться на века подготовительной работы. Он быстро и успешно справился с этой задачей. Он справился с ней, несмотря на внешние и внутренние сложности. Он работал без помощи и без союзников, пока сам не создал их — безо всякого поощрения, не считая того, что черпал внутри себя. Он делал это, хотя знал, не мог не знать, что от своего поколения не дождется успеха и не получит признания ни от экономистов, ни от математиков. Он шел по своему одинокому пути без моральной поддержки, которую обыкновенно имеют и практик, и ученый. Таким образом, его портрет содержит все черты, отличающие истинно созидательный ум от умов создаваемых. Это все, что касается *человека*. Его *работа* еще получит заслуженное признание — рано или поздно.

Глава 3

Карл Менгер

(1840–1921)*

Сила аргумента обыкновенно измеряется тем, можно ли рассматривать его как решающий сам по себе, или он непременно должен стоять в длинной цепи дополнительных аргументов. Аналогичным образом научное достижение человека измеряется тем, можно ли рассматривать это достижение как единый великий прорыв или его можно изобразить только в виде мозаики из многих маленьких частиц. Менгер — один из тех мыслителей, которые могут похвастаться единым знаменательным достижением, которое вошло в историю науки. Его имя навсегда останется связанным с новым объяснительным принципом, который произвел революцию в экономической теории. Значительные или приятные черты его характера, его прочие научные достижения, его преданность преподавательской деятельности и выдающаяся эрудиция — все это меркнет рядом с тем величественным постаментом, на котором возвышается фигура Менгера. Его биограф, разумеется, использует все эти достоинства, чтобы создать полную картину сильной и привлекательной личности. Но важность эта картина приобретает благодаря одному великому достижению, и для того, чтобы покрыть славой имя Менгера, достаточно его одного.

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. A. Carl Menger // Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik. Neue Folge. 1921. Bd. 1. S. 197–206.*

Менгер ушел от нас после двадцати лет строжайшей отставки, в течение которых изучал поле своих интересов для собственного удовольствия. Таким образом, прошло достаточно времени, чтобы мы могли обсуждать плоды его трудов как главу истории экономической науки. Эти плоды и в самом деле впечатляют. История экономической теории до Менгера вкратце выглядела так. Из практических сомнений, из нужд практической политики в XVI веке начал формироваться небольшой фонд знаний по экономическим вопросам; проблемы монетарной и торговой политики с того времени — так сказать, с тех пор, как современная экономика обмена переросла границы деревни и поместья, — породили дискуссии, в ходе которых были примитивным образом связаны между собой причины и следствия выдающихся экономических событий. Параллельно с постепенным развитием индивидуализированной экономики и свободной торговли появился постоянно разрастающийся поток памфлетов и книг, авторы которых были обычно настроены скорее на решение актуальных экономических проблем, чем на размышление о фундаментальных научных вопросах. В XVIII веке сформировалась консолидированная экономическая наука с собственными школами, достижениями, диспутами, учебниками и учеными-экспертами. Это была первая эпоха нашей науки, эпоха, кульминацией которой мы можем считать труды Адама Смита. За ней последовал период анализа и углубления специализации, когда в той области, о которой мы сейчас будем говорить, поскольку именно к ней относится главное достижение Менгера, господствовали классические английские экономисты. Эта эпоха носит имя Рикардо. В это время была создана когерентная система доктрин, претендовавшая на научность и общую состоятельность в широких масштабах; так родилась чистая экономическая теория.

Мы никогда не узнаем точно, почему за столь стремительным развитием последовал такой сокрушительный спад. Ведущие умы науки еще продолжали свою работу; наука еще не прошла стадию определения основ, но в кругу экономистов уже заметна была парализующая стагнация, а вне его царили общее недоверие, враждебность или пренебрежение. Виной этому были отчасти неотъемлемые дефекты достижений новой науки, примитивность некоторых используемых ею методов, поверхностность некоторых цепочек рассуждений, а также явная неадекватность некоторых выводов. Все эти недостатки, будучи поправимыми, не должны были сыграть фатальную роль. Но никто не занялся их исправлением, никто не проявил интереса к внутреннему строению нового теоретического сооружения, поскольку — и здесь кроется причина провала — иной мотив отвратил общественное мнение, равно как и экспертов, от экономики. Новая доктрина, претендуя на научную достоверность, слишком поспешила с попыткой решения практических вопросов, а также с вмешательством в борьбу политических и общественных партий. Поэтому провал либерализма стал также и ее провалом. В результате, особенно учитывая, что в некоторых отдельных странах, в частности в Германии, существовало неприятие общественной теории как таковой и тенденция придерживаться интеллектуального наследия философской и исторической традиции, следующему поколению был передан лишь фасад классической теории, в то время как путь к ее внутренней структуре был, в сущности, прегражден. Молодое поколение едва ли сознавало, какое количество научных знаний и будущих возможностей скрывает в себе классическая теория. Поэтому она стала выглядеть не более чем промежуточным эпизодом в истории идей, попыткой обосновать экономическую политику одного конкретного мимолетного

периода. Конечно, профессионалы сохранили какие-то части теории. В отдельных случаях встречались даже достижения исключительной важности, но по большей части поле оставалось невозделанным. Заслуги немецких ученых Тюнена и Германна не меняют общего вердикта. Только социалистическая теория сумела вырасти на классической методологической основе, не окаменев.

Научный размах резко выделяет труд Карла Менгера на фоне описанной научной среды. Безо всяких внешних стимулов и безо всякой помощи со стороны он ворвался в полуразрушенное здание экономической теории. Им двигал не интерес к экономической политике или истории идей, не желание пополнить сокровищницу накопленных фактов, а, скорее, стремление прирожденного теоретика к поиску новых принципов знания, новых инструментов для организации фактов. И в то время как обычный исследователь добивается в лучшем случае частичного успеха, находит решение одной из многих отдельных проблем научной дисциплины, Менгер относится к тем, кто сравнивал с землей всю прежнюю структуру науки, чтобы поставить ее на совершенно новое основание. Старая теория была уничтожена, причем не историками и социологами, которые от нее просто отмахивались, и не людьми, формирующими экономическую и общественную политику, которые отвергали ее практические заключения. Она была уничтожена человеком, который увидел ее внутреннюю системную несостоятельность и, применив к ней свой собственный подход, полностью обновил ее.

Я всегда чувствую себя неловко, излагая основной принцип какой-либо теории для широкого круга читателей, поскольку конечная формулировка любого основного принципа неизменно звучит несколько банально. Интеллектуальное достижение аналитика заключается не в выражении основно-

го принципа науки в определенном утверждении, а в умении заставить это утверждение плодоносить и вывести из него все проблемы этой науки. Если сказать, что основной принцип механики заключается в утверждении, что тело находится в равновесии, если не движется ни в каком направлении, то непрофессионал вряд ли сможет по заслугам оценить полезность этой теоремы или интеллектуальное достижение того, кто ее сформулировал. Поэтому если мы скажем, что основная идея теории Менгера заключается в том, что люди ценят товары, потому что нуждаются в них, мы должны понимать, что на непрофессионалов эти слова не произведут впечатления—а ведь в вопросах чистой теории даже большинство экономистов являются непрофессионалами. Критики теории Менгера всегда считали, что нет такого человека, который не был бы в курсе факта субъективной оценки, и решительно несправедливо выдвигать столь тривиальное возражение против классической теории. Парировать этот выпад легко: можно доказать, что почти все классические экономисты начинали с этого утверждения, но затем отказывались от него, не зная, как его развить, поскольку верили, что субъективная оценка утратила свою функцию двигателя в механизме капиталистической экономики. Так что как субъективная оценка, так и основанный на ней спрос считались бесполезными по сравнению с объективным фактом затрат. По сей день критики школы Менгера время от времени заявляют, что субъективная теория ценности может в лучшем случае объяснить цены на определенный набор потребительских товаров, и больше ничего.

Таким образом, важно не открытие Менгером того факта, что люди покупают, продают или производят товары, потому что оценивают их с точки зрения удовлетворения потребностей и соответственно этой оценке. Важно другое открытие: этот

простой факт и его первопричины, законы человеческих потребностей — вот все, что требуется для объяснения основных проявлений всех сложных феноменов современной меновой экономики, и, как бы неправдоподобно это ни звучало, человеческие потребности являются движущей силой механизма любой экономики, если только это не экономика Робинзона Крузо и не экономика без обмена. Чтобы прийти к этому заключению, нужно для начала признать, что ценообразование — это специфически экономическая черта экономики в отличие от всех прочих общественных, исторических и технических ее черт и что все специфически экономические события могут быть осмыслены в рамках явления ценообразования. С чисто экономической точки зрения экономическая система является всего лишь системой взаимозависимых цен; все отдельные проблемы, как бы они ни назывались, являются лишь частными случаями одного и того же постоянно повторяющегося процесса, и все специфически экономические закономерности можно вывести из законов ценообразования. Уже в предисловии к труду Менгера мы обнаруживаем это утверждение в виде очевидной предпосылки. Главная цель Менгера — выявить законы ценообразования. Как только он находит основание решения проблемы ценообразования — с точки зрения как спроса, так и предложения — в анализе человеческих потребностей и в том, что Визер называет принципом предельной полезности, весь сложный механизм экономической жизни внезапно оказывается неожиданно и удивительно простым. Остается только проработка деталей, все более усложняющихся по мере продвижения вперед.

Основной труд Менгера, который содержит решение проблемы ценообразования и обозначает схему всех дальнейших усовершенствований его теории, должен наряду с аналогичными независимыми

трудами Джевонса и Вальраса почитаться как основание современной экономической теории; он называется «Основания учения о народном хозяйстве, часть первая, общая» («Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, Erster Allgemeiner Teil»), был впервые издан в 1871 году. В нем спокойно, четко и ясно, с абсолютной уверенностью в своих словах Менгер в чеканных формулировках представляет читателю великую реформу теории ценности. Последователи Менгера часто сравнивают его достижение с достижением Коперника; его критики еще чаще высмеивают это сравнение. Сегодня уже можно сформировать мнение по этому вопросу: Менгер реформировал науку, которая остановилась в развитии не так давно и бесповоротно, как астрономия, которой сумел дать новое основание Коперник. С этой точки зрения техническое достижение Коперника куда величественней и сложнее, не говоря уже о том, что оно расположено в области, в которой результаты не могут быть проверены непрофессионалом и покрыты пеленой тайны. Но по сути и по качеству труды Менгера и Коперника принадлежат к одной категории, так же как личное достижение военного командира, под началом которого небольшая армия побеждает врага в неприметном театре военных действий, сравнимо с победами Наполеона и Александра Македонского, даже если такая классификация и удивляет человека, не знакомого с обстоятельствами. Сравнения вообще обманчивы и зачастую возбуждают ненужные дискуссии. Но поскольку они помогают определить положение человека так, чтобы оно стало понятно не только экспертам в узкой области, мы рискуем сравнить Менгера с другими экономистами. Если мы сравним его, например, с Адамом Смитом, мы не сможем не отметить, что его достижение имеет гораздо более узкую область применения, чем достижение шотландского профессора. Адам Смит писал исходя из практических

нужд своего времени, и его имя неразрывно связано с экономической политикой его эпохи. Достижение же Менгера является чисто научным, а в качестве научного вклада имеет чисто аналитический характер. Его работу можно сравнить только с частью работы Смита. При этом Смит совсем не был оригинален в своих идеях, а в базовых научных вопросах был иногда удивительно поверхностен. Менгер же копал глубоко и сам по себе дошел до таких истин, которые для Смита были недостижимы.

Гораздо ближе к Менгеру стоит Рикардо. Его талант также имеет теоретическую направленность, хотя талант этот совсем иной, чем у Менгера. Продуктивность и проникаемость Рикардо проявились в том множестве практических утверждений и идей, которые ему удалось вывести из крайне примитивных оснований. Величие же Менгера заключается как раз в анализе этих оснований, и с точки зрения чистой науки его заслуга должна цениться выше. Рикардо обеспечил Менгера необходимой предварительной ступенью, которую сам Менгер, безусловно, создать бы не смог. Но Менгер разрушил теорию Рикардо.

Поскольку Менгер со своей школой вскоре стал считаться единственным серьезным конкурентом марксистской теории, нужно попытаться также сравнить его с Марксом. Для этого нам придется полностью отрешиться от роли Маркса как социолога и пророка и ограничиться чисто теоретической частью его работы. Менгер соревновался с Марксом только в одном секторе, и в этом секторе он существенно превзошел Маркса как оригинальностью, так и успешностью. В области чистой теории Маркс был учеником Рикардо и даже некоторых его последователей, особенно английских авторов-социалистов и полусоциалистов, писавших о теории ценности в 1820-е годы. Менгер не был ничьим учеником, и созданная им теория

крепко стоит на ногах. Чтобы не быть неверно понятым, я уточню: из теории Менгера нельзя вывести никакой экономической социологии или социологии экономического развития. В картину экономической истории и борьбы общественных классов она внесла лишь небольшой вклад, но тем не менее теория ценности, цены и распределения Менгера по сей день остается непревзойденной.

Я уже сказал, что Менгер не был ничьим учеником. В сущности, у него был лишь один предшественник, осознавший его основную идею в ее полном значении, а именно Госсен. Успех Менгера вновь пробудил интерес к давно забытой книге этого одинокого мыслителя. Кроме Госсена можно, конечно, найти и у других экономических мыслителей — начиная со схоластов и далее, в частности, у Дженовези и Инара, а затем у некоторых немецких теоретиков начала XIX века — намеки на субъективную теорию ценности и даже на основанную на ней теорию цены. Но все упоминания сводятся более или менее к тому очевидному факту, о котором мы уже говорили. Больше в этих намеках мог увидеть лишь тот, для кого они в результате собственных изысканий открылись в своем полном значении. С другой стороны, цветы научных достижений неизменно расцветают на старых деревьях. Если достижение независимо, человечество просто не знает, что с ним делать, и его цветок падает на землю, никем не замеченный. Но в той степени, в которой научная жизнь или человеческая жизнь вообще допускает оригинальность, теория Менгера безраздельно принадлежит Менгеру, а также Джевонсу и Вальрасу.

Независимость достижения Менгера также объясняет тот прием, который оно получило в научном сообществе, и его раннюю судьбу. Вклад Менгера был плодом размышлений и борьбы, пережитых им на третьем десятке жизни, во время того периода сакральной плодотворности, когда каждый мыс-

литель создает то, над чем впоследствии работает всю жизнь. Менгер родился 23 февраля 1840 года, и ему был всего тридцать один год, когда увидела свет его первая книга. Изначально она предназначалась для венских читателей — публикуя ее, Менгер надеялся получить право вести преподавательскую деятельность, — и величину его личного достижения можно осознать, только если вспомнить, в какой пустыне он сажал свои деревья. К этому моменту австрийская экономическая теория уже долгое время не проявляла никаких признаков жизни. Чтобы привести пример работы хотя бы приемлемого уровня, нам пришлось бы обратиться к 1848 году, к книге Зонненфельса, первому официальному учебнику по экономике. Все материалы и идеи, заслуживающие внимания, импортировались из Германии. Люди, с которыми познакомился Менгер в университете, не понимали ни его идей, ни вообще той ветви науки, которую он заставил плодоносить. Они оказали ему тот прохладный прием, о котором он впоследствии рассказал нам. В конечном итоге Менгер все же состоялся как ученый, сделался профессором и со временем получил все обычные почести, полагающиеся ученому мужу; однако он никогда не забывал тех трудностей, с которыми столкнулся в начале карьеры. Более того, в Германии он продолжал оставаться незамеченным, хотя бы только потому, что в Германии в области его исследований господствовала с одной стороны общественная политика, а с другой — изучение деталей экономической истории. Совсем один, не имея платформы, чтобы донести до мира свои идеи, не имея ни сферы влияния, ни тех средств, которыми традиционно располагает заведующий выдающейся кафедрой, Менгер встречал вокруг лишь непонимание, которое переросло во враждебность.

Любой, кто имеет представление о скрытой истории научного прогресса, знает о той тактике, ко-

торая применяется в узких кругах, чтобы добиться принятия новых идей. Менгер этой тактикой не владел, а даже если бы и знал о ней, у него все равно не было возможностей для проведения необходимых кампаний. Но исключительная сила духа позволила ему пробиться через джунгли неприятия и восторжествовать над вражескими армиями. И в этом была только его заслуга. В человеческой душе есть тонкая и тесная связь, не всегда очевидная, а иногда и вовсе незаметная, между интеллектуальной энергией, способной отринуть традиционные взгляды и самостоятельно проникнуть в глубину вещей, и талантом основывать школы — той особой увлеченностью, которая привлекает и убеждает будущих мыслителей. В случае Менгера степень концентрации интеллектуального труда привела его напрямую к концентрации на обнародовании результатов этого труда. Хотя он больше никогда не высказывался относительно теории ценности, он сумел внушить свои принципы целому поколению учеников. Более того, он верно понял, что в Германии отвергалась не столько его теория, сколько любая теория, и вступил в битву за законное место аналитиков-теоретиков в общественных вопросах. Благодаря этой битве, широко известной под названием «Спор о методах» (*Methodenstreit*), была создана его книга по методологии общественных наук, в которой он попытался с систематической тщательностью, используя формулировки, многие из которых по сей день остаются непревзойденными, очистить поле точных исследований от поросли методологического беспорядка. Этот научный вклад также останется вечно ценным, несмотря на то, что развитие теории знания во многих отношениях ушло далеко вперед. Было бы несправедливо по отношению к основному вкладу Менгера называть эту позднюю работу равноценной ему; однако ее образовательное воздействие на его современников было огромным. Вне Герма-

нии книга не имела, да и не должна была иметь никакого влияния, потому что вне Германии те идеи, которые она стремилась насадить, по большей части были и так повсеместно приняты. Для развития же наук в Германии это было ключевое событие.

Более того, Менгеру выпала по части распространения идей такая удача, которая редко выпадает основателям школ: его союзниками были два интеллектуально равных ему ученых, которые могли продолжить его работу, не теряя заданного высочайшего уровня, — Бём-Баверк и Визер. Трудami и усилиями этих двух людей, которые, несмотря на свое собственное призвание к интеллектуальному лидерству, постоянно возвращались к идеям Менгера, была создана австрийская школа, постепенно завоевавшая мир экономической науки. Путь австрийской школы к успеху был долгим. Часто этот успех проявлялся в форме психологически понятной, но в то же время не слишком лестной: такой успех обыкновенно сопутствует тем группам ученых, которым не хватает, так сказать, средств научной рекламы. То есть основные идеи школы принимались, но этому принятию сопутствовало не благодарное признание, а формальное отвержение под предлогом второстепенных вопросов. Так произошло, например, в Италии. Ведущие английские теоретики также не были полностью свободны от этой слабости. В Америке, а также спустя некоторое время во Франции прием был куда более сердечным и щедрым, и еще более теплым он был в скандинавских странах и Голландии. Только после этого успеха новая тенденция стала приниматься в Германии как свершившийся факт. Так что Менгер все же дожид до того, чтобы увидеть, как его доктрины обсуждаются в научных кругах всех тех стран, где процветает наша наука, и как его основные идеи медленно и незаметно выходят за пределы актуальной дискуссии и становятся частью общепринятой сокровищницы

научных знаний. Сам Менгер внимательно следил за этим процессом, и хотя, как истинный ученый, временами выходил из себя из-за шпилек коллег, он, тем не менее, сознавал, что вошел в историю экономической науки и его имя останется в ней навсегда.

Мы знаем сегодня, что никакое научное достижение не бывает постоянным в том смысле, что в ходе прогресса науки оно непременно претерпевает поправки. Последователи Менгера, а также все исследователи экономической теории, продолжавшие путь Вальраса, уже внесли немало изменений в созданную им систему и, безусловно, продолжают это делать. Однако его достижение неподвластно времени в другом смысле: сегодня не подлежит сомнению, что он сделал гигантский шаг вперед по дороге знаний и что его книга всегда будет выделяться из массы публикаций-однодневок и ее будут помнить на протяжении многих поколений.

Если бы у Менгера не было одного столь великого достижения, мы должны были бы сказать и о других его заслугах: прежде всего, о его теории денег, написанной для словаря «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», его вкладе в теорию капитала и практические вопросы валютной политики. Мы должны были бы упомянуть его преподавательскую работу, которая навсегда запечатлелась в памяти людей старшего поколения далеко за пределами узкого круга специалистов, а также удивительную широту его интересов. Однако рядом с его теорией ценности и цены, которая, так сказать, стала истинным воплощением его личности, все это меркнет.

Сегодня мы горюем не только о мыслителе, но и о прекрасном человеке. В памяти всех, кто знал его, он оставил тысячи дорогих воспоминаний.

Глава 4

Альфред Маршалл (1842–1924)*

К полувековому юбилею «Принципов»
Альфреда Маршалла**

I

Пятнадцать лет назад мне случилось читать серию лекций в Лондонской школе экономики, и в одной из них я походя отдал дань памяти великого Маршалла. Спустя некоторое время один из моих лондонских слушателей написал мне письмо с вопросом, считаю ли я, что идеи Маршалла окажутся такими же недолговечными, какими оказались идеи

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. A. Alfred Marshall's Principles: A Semi-Centennial Appraisal // American Economic Review. 1941. Vol. 31. No. 2. P. 236–248.*

** Эта статья написана на основе заметок к докладу, который я читал на конференции Американской экономической ассоциации 29 декабря 1940 года в Новом Орлеане. Местами я дополнил этот доклад комментариями из своего ранее написанного и неизданного эссе, которое, в свою очередь, пересмотрел в свете данных, содержащихся в «Воспоминаниях о Маршалле» Джона Мейнарда Кейнса, впервые опубликованных в «Экономическом журнале», а затем переизданных в сборнике: *Keynes J. M. Alfred Marshall, 1842–1924 // A. C. Pigou (ed.). Memorial of Alfred Marshall. L.: Macmillan, 1925. P. 7–65*, а также монографии: *Keynes J. M. Essays in Biography. L.: Macmillan, 1933.* Приношу свою благодарность автору «Воспоминаний», которые я считаю выдающимся образцом биографической литературы. Все приведенные цитаты и ссылки относятся к изданию 1933 года.

Милля или даже Адама Смита. Это эссе я решил написать в форме ответа на вопрос слушателя.

В некотором смысле время экономической теории Маршалла уже прошло. Мы больше не разделяем ни его видения экономического процесса, ни его методов, ни его выводов. Но мы по-прежнему восхищаемся его грандиозной системой, которая, пусть и ослабленная нападками критиков и влиянием новых идей, все еще возвышается величественным зданием где-то позади наших собственных исследований. Мы восхищаемся ей так же, как Мадонной Перуджино, сознавая, что она воплощает собой идеал чувств и помышлений своего времени, но также сознавая, насколько далеко мы ушли от этого идеала сегодня.

Так неизбежно должно было случиться в ходе работы, проделанной экономистами за прошедшие пятьдесят лет. Но эта работа была бы абсолютно бесплодной, если бы «Принципы» Маршалла не стали для нас тем, что принято называть этим двусмысленным словом «классика». Такова судьба классических работ в любой науке. *Si licet parva componere magnis**, можно вполне сравнить отношение современной экономической теории к теории «Принципов» с отношением современной физики к физике 1890-х годов. В 1894 году, если мне не изменяет память, Хендрик Лоренц заявил, что, по его мнению, теоретическая физика достигла совершенства и перестала поэтому быть интересной. Сегодня мы поостережемся делать такие заявления. Время прекрасных в своей простоте и четкости линий прошло. Их сменил полный беспорядок — разрозненная масса фактов и элементов, которые, кажется, не поддаются никакой систематизации.

* Если позволительно сравнивать малое с великим (*лат.*). — *Прим. ред.*

Примерно то же самое произошло и с экономической теорией. Я не собираюсь сейчас перечислять все злоключения капиталистической системы и рассказывать о той смене политических ориентиров, к которой они привели. Дело не в том, что устарели взгляды Маршалла на практические проблемы, общественные вопросы и тому подобное. Возможно, они и в самом деле устарели, но для целей настоящей статьи это несущественно. Существенно же то, что устарел его аналитический аппарат и что он устарел бы в любом случае, даже если бы наши политические взгляды оставались прежними. Даже если бы ход истории остановился и ничто в мире не развивалось, кроме экономического анализа, теории Маршалла все равно был бы вынесен тот же приговор.

Однако в некотором смысле учение Маршалла никогда не сможет полностью кануть в прошлое. Его влияние сохранится на неопределенное время не только потому, что учение такого масштаба и мощности всегда становится частью научного наследия, но также и потому, что в этом учении есть некое качество, которое эффективно противится тлену. Выросший в эпоху, когда на каждом углу кричали об эволюционном прогрессе, Маршалл одним из первых экономистов осознал, что экономика — это эволюционная наука (хотя его критики не только упустили эту часть его рассуждений из виду, но и порой обвиняли его экономическую теорию в невнимании к эволюционному аспекту). В частности, Маршалл писал, что человеческая природа, которую он объявил главным фокусом своих исследований, является пластичной и изменчивой и зависит от окружения. Однако и это сейчас для нас не самое главное. Главное то, что свою ориентированность на эволюцию Маршалл сохранил и в теоретическом анализе. В нем не чувствуется завершенности. В отличие от Милля Маршалл никогда не за-

являл, что с той или иной проблемой покончено навсегда и что никакой ее аспект больше не нуждается в дальнейших пояснениях ни его собственных, ни прочих авторов. Напротив, он понимал, что возводимое им здание носит временный характер. Он постоянно ссылался на труды других ученых, в том числе в областях, которые были для него чуждыми. Благодаря этому новые проблемы, идеи и методы, к трудам других ученых совершенно беспощадные, становились его союзниками. Маршалл разбил обширный укрепленный лагерь, в котором находилось место для каждой новой идеи, более того, кажется, что для каждой из них он заранее это место приготовил. Многие восставали против его правления, но в основном это были бунтовщики лишь местного значения. А иногда случалось, что мятежники обнаруживали — или другие обнаруживали за них, — что Маршалл заранее предвидел их цели, так что для восстания, в сущности, нет причин.

II

«Принципы» стали результатом более чем двадцатилетнего труда*. Когда, наконец, в 1890 году они были опубликованы, их встретил моментальный и оглушительный успех. Объяснить этот успех не-

* За эти двадцать лет Маршалл опубликовал несколько статей, а также в 1879 году издал написанную в соавторстве с женой книгу «Экономика промышленности» (*Marshall A., Marshall M.P. The Economics of Industry. L.: Macmillan, 1879*). В том же году, по настоянию Генри Сиджвика, были отпечатаны частным издателем и распространены по Англии и за ее пределами две знаменитые небольшие монографии: *Marshall A. The Pure Theory of Foreign Trade* и *The Pure Theory of Domestic Values*. Большая часть их вошла впоследствии в состав «Принципов» и Приложения J «Денег, кредита и коммерции».

трудно. Книга была не просто огромным достижением сама по себе; это достижение еще и было облечено в крайне привлекательный наряд, сшитый точно по экономической моде своего времени, и такой подход делает честь не только гению автора, но и его здравому смыслу.

Суть достижения Маршалла изложить уже сложнее, чем объяснить его популярность. Мы будем к нему несправедливы, если сразу перейдем к сути аналитического аппарата, представленного в «Принципах». Ибо эта суть предваряется, сменяется и со всех сторон окружена экономической социологией английского капитализма периода XIX века, разработанной на основании удивительно обширной и достоверной исторической базы. Маршалл был первоклассным экономическим историком, хотя технически его таланты историка и не были безупречны. Его мастерское владение историческими фактами и аналитический ум работали в столь тесном союзе, что факты жизни в его работе вмешивались в теоремы, а теоремы проникали в чисто исторические наблюдения. Эта черта, конечно, куда лучше заметна в «Промышленности и торговле», чем в «Принципах», где даже в историческом введении исторические факты были сокращены такой решительной рукой, что почти ускользают от внимания как критиков, так и последователей. Однако ее можно различить и в «Принципах» наряду с другой чертой: непрерывными и внимательными наблюдениями за современной Маршаллу деловой жизнью, которую он понимал очень глубоко, что редко бывает свойственно экономистам-теоретикам. Эта особенность невольно наложила некоторые ограничения на работу Маршалла. Дела среднего размера английской фирмы в его анализе освещены куда подробнее, чем требуется для труда, претендующего на универсальность. Но в рамках этих ограничений Маршалл в своем

реализме намного превзошел Адама Смита и несравнимо опередил всех остальных экономистов. Эта же особенность, возможно, послужила причиной того, что в Англии у Маршалла не появилось институционалистской оппозиции.

Зато такая оппозиция появилась у него в Соединенных Штатах. Это вполне объяснимо. Упрощенная, лишенная исторического контекста версия теории Маршалла наводнила учебные заведения до такой степени, что многие наиболее живые умы просто отказались ее воспринимать. Вполне естественно, что, пытаясь оторваться от упрощенного Маршалла, они считали, что отрываются от истинного Маршалла; естественно и то, что, пытаясь пробиться к экономической реальности, они не заметили поставленного Маршаллом указателя, который указывал как раз в направлении их движения.

Аналитическая суть, или ядро, «Принципов» представляет собой курс по теории экономической статики. Мы не ценим оригинальность этой работы по достоинству, поскольку видим в ней лишь одного представителя целого семейства аналогичных трактатов, появившихся примерно в это же время. Более того, остальные представители этого семейства явно не были связаны с трудом Маршалла, в то время как способ работы и метод публикации самого Маршалла не позволяют историкам экономической мысли с полной ответственностью утверждать, что его версия теории была совершенно самостоятельной. Я не хотел бы быть неправильно понятым. Джон Мейнард Кейнс в биографии своего учителя свидетельствует об оригинальности работы Маршалла и приводит доказательства этой оригинальности, которые мне кажутся весьма убедительными*. Сам же Маршалл хранил на эту тему

* См.: *Keynes J. M. Essays in Biography*. P. 180ff.

гордое молчание и обозначал свои чувства только тем, что скрупулезно отдавал должное классикам, в частности Рикардо и Миллю, и нейтрально, но настороженно отзывался о Менгере, Джевонсе и величайшем из всех экономистов-теоретиков Вальрасе. Однако следующее предположение, вероятно, недалеко от истины.

Мы знаем из книги Кейнса, что Маршалла привлекло в стан экономистов не одно лишь интеллектуальное любопытство. Его побудило заняться экономикой благородное желание помочь в облегчении тех страданий и упадка, которые он наблюдал среди бедняков Англии. Когда он обсуждал этот волнующий его вопрос с другом, подкованным в экономической теории того времени, тот неизменно разбивал в пух и прах все его предложения, и именно это побудило Маршалла обратиться к «Принципам» Милля за просвещением. Есть и другие указания на то, что свои первые сведения об экономической теории Маршалл почерпнул у Милля. Затем в 1867 году он обратился к трудам Рикардо. Даже не зная всех обстоятельств этого знакомства, можно легко предположить, какое впечатление на мощный математический ум должны были произвести эти два автора: вначале Маршалл, должно быть, был шокирован расплывчатостью и небрежностью, которые оба автора, особенно Милль, проявляли по отношению к убедительности своих доказательств и детерминированности выводов. Затем он решил немедленно заняться снятием ограничений и обобщением положений теории — ровно в той степени, которая была необходима, чтобы трансформировать систему Милля в систему Маршалла.

Конечно, это была очень существенная работа. Многие физики-теоретики обессмертили свое имя куда меньшими достижениями. Маршалл сам пишет о том, какую поддержку ему оказали труды Курно и Тюнена, и глубокое влияние обоих этих ав-

торов хорошо заметно в его книгах. Кривые спроса и предложения для анализа частичного или частного равновесия Маршалл взял у Курно (хотя стоит вспомнить тут и о Флиминге Дженкине), а предельный анализ, который неминуемо рано или поздно сам пришел бы в его математическую голову, — у Тюнена. Что касается теории предельной полезности, то в 1862 году Джевонс представил Британской экономической ассоциации свое «Краткое изложение общей математической теории политической экономии», в котором идея предельной полезности прозвучала под названием «коэффициент полезности». Два тома «Элементов чистой политической экономии» Вальраса, опубликованные в 1874 и 1877 годах, также описывали костяк статической модели теории предельной полезности куда более подробно, чем «Принципы» Маршалла. Однако зная читательские предпочтения Маршалла, можно предположить, что в это время труды Вальраса были ему еще неизвестны, а остальные экономисты, технически его опередившие, могли подать ему только идеи отдельных фрагментов теории.

Видимо, этим и объясняется стремление Маршалла приписать Миллю и Рикардо авторство идей практически всех реформаторов экономической теории. Хотя я, будучи горячим поклонником Вальраса, не могу не испытывать возмущения по поводу того скудного внимания, которое уделяется Вальрасу в «Принципах», а будучи горячим поклонником Маршалла, не могу не сетовать на его недостаточную щедрость в этом отношении. Маршалла все же нельзя обвинить в том, что он не признавал влияния других авторов на свои теории. Но зато он так и не признал влияния на них своего великого безличного союзника, которому был столь многим обязан, — математики.

Если этот диагноз справедлив, то дело даже не в том, что математический склад ума Маршалла

способствовал его успеху в области экономической теории, а в том, что именно использование методов математического анализа привело его к этому успеху; без них ему вряд ли удалось бы трансформировать идеи Смита, Рикардо и Милля в современный аналитический инструментарий. Можно, конечно, утверждать, что любой конкретный вывод или даже общую идею системы взаимозависимых экономических параметров можно было получить и нематематическими методами, и это утверждение будет так же верно, как то, что до любой железнодорожной станции вполне можно дойти пешком. Но даже если закрыть глаза на тот факт, что полноценных доказательств можно добиться только математическими по сути, пусть и не всегда по форме, методами, мы не сможем отмахнуться от того, что деятельность, подобная Маршалловой, на практике всегда предполагает использование математической схемы. А этот факт Маршалл признавать отказывался. Он так и не отдал должного своему верному союзнику. Он скрывал орудие своего труда.

Конечно, Маршалл имел для этого веские причины. Он не хотел отпугнуть обывателя, он хотел (вот странная причуда!), чтобы его «читали деловые люди». Он боялся, и вполне оправданно, внушить людям с математическим образованием идею, что знания математики достаточно для того, чтобы быть экономистом. Однако нельзя не жалеть, что он не оказал больше поддержки тем ученым, которые, отчасти вдохновленные его книгой, как раз начали бороться за точную экономическую науку. Маршалл, похоже, не понимал, что не только экономической теории, но и всем остальным наукам грозит «быть унесенными математикой». Никакая наука не может прогрессировать, если ни один ее приверженец не позволяет своему воображению унести себя вдалеку. Невозможно навсегда ограничить экономическую науку, одну из всех отраслей человеческого

знания, уровнем, доступным обывателю. Собственно говоря, работа Маршалла все равно только отчасти может быть понята читателем, который совсем не имеет представления о математическом анализе. И внушать читателю, что это не так, вовсе не полезно. Куда полезнее было бы вступить за то направление развития, для которого Маршалл сделал больше, чем кто-либо другой.

III

У каждого члена семьи есть свои узнаваемые черты, и чтобы описать экономическую теорию Маршалла, потребуется больше, чем просто назвать семейство, к которому она относится.

Черта, которая первой бросается в глаза теоретика, — это четкость всей системы. Это достоинство, столь важное для успеха любой теории, становится особенно заметно, если сравнить Маршаллов способ излагать мысли с Вальрасовым. Последнему свойственна утомительная тяжеловесность, в то время как первый грациозно скользит по пути своих размышлений. Ни малейшего следа приложенных усилий не заметно на отполированной глади его рассуждений. Все теоремы элегантно сформулированы. Все доказательства просты и лаконичны, во всяком случае, в основном приложении. Математическое образование Маршалла проявляется даже в ясности его языка, и оно же сообщает завораживающую простоту его диаграммам.

Экономисты использовали иллюстрации из геометрии для доказательства своих идей и до Маршалла, особенно часто к ним прибежал Курно. Сегодня многие из нас недовольны этими иллюстрациями, потому что использование двумерного многообразия неминуемо означает чрезмерное упрощение материала. Однако для прояснения основных, эле-

ментарных положений науки диаграммы по-прежнему бесценны. Они помогают прояснить множество вопросов. Они используются в бесчисленных классных комнатах. И почти за все самые употребляемые из них мы должны благодарить Маршалла.

Во-вторых, текст «Принципов» позволяет предположить, а приложение к нему подтверждает эту догадку, что Маршалл в полной мере осознал идею общего равновесия, открыв «целую Коперникову систему, согласно которой все элементы экономической вселенной удерживаются на своих местах при помощи взаимного влияния и взаимодействия»*. Но чтобы продемонстрировать читателю, как работает эта система, он создал и постоянно использовал другую модель, куда более простую в обращении, но также и куда более ограниченную в области применения. В большинстве случаев, особенно в книге V, он писал о среднего размера фирмах, работающих в отраслях промышленности, недостаточно важных, чтобы ощутимо повлиять на ход событий в остальной экономике, и об отдельных товарах, поглощающих лишь небольшую часть общих трат покупателей. У такого частичного, или частного, анализа есть свои недостатки. Маршалл нигде не указал — и возможно, что и не осознал в полной мере, — какое количество явлений такой подход оставляет неохваченным и как опасен он может быть в неумелых руках. Например, некоторых из учеников профессора Пигу, мягко говоря, удивил его неизменный упор на «малость» обсуждаемых отраслей, а другие последователи Маршалла неосторожно применяли его кривые спроса и предложения к таким ресурсам, как труд. Но если мы признаем, что этот метод, по сути, является методом приближения, а также если мы

* Ibid. P. 223.

откажемся от своих сегодняшних возражений относительно понятия отрасли, то мы сможем свободно насладиться теми обширными результатами, которые приносит этот метод и ради которых Маршалл, отступив от строгой точности, развил систему куда более инновационную и смелую, чем предполагает его манера изложения.

В-третьих, чтобы собрать урожай этих результатов, Маршалл разработал те полезнейшие инструменты, которые знакомы каждому экономисту: замещение, коэффициент эластичности, потребительский излишек, квазирента, внутренняя и внешняя экономия, репрезентативная фирма, прямые и косвенные издержки, долгосрочный и краткосрочный периоды. Все это такие старые знакомые экономистов, такие привычные инструменты нашего аналитического арсенала, что мы едва ли осознаем, как многим им обязаны. Конечно, не все эти понятия были изобретены Маршаллом. Но именно Маршалл расставил их по своим местам и сделал по-настоящему полезными. Впрочем, как это случается со старыми друзьями, порой эти инструменты бывают вероломны. Некоторые из них, такие, как внешняя экономия, скорее прикрывают, чем устраняют те логические сложности, с которыми мы непременно сталкиваемся, покидая территорию, с одной стороны, статики, а с другой — отдельной отрасли. Нисходящие кривые издержек и предложения не могут быть полностью объяснены при помощи этих средств. Попытки этого добиться долгое время поглощали немало усилий, которые, возможно, стоило вместо этого направить на радикальную перестройку всей системы.

В-четвертых, вспоминая возможные причины, побудившие Маршалла использовать аспект частичного равновесия, а также анализируя его полезнейший инструментарий, мы не можем не поразиться реализму его теоретической мысли. Анализ

частичного равновесия выдвигает на передний план проблемы отдельной отрасли и отдельной фирмы. Он, помимо прочего, является научной базой экономики бизнеса. Некоторые инструменты, например, прямые и косвенные издержки, взяты напрямую из деловой практики, а другие, такие, как квазирента и внутренняя и внешняя экономия, идеально подходят для описания деловых ситуаций и формулировки деловых проблем. Мы не найдем ни у одного из равных Маршаллу ученых даже попытки заняться выполнением этой задачи, в то время как все остальные задачи они не только пытались решить, но и решали, и иногда лучше, чем Маршалл. Так, подробно разработанная теория общего равновесия стала бы лишь дубликатом труда Вальраса; разработанная система одного частичного равновесия была бы банальной. Но разработать подход, при котором одна теория черпала вдохновение и находила свою реализацию во второй, — это достижение принадлежало лишь Маршаллу.

Наконец, в-пятых, хотя Маршалл разработал теорию по сути своей статичную, он всегда смотрел за ее границы. Везде, где это было возможно, он вставлял в нее динамические элементы, даже чаще, чем позволяла применяемая им статическая логика. Именно это стало причиной той туманности, которую мы иногда замечаем в его книге, в частности, когда он говорит о явлениях, лежащих за пределами его трактовки элемента времени. Некоторым из его кривых свойствен смешанный характер, который не преминули отметить более поздние аналитики. Пусть Маршалл и не взял эту крепость штурмом, но он успешно подвел к ней свои войска. Но и это еще не все. Еще более важная особенность откроется нам, если мы от дихотомии статика-динамика перейдем к дихотомии статичность-эволюционность. Маршалл мирился, как мне кажется, несколько нехотя, со статичной природой своей системы, но ста-

тичная гипотеза была ему отвратительна настолько, что иногда он мог не замечать, как полезна она бывает в отдельных случаях. Он видел процесс развития эволюционным—органическим, необратимым. Это видение отчасти проявляется в его теоремах и понятиях и еще сильнее заметно в фактических наблюдениях, которыми он их сопровождал. Я не считаю, что его эволюционная теория была удовлетворительной. Не может быть удовлетворительной схема, ограниченная автоматическим расширением рынков—расширением, спровоцированным ничем иным, как ростом населения и сбережениями, которое затем стимулирует внутреннюю и внешнюю экономию, а она, в свою очередь, вызывает дальнейшее расширение. Но все же это была эволюционная теория, значительное развитие предположений Адама Смита, и она далеко превосходила все измышления Рикардо и Милля на эту тему.

IV

Каким бы внушительным ни было достижение Маршалла, оно никогда не имело бы такого успеха, не будь оно облачено в наряд, столь безоговорочно понравившийся его современникам. По сути, Маршалл разработал «механизм анализа... машину универсального применения для поиска определенного класса истин... не саму конкретную истину, но механизм поиска конкретной истины»*. Открытие существования общего метода экономического анализа, или, иными словами, открытие того, что в плане логики рассуждений о международной торговле, безработице, прибыли, деньгах и вообще о чем угодно (экономисты всегда применяют,

* Взято из «составной цитаты» Кейнса: Ibid. P. 208.

по сути, одну и ту же схему, инвариантную относительно конкретной исследуемой темы), это открытие было сделано не Маршаллом. Не было оно сделано и той группой экономистов, к которой он принадлежал. Чтобы убедиться, что эта истина была еще со времен физиократов знакома всем экономистам, прилично знающим свое дело, достаточно взглянуть в книгу Рикардо. Первая же глава, а с ней и вторая очевидным образом являются проектом такого механизма поиска конкретной истины, а остальные главы являются лишь серией экспериментов по применению этого проекта. Но до Маршалла ни один экономист так полно не осознавал значения этой теории, не брал ее так решительно на вооружение, не проповедовал ее с такой энергией.

От человека, который подобным образом понимал природу и функции экономической теории, можно было бы ожидать трактата, совсем не похожего на «Принципы», такого, который никогда не стал бы популярен у широкого круга читателей. Мы уже обсудили некоторые причины, по которым «Принципы» оказались столь удачливы: таланты Маршалла как историка и философа заметны почти на каждой странице, его аналитическая схема заключена в роскошную раму, которая ободряет обывателя и располагает его к себе. Анализ не отпугивает читателя голым скелетом своего каркаса. Он облечен в плоть и кровь: наблюдения Маршалла за событиями деловой жизни. Эти наблюдения были более чем доступными иллюстрациями. Они способствовали тому, что его теория оказалась так популярна у широкой публики, как никакой другой трактат по экономической теории аналогичного уровня.

Однако и это еще не все. В некоторых более удачливых сферах человеческого знания аналитику позволяется выполнять свою работу, не думая о ее практических достоинствах и не будучи вынужденным на них постоянно указывать; он безнаказанно мо-

жет даже вообще уклониться от вопроса практического применения своей теории, что позволяет ему стремительно продвигаться вперед. Экономист же не просто вынужден работать с не слишком перспективными проблемами; он еще и непрестанно страдает от настойчивых требований предоставить публике мгновенный полезный результат своей работы, решение сиюминутных проблем; он обязан постоянно декларировать свое стремление улучшить род человеческий, и, в отличие от физика, он не может никому сказать, что прогресс идет обходным путем и что даже утилитарных результатов можно вернее всего добиться, не стремясь к ним напрямую. Однако Маршалл не испытывал отвращения ко всем этим требованиям. Он охотно и в полной мере выполнял их. Искусству ради искусства не было места в его истинно англо-саксонской душе. Служить своей стране, проповедовать немедленно употребимые истины — вот чем он сам больше всего хотел заниматься. Он нисколько не возражал против банальностей на тему человеческих ценностей и любил проповедовать достоинства благородной жизни.

Более того, его идея благородной жизни, его взгляды на общественные проблемы, его общее понимание как общественной, так и частной жизни совпадало с идеями, взглядами и пониманием, распространенными в его стране в его время. Вернее, в 1890 году его идеалы и убеждения были идеалами и убеждениями не среднестатистического англичанина, но среднестатистического англичанина-интеллектуала. Он принимал все окружавшие его институты, лично владел фирмой и домом и не питал сомнений в жизнеспособности ни этих институтов, ни построенной вокруг них цивилизации. Он принимал распространенное утилитаризованное и детеологизированное христианство. Он охотно нес знамя правосудия и не сомневался в законности компромисса, заключенного между кре-

до утилитарной праведности и наследием Великих моголов при помощи понятия «бремя белого человека». Он жизнерадостно и сердечно сочувствовал идеалам социализма и по-отечески мудро беседовал с социалистами. Таким образом, он мог дать своим читателям как раз то, чего они хотели, — идею одновременно возвышенную и утешительную и одновременно пойти путем своего призвания.

Можно усомниться в уместности *professiones fidei* в научном трактате, хотя, в конце концов, Маршалл в этом отношении не одинок, взять хотя бы Ньютона*. Однако мне оно, например, кажется неуместным. Более того, конкретно эта вера вовсе не приводит меня в восхищение. Признаюсь даже, мало что так раздражает меня, как наставления на путь викторианской морали, приправленные бентамизмом — этой проповедью ценностей среднего класса, не имеющей ни силы, ни страсти. Но это никак не меняет того обстоятельства, что большинство читателей Маршалла думали по-другому и с радостью приняли анализ, проникнутый тем, что они считали единственно правильным и достойным духом.

* Меня поражает то, что мне кажется любопытным сходство этих двух великих людей, и я часто задавался вопросом, насколько это сходство случайно, а насколько является следствием похожего окружения. Дело не только в типичных для них обоих академической догматичности, а также готовности принять фундаментальное кредо и непомерной чувствительности по отношению к критике. Есть и другие схожие черты. Оба они разработали методы, которыми крайне не хотели делиться с общественностью. Им нравилось держать свои схемы при себе. Они пришли к определенным выводам и представили их читателям после неоправданно долгой паузы, не раскрывая, как они на самом деле к ним пришли. Ближе к концу жизни оба они делали вид, что презируют именно те методы, которыми владели в совершенстве.

V

В работе Маршалла есть нечто, что намного превосходит по значению его фактические достижения, нечто, что обеспечило ему бессмертие или, скажем, жизнеспособность куда более длительную, чем любое конкретное достижение. Помимо продуктов его гения, которые он передал нам в виде инструментов и которым суждено неминуемо износиться в наших руках, в «Принципах» есть тонкие намеки на направления дальнейшего развития, проявления того интеллектуального лидерства, о котором я пытался сказать в начале этого эссе. Привести пример конкретных достижений Маршалла легко; описать характер этого лидерства уже труднее.

Во-первых, только естественно, что работа такого масштаба сформировала направления исследований выросшего на ней поколения. Литература по экономике, написанная в течение тридцати лет, начиная с 1890 года, кишит разработанными, переформулированными и пересмотренными элементами Маршалловых предпосылок и методов. Труды ученика и преемника Маршалла, Артура Сесила Пигу, а также Робертсона, Лавингтона, Шоува и прочих представляют тому бесчисленное количество хорошо нам знакомых доказательств. Даже часть разработок Эджуорта относится к категории этих трудов. Ограничимся, однако, лишь одним примером развития теоремы Маршалла и одним — метода.

Маршалл первым доказал, что совершенная конкуренция не всегда приводит к максимизации выпуска продукции. Тем самым он пробил, насколько мне известно, первую брешь в древней стене, а затем предположил, что выпуск продукции может быть увеличен за пределы конкурентного максимума, если ограничить отрасли производства, которым свойственна убывающая отдача, и расширить те, которым свойственна отдача возрастающая. Пигу, Кан

и прочие, исследуя это предположение, постепенно развили его в интересную и значимую теорию.

Понятие эластичности спроса, возможно, не вполне заслуживает всех тех похвал, которых оно удостоилось. Однако оно установило моду на рассуждения в рамках понятия эластичности, крайне удобную для всех экономистов. Сегодня мы пользуемся чуть ли не дюжиной понятий эластичности, среди которых важнейшим является понятие эластичности замещения. Хотя оно хорошо работает только при наличии столь многочисленных ограничений, что его почти невозможно применить ни к какой реальной модели, оно прекрасно позволяет прояснить многие вопросы, которые раньше были причиной длительных ненужных споров, — например, вопрос о том, может ли введение в производственный процесс станков повредить интересам рабочих. Для теории же Маршалла понятие замещения является центральным. Акцент Маршалла на принципе замещения можно рассматривать как главное чисто теоретическое отличие его системы от системы Вальраса. Получается, что новый инструмент полностью состоит из материалов, которые есть в «Принципах» и которые просто надо было соединить друг с другом.

Во-вторых, хотя то различие, которое Маршалл делает между долгосрочным и краткосрочным периодами, и не объясняет в полной мере, что именно он при этом имеет в виду, оно повлекло за собой огромный рывок в развитии ясного и реалистичного мышления и вполне заслуживает того уважения, которое продемонстрировали экономисты, с готовностью это различие приняв. Сам Маршалл применял его в разнообразнейших контекстах и тем самым преподал нам урок, которым наше поколение охотно и успешно воспользовалось; постепенное приращивание в итоге привело к развитию целой новой ветви экономической теории: краткосрочного анализа.

В-третьих, нам совершенно очевидно, что Маршалл является отцом и еще одной относительно молодой области экономической науки: теории несовершенной конкуренции. Это особенно заметно по ее английской версии. Можно проследить, как идеи, представленные английскому читателю в знаменитой статье Пьеро Сраффы «Законы доходности в условиях конкуренции» в 1926 году, формировались в ходе борьбы с логическими трудностями, вызванными нисходящими кривыми издержек Маршалла; еще более явно это заметно в другой его статье (*Sraffa P. Sulle relazioni fra costo e quantità prodotta // Annali di Economia. 1925. Vol. 2. No. 1. P. 277–328*). Можно даже сказать, что в «Принципах» содержатся отчетливые предположения на этот счет, в частности, среди комментариев Маршалла о специальных рынках отдельных фирм. Так что Рой Харрод и Джоан Робинсон, разработав те теории, которыми мы так восхищаемся, проявили не только оригинальное экономическое мышление, но и свою верность идеям Маршалла.

Четвертая особенность, которая характеризует работу Маршалла, не столь неоспорима, признаю, как первые три. Я уже говорил, что, хотя Маршалл и осознал идею общего равновесия, он оставил ее на заднем плане, выдвинув на первый более понятную систему частичного или частного анализа. Тем не менее время от времени, особенно часто это происходит в книге VI, он вдруг пускается в пространные обобщения на тему экономического процесса в целом. Какова природа этих обобщений, которые нельзя отнести ни к частному, ни к общему анализу? Я полагаю, нам придется признать в них третий тип теории — на своих семинарах я называю этот тип агрегатным (*aggregate*). Конечно, Маршалл не связал свой подход к агрегатным величинам с деньгами. То, что он этого не сделал, несмотря на все свои многочисленные важные открытия

в области теории денег, — в этом эссе мы их не обсуждаем, поскольку оно посвящено только «Принципам», — это единственное по-настоящему серьезное обвинение, которое я могу ему предъявить. В самом деле, если ученый начинает с частичного анализа, а затем хочет сказать что-либо об экономическом процессе в целом, разве не естественно то, что, исчерпав все возможности неповоротливой идеи общего равновесия, он в отчаянии обратится к агрегатной теории? И разве не естественно для него после этого автоматически перейти к теории денег, как выражается Джоан Робинсон, теории полного выпуска и занятости?

В-пятых, как я уже говорил, Маршалл придерживался определенной теории экономической эволюции, и хотя, верный своей привычке, он и не навязывал ее читателям, она постоянно находилась в центре его внимания. Меня нельзя упрекнуть в особой симпатии к этой теории. Но я все же должен указать на тот факт, что пусть не в качестве философии, но в качестве инструмента исследований она оказалась куда более влиятельна, чем предполагают многие экономисты. Можно считать, что значения тренда Генри Людвелла Мура приблизились к значениям параметра в устойчивом состоянии только на основании этой теории. А Уоррен Милтон Персонс обнаружил ее в теоретическом обосновании своего подхода к трендам в работах, посвященных так называемому гарвардскому барометру. И здесь мы подошли к самому важному моменту.

Итак, в-шестых, Маршалл оказал чрезвычайно сильное влияние на становление современной эконометрики. Можно найти много общего между «Принципами» и «Богатством народов», но только в одной первой книга значительно будет превосходить вторую: если, устранив фактор времени, мы приведем оба труда к общему знаменателю субъективных, обусловленных временем достиже-

ний. Адам Смит благоразумно собирал и развивал все то, что ему казалось наиболее достойным внимания в наследии его собственного поколения и ушедшей эпохи. Но он не сделал ничего, чтобы развить один из наиболее значимых из доступных ему трактатов — «Политическую арифметику» Петти XVII века. Маршалл же, у которого было вовсе не так много исходного материала, решительно двинулся в сторону отрасли экономической науки, которая была бы не просто количественной, но числовой, и тем самым заготовил для нее почву. Переоценить значение этого шага невозможно. Экономическая наука никогда не добьется авторитета и никогда не будет его достойна, пока не сможет математически рассчитывать свои выводы.

Маршалл понимал это очень ясно, что очевидно из его статьи 1897 года «Старое и новое поколения экономистов» (*Marshall A. The Old Generation of Economists and the New // The Quarterly Journal of Economics. 1897. Vol. 11. No. 2. P. 115–135*). Но он не просто задал нам программу: он дал нам определенный подход. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть еще раз на то, что я называл полезнейшими инструментами Маршалла. Все они чрезвычайно функциональны в статистическом плане. Стоит лишь попробовать построить из статистического материала модель фирмы, домашнего хозяйства или рынка, чтобы натолкнуться на трудности и обнаружить, что инструменты Маршалла предназначены именно для борьбы с этими трудностями. Безусловно, они полезны и без этого, но в полной мере оценить их можно, только осознав, что они прежде всего являются методами измерения — приспособлениями для облегчения численного измерения — и элементами общего аппарата статистических измерений. Возможно, это не самые лучшие инструменты и, безусловно, не единственные. Но они были первыми в своем роде, и имен-

но с них начались первые попытки эконометрических разработок.

То обстоятельство, например, что эти попытки были по большей части направлены на выведение статистических кривых спроса, не было случайным: теория спроса Маршалла послужила для этого приемлемой базой. Экономистам не было бы смысла вводить все те ограничения, которые позволяют нам установить границы точечной эластичности или самой статистической кривой спроса, если бы Маршалл не пожелал разработать метод приближения, который оказался во многих случаях статистически применимым. В сущности, эти ограничения, которые вызывают у ученых столько возражений, становятся полностью понятными, только если рассматривать их с этой точки зрения. Возьмем понятие потребительской ренты. Да, это конкретное понятие Маршаллу не удалось толком развить. Но если оно не было затронуто для того, чтобы подвести других экономистов к идее статистической оценки количественно выраженного благосостояния, то зачем Маршалл вообще упомянул о существовании такого излишка, как функции многих переменных? Зачем он рисковал быть непонятым и раскритикованным, почему не настоял, как Дюпюи до него, на таком упрощении, благодаря которому количество независимых переменных сократилось бы до двух? Этот же ход рассуждений применим, разумеется, и к его кривым издержек и предложения, и он же объясняет приверженность Маршалла к тем кривым долгосрочного отраслевого спроса, которые теоретику кажутся сомнительными, но открывают путь некоторым статистическим возможностям*, недоступным другим, более правильным и более общим моделям.

* Эти возможности частично были использованы Дж. Т. Джонсом в его работе, посвященной возрастающей отдаче.

Завоевания Маршалла в области теории денег также могут послужить в поддержку тезиса, что вся его работа проникнута идеей создания теоретического аппарата, который смог бы эффективно обрабатывать статистические факты; собственно, эта идея является наиболее явной чертой его работы. Рассуждения Бём-Баверка, без сомнения, носят количественный характер. Но возможность статистических измерений ему, похоже, никогда не приходила в голову, во всяком случае, он ничего не сделал, чтобы адаптировать к этой идее свою теорию. Система Вальраса, хотя и не настолько безнадежная, какой она кажется многим экономистам, ставит перед читателем трудности достаточно устрашающие, чтобы его навсегда отпугнуть. Только учение Маршалла побуждает экономистов идти вперед. Да, одновременно с этим оно предостерегает их. Пусть. Неважно, предостерегает он нас или побуждает идти вперед, — Маршалл все равно остается нашим великим учителем.

Стоя на краю пропасти, на дне которой мы тщетно пытаемся разглядеть проторенную дорожку, мы видим Маршалла всякий раз, как оборачиваемся назад, — безмятежного, по-олимпийски спокойного в безопасной цитадели своих убеждений. Он все еще говорит нам много того, что нам полезно было бы послушать; однако самая ценная пища для размышлений заключается для нас в следующих его словах: «Чем больше я занимаюсь экономической теорией, тем меньшими кажутся мне мои знания о ней... И теперь, спустя полвека, я сознаю, что еще более невежествен, чем был пятьдесят лет назад». Да, этот человек был великим экономистом.

Глава 5

Вильфредо Парето (1848–1923)*

В своей книге о жизни и работе Парето** профессор Буске рассказывает, что в некрологе, напечатанном после смерти Парето в социалистической газете *Avanti*, Парето был назван буржуазным Карлом Марксом. Я не знаю, можно ли называть

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. Vilfredo Pareto (1848–1920) // Quarterly Journal of Economics. May 1949. Vol. LXI. II. No. 2. P. 147–173.*

** См.: *Bousquet G.-H. Vilfredo Pareto, sa vie et son œuvre. Paris: Payot, 1928.* Рекомендую всем читателям эту книгу, написанную в духе живейшего энтузиазма человеком, который, будучи сам экономистом и социологом, писал ее явно не для того, чтобы погреться в лучах славы своего героя. Буске также является автором работы: *Bousquet G.-H. Précis de sociologie d'après Vilfredo Pareto. Paris: Payot, 1925,* а также введений к французским изданиям работ Парето: *Pareto V. Les systemes socialistes. Paris: Giard et Briere, 1902* и *Pareto V. Manuel d'économie politique. Paris: Giard et Briere, 1909;* его перу принадлежит и краткая аналитическая работа на английском языке: *Bousquet G.-H. The Work of Vilfredo Pareto. Minneapolis: Sociological Press, 1928;* кроме того, Буске уделил внимание Парето и в своей работе: *Bousquet G.-H. Essai sur l'évolution de la pensée économique. Paris: Giard, 1927.* Из других биографических статей и воспоминаний достаточно упомянуть наиболее официальные: обращение профессора Альфонсо де Пьетри-Тонелли к экономической секции итальянской Ассоциации по развитию наук, опубликованное в журнале *Revista di Politica Economica* за ноябрь и декабрь 1934 и январь 1935 года, и статью профессора Луиджи Аморозо в журнале *Econometrica* за январь 1938 года.

буржуазным человека, который никогда не упустил случая полить презрением *la bourgeoisie ignorante et lâche* (невежественную и трусливую буржуазию (*фр.*)). Но, не считая этого, сравнение с Марксом прекрасно передает то место, которое Парето занимал среди своих соплеменников: они, в сущности, возвысили его до высоты уникальной для экономистов и социологов того времени. В других странах Парето не был поставлен на подобный пьедестал, а англо-американский мир и вовсе не воспринял его ни как человека, ни как мыслителя. Правда, в Соединенных Штатах мода на Парето вспыхнула было сразу после перевода его социологического трактата на английский язык*, но в атмосфере общей враждебности вскоре угасла. В рамках узкого круга экономистов-теоретиков Парето оказал значительное влияние на англо-американскую экономическую науку в 1920-е и 1930-е годы, то есть сразу после выхода «Математического основания экономической науки» Артура Боули. Но и в Англии, и в Соединенных Штатах экономическая теория Маршалла и его последователей слишком прочно обосновалась в той области, в которой работал Парето, не оставив для него места.

Это удивительно, учитывая общепринятое сегодня мнение, что некоторые важнейшие направ-

* В Гарварде эту моду ввел выдающийся физиолог, покойный профессор Лоуренс Джозеф Хендерсон. См.: *Henderson L.J. Pareto's General Sociology: A Physiologist's Interpretation.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1935. Некоторые бывшие гарвардские студенты все еще помнят его неформальный семинар по Парето, который практически весь состоял из серий монологов профессора Хендерсона. Сочувственное понимание и глубокое ощущение нетрадиционного величия достижений Парето боролись на этих семинарах с неизбежными профессиональными ограничениями.

ления экономической науки зародились в трудах Парето. Но понять, почему так произошло, трудно. Парето был продуктом научного сектора франко-итальянской цивилизации, весьма удаленного от английской и американской традиции. К тому же даже в пределах этого сектора его фигура возвышалась почти одиноко. На Парето невозможно наклеить ярлык. Он решительно не уважал никаких «измов». Никакая система убеждений, никакая партия не могут заявить на него свои права, хотя многие системы убеждений и партии и присвоили себе фрагменты того обширного теоретического царства, которым он правил. Парето, похоже, получал удовольствие, идя наперекор царившим вокруг настроениям и призывам. Сторонники крайней политики *laissez-faire* могут надергать из его книг сколько угодно отрывков в поддержку своих взглядов, но сам он ничто не презирал так сильно, как «плутодемократию», или «плутократическую демагогию», либерализма. Социалисты, как мы еще убедимся, находятся в большом долгу перед Парето за ту огромную услугу, которую он оказал социалистической доктрине, а также за его протесты против антисоциалистических мер, предпринятых итальянским правительством в 1898 году. Однако при этом он не просто был антисоциалистом — его критика черпала особую остроту из презрения к своему предмету. Французские католики могли бы поблагодарить Парето за его протесты против гонений, которым подверглось французское духовенство в ходе безнравственного продолжения дела Дрейфуса. Однако он критиковал антиклерикальную политику правительства Эмиля Комба потому, что был благородным человеком, а не потому, что верил в миссию католической церкви или в ее учение.

Джентльмен столь независимого и неуживчивого нрава, имеющий к тому же привычку наносить

мощные удары посреди аргументации, которая сама по себе вполне могла бы кого-то заинтересовать, не имеет особых шансов на популярность. Сегодня Парето позабыт. Но даже в эпоху его наибольшей популярности тон официальной пропаганде, прессе, партийным программам и популярной литературе, в том числе экономической, все же задавали политические и общественные лозунги, всем нам так хорошо знакомые. Та обертка, в которой он предьявлял публике свои строго научные выводы, имела не больше успеха, чем она имела бы его сегодня. Чтобы понять, что я имею в виду, достаточно пропитаться духом типичного американского учебника, а затем открыть учебник Парето: наивный сторонник современных общественных убеждений и популярных лозунгов почувствует, что Парето буквально палкой гонит его со своего порога; он прочтет то, чего он решительно настроен никогда не признавать истиной, причем в сопровождении дезориентирующе обширного набора практических примеров. Поэтому не так сложно объяснить, почему Парето не оставил более заметного следа в экономической науке; сложно, скорее, объяснить, как ему удалось оставить в ней хоть какой-то след вообще.

Если бы мы ограничились лишь описанием вклада Парето в чистую экономическую теорию, нам не понадобилось бы знакомиться с его личностью, окружением и происхождением. Но личность Парето вместе со всеми управлявшими им силами так узнаваемо вторгается в его работу везде, кроме чистейших теорем, что я считаю необходимым посвятить описанию этой личности и этих сил больше времени, чем обычно бывает достаточно для оценки научной деятельности человека. Этому посвящена первая часть эссе (I). Во второй части я кратко обобщаю работу Парето в области чистой экономической теории (II). И, наконец, закончу я кратким

экскурсом в Парето понимание общества, нашедшее столь неадекватное выражение в его «Общей социологии» (III)*.

I. Парето — человек

Отец Парето, генуэзский маркиз Рафаэле Парето, находился под сильным влиянием «Рисорджименто», движения за объединение Италии, активного

* Библиография Парето, вероятно, довольно близкая к полной, была опубликована гг. Рокка и Спинеди в журнале *Giornale degli Economisti* в 1924 году, но нам достаточно упомянуть только следующие работы: «Размышления о фундаментальных принципах чистой политической экономики» (*Considerazioni sui principi fondamentali dell' economia politica pura*), *Giornale degli Economisti*, 1892–1893 гг.; «Курс политической экономии, прочитанный в Лозаннском университете» (*Cours d'économie politique professé à l'université de Lausanne*), 1896–1897 гг.; «Краткое изложение курса, прочитанного в Высшей парижской школе социальных наук» (*Résumé du cours donné à l'École des Hautes Études Sociales de Paris*), 1901–1902 гг.; «Социалистические системы» (*Les systèmes socialistes*), 1902 г. (переиздано в 1926 г.); «Учебник политической экономии» (*Manuale di economia politica*), 1906 г. (переиздано в 1919 г.); «Учебник политической экономии» (*Manuel d'économie politique*), 1909 г. (переиздано в 1927 г.; перевод предыдущей работы, который, однако, необходимо упомянуть отдельно, поскольку математическое приложение было полностью переписано); «Трактат общей социологии» (*Trattato di sociologia generale*), 1916 г., его перевод на французский язык, 1919 г., и на английский язык, вышедший под названием «Разум и общество» (*Mind and Society*), 1935 г.; статья «Математическая экономика» (*L'économie mathématique*) во французской энциклопедии «*Encyclopédie des sciences mathématiques*», 1911 г. (соответствующая статья в оригинальном немецком издании «*Математической энциклопедии*» не заслуживает внимания). У Парето есть еще несколько книг и бесчисленное количество статей, но они, насколько мне известно (Парето публиковал много статей в ежедневной прес-

в первой половине XIX века. Он был ярким поклонником Мадзини — возможно, скорее из соображений национального, чем общественного характера, — бескомпромиссным врагом всех правительств, которые не давали Италии двигаться к национальному единству, и революционером хотя бы только в этом смысле. Согласно своим убеждениям он отправился в добровольную эмиграцию в Париж, где и родился Вильфредо, мать которого была француженкой. Как генерал Галлиени назвал себя *Francese ma anche Italiano* (французом, но также и итальянцем — (*um.*)), так Вильфредо Парето мог бы назвать себя *Italiano ma anche Francese* (итальянцем, но также и французом — (*um.*)). В 1858 году он был отправлен в Италию, где получил инженерное образование и в 1869 году защитил докторскую степень. Он немедленно занялся построением карьеры в области инженерии и управления производством и после череды разнообразных должностей дорос до кресла генерального управляющего — иными словами, президента итальянской компании *Iron Works*. Только в 1893 году Парето сменил Вальраса на посту заведующего кафедрой экономической теории в Лозаннском университете, хотя к этому времени он уже несколько лет не занимался ничем, кроме экономики. Таким образом, экономическим исследованиям он посвятил преимущественно время с 1892 по 1912 год — после этого периода практически все его труды имеют уже социологический характер. В 1906 году он оставил университетскую кафедру и удалился в свой дом в деревне на Женевском озере, где в ходе деятельной и плодотворной старости постепенно превращался в одинокого мыслителя из Селиньи.

се, и большая их часть мне не знакома), не содержат с точки зрения науки ничего, что не содержалось бы в одной или более из уже указанных публикаций.

Строго говоря, этой информации нам вполне достаточно: никаких других фактов не требуется, скорее, потребуется подчеркнуть некоторые из уже упомянутых. Во-первых, теоретики заметят, что благодаря инженерному образованию Парето, который, похоже, в университете особенно увлекался теоретическими дисциплинами, рано овладел математикой на профессиональном уровне*. Во-вторых, стоит отметить, что Парето близко, как это редко удается экономистам-теоретикам, познакомился с производственным процессом — такая степень знакомства недоступна академическим экономистам, общественным служащим и политикам. В-третьих, его страстный интерес к актуальным вопросам экономической и общей государственной политики, о котором мы будем еще говорить, сделал его в некотором роде экономистом задолго до того, как он занялся собственной творческой работой. В то время Франческо Феррара был в зените славы и влияния и заморозки еще не побили побег теории, которую прославлял некритичный либерализм. Труды Феррары, особенно его знаменитые введения (*prefazioni*), предварявшие классические работы в серии издательства «Библиотека экономиста» (*Biblioteca dell' economista*), вполне заменили Парето университетское образование по экономике, которое он мог бы получить в годы своей молодости. С трудами Вальраса его уже позже познакомил Маффео Панталеони.

* Не могу точно сказать, каков был уровень этого профессионализма. Вольтерре пришлось указать Парето, что выражение в форме $Xdx + Ydy$ всегда имеет бесконечное количество интегрирующих множителей, в то время как при наличии более чем двух переменных в таком множителе нет нужды (Manuel. P. 546n.) Не уверен, что настоящий профессионал мог не заметить такой ошибки.

Ни один из перечисленных выше фактов не отвечает единолично за формирование общественных и политических взглядов Парето и даже не объясняет его отношения к практическим проблемам своего времени и родной страны. Я и не помышлял, что возможно осушить глубокое озеро его личности так, чтобы увидеть, что скрывается на дне. Но аристократическое происхождение и воспитание Парето бросаются в глаза, и они, как согласятся все, кто знал Парето, сыграли необычайно большую роль в его судьбе. В частности, они не дали ему установить духовное родство ни с кем из людей, с кем его сталкивала жизнь, и не позволили ему стать полноценным членом никакой группы. Они также не дали ему установить эмоциональную связь ни с какими порождениями буржуазной мысли, в частности, с близнецами по имени демократия и капитализм. Усугубляя влияние происхождения, финансовая независимость Парето — самостоятельность в молодости и богатство в конце жизни* — способствовала его еще большей обособленности, поскольку предоставила ему возможность самоизолироваться.

Дополнительно усиливало отчужденность Парето его классическое образование. Я имею в виду не то образование, которое он получил наряду со всеми своими современниками, отучившимися в университете, но то, которое он приобрел самостоятельно, штудировав бессонными ночами греческих и римских классиков. Древний мир — это музей, а не лаборатория прикладной науки, и тот, кто слишком доверяет мудрости древних, обречен оставаться чужаком в любой группе, в 1890 году точно так же, как и в 1920-м. Изоляция Парето стала пол-

* Относительно богатым Парето стал благодаря получению наследства, а не своей профессиональной деятельности в качестве управляющего.

ной после его участия в дебатах о политике и экономике Италии — настолько полной, что он решил эмигрировать в Швейцарию еще до того, как его пригласил туда Лозаннский университет. Эта изоляция не могла не сказаться пагубно на огненном темпераменте Парето, для нее не созданном; только к старости ее влияние удалось немного смягчить второй жене Парето, окружившей его заботой и любовью (см. посвящение «Трактата»).

Но что же вывело Парето из себя настолько, чтобы заставить его покинуть родную страну — страну, которую он любил до глубины души и национальное возрождение которой не только мечтал увидеть, но и увидел? Отвлеченному наблюдателю эмиграция Парето покажется тем более удивительной, что, на его взгляд, дела у возрожденной Италии шли вовсе не так плохо в те тридцать лет, которые предшествовали этой эмиграции. Экономически страна развивалась приличным темпом, постепенно выбираясь из финансовых затруднений (мир нашим кейнсианцам!), кроме того, она сделала первые шаги в сторону развития общественного законодательства и упрочила свое положение в роли одной из великих держав своего времени. Размышляя подобным образом, сторонний наблюдатель почувствует глубокое уважение к такому режиму как, например, режим Агостино Депретиса. А учитывая, с какими сложностями сталкивается в период становления новое национальное государство, он склонен будет простить этому режиму некоторые менее удачные черты. Но Парето не был готов ничего прощать. Он видел вокруг лишь некомпетентность и коррупцию. Он с одинаково беспристрастной яростью сражался со смеявшимися друг друга правительствами, и именно в этот период получил репутацию ультралиберала — в типичном для XIX века понимании либерала как бескомпромиссного защитника *laissez-faire* — и помог

сложиться у немецких сторонников «Нового курса» того времени впечатлению, что предельная полезность — это не более чем ловкая хитрость, придуманная, чтобы помешать планам реформаторов*. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать об отношении Парето к вопросам экономической политики и о том следе, который это отношение оставило в его научных трудах периода до 1900 года. Но даже в этот период в его ультралиберализме было нечто, решительно не сочетавшееся с духом и призывами официального либерализма. Парето, безусловно, был противником государственного вмешательства в экономику, но скорее по политическим, нежели по экономическим причинам: в отличие от английских классиков он боролся не против государственного вмешательства как такового, но против парламентской демократии, той самой, которой так страстно были привержены классические английские экономисты. Рассмотренный с этой точки зрения *laissez-faire* Парето приобретает оттенок значения, полностью противоречащий английскому пониманию *laissez-faire*. Как только мы осознаем это, понять остальное становится совсем легко.

В конце XIX века и в первые два десятилетия XX века все большее количество французов и итальянцев начали выражать свое недовольство, глубина которого варьировалась от разочарования до отращения, тем, как функционировала во Франции и Италии парламентская демократия, и ее результатами. Это чувство, которое разделяли такие не-

* Немецкие критики приняли его «Курс» соответствующим образом. В сущности, книга не содержит практически ничего, что позволило бы предположить иную интерпретацию. Впрочем, в ней содержится замечание о том, что перечисленные в ней достоинства чистой конкуренции не имеют влияния на реальный экономический процесс, поскольку в нем не превалирует чистая конкуренция.

похожие люди как, например, Эмиль Фаге и Жорж Сорель, не ограничивалось рамками какой-то одной партии. Мы не собираемся сейчас анализировать его или выносить о нем свое суждение. Нас интересует лишь то, что такое недовольство существовало и что поздний Парето выделяется из мыслителей своего времени тем, что написал анализ, который наряду с исследованиями Сореля и Моски позволил это чувство логически обосновать.

Англичане и американцы, не замечая тех исторически совершенно конкретных и уникальных обстоятельств, которые поспособствовали формированию у них столь же конкретного и уникального отношения к парламентской демократии, удивлялись странному отношению Парето к фашизму. Но это отношение совершенно понятно. Для его объяснения не нужна даже никакая теория. События 1914–1922 годов призвали Парето обратно на арену политических дебатов. Опубликованные Парето мастерский анализ истоков Первой мировой войны, статьи об ошибочности заключения Версальского мира и тщетности создания Лиги наций принадлежат к его сильнейшим произведениям, хотя за пределами Италии эти работы и не встретили понимания. Но важнее всего то, что Парето довелось быть свидетелем такого чудовищного общественного беспорядка в Италии, который надо было видеть своими глазами, чтобы в него поверить, и эта картина его ужаснула. Приписав все беды тех лет слабости политической системы разлагающейся буржуазии, молодой Парето, изучавший историю Древнего Рима, возможно, вспомнил о формулировке, которой в республиканском Риме сенат в момент возникновения чрезвычайной ситуации приказывал консулам назначить диктатора, человека, временно наделенного безграничной властью: *videant consules ne quid detrimenti res publica capiat* (да будут бдительны консулы, чтобы республика не понес-

ла никакого ущерба — (лат.)). Но итальянская конституция такой возможности не предусматривала, а если бы и предусматривала, ни к чему хорошему это бы не привело. Так что диктатору пришлось назначить себя самому. Дальше этого вывода и дальше одобрения того успеха, с которым Муссолини восстановил в стране порядок, Парето никогда не заходил. Муссолини показал себя с лучшей стороны, пожаловав сенаторский титул человеку, который непрестанно проповедовал политическую умеренность и до конца отстаивал свободу прессы и академического преподавания*. Но до самой смерти Парето отказывался принимать и этот «изм» точно так же, как отказался принять все остальные. Не имеет смысла судить его поступок — как, впрочем, и все его поступки или чувства — с точки зрения англо-американской традиции.

Все прочее скрыто от нас на дне озера.

II. Парето — теоретик

Приступая к оценке вклада Парето в экономическую науку, необходимо сразу же отдать должное его лидерским качествам. Он никогда не преподавал в Италии. Факультет права в Лозаннском университете был не слишком удачной площадкой для проведения интеллектуальных кампаний. Деревенский домик в Селиньи выглядел, скорее, приятным убежищем. Однако Парето добился того, чего не сумел добиться Вальрас: он основал собственную школу в полном смысле этого слова. Вскоре после 1900 года вокруг Парето сформировался узкий круг выдающихся экономистов, более широкий круг менее выдающихся последователей, а за ним

* См. об этом: *Bousquet. Vilfredo Pareto. P. 182–194.*

масса более или менее определенных приверженцев. Они занимались позитивной наукой. Они поддерживали связь друг с другом. Они защищали друг друга в спорах. Они признавали лишь одного учителя и лишь одну доктрину.

Школа Парето была почти исключительно итальянской. Как уже упоминалось, среди ее приверженцев было немного иностранцев, хотя отдельные части учения Парето постепенно завоевывали признание и в Англии, и в Соединенных Штатах. В Италии эта экономическая школа также никогда не была ведущей. Никакая школа не бывает ведущей в своей собственной стране. Противоположное впечатление, например, впечатление, что школа Рикардо когда-либо была определяющей для английской экономической науки, является продуктом нереалистичной историографии. В Италии одни ведущие ученые, такие как Луиджи Эйнауди, решительно отказывались принимать идеи Парето, а другие, такие, как Густаво Дель Веккьо, хотя и признавали талант Парето и использовали ту или иную его доктрину, думали и писали все же примерно так же, как думали и писали бы и без его влияния. Однако факт остается фактом: в экономической науке появилась школа на основании теоретической структуры, которая была недоступна не только широкому кругу читателей, но в некоторых наиболее оригинальных местах и последователям этой школы — последователям, большинство из которых никогда не видели и не слышали основателя школы.

Теперь, когда мы отдали заслуженную дань уважения лидерским качествам Парето, мы можем о них забыть и увидеть в нем теоретика, продолжавшего труд Вальраса. Этой наследственности, конечно, никто и никогда не отрицал — ни самые верные ученики, ни особенно сам Парето. Споры ведутся лишь о том, до какой степени Парето превзошел велико-

го первопроходца и как соотносятся уровни интеллекта Парето и Вальраса. Есть несколько причин, которые никогда не дадут ученикам Парето прийти к согласию по этому вопросу ни между собой, ни с посторонними. Одну из них можно назвать сразу. Вальрас представил публике свою бессмертную теорию в облачении политической философии, которая не только крайне научна по своей природе, но и не всем приходится по вкусу. Боюсь, что суть этой философии наилучшим образом передает название «мелкобуржуазный радикализм». Он чувствовал призвание проповедовать общественный идеал, произошедший от французских авторов-полусоциалистов первой половины XIX века или, что тоже верно, от утилитаристов. Он рассматривал национализацию земли как существенный элемент своего учения и предлагал план поразительно современной денежной реформы. Все это для Парето было как красная тряпка для быка: метафизические спекуляции, да еще самого неприятного толка. Парето и Вальрас были сходны тем, что оба занимались чистой теорией, в частности Вальрасовыми уравнениями равновесия. Но во всех остальных отношениях они были максимально далеки друг от друга, так что ни их сражение спина к спине в битве за математическую экономическую науку, ни то, что Парето был обязан Вальрасу получением должности в Лозаннском университете, не спасло двух ученых от глубокой взаимной нелюбви, в которой они порой признавались третьим лицам. Хотя их чистые теории и отлиты по одной форме, их системы мышления в целом и понимание общественного процесса совершенно не похожи. Одного этого достаточно, чтобы все те экономисты, которые не расположены полностью игнорировать философию и практические рекомендации Парето (а таких все же большинство), рассматривали теорию Парето как совершенно отдельную от Вальрасовой.

В любом случае — если мы на мгновение забудем о социологии — главные свои научные открытия, с одним лишь исключением, Парето сделал в области чистой теории. Давайте отметим это единственное исключение. В «Курсе», а также в отдельной книге, вышедшей в 1896 году, Парето опубликовал крайне оригинальное открытие в области эконометрики, которое завоевало ему международную репутацию и вызвало целую лавину критических публикаций, посвященных «Закону Парето». Если N — это количество получателей дохода выше уровня x , а A и m — это две константы, то Закон Парето предполагает, что:

$$\log N = \log A + m \log x$$

В главе 7 «Учебника» Парето предлагает свою наиболее зрелую интерпретацию этого обобщения. Ограничимся двумя вопросами, которые поднимает это уравнение. Во-первых, это вопрос математической формы. Было проведено множество исследований, одни из них, как считали их авторы, полностью опровергали Закон или доказывали превосходство над ним других способов описания неравномерности доходов. Читатель заметит, что центральный вопрос вращается вокруг примерного постоянства параметра m . Однако Закон Парето в целом противостоял нападкам весьма успешно, что доказывает тот факт, что он и сегодня используется некоторыми компетентными специалистами по статистике. Однако есть также и другой вопрос — вопрос интерпретации. При условии, что до очень недавнего времени распределение дохода в пределах групп было на удивление стабильным, какой мы должны сделать вывод? Попытки решить эту проблему никогда не увенчивались успехом. Большинство участников дискуссии (среди них и Артур Пигу) ограничились тем, что раскритико-

вали интерпретацию Парето, которая, вообще-то, была им предложена на общее обсуждение именно с целью услышать критику, но ничего не предложили взамен, и этот спор, как и многие другие, утих, не принеся определенного результата. Немногие экономисты осознали возможности, которые открывали для будущего нашей науки такие инварианты*. С этой точки зрения Закон Парето является буквально первопроходческим, несмотря на то, что от его первоначальной формы сегодня ничего не осталось.

Я хотел бы сразу уладить и еще один вопрос. В «Учебнике» Парето пишет о своем законе распределения доходов в главе, посвященной населению. С точки зрения тем, которые обычно рассматриваются под подобным заголовком, эта глава не содержит ничего выдающегося. Но она содержит и такие темы, которые, как «Закон», обычно не включаются в теорию населения, и именно они оживляют эту главу и придают ей свежесть и оригинальность. Теория циркуляции элит Парето — как раз одна из них (см. раздел III). Большинство из этих тем носят скорее социологический, чем экономический характер, и некоторые явно, почти наивно, выдают те предубеждения, которые так нелепо владела Парето, этим великим аналитиком человеческих предубеждений**.

* В частности, никто, похоже, не осознал, что охота за инвариантами такого типа и их интерпретация может стать основой совершенно новаторского типа теории.

** Например, что бы мы ни думали о его объяснении явления феминизма, нам трудно сдержать улыбку, читая его первое предложение (р. 400), открывающееся словами: «Le féminisme est une maladie...» («Феминизм — это болезнь...» — (*фр.*)), которые не говорят ни об объективности, ни об отстраненности автора. О теории населения Парето в узком смысле и об этих социологических дополнениях я рекомендую почитать статью Джозефа

В области же истинно чистой теории мысль Парето развивалась медленно и, в сущности, до конца сохранила некоторые черты теорий его предшественников. В дополнение к раннему влиянию Феррары и английских и французских экономистов «классического» периода он опирался на Вальрасовы уравнения статического равновесия, после того как с большой неохотой все же признал, что они были ключевым понятием для осмысления всего остального. Его дополнительно подстегивали те идеи, с которыми столкнулись все компетентные экономисты-теоретики в период с 1885 по 1895 год*. Наконец, он четко осознавал технические недочеты и ограничения в работах своих ближайших предшественников. Таким образом, ход его собственной теоретической работы был намечен за него по большей части Вальрасом**.

Джона Спенглера (*Spengler J. J. Pareto on Population // The Quarterly Journal of Economics. 1944. Vol. 58. No. 4. P. 571–601; Vol. 59. No. 1. P. 107–133.*

* На некоторые из этих идей Парето прореагировал негативно, если не сказать враждебно. Он так и не оценил по заслугам теорию Маршалла — в основном потому, что в принципе был против частичного анализа и, похоже, так и не разглядел достоинств австрийских экономистов за их примитивной техникой. Зато он оценил Эджуорта и, несмотря на множество критических замечаний, Уикстида. Он гораздо более, чем принято считать, уважал труды Ирвинга Фишера: не только «Математические исследования теории ценности и денег», но впоследствии и «Природу капитала и дохода», и «Теорию процента». Для меня было полной неожиданностью услышать его горячую похвалу «Капиталу и доходу».

** Вальрас прекрасно сознавал, сколько ему пришлось срезать углов, чтобы завершить ту структуру, которую сам он считал условной. Он никогда не говорил, что такие предпосылки, как постоянные производственные коэффициенты, отсутствие фактора времени или отсутствие постоянных издержек для равного размера фирм, могут или

Но в своих ранних работах, таких как «Размышления о фундаментальных принципах чистой политической экономики» (*Considerazioni sui principi fondamentali dell' economia politica pura // Giornale degli Economisti*. 1892–1893), Парето не выходил за пределы, обозначенные Вальрасом. Не вышел он за них и в «Курсе», даже, я бы сказал, особенно в «Курсе». Некоторые экономисты, уважавшие Парето, но не бывшие его строгими последователями, называли «Курс» вершиной его творчества, что было весьма сомнительным комплиментом. Это произведение было, безусловно, выдающейся работой, живость которой придавал яркий темперамент автора, делавший зажигательными даже самые традиционные идеи. Но Парето правильно поступил, запретив переиздавать «Курс», потому что с точки зрения чистой теории в нем не было ничего от самого автора. Только после 1897 года Парето сам поднялся на вершины чистой теории. Первые значительные публикации, свидетельствующие о его прогрессе, — это «Краткое изложение некоторых глав нового трактата по чистой экономической теории» (*Sunto di alcuni capitoli di un nuovo trattato di Economia Pura // Giornale degli Economisti*. 1900. Vol. XI. Mars. P. 219–235; Juin. P. 511–549) и краткое изложение его парижских лекций. «Учебник», причем именно издание на французском языке, благодаря приложению (1909) является вершиной его творчества.

Та теория, которую он выстроил на этой вершине, далека от совершенства. Многие вопросы, для всеобъемлющего трактата необходимые, освещены в нем лишь походя. Я говорю не только о том,

должны быть вечными. Нельзя утверждать, что в этом отношении Парето был к нему совершенно справедлив. Вальрас не только был первопроходцем: он еще и оставил указания последователям, как развивать теорию дальше.

что «Учебник» Парето не выдерживает сравнения с Маршалловым с точки зрения качеств, желательных для учебника. Куда более существенный его недостаток — это непродуманность существенных частей теоретического метода исследования. Теория денег Парето, например, в целом уступает теории денег Вальраса. Его теория капитала и процента практически всеми своими достоинствами обязана Вальрасовой. В отношении процента он, похоже, был вполне удовлетворен тем объяснением, что единицы физического капитала, а следовательно, и их услуги, не являются бесплатными благами. Его теорию монополии не может, пожалуй, спасти даже самая щедрая интерпретация*. Несмотря на все это, отрицательный вердикт, вынесенный некоторыми критиками, был ошибочным, поскольку не учитывал не только многочисленные сильные стороны теории, но и, что куда важнее, самую суть достижения Парето. Давайте обсудим важнейшие из этих сильных сторон, теорию ценности и теорию производства, но сначала определим то достижение, к которому эти две теории были лишь приложениями.

Первая идея, которая должна с чисто теоретической точки зрения прийти на ум каждому, кто овладел системой Вальраса, — это идея поднять ее на еще более высокий уровень обобщения. Наблюдая, как прогрессирует понимание Вальрасом, а также все-

* Достоинство ее, однако, заключалось в том, что теория монополии была включена в общую теорию. Кроме того, теория международной торговли Парето не сводится, как многие считают, к критике теории сравнительных издержек. Он наметил план, хотя и не слишком подробный, собственной теории, в которой первым применил теоретический аппарат общего равновесия к международной торговле. См.: *Haberler G. The Theory of International Trade, with Its Applications to Commercial Policy.* L.: William Hodge, 1936. P. 123.

ми теоретиками предельной полезности явлений обмена, производства и так далее, мы обнаруживаем, что они пытаются найти решение проблем, в конечном итоге сводимых к одной: все их проблемы — не только проблемы производства — являются проблемами трансформации экономических количеств и по форме не отличаются друг от друга. Различие состоит лишь в тех ограничениях, которые накладывают на экономическую деятельность разные области деятельности. Представим, что мы хотим совершить в экономике то, что мы делаем во всех науках, то есть выделить общую основу всех экономических проблем и раз и навсегда создать теорию этого общего ядра. Точка зрения «экономии мышления» (*denkökonomie* Эрнста Маха) делает это начинание состоятельным в глазах утилитаристов. Теория такого рода будет оперировать показателями крайне общего характера, такими как «вкусы» и «препятствия», и не должна ограничиваться тем специфически экономическим значением, которое мы придаем этим словам. Мы можем выйти за пределы экономической теории и подняться до уровня понимания системы неопределенных «объектов», которые просто подвержены определенным ограничениям, а затем попытаться разработать идеально общую математическую логику систем. Отдельные участки этого пути должны быть знакомы тем экономистам, которые на протяжении поколений пользовались примитивными способами, такими, как приведение в пример нашего почтенного друга Робинзона Крузо, для иллюстрации определенных свойств экономической логики. Парето сделал то же самое, только на куда более высоком уровне и на более широком фронте. Но на таких высотах трудно бывает дышать и еще труднее — укрепить свои позиции. Многие компетентные критики, такие, как покойный Эллин Эббот Янг, придерживались мнения, что Парето

то не достиг ничего, кроме «бесполезных обобщений». Впрочем, только будущее покажет, правы ли они. Пока же мы должны просто признать грандиозность предпринятой попытки.

Я приведу пример, чтобы показать, как подобное стремление к универсализации способно принести не только логические затруднения, но и экономические плоды, хотя ему и свойственна та слабость, что оно все же движется на относительно низком уровне обобщения и, кроме того, ведет начало еще от «Курса». Как известно, «Капитал» Маркса — это анализ капиталистического процесса, без сомнения, построенный так, чтобы продемонстрировать, что этот процесс завершится созданием социалистического общества, но не пытающийся при этом построить экономическую теорию этого общества. Несколько марксистских и неомарксистских мыслителей пытались решить эту проблему, но эти попытки закончились решительным провалом. Как известно, эту нерешенную марксистскими теориями проблему помог разрешить социалистам Энрико Бароне, знаменитую работу которого на эту тему «Министр производства коллективистского государства» (*Barone E. Il Ministro della produzione nello stato collettivista // Giornale degli Economisti. Settembre e Ottobre 1908. Ser. 2. Vol. 37. P. 267–293; 391–414*) современные экономисты не смогли превзойти по сей день. Однако основная идея аргументации Бароне ясно прозвучала во втором томе «Курса» Парето (р. 94) и в его «Учебнике» (р. 362). Идея заключалась в том, чтобы поднять логическое ядро экономического процесса выше уровня институциональной теории, в отличии которой он предлагался публике. Читатель обратит внимание, что эта идея в виде особого случая представляется крайне логичным следствием Паретовой общей теории о вкусах и препятствиях, хотя она пришла также в голову и Визеру.

На этот особый случай Парето почти утратил авторские права (во всяком случае, в глазах англо-американских экономистов), хотя не только сформулировал проблему, но и указал путь ее решения. В остальных случаях он утратил их полностью, потому что ограничился лишь предположениями. Таким образом, вооруженные сегодняшним знанием, мы можем различить в «Учебнике» много указаний в направлении возможного развития теории экономической динамики. Однако ни одно из этих указаний — ни упоминание Парето формы адаптации, аналогичной *courbe de poursuite* (кривая преследования — (фр.)) (проблема собаки и ее хозяина, см. например, р. 289), ни указание на существование *vibration continue* (постоянной вибрации — (фр.)) (см., например, р. 528) — не были употреблены ни для чего иного, кроме демонстрации, что тенденция экономической системы искать единственное и устойчивое «решение» (например, уникальный набор ценностей, который удовлетворит ее условиям) — это дело куда более сомнительное, чем представлялось экономистам того времени, включая Вальраса*. Эти предположения так и не послужили никакой конструктивной цели** и для решения этих проблем не было предложено никакого метода. Поэтому я думаю, что мы можем не сомневаясь назвать теорию Парето статичной и отдадим ему должное, признав, что он более остальных сознавал ее ограниченность, а также существенность не охваченных ею проблем***.

* См., например, его размышления по поводу неустойчивого равновесия в статье «Encyclopédie des sciences mathématiques».

** Скучная теория кризисов (р. 528–538), безусловно, не достигает до того, чтобы считаться исключением.

*** Парето сам (р. 147) разделил предмет чистой экономической теории на статику, динамику, которая изучает после-

Перейдем теперь к краткому обсуждению достижений Парето в области теорий ценности и производства, не забывая, что с позиции теории о вкусах и препятствиях они сливаются в одну общую теорию.

Большинство современных теоретиков, хотя и не все, согласятся, что историческое значение теории полезности и предельной полезности Джевонса, Менгера и Вальраса основывается преимущественно на факте, что она послужила лестницей, по которой эти экономисты добрались до понятия общего экономического равновесия, хотя это понятие и удалось наиболее полно разработать Вальрасу, а не Джевонсу и не австрийским экономистам*.

довательное равновесие и мне кажется тождественной сравнительной статике, а также другую динамику, которая исследует *mouvement du phénomène économique* (движение экономических явлений — (фр.)) и объединяет истинную динамику с проблемами эволюции таким образом, который оказался бы крайне неудобным, если бы Парето пошел в его разработке дальше зачаточного уровня. Я понимаю, что последователям Парето ситуация кажется иной. Их отношение имеет право на существование, но я все же не могу его принять.

* Как указал Кейнс в своем биографическом очерке об Альфреде Маршалле, Маршалл также полностью осознавал значение понятия экономического равновесия, и, доверяя словам Кейнса, а также исходя из других указаний, мы имеем все основания верить, что он пришел к этому осознанию самостоятельно и скорее раньше Вальраса, чем позже него. Это, однако, не меняет того обстоятельства, что Маршалл ничего о нем не написал до соответствующих примечаний в Приложении к «Принципам» (примечания XIV и XXI к четвертому изданию), которые, однако, не могут быть названы иначе, чем намеками. Соответственно, нам приходится заключить, что неоспоримое авторство этого понятия принадлежит Вальрасу, а также австрийцам, и особенно Визеру. Совершенно очевидно, что только недостаток математического образования, в частности неумение обращаться с системами уравнений, помешали Менгеру разработать точную систему, которая была бы во многом идентична Вальра-

Иными словами, понятие полезности и предельной полезности было лишь одной из нескольких дорог к единственно значимой цели. Оно действительно помогало доступным способом объяснить отношения, скрепляющие экономическую систему воедино, и даже привести в единую систему массу экономических явлений, которые так и норовят распасться на отдельные подсистемы, но само по себе большого значения не имело. Теория полезности была крайне полезной эвристической гипотезой, и больше ничем*. Но ни Вальрас, ни австрийские экономисты так не считали. Для них теория полезности была почти что истиной в последней инстанции, открытием, служившим ключом ко всем тайнам чистой экономической теории. Считая так, они придавали ей такое чрезмерное значение в своих трудах, что Парето и его последователи, в свою очередь, начали придавать чрезмерное значение развенчанию этой теории. Экономисты англоязычного мира, в частности Джон Хикс и Рой Джордж Аллен, последовали их примеру, энергично поздравляя Па-

совой. Но все же я не считаю, что правы те историки, которые приписывают авторство понятия общего равновесия еще Курно. В главе XI «Исследования математических принципов теории богатства» содержится не что иное, как признание общей взаимозависимости экономических величин, но ни в этой, ни в какой-либо иной главе Курно не предпринимает попытки прояснить это понятие или как-то использовать его. Все, что можно найти по этому поводу в «Исследованиях», является либо частичным анализом понятия общего равновесия, либо до некоторой степени его агрегативным анализом.

* Однако я хотел бы подчеркнуть, во-первых, что не считаю, что эвристическая ценность этой теории исчерпана, а во-вторых, что мое заявление нужно читать с оговоркой «с точки зрения задачи установления определенности и устойчивости статического равновесия». Теория полезности может послужить и другим задачам, ради которых она вполне может быть воскрешена в любой момент.

рето с тем, что им показалось новым и крайне значимым начинанием. Бытует даже мнение, что это новое начинание является главным вкладом Парето в экономическую науку.

В «Курсе» есть указания на то, что Парето был с самого начала не вполне удовлетворен Вальрасовой теорией ценности. Но все его поправки, либо незначительные, либо неоригинальные, не выходили за рамки самого принципа полезности. Из незначительных поправок можно упомянуть введение термина *ophélimité* (желаемость) вместо термина «полезность», *ophélimité élémentaire* (элементарная желаемость) вместо «предельной полезности» или *rareté* (редкость) Вальраса на том основании, что со словом «полезность» связано слишком много сбивающих с толку ассоциаций. Из неоригинальных поправок Парето можно назвать понимание полезности и предельной полезности как функций всех товаров, которыми потребительская единица владеет или которые потребляет в определенном образом выбранный период времени, вместо Вальрасова понимания общей и предельной полезности каждого товара как функции количества одного этого товара. Авторство этого очевидного улучшения принадлежит Эджуорту, но я, признаться, сомневаюсь, насколько Эджуорт сознавал те теоретические сложности, которые принесет это улучшение: оно превращает последнюю степень полезности, которая у Джевонса, Вальраса и Маршалла была лишь простой производной, в частную производную, что во много раз увеличивает те математические сложности, с которыми мы сталкиваемся, пытаясь доказать детерминированность экономической системы даже в ее простейшей форме*.

* Уточню, что я имею в виду: когда мы пытаемся доказать, что существует один и только один набор ценностей, который удовлетворяет уравнениям общего равновесия, у нас

Однако вскоре, еще задолго до 1900 года, когда Парето публично заявил о перемене мнения в своих парижских лекциях, он понял, что во всяком случае для его целей от понятия измеряемой полезности (кардинальной полезности) можно спокойно отказаться* или что от него в любом случае придется отказаться по причинам, впервые названным во второй части «Математических исследований теории ценности и денег» Ирвинга Фишера (1892). Чтобы спасти ситуацию, он обратился к кривым безразличия и предпочтений, введенным Эджуортом. Но в то время как Эджуорт отталкивался от понятия кардинальной общей полезности и на его основании построил эти линии, Парето пошел об-

не возникает проблем, пока мы держимся той предпосылки, что предельная полезность каждого товара зависит только от количества этого товара, и пока не допускаем в систему деньги, а только *numéraire*. Те ограничения, которые даже после этого будут необходимы для обеспечения доказуемости, кажутся мне вполне терпимыми с экономической точки зрения. Реальную трудность создает только введение частичных дифференциальных коэффициентов.

* Густав Кассель пришел к тому же выводу в 1899 году. Он пошел даже дальше, чем Парето, утверждая, что может обойтись вообще без понятия полезности. В этом эссе невозможно объяснить, почему это утверждение было голословным, а также почему постулированный им метод — исходить из кривых рыночного спроса — неприемлем. Однако чтобы оценить значение этого эпизода в истории экономической теории, нужно вспомнить, что в то время еще воспринималась в штывы не только сама теория полезности, но также и теория ценности и распределения, на которой она была построена. Это неприятие было, как в Германии и Италии, иногда мотивировано возражениями против использования не поддающихся измерению и верификации психических величин. Так что неприятие теории предельной полезности со стороны Парето и прочих выступило заодно с распространенным аргументом, бесконечно повторявшимся авторами, в ряду которых Парето ни за что не захотел бы оказаться.

ратным путем. Он взял за отправную точку кривые безразличия и показал, что от них можно прийти к определению экономического равновесия в условиях чистой конкуренции, кроме того, из них можно вывести некоторые функции, которые могут быть идентичны полезности при условии ее существования. В любом случае такой подход позволял получить ординалистские *индексы* полезности, которые Парето назвал индексными функциями (*Manuale*. P. 540. Note 1).

Я хотел бы подчеркнуть две вещи. Во-первых, то, что Парето хотя и адаптировал изобретение Эджуорта для собственных нужд, придал множествам безразличия значение, которого они не имели в «Математической физике» Эджуорта. Они лишились любых ассоциаций с полезностью, и прежние функции понятия полезности в теории экономического равновесия теперь должны были выполняться определенными предпосылками насчет формы этих кривых безразличия. Новая идея заключалась в том, чтобы заменить постулаты полезности постулатами наблюдаемого поведения и поставить тем самым экономическую теорию на основание, которое Парето казалось более прочным. Можно, конечно, возразить, что, несмотря на несколько предпринятых попыток, никому еще не удалось провести необходимых для этого наблюдений и что вряд ли можно надеяться, что нам удастся в полной мере выстроить результаты таких наблюдений из объективных данных так, чтобы вывести из них полную карту эмпирического безразличия. Поэтому давайте назовем их потенциально эмпирическими или, используя термин Канта не по назначению, относящимися к «возможному опыту». В любом случае введение кривых безразличия с целью, совершенно чуждой изначальной цели Эджуорта, можно было бы назвать истинно оригинальным достижением, если бы это достижение, как это признавал

Парето, не предвосхитил Фишер в своей вышеупомянутой работе.

Второе, на что я хочу обратить внимание, это то, что своими рассуждениями Парето сам выдает те сложности, с которыми столкнулся, полностью порвав со старой теорией полезности. Он постоянно выискивает возможности поговорить о полезности и даже о кардинальной полезности, существование которой — и вопрос ее интегрируемости в теорию — продолжало его крайне интересовать. Его индексные функции, в конце концов, довольно сильно напоминают старое понятие полезности. В сущности, как подчеркивали Аллен и Хикс, Парето так и не сумел полностью порвать со старой теорией и продолжал использовать понятия вроде Эджуортовых дефиниций соперничества (*rivalry*) и комплементарности, которые не слишком сочетаются с его основной идеей. Эта основная идея, добавим мы, была развита и поддержана еще в 1902 году Паскуале Бонинсензи*. В 1908 году Энрико Бароне в своем вышеупомянутом труде определенно превзошел Парето, ограничив свои базовые предпосылки теории ценности тем, что он назвал фактом, что, столкнувшись с данными ценами продуктов и производительных услуг, каждый человек распределяет доходы от продажи своих услуг между тратами на потребительские товары и сбережения в определенной манере, «мотивы которой мы не собираемся исследовать». Это, указал он, решает проблему как полезности, так и функций безразличия. Дальнейшая история слишком хорошо известна, чтобы тратить на нее время. Достаточно упомянуть исследования Джонсона и Слуцкого, которые остались практически незамеченными; бо-

* *Boninsegni P. I fondamenti dell'economia pura (a proposito di un libro del Sig. A. Aupetit) // Giornale degli Economisti. Febbraio 1902. Ser. 2. No. 24. P. 106–133.*

лее влиятельную реформацию, проведенную Боули в его «Математическом основании экономической науки», а также труды Аллена и Хикса, Джорджеску-Регена, Самуэльсона и Х. Волда. Если мы считаем текущую стадию развития теории ценности «примерно финальной», мы должны приветствовать либо Фишера, либо Парето в качестве ее святого покровителя.

Однако Парето является святым покровителем не только современной теории ценности, но также и «новой экономики благосостояния». История о том, как Парето в очередной раз оказал услугу делу, которому нисколько не сочувствовал, не лишена юмора. С самого начала экономической науки нечетко определенное понятие общественно-благосостояния играло огромную роль в трудах экономистов. Знакомые нам девизы утилитаристов (Беккарии, Бентама) помогли немного рационализировать это понятие, и теория ценности на основе полезности казалась идеально подходящей для его применения: в сущности, она была быстро приспособлена для выполнения этой задачи, например, в вопросах налогообложения. Теория множеств безразличия Фишера и Парето, уничтожив основание аргументов, построенных на понятии кардинальной полезности или даже межличностного сравнения полезности (удовлетворения), должна была бы навсегда с ними покончить. Но вместо того, чтобы прийти к такому заключению, а также несмотря на свое презрение к политическому гуманизму своего времени, Парето немедленно заново набросился на проблему максимы коллективного удовлетворения. Решающую формулировку предложил Бароне, но основная идея принадлежит Парето*.

* См.: *Barone E. Il Ministro della Produzione nello Stato Collettivista // Giornale degli Economisti. Sept.—Oct. 1908. No. 2. P. 276.*

Вначале он отметил, что можно сказать, что все изменения, которым подвергается любой экономический паттерн, увеличивают благосостояние или коллективную удовлетворенность в совершенно объективном смысле, если те, кто выигрывают в плане *numéraire* (денежных средств — (*фр.*)), могут компенсировать убыток тех, кто в плане *numéraire* проигрывает и при этом все равно остается в выигрыше. Этот критерий способен спасти многие, хотя и не все, суждения относительно благосостояния, обыкновенно выносимые экономистами*. Во-вторых, Парето указал, что суждения относительно благосостояния, которые не могут быть спасены таким образом, должны быть очевидным образом основаны на внеэкономических, то есть «этических», соображениях. В-третьих, он показал (р. 363–364), что этот критерий можно использовать, чтобы установить, что *l'état collectiviste* может улучшиться до уровня, практически достижимого в условиях совершенной конкуренции**. За вычетом

* Этот критерий, строго говоря, независим от того факта, выплачивается ли эта компенсация или нет. Во втором случае мы просто делим изменения на две части: изменения, которые увеличивают коллективную удовлетворенность, к которой этот критерий применим, и трансферы от проигрывающих к выигрывающим, к которым он неприменим. Но и в этом случае я не хочу выступать в роли защитника суждений о благосостоянии, которые этот критерий спасает от риска быть опровергнутыми возражениями против использования количественной полезности или межличностного сравнения состояний удовлетворенности. Против них есть и куда более важные возражения, в частности, возражение, что эти «объективные» суждения о благосостоянии учитывают лишь мгновенные результаты.

** Последнее предложение на р. 363 «Учебника», как мне кажется, во многом предвосхищает аргументацию, изложенную Гарольдом Хотеллингом в работе: *Hotelling H. General Welfare in Relation to Problems of Taxation and*

развития к этим трем пунктам вполне можно отнести Новую экономику благосостояния.

От той части экономики благосостояния Парето, в которой обсуждается логика производства, удобно перейти к его второму великому вкладу в чистую экономическую теорию: его теории производства*. Подойдя к проблеме производства с точки зрения теории выбора и применив к случаю производителя общий аппарат кривых безразличия и производных от них понятий: *lignes du plus grand profit*, *lignes de transformations complètes et incomplètes* и так далее (кривые наибольшей выгоды, кривые полной и неполной трансформации – (*фр.*)), он наметил всеобъемлющую теорию, части которой явно прослеживались в экономической литературе его времени** и которая, можно сказать, содержит основание математической теории производства нашего времени или, во всяком случае, ее статической части. В частности, общий характер этой теории оставляет возможность для любых особых

of Railway and Public Utility Rates // *Econometrica*. July 1938. Vol. 6. No. 3. P. 242–269. Практическое применение к железным дорогам принципа, гласящего, что благосостояние может быть максимизировано, если установить такие цены, которые покроют предельные издержки даже в случае отраслей с уменьшающимися издержками, а также если финансировать постоянные издержки (как сказал Парето), в общем-то, не ново. Насколько мне известно, это Вильгельм Лаунхардт сделал из этого принципа вывод, что инвестирование в железные дороги «никогда» не должно быть частным делом (*Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre*. 1885. P. 294; а также более ранние произведения).

* См., в частности, главу III «Учебника», параграфы 74–82, 100–105; главу V, а также параграфы 77–107 Приложения.

** Правда, выпустив из этой фразы слово «явно», мы будем вынуждены отдать авторство значительных частей теории Парето некоторым его современникам и даже предшественникам, особенно Маршаллу.

случаев, к которым мы можем захотеть обратиться без особого акцентирования: «препятствия» могут вначале быть чем угодно и затем принять любую из наиболее часто встречающихся на практике форм — факторов, которые требуются в фиксированных количествах независимо от выработки продукции, факторов, которые требуются в определенных технологических параметрах количествах на единицу выработки продукции, «компенсирующих» факторов и так далее — и занять свои места в теоретически законченной схеме возможностей. Отдавая должное этому достижению, мы должны помнить, что Парето стремился прежде всего обобщить и улучшить теорию своего великого предшественника Вальраса. Работу Парето в этой области также можно разделить на две части: результаты первой приведены в «Курсе», а второй — в «Учебнике», хотя отдельные незначительные детали также содержатся в статье для энциклопедии «Encyclopédie des Sciences Mathématiques» (Vol. I. 1911).

Изначально Вальрас сформулировал свою теорию производства, исходя из предпосылки о неизменности производственных коэффициентов — постоянстве издержек на единицу выработки продукции — не потому, что верил, что это единственный возможный или даже единственный важный случай, но потому, что считал такой подход оправданным упрощением*. В ответ на обрушившуюся на него критику он ответил: «Экономисты,

* Любопытно, что величайший из всех экономистов-теоретиков придерживался такого мнения. Во-первых, это упрощение создает аналитические сложности, которые заставляют нас задуматься о том, насколько оно упрощает дело; во-вторых, оно создает разрыв между теорией и реальностью достаточно большой, чтобы усомниться, есть ли вообще польза от добытых с его помощью результатов.

которые придут после меня, свободны вводить одно за другим любые усложнения, какие только захотят. Тогда, как мне кажется, все мы выполним свой долг» (окончательная редакция, р. 479). Получается, что Парето как раз последовал совету Вальраса. А к тому времени, когда «Курс» был опубликован, Вальрас уже добавил в свою теорию переменные коэффициенты, следуя предложению, полученному от Бароне*, хотя основной раздел, посвященный производству, он и оставил без изменений. В том же 1894 году, когда это было сделано, вышел «Очерк о координации законов распределения» («*Essay on the Coordination of the Laws of Distribution*») Уикстида. Наконец, переменные производственные коэффициенты в любом случае не были нововведением после всего, что о них написали Джевонс, Менгер и Маршалл. «Курс» Парето добавил к уже сказанному только элегантную формулировку и некоторое количество причин (не все из них были одинаково убедительны), почему случай компенсирующих коэффициентов не должен рассматриваться как единственный или основной.

Называть ли эту теорию теорией предельной производительности или нет — вопрос личных терминологических предпочтений**. Парето ограничил

* Это было сделано в примечании, опубликованном в 1896 году и переизданном в третьем издании «Элементов». В четвертом издании (1900) в 36-й главе Вальрас представил уже полную теорию предельной производительности в форме, открытой для критики по многим пунктам. Он переделал ее к последнему изданию, вышедшему уже после его смерти, в 1926 году. См. об этом, а также о более поздней версии теории Парето у Шульца: *Schultz H. Marginal Productivity and the General Pricing Process // Journal of Political Economy. October 1929. Vol. 37. No. 5. P. 505–551.*

** Основная причина этого не делать — традиция учитывать только производственные функции, представляющие количества продукта как зависящие только от «факто-

ее этим смыслом и в течение нескольких лет после издания «Курса» становился к ней все более враждебен, пока не объявил ее ошибочной. Он явно находился под впечатлением, что опроверг или как минимум перерос эту теорию, примерно так же, как считал, что опроверг или перерос теорию предельной полезности. Его блестящая теория издержек, которая, среди прочего, выручает уязвимые азбучные теоремы о том, что в условиях совершенного равновесия или совершенной конкуренции цены должны равняться предельным издержкам, а общая выручка должна в то же время равняться общей сумме издержек, позволяет нам проверить это утверждение*. Настолько, насколько производительные комбинации зависят от экономических соображений (ведь, в конце концов, прояснять экономические соображения — это дело экономистов), разница по сравнению с обычной теорией пре-

ров замещения», и таким образом использовать теорему, согласно которой при чистой конкуренции единица каждого из бесчисленных условий производства приносит вознаграждение, соответствующее физической производительности, умноженной на цену продукции. Но мы не выйдем за рамки спора о предельной производительности, если признаем возможность «ограничительных факторов» или более общих ограничений функции производства, которые приводят к результатам, противоречащим этой теореме. См., например: *Smithies A. The Boundaries of the Production Function and the Utility Function // Explorations in Economics: Notes and Essays contributed in Honor of F. W. Taussig. New York: McGraw-Hill, 1936.*

* Мы используем эту возможность, чтобы упомянуть Паретово понимание ренты, которая появляется в случаях, когда эти два условия (общие издержки = общая выручка; цена = предельные издержки) несовместимы, и особенно в случаях, когда трансформация сбережений в определенные виды товаров наталкивается на определенные препятствия. Эта теория ренты в наши дни пережила возрождение. Она может помочь нам улучшить теорию фрикций, хотя вряд ли способна на большее.

дельной производительности невелика. Но Парето учит нас, как справляться с отклонениями от этой теории, которые происходят вследствие технологических и общественных ограничений. При этом, как и всегда, он делает и кое-что еще: неизменно ссылается на других авторов и другие области.

III. Парето — социолог

Нет ничего удивительного в том, что экономисты часто обращаются к социологическим вопросам. Значительная часть их работы — практически все, что говорится об институтах и силах, формирующих экономическое поведение, — неминуемо заходит на территорию социологической науки. Поэтому на пересечении двух наук развилась некая ничья или общая территория, которую можно назвать экономической социологией. Более или менее важные элементы этой науки можно найти практически в любом трактате или учебнике по экономической теории. Но помимо этого многим экономистам, особенно тем, кто строго проводил границы экономической науки, приходилось заниматься и чисто социологическими исследованиями. «Теория нравственных чувств» Адама Смита и «Закон власти» (*Gesetz der Macht*) Визера являются выдающимися примерами таких исследований. Но найдется немного великих экономистов, которые бы посвятили такую значительную часть своих сил, как Парето, тому, что можно посчитать второстепенной деятельностью, и совсем уж немногие сумели заработать международное признание достижениями в этой области. Однако достижение Парето в области социологии трудно охарактеризовать и оценить. Те громкие похвалы одних читателей и враждебные комментарии других, которые одинаково часто звучали в его адрес, можно понять, но нельзя

принять всерьез, потому что ни те, ни другие в большинстве случаев не являются научными. Чтобы составить удовлетворительно полное мнение о деятельности Парето в этой области, пришлось бы рассмотреть несколько книг и большое количество газетных статей, но нам достаточно будет «Социалистических систем», «Учебника» (особенно глав II и VII) и «Трактата общей социологии».

Начнем с тех двух аспектов социологической теории Парето, которые очевидны и легко поддаются описанию. Во-первых, хотя Парето-экономист в течение своей долгой жизни занимался множеством совершенно конкретных и практических вопросов, его главное чисто научное достижение лежит все же в области абстрактной экономической логики. Вполне понятно поэтому, что он испытывал желание, даже потребность возвести рядом со своими чисто теоретическими построениями здание, в котором нашлось бы место фактам и рассуждениям иного толка, таким, которые помогли бы продемонстрировать, как элементы его экономической теории могут работать в реальной жизни. Во-вторых, как мы помним, в первой половине жизни, во всяком случае, вплоть до отъезда из Италии, Парето со страстным увлечением следил за дебатами на темы экономической и общей политики. Будучи прирожденным мыслителем, он, должно быть, поражался бессилию рациональных аргументов в этих вопросах и, вероятно, задумывался, что на самом деле определяет политические решения и судьбы стран и цивилизаций. Опять же, вполне понятно, что как только Парето всецело посвятил себя размышлениям, он перестал принимать те простые и поверхностные ответы на этот вопрос, которыми мы обыкновенно довольствуемся, будучи погруженными в свои ежедневные занятия, и попытался ответить на него с точки зрения научного анализа. Это означает, что прежде всего социоло-

гия Парето была социологией политического процесса. Конечно, все, что человек делает, думает или чувствует, все творения его культуры и его отношение к этим творениям — все эти свойства так или иначе учитываются, когда мы размышляем о политическом процессе, который таким образом становится не более чем их особым случаем. Но именно этот особый случай завораживал Парето, и именно ради него он возвел и отделал величественное строение своей социологической теории.

Далее мы обсудим метод Парето, который тоже сравнительно легко описать. Сам Парето не устал подчеркивать, что лишь применил те «логико-экспериментальные» методы, которые верой и правдой служили ему в экономических исследованиях, к анализу «экспериментально» верифицируемой реальности других аспектов общественной жизни, во всех случаях полагаясь на пример естественных наук. Это, конечно, было чистым заблуждением с его стороны. Легко заметить, например, что Парето широко и не всегда законно пользуется методом психологической интерпретации, у которого в физических науках нет аналога, и что его материал — это, по сути, продукт наблюдения, а не эксперимента, то есть разница с точки зрения метода огромная. Я боюсь, что, пытаясь сформулировать свои методические правила, Парето на самом деле более всего стремился проявить независимость философа, который не хочет идентифицироваться ни с какой партией или верой, ни с какими интересами. Сама возможность такой независимости поднимает известную фундаментальную проблему, справиться с которой Парето было сложно, поскольку он ее не заметил. На самом деле он использовал две разные аналитические схемы. Одну из них можно назвать морфологией общества, она приветствует использование фактов, которые, во всяком случае потенциально, поддаются наблюдению в том же

смысле, что и анатомические или биологические факты; вторая принадлежит к области психологии общества. Обе эти схемы действительно *иллюстрируются* или даже в какой-то степени *верифицируются* примерами из истории и современной жизни, но ни одна из них даже приблизительно не *выводится* из этих примеров при помощи «логико-экспериментального» метода: обе отражают крайне личное понимание общественного процесса, обусловленное образованием и происхождением Парето, его опытом и предубеждениями. Родство морфологической схемы с дарвиновской, а социально-психологической — с отдельными частями учения Тарда, Дюркгейма, Леви-Брюля и Т.Рибто очевидно. Еще более очевидна связь обеих схем со свойственным Парето образом мышления, упомянутым в первой части этого эссе, проявившаяся в уничтожающей критике парламентской демократии, — этот образ мышления был антиинтеллектуалистским, антиутилитаристским, антиэгалитаристским, а следовательно, в определенном смысле* антилиберальным. Однако Парето сумел создать из этого вторичного материала нечто уникальное**.

* Это уточнение крайне важно. У слова «либеральный» есть и другие значения, одно из которых как нельзя лучше описывает позицию Парето. Аналогичным образом в некотором смысле слова его можно справедливо назвать великим гуманистом. Но это будет не тот же смысл, который Парето применял к *individus dégénérés, d'intelligence et de volonté faibles* (людям выродившимся, со слабым умом и волей — (*фр.*)) (Manuel. P. 130).

** Крайне интересно наблюдать, к каким разным выводам приводят разных людей не только одинаковые факты, но и одинаковые институты. Грэм Уоллес был ортодоксальным английским радикалом и фабианцем. Однако в своей книге «Человеческая природа в политике» (*Wallas G. Human Nature in Politics*. L.: Constable, 1908) он изобразил картину ничуть не более лестную для политической демократии, чем труды Парето.

Центральная идея морфологической схемы Парето заключается в предположении, что все общества состоят из гетерогенной массы членов — индивидов или семей — и структурируются согласно склонности этих членов к соответствующим общественным функциям: например, в обществе воров социальный ранг, а также способность влиять на правительство этого общества определялись бы *ex hypothesi* способностью воровать. Парето, похоже, предполагает, что эти способности, хотя они и подвержены совершенствованию или ослаблению, являются по большому счету врожденными, хотя он почти нигде не пытается это доказать. Более того, хотя способности непрерывно распределены в обществе, они приводят к формированию классов, более «высокие» из которых обладают и активно пользуются средствами подкрепления своего положения и отделения от низших слоев общества. Вследствие этого в нижнем слое общества накапливаются незаурядные способности, которым не дают подниматься выше, а в верхнем слое, аристократическом, или элитном, энергия наоборот теряется за счет бездействия, в результате чего возникает напряжение и в конечном итоге замещение правящего меньшинства другим меньшинством, состоящим из лучших элементов *couches inférieures*, нижних слоев. Эта циркуляция элит (*circulation des élites*), однако, не влияет на принцип правления меньшинства и никак не помогает приблизить никакое отдельно взятое общество к идеалу равенства, хотя в ходе сопутствующей ей борьбы и рождаются эгалитаристские философские доктрины и лозунги. Заставляя читателя вспомнить «Манифест коммунистической партии», Парето заявил, что история — это, по сути, процесс *de la succession des aristocraties*, смены одной аристократии другой (Manuel. P. 425). Но его изложение этой части теории так кратко и оставляет такое огромное пространство для интерпретации,

что я не могу быть уверен, что правильно ее понял. Впрочем, я должен был попытаться отдать ей должное, поскольку она необходима, чтобы в правильном свете увидеть его психологию общества.

Основная идея социально-психологической схемы заключается в понятии нелогического (не обязательно лишённого логики) действия. Это понятие отдаёт должное тому широко известному — в частности среди экономистов — факту, что большую часть ежедневных действий мы совершаем не в результате рациональных размышлений на основании рациональных наблюдений, но просто в силу привычки, импульса, чувства долга и так далее, хотя многие из этих действий и поддаются рационализации наблюдателем или автором уже *постфактум*. До сих пор в психосоциологии Парето нет ничего, что хоть кому-то показалось бы новшеством. Новшеством, однако, является его акцент на двух дополнительных фактах: во-первых, что значительное количество действий — и верований, добавим мы сразу, — рационализируются как акторами, так и наблюдателями при помощи способов, которые не выдерживают научной критики, а во-вторых, что ещё более важно, что некоторые действия и верования вообще не поддаются такой рационализации, которая могла бы эту критику выдержать. Значение второго факта для социологии политического процесса становится очевидным, если мы учтём, что Парето считал основную часть всех действий и убеждений, составляющих политический процесс, действиями как раз второго типа. Очевидным примером служит идея общественного договора или теория *volonté générale* (общей воли — (фр.)) Руссо. По убеждению Парето, практически все действия, принципы, убеждения и все остальное, что превалирует в коллективном разуме избирателей, принадлежит к этой же категории. Значительная часть «Трактата» посвящена доказательствам этого

убеждения, часто занимательным, местами поучительным.

Давайте еще раз обратим внимание на эту мысль, сформулировав ее даже жестче, чем сам Парето. Основная часть идей и концептуальных структур, составляющих сознательную часть общественного и особенно политического процесса, вообще не имеют никакой эмпирической достоверности. Эти идеи и структуры оперируют такими понятиями, как свобода, демократия и равенство, столь же воображаемыми, как боги и богини, сражавшиеся за и против греков и троянцев в «Илиаде», и связаны рассуждениями, зачастую нарушающими законы логики. Иными словами, с точки зрения логики они являются чистой бессмыслицей. Эта мысль приводит нас к политической философии, диаметрально противоположной философии Иеремии Бентама. Однако необходимо отметить, что, вынеся политическому мифу диагноз, Парето не пренебрег теми функциями, которые эта логическая бессмыслица выполняет в жизни государства. Завершив анализ, строго позитивистский по своему характеру, он отказался сделать вывод, очевидный для позитивиста. Хотя политические убеждения и общественные религии — Парето почти не делает между ними различия — способствуют распаду распадающихся цивилизаций, они также способствуют эффективной организации и деятельности жизнеспособных цивилизаций. Это очень любопытный вывод для законченного позитивиста, и возможно, что в будущем он послужит примером выдающегося образа мышления эпохи, уничтожившей одну систему метафизических верований и заменившей ее другой. Он напоминает мне совет психоаналитиков, рекомендующих некоторым пациентам в терапевтических целях развить в себе нечто вроде искусственной веры в бога. Конечно, нет никакого противоречия между заявлениями, что общественные

и политические убеждения не имеют эмпирической ценности и что некоторые из них при этом способствуют сплоченности и эффективной работе общества. Однако социальный философ, который, исходя из этих соображений, порекомендовал бы обществу придерживаться политических убеждений второго типа, столкнулся бы с той же сложностью, что и психоаналитик из приведенного выше примера: если считать его анализ верным, то его совет будет неэффективным, поскольку невозможно полагаться на помощь искусственного бога; как только пациент примет его совет, он отвергнет его анализ.

Эти порождения нашего воображения Парето называл *dérivations* (деривации). Аргументация, намеченная в предыдущем параграфе, убедительно показывает, что деривации не лишены значения в качестве факторов, помогающих формировать исторический процесс. Однако, по мнению Парето, это значение относительно невелико и по сути эти *dérivations* лишь вербализуют нечто более фундаментальное, что гораздо сильнее влияет на фактическое политическое поведение и итоговую сумму нелогических действий. Если бы мы определили это нечто более фундаментальное в терминах интересов группы, а затем определили эти интересы группы в терминах общественного положения группы в производственной организации общества, мы бы оказались как минимум весьма близки к Марксову пониманию вопроса; между теориями Маркса и Парето есть близкое родство, которое я хотел бы подчеркнуть. В сущности, рассуждай мы таким образом, между политической социологией Маркса и Парето осталось бы только два расхождения. Во-первых, Парето явным образом ввел элемент, только косвенно присутствующий в анализе Маркса: важность объяснения конкретного исторического отрезка, большего или меньшего уровня общественной гибкости, присущего конкретному обществу, или, иными сло-

вами, важность того факта, что существует такой оптимум вертикальной мобильности и сопротивления ей, который лучше прочих гарантирует то, что можно назвать стабильностью политического развития. Во-вторых, достаточно вспомнить краткое изложение общественной морфологии Парето, чтобы понять, что для Парето исторический процесс является не столько результатом конфликта целых общественных классов, сколько результатом конфликта их правящих меньшинств. Утверждается, что хотя оба этих отличия являются заслугой социологии Парето, они все же остаются лишь поправками, улучшающими схему Маркса. Я могу добавить также, что имущественные отношения как таковые куда менее очевидны у Парето, чем у Маркса, и что этот факт также свидетельствует о превосходстве анализа Парето. Однако это замечание, как легко убедиться, является лишь следствием первых двух.

Однако Парето не пошел по пути описанного выше рассуждения. В его анализе связь между теми заблуждениями, которые он называл *dérivations*, и объективными детерминантами фактического поведения обеспечивалась за счет того, что он называл остатками (*résidus*). Я сознаю, что рискую показаться несправедливым к Парето, если ради краткости изложения определяю эти *résidus* как типичные для человека импульсы, которые воскрешают в не слишком приятной манере старый психологический механизм инстинктов. Мы не станем обсуждать составленный Парето список, в который входят такие импульсы, как инстинкт комбинаций, сексуальное желание и так далее, особенно учитывая, что сам Парето, похоже, был им не слишком доволен. Достаточно указать на очевидное методологическое возражение против такого анализа: даже если бы *résidus* Парето и «законы» их объединения и живучести были куда более тщательно проанализированы, они все равно остались бы скорее яр-

лыками, чем решениями проблем, и нуждались бы в профессиональном исследовании, для которого Парето не хватало квалификации. Так что неудивительно, что труд Парето не имел особой популярности среди профессиональных социологов и общественных психологов и что они редко выражали восхищение величиём его теории в целом*.

Однако все эти и прочие недостатки не являются решающими. Труд Парето — это не просто программа исследований и не просто анализ. Фундаментальный принцип, гласящий, что поступки отдельных людей, групп и стран должны объясняться чем-то более глубоким, чем убеждения и лозуги, использующиеся, чтобы вербализировать действия, несет в себе идею, крайне полезную современным людям, особенно нам, экономистам. Мы привыкли, обсуждая вопросы экономической политики, принимать за чистую монету политические лозунги как своего собственного времени, так и прошедших веков. Мы рассуждаем так, как если бы убеждения бентамиста XVIII века когда-то действительно были обоснованными. Мы отказываемся понимать, что экономическая политика — это политика, и отказываемся признаваться себе, что такое политика. Мы культивируем умственную неполноценность и изо всех сил стараемся задавить любые проявления сильного и живого интеллекта. В подобных обстоятельствах идея Парето, какой бы однобокой она ни была, становится крайне полезным противоядием. Она не является, как его экономическая теория, первостатейным техническим достижением. Она представляет из себя нечто совсем иное: попытку произнести проповедь.

* Анализ Паретовой социологии Толкоттом Парсонсом является чуть ли не единственным в англо-американской социологической литературе.

Глава 6
Ойген фон Бём-Баверк
(1851–1914)*

И вот этот великий мастер покинул нас. Никто из тех, кто был близок к нему как лично, так и профессионально, не смог бы описать чувства, таким тяжелым бременем легшего на всех нас. Никакими словами нельзя выразить, чем он был для нас, и немногие, а возможно, и никто еще к настоящему моменту не примирился с осознанием того, что отныне непреодолимая стена будет отделять нас от него, его советов, поддержки, критического руководства и того, что дальнейший путь вперед нам придется преодолевать без него.

Я опасаясь, что окажусь не столь адекватен задаче обрисовки основных положений его научных трудов, как мне хотелось бы. Возможно, время для этого еще не пришло. Этот гигантский *массив* идей все еще лежит слишком близко от нас, и пыль споров вокруг него еще не улеглась. Ибо он был не только творческим умом, но и бойцом и до последнего момента живой и действующей силой в нашей науке. Его труды принадлежат не одному поколению и не одной нации, но всему человечеству. Лишь спу-

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. Das wissenschaftliche Lebenswerk Eugen von Böhm-Bawerks // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 1914. Bd. 23. S. 454–528.* Она была сокращена и переведена доктором Гербертом К. Цассенхаусом, учившимся под руководством профессора Шумпетера в Бонне, и позже бывшим его научным ассистентом в Гарварде.

стя много времени после того, как все мы покинем наше попрание, экономисты осознают истинный масштаб и полное влияние его гения.

Возможно, в каком-то смысле тот, кто был искренне лично привязан к нему, менее всего подходит для этой задачи. И я действительно буду глубоко сожалеть, если когда-либо смогу написать о его трудах в духе холодной объективности или если читатель нижеследующего текста сможет найти в нем что-либо иное кроме дани верной привязанности и скорбных воспоминаний. Как бесконечно богатая личность, как человек, которому жизнь дала многое, поскольку он сам мог так много дать, а также как мыслитель Бём-Баверк не нуждается ни в том, ни в другом — он был достаточно велик, чтобы обходиться без посторонней помощи и выдерживать любую критику. Но для нас относиться к нему иначе было бы невозможно.

Тем не менее попытка беглого наброска с такого близкого расстояния имеет свои преимущества. Да, истинная ценность многих фактов станет понятна только по прошествии времени, но зато многое, что от историка неминуемо ускользнет в сумерки прошлого, в нашей памяти еще совсем свежо. Мы, современники Бём-Баверка и его друзья, знали его лично, лучше всех знали обстоятельства, в которых он работал, мир, для которого он писал, материал, который он использовал, задачи, которые считал важнейшими. Великие вершины всегда одиноки; пропасть, отделяющая настоящее любой науки от ее прошлого, пусть и самого недавнего, стремительно увеличивается. Уже совсем скоро широкий круг научного сообщества не сможет восстановить большую часть подробностей, которые необходимы для глубокого понимания наследия ученого.

Я должен бы говорить о Бём-Баверке только как об ученом, но не могу умолчать и о других гранях его личности. Образ этого человека одинаков во

всех областях, охваченных широкой орбитой его жизни; везде чувствуется один и тот же мощный пульс. Мы постоянно сталкиваемся с незаурядной личностью, с яркими и сильными чертами, как будто осматриваем с разных сторон безупречную монолитную статую. Как известно, Бём-Баверк был не только одной из самых ярких фигур в науке своего времени, но и редчайшим образцом государственного деятеля — выдающимся министром финансов. Его имя стало синонимом плодотворного законодательства и лучших традиций австрийского фискального управления; оно связано с наиболее успешным и счастливым периодом австрийской финансовой политики. Интересно, что политические и научные достижения Бём-Баверка носят схожий характер. Как ученый он поставил себе самую сложную цель в самых неблагоприятных обстоятельствах, без оглядки на успех или признание. Как должностное лицо он также взялся за самую тяжелую и неблагодарную политическую задачу — защищать здравые принципы финансовой политики. Эта задача тяжела и неблагодарна даже в странах, где просвещенное общественное мнение защищает государственного деятеля, даже там, где его поддерживает сильная партийная организация, где общественный идеал носит общенациональный характер и где фраза «этого требует государство» всегда является победоносным союзником, а уж в Австрии эта задача представляется почти непосильной. Побеждать как в политике, так и в научных исследованиях Бём-Баверку позволял один и тот же дар: его самобытность и созидательная сила; его ясное видение реального и возможного; его неиссякаемая энергия, с одинаковой силой и решимостью справлявшаяся с любыми задачами и препятствиями; его спокойствие и, наконец, его острый скальпель — ведь великий полемист был еще и грозным участником дебатов, которому многие соперники высказа-

ли высочайшую возможную похвалу, не решившись вступить с ним в спор. Как в политике, так и в науке черты характера Бём-Баверка оставались неизменными: самообладание и концентрация усилий, высокий стандарт долга, прозорливость в отношении людей и событий без пессимизма, умение сражаться без горечи, отречься от себя без слабости — придерживаться жизненного плана одновременно простого и великого. Его жизнь была законченным целым, выражением личности, всегда верной себе, всегда побеждающей за счет собственной значимости и без тени наиграннысти, произведением искусства, строгие линии которого были расцвечены бесконечно нежным и сдержанным личным обаянием этого человека.

Научные труды Бём-Баверка составляют единое целое. Как в хорошей пьесе каждая строчка служит развитию сюжета, так в работах Бём-Баверка каждое предложение является клеткой живого организма и служит задуманной цели. Он не тратит лишних усилий, не колеблется, не отклоняется от задуманного и при этом спокойно отказывается от вторичного и временного успеха. Не считая немногочисленных статей для периодических изданий, наследие Бём-Баверка не содержит работ, написанных под влиянием момента, на злобу дня. В своем роде и эти газетные статьи показательны: каждая из них написана с определенной четкой целью, а не ради литературной или научной забавы. В работах Бём-Баверка нам открывается превосходство человека, служащего великой цели и полного живой творческой силы; превосходство ясного, хладнокровного ума, отказавшегося из чувства интеллектуального долга отвлекаться на мимолетное. Ему полностью удалось выполнить свой грандиозный план. Законченный и совершенный труд всей его жизни лежит перед нами, и у нас не может быть никаких сомнений относительно его природы.

Бём-Баверк четко представлял свою главную задачу, поэтому и нам так легко ее сформулировать. Он был теоретиком, рожденным, чтобы проследить — и объяснять — крупномасштабные закономерности; инстинктивно, но безошибочно улавливать цепочки логических необходимостей; испытывать сокровенную радость аналитической работы. И в то же время он был творцом, архитектором мысли, которому мелкие задачи, встречающиеся в изобилии каждому ученому, никогда не могли бы принести удовлетворения. Да, Бём-Баверк был величайшим критиком, которого знала наша наука. Но его критика, выдающаяся в своей яркости, масштабах и скрупулезности, служила только для того, чтобы проложить путь по-настоящему важной работе; она носила характер вспомогательной задачи.

В двадцать четыре года, увлекшись социально-экономическим процессом, Бём-Баверк избрал своей отправной точкой теорию Карла Менгера. Он всегда считал себя союзником Менгера и не желал основывать никакой иной научной школы. Вначале Бём-Баверк двигался по стопам Менгера; затем он поднялся на новые высоты, к важнейшим нерешенным задачам экономической науки, где объединил свои собственные новые идеи с учением Менгера в последовательную структуру, глобальную теорию экономического процесса. Разработке этой теории он посвятил все силы, весь талант и всю свою удивительную энергию. Решая эту задачу, Бём-Баверк вошел в пять-шесть величайших экономистов всех времен; он дал нам всеобъемлющую теорию экономического процесса — анализ экономической жизни на уровне классиков и Маркса. Свою теорию Бём-Баверк основал на постулатах Менгера, рассмотрев их с точки зрения единственной проблемы, которую считал неразрешенной, — проблемы процента, чистого дохода с капитала, наиболее важной и сложной проблемы экономики. Сложность этой

проблемы, хотя до широкого круга читателей и не просто донести все хитросплетения в объяснении такого обыденного явления, подтверждается тем, что века работы так и не принесли удовлетворительного решения. Ее важность обусловлена тем, что практически все наше понимание капитализма, равно как и отношение к нему, зависит от того, как мы рассматриваем функции и значение процента и прибыли. До Бём-Баверка это ясно видел только Маркс; научная основа системы Маркса — не что иное, как теория процента и прибыли, из которой более или менее убедительно следует все остальное.

Для того чтобы по заслугам оценить субъективные достижения Бём-Баверка и объективную форму этих достижений, необходимо представить себе научное сообщество, окружавшее его. Это сообщество не было благосклонно к ученому широких взглядов, человеку интеллектуального уровня Рикардо и особенно к человеку, имеющему природную предрасположенность к занятиям точной теорией. Коренастая фигура Менгера одиноко выделялась на фоне целой армии противников. Понимание целей аналитического исследования полностью отсутствовало. Чтобы понять это, нужно вспомнить, что экономика — очень молодая дисциплина, еще толком не выросшая из ползунков; что у экономики был только один период настоящего подъема, и случился он не в Германии; что аналитический склад ума, которым природа наградила Бём-Баверка, в Германии не успел прижиться, а оставался чужеродным, непопулярным и непонятным. Нужно помнить, что внимание немецких экономистов было приковано к социальным реформам, к вопросам практическим, а также к проблемам административных технологий, а чисто научный интерес, насколько он вообще существовал, был направлен исключительно на историю экономической науки. Для теоретика совершенно не было места,

и большинство экономистов, не получив теоретической подготовки, не только не могли оценить достижений теоретического характера, относясь к ним предубежденно и неприязненно, но и просто не были способны составить независимое мнение о логической состоятельности теоремы, не говоря уже о том, чтобы понять ее значимость или судить об интеллектуальной работе ее автора.

Только приняв во внимание все вышеперечисленное, зная, какими шаблонными фразами встречалась любая попытка абстрактного мышления, можно понять ситуацию, в которой оказались теоретики, и оправдать их поведение, могущее в иных обстоятельствах показаться странным представителям точных наук. Перечисленными мною причинами объясняются множественные противоречия, задержки на каждом шагу анализа, необходимость начинать каждый новый поворот аргументации с азав предмета, потому что в противном случае она будет понятна не более чем дюжине читателей; этим же объясняется и недостаточная проработка деталей. В те времена, как отчасти и сегодня, каждый теоретик был одинок и всегда рисковал быть непонятым. Ему приходилось самостоятельно формировать каждый кирпичик своего строения, не ожидая от читателей ничего, кроме предрасположенности к неверному истолкованию его слов. В будущем это быстро и счастливо забудется. Скорее всего, ученый, занимающийся точной наукой, уже не может представить себя, к примеру, математиком, которому перед тем как приступить к анализу расчета вариации, необходимо в упорной борьбе добиться от читателей признания азав арифметики. Зафиксировать положение дел, напомнить об этом будущим поколениям — такова задача современника, достаточно близкого к описанному периоду, чтобы его понять. Это необходимая часть восстановления исторической справед-

ливости по отношению ко всем великим борцам и новаторам экономической науки и непереносимое условие их понимания. Те, кто судят пионеров в своей области, зачастую забывают, что сами стоят на их плечах.

Успех не сразу пришел к Бём-Баверку. Долгое время он отставал от коллег, достижения которых со временем оказались едва заметными рядом с его достижениями. В самом деле, прежде чем предложить решение своей главной задачи, ему пришлось продемонстрировать научному миру природу этой задачи, а многим также доказать существование задачи как таковой. Ему пришлось защищать основы своей системы в затяжном споре; он оказался лицом к лицу с противниками, которые считали методологически невозможным абстрактное исследование изолированного набора фактов. У него не было ни кружка студентов-единомышленников, ни — долгое время — возможности собрать вокруг себя группу ученых или учеников. Тем более впечатляет его результат. Он достиг его исключительно силой своей письменной аргументации, не гонясь за литературным успехом, не взывая к общественному мнению, не ведя журналистской кампании и академической политики — то есть не используя всех тех средств, которые хотя и бывают оправданы и необходимы, но не соответствуют высшим идеалам научной деятельности. При этом он не нажил врагов и избежал выяснения личных отношений.

Возможность спокойно и плодотворно вести преподавательскую деятельность в качестве главы академической школы представилась Бём-Баверку только в период с 1904 по 1914 год и только после того, как он отслужил три срока на посту министра финансов Австрии. Научная среда Инсбрука периода 1880–1889 годов была слишком ограничена, чтобы воспитывать учеников, которые хотели бы стать экономистами-теоретиками; к тому же на факульте-

те права студенты стремились исключительно к изучению юриспруденции. Что же касается периода, когда он работал в Венском университете в качестве *honorarprofessor*, то это было для Бём-Баверка время практической деятельности, которая поглощала большую часть его сил и при этом не занимала интеллектуально. Только после 1904-го начался тот период преподавания, который мы никогда не забудем, и семинарские обсуждения в летние семестры.

II

Я описал научную цель Бём-Баверка, охарактеризовав ее как анализ общих форм социально-экономического процесса. Теперь, прежде чем начать разговор о его конкретных достижениях, я хотел бы кратко описать тот путь, которым он шел к этой цели, чтобы подчеркнуть единство плана и впечатляющую последовательность его воплощения.

По мнению Бём-Баверка, социально-экономический процесс основывается на принципах, своей простотой схожих с великими основами физики. Как и последние, их можно было бы уложить в несколько страниц текста, а при необходимости и в одну. Однако такое краткое изложение практически бесполезно — как и основные принципы физики, оно становится плодотворным и обретает свое истинное значение только в окружении эмпирических подробностей. В отсутствие *communis opinio* в экономике своего времени Бём-Баверк оказался лицом к лицу с необходимостью растолковывать публике каждое использованное допущение и метод, каждое звено в цепи доказательств, бороться за каждый шаг, чтобы расчистить пространство, на котором можно было бы построить опору для своей системы. Более того, его система содержала немало сложных и противоречивых идей, особенно в отношении главной

темы — процента и прибыли. Перед тем как приступить к укреплению основ теории, унаследованных от Менгера, Бём-Баверку предстояло опровергнуть целый ряд ранее предпринимавшихся попыток разработать теорию процента. Сделать это было необходимо не только для привлечения аудитории, но и потому, что доказательство несостоятельности прежних попыток — само по себе значительное достижение — было важной предпосылкой его собственной позитивной теории.

Даже простейшие понятия оказались источником сложностей. Ученый с творческим подходом воспринимает определения как нечто второстепенное. Новые идеи приходят к нему в момент озарения, неизвестно откуда. Нужда в определении возникает только тогда, когда новая идея начинает применяться, и, безусловно, тогда, когда автор начинает ее описывать. Приступив к этой задаче, Бём-Баверк столкнулся с древней дискуссией относительно понятия экономического блага. Его первая публикация «Права и отношения с точки зрения теории ценности хозяйственных благ» (*Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre*. Innsbruck, 1881) посвящена как раз определению этого понятия. Задачу эту Бём-Баверк разрешил с характерной для него тщательностью и ясностью, но на пути возведения его собственной системы по-прежнему стояли еще две преграды. Во-первых, фундаментальным объясняющим принципом любой экономической теории является теория ценности. Экономическая теория рассматривает факты с точки зрения ценности; ценность является не только основной движущей силой всего экономического космоса, но и формой, которая позволяет сопоставлять и измерять его явления. От того, как теоретик трактует понятие ценности, зависит его понимание экономического мира в целом, и Бём-Баверку необходимо было

разработать надежное основание для своей системы. Вторая подготовительная задача была связана с теорией процента и прибыли: здесь нужно было вычистить подлесок и доказать наличие крупной нерешенной проблемы.

Первая из описанных выше задач заключалась в защите и углублении доктрин Менгера. И вот в 1886 году в двух статьях (*Grundzüge der Theorie des Wirtschaftlichen Güterwerts // Conrads Jahrbücher. Neue Folge. 1886. Bd. 13. S. 1–82, 477–541*) появилось то блестящее изложение теории ценности («Основы теории ценности хозяйственных благ»), которое умрет только вместе с нашей наукой. Этими публикациями Бём-Баверк проложил путь своей позитивной теории и завоевал место среди новых основателей экономической теории. С этого момента его имя было неразрывно связано с теорией предельной полезности, настолько неразрывно, что и его последователи, и оппоненты заговорили о «Бём-Баверковой теории ценности». Действительно, написав всего две статьи, Бём-Баверк сделался полноценным автором теории ценности, так же как в свое время Визер; рядовой ученый просто не смог бы написать их. Можно многое сказать о вкладе, который Бём-Баверк внес в экономическую теорию этими статьями. Я остановлюсь на двух моментах. Во-первых, он придал теории ценнообразования ее типично австрийскую форму, отчасти контрастирующую с формой, которую учение Менгера приняло в других странах. Во-вторых, он предложил собственное решение проблемы вменения, которого мы еще коснемся ниже, отличное от решений, разработанных Менгером и Визером.

Бём-Баверк оставался бдительным и влиятельным защитником субъективной теории ценности, неоднократно успешно отстаивая ее в спорах. Этот факт играет важную роль в его работе, которая в противном случае осталась бы лишенной надеж-

ного основания и необходимой проработки деталей. Характер Бём-Баверка требовал не оставлять ни одно положение теории без укрепления, постоянно развеивать любые теоретические сомнения при помощи новых исследований. Никакой творческий ум не может получать удовольствия от постоянного обсуждения предмета, который ему самому уже давно ясен. Но результатом этого диспута, беспрецедентного в истории экономической литературы, стал целый арсенал надежных аналитических средств.

К моменту публикации «Основ» репутация Бём-Баверка как автора уже была упрочена второй подготовительной частью его труда, опубликованной в первом томе его шедевра «Капитал и процент» (*Kapital und Kapitalzins. I Abteilung: Geschichte und Kritik der Kapitalzins Theorien. Innsbruck, 1884*), величайшей критической работы в истории экономической науки. Эта работа сразу получила широкое признание, но даже нескрываемое восхищение коллег, со временем все возраставшее, незначительно по сравнению с ожидавшим эту работу преклонением, о котором и сегодня свидетельствует ее глубочайшее влияние. «История и критика теорий процента» — памятник творческого анализа, краеугольный камень нашей науки — представляет собой критику теорий процента, серию несравненных шедевров. Книга не описывает социально-исторического контекста, в котором зародилась та или иная теория, и не содержит философских украшений или суррогатных объяснений. Даже история развития центральной проблемы экономической теории имеет второстепенное значение. Автор ограничивает себя жесткими рамками одной задачи: последовательно рассмотреть существующие теории процента, ограничиваясь только их основным содержанием. Он мастерски перефразирует содержание таких теорий и несколькими просты-

ми, но решительными аргументами беспристрастно дает оценку его сути. Прилагая минимум усилий и двигаясь по кратчайшему пути, он с изящной простотой расправляется по очереди с каждой из теорий. Затем, наглядно продемонстрировав читателю источник бедствия, он без единого лишнего слова продолжает свои рассуждения. Эта книга является лучшим образцом того, как сосредоточить внимание на важном, игнорируя несущественное.

Методично и сознательно подготовив таким образом почву, Бём-Баверк опубликовал в качестве второго тома «Капитала и процента» свою следующую работу — «Позитивную теорию капитала» (предисловие датировано ноябрем 1888 года; работа была опубликована в 1889 году и переведена на английский В. Смартон уже в 1891 году). Как мы уже отмечали, несмотря на узость темы, предполагаемому названию, эта книга явилась всесторонним анализом экономического процесса, трудом всей жизни автора, самым важным плодом его усилий. Как бы ни отнеслись грядущие поколения к отдельным звеньям в цепи его рассуждений, они не смогут не восхититься изумительным замыслом, грандиозным размахом его работы в целом. В любом случае совершенно ясно, что эта работа — попытка покорить наивысшие вершины экономической науки и что автор добился редкого успеха в этой области. Мне всегда приходило на ум сравнение Бём-Баверка с Марксом. Такое сравнение может показаться странным, но только потому, что вокруг имени Маркса всегда бушевали политические страсти, а также потому, что темперамент создателя марксистской системы был совершенно иным. Имя Маркса нельзя отделить от общественных движений с их популярными формулировками, которые помогают донести теорию Маркса до широких масс, но при этом затмевают истинную ценность его научных достижений. Ничего подобного мы

не найдем в карьере Бём-Баверка. Он хотел быть только ученым и больше никем. Ни единого листа в его саду не потревожили политические бури. Ни одним словом он не замутил течения своей научной мысли. Более того, он абстрагировался от социокультурного контекста, который, принимая во внимание состояние нашей науки, мог бы донести результаты его умственного труда до тех, кто так и не смог его оценить. Бём-Баверк не стремился построить трибуну, с которой можно было бы обращаться к массам. Его работа не украшена ничем, кроме классической формы и внутренней безупречности, — следствие отказа от всего, что уводило от сути задачи, на которой он остановил свое внимание. Тем не менее, несмотря на непохожесть Маркса и Бём-Баверка, их жизней, их убеждений и, как следствие, их трудов, параллель между ними как теоретиками очевидна. Во-первых, как ученые они преследовали одну и ту же цель. Во-вторых, временной период и уровень развития их науки, а также преданность проблеме процента и прибыли подсказали им обоим, что исходить в анализе социально-экономического процесса следует из этой проблемы. Оба они позаимствовали основную идею своего анализа у других — Менгер стал для Бём-Баверка тем, чем для Маркса был Рикардо. Они использовали похожие методы и продвигались в одном направлении. Наконец, каждый из них создал доктрину, величие которой подтверждается лучше всего тем фактом, что никакая критика, вне зависимости от ее справедливости в отношении отдельных аспектов теории, не способна преуменьшить ее значение в целом.

Однако первая реакция научного сообщества на «Позитивную теорию» оказалась слабее, чем на критическую часть. Понадобилось время, чтобы «Позитивная теория» пустила корни на почве экономической мысли. Это отчасти объясняется

характером самой работы. «Позитивная теория» Бём-Баверка — организм такой мощности, что понять его внутренний механизм можно было только путем длительного изучения. Более того, человеку, чуждому теоретическим рассуждениям, вообще не под силу было проникнуть в ее суть, и даже специалисту-теоретику, особенно в 1889 году, приходилось пробиваться через целый мир совершенно новых идей. Разумеется, «Позитивная теория» в начале оказалась совершенно неприступной. Даже сегодня многие последователи Бём-Баверка считают, что она уступает другим его работам, особенно «Истории и критике»; такой вердикт часто основывается на второстепенных деталях. Как бы то ни было, хотя значение «Позитивной теории» еще слишком многими недооценено, эта работа признана классической, пройти мимо нее не может ни один ученый, намеренный заниматься теоретической работой. Она принадлежит к арсеналу необходимых инструментов теоретика; ее можно считать самым успешным из оригинальных научных трудов нашего времени.

В 1902 году книга была переиздана вторым изданием, без изменений. Однако в период с 1904 по 1909 год Бём-Баверк посвятил себя без остатка «переосмыслению всей работы». Спустя пять лет напряженного труда, в ходе которого он не оставил без проверки «ни единой складки» своей системы (см. предисловие к третьему изданию), Бём-Баверк вновь представил ее на суд общественности без принципиальных изменений. Тем не менее третье издание можно считать новой книгой: автор сохранил в первоизданном виде только несколько разделов, расширил практически каждую главу и снабдил книгу важными дополнениями. Более того, за годы самокритики у него возникло желание обсудить некоторые моменты подробнее, поэтому в дополнение к двум приложениям Бём-Баверк на-

писал двенадцать «экскурсов». Несмотря на то, что «экскурсы» задуманы для того, чтобы развить идеи текста и изложить критические замечания, многие из них являются самостоятельными произведениями. Вместе с дополнениями и экскурсами книга содержит полное изложение экономической теории, что позволяет сказать, что в этом смысле Бём-Баверк смог завершить труд всей своей жизни.

Тем не менее в книге все же не хватает одной части, которую Бём-Баверк планировал к ней присовокупить. Он опубликовал эту часть в своей последней статье «Власть или экономический закон?». Бём-Баверк часто сталкивался с лозунгом, гласившим, что экономические процессы в целом и распределение общественного продукта в частности определяются не экономической ценностью, но социальной властью классов. Это не более чем лозунг, но широко распространенный, а в сфере экономики недооценивать значение лозунгов нельзя. Тем более что означенная проблема действительно существовала и Бём-Баверк должен был занять по отношению к ней позицию хотя бы для того, чтобы убедиться в надежности своей системы. Так он и поступил, одновременно проанализировав важные положения теории заработной платы. Изданная в результате работа для нас значительна также благодаря многочисленным намекам на то, в каком направлении должны продолжаться исследования, на все те задачи, очертания которых еще скрыты пеленой далекого будущего.

Говоря о завершенном проекте трудов Бём-Баверка, вне которого он издал всего несколько упомянутых ниже работ, необходимо назвать еще одно произведение, значение которого проистекает из параллелизма научных усилий Бём-Баверка и Маркса. Это критика Маркса, опубликованная после появления третьего тома «Капитала» в мемориальном сборнике, посвященном Карлу Кнису (Берлин, 1896;

опубликовано на русском в Санкт-Петербурге, 1847, на английском в Лондоне, 1898), под названием «К завершению марксистской системы». У Маркса было бесчисленное количество критиков и апологетов — больше, чем у любого другого теоретика, хотя Бём-Баверк, пожалуй, догоняет его, но большинство из них страдают двумя недостатками: либо интересы критиков лежат вне научной сути работ Маркса и уходят в сторону вопросов, не имеющих к ней отношения, — исторических, политических, философских и так далее, либо эти критики не соответствуют масштабу автора и его трудов. Именно поэтому критика Бём-Баверка так ценна: он концентрируется на сути и только на ней, и каждая строчка демонстрирует мастерство автора; величие объекта критики соответствует величию критика. Поэтому написанная Бём-Баверком критика Маркса занимает почетное место среди его трудов и навсегда останется лучшей критикой теоретического содержания системы Маркса. Впрочем, я не имею возможности остановиться на ней подробней.

III

По классификации Оствальда Бём-Баверк можно рассматривать как типичного «классика»: его работы написаны прямо, без изысков, сдержанно. Автор предоставляет предмету говорить за себя и не отвлекает внимания читателя красочными фразами. В этом и кроется секрет эстетической притягательности его литературной манеры: он подчеркивает логическую форму идей четко, но ненавязчиво. При этом у него собственная яркая манера письма и любую его фразу можно узнать вне контекста по синтаксической упорядоченности. Его предложения — безупречно высеченные мраморные блоки — часто бывают длинными, но ни-

когда — запутанными. Чувствуется некоторое влияние официального административного языка, даже местами юридический стиль выражения. Но они не раздражают — наоборот, оказывается, что официальный язык обладает своими достоинствами, которые в умелых руках не лишены действительности. Выразительность и «температура» изложения Бём-Баверка неизменно соответствует цели повествования: он задумчив и спокоен в изложении аргументов, полон энергии и остроты в решительных отрывках и в заключении. Автор отказывается скрывать структуру своего изложения и неизменно четко обозначает паузы. Игра слов отсутствует, и почти нигде нет той очаровательной живости (я бы назвал ее даже игривостью), которая была так характерна для речи автора в личной беседе. Однако даже в жестких рамках сдержанности зачастую тексты Бём-Баверка поднимаются до риторического эффекта, и нередко ему удается найти удачный оборот и незабываемое слово или выражение.

IV

Охарактеризовать методологию Бём-Баверка можно всего несколькими словами. Метод, который в его умелых руках так блестяще работал, определялся характером его задачи и его личными предпочтениями. Задачей было описание наиболее общих законов, которые проявляются в любой экономической системе, в любое время и в любой стране. Существование таких законов всегда и везде проистекает из сущности экономической деятельности, а также из объективной необходимости, определяющей эту деятельность. Таким образом, суть задачи носит преимущественно аналитический характер. Для ее решения не нужно отдельно собирать факты — необходимые основ-

ные факты экономической деятельности просты и знакомы нам из практического опыта; они везде одинаковы, хотя и принимают разные формы. В любом случае задача сбора фактов блекнет перед необходимостью их осмыслить и выявить их предпосылки. Сделать это можно, только мысленно изолировав интересующие нас факты и абстрагировавшись от множества несущественных вопросов. Получившаяся теория действительно будет абстрактна, отделена от текущей реальности пропастью гипотез, как и любая другая теория; но она будет так же реалистична и эмпирична, как теория в физике. Разумеется, применение такой теории или проведение конкретных подробных исследований потребует обязательного систематического сбора нового фактического материала. Однако поскольку Бём-Баверк стремился только обозначить контуры внутренней логики экономического процесса и его не интересовало ни применение, ни подробные эмпирические исследования, он использовал метод рассуждения, теоретического *анализа*. Его личные предпочтения подсказывали ему тот же метод.

Бём-Баверка интересовала проблема и ее решение, а не обсуждение метода. Прирожденный ученый, он настолько ясно понимал, какой метод требуется для решения той или иной группы задач, что общие методологические рассуждения ему были скучны и он редко прибегал к ним. Первые два упоминания о методе, встречающиеся в работах Бём-Баверка, ясно формулируют его мнение по этому поводу: «Пишите о методе мало или не пишите вообще; вместо этого работайте активней со всеми доступными методами»*. В третьем издании он адресует методологическое предостережение группе

* (a) Предисловие к третьему изданию «Позитивной теории». (b) *zur Literaturgeschichte der Staat und Sozialwissenschaften // Conrads Jahrbücher. Vol. XX. 1890.*

французских социологов, членов Международного института социологии, по случаю избрания его президентом этого института. Это предостережение опубликовано под заголовком «Несколько не слишком новых замечаний по старому вопросу» (*Quelques remarques peu neuves sur une vieille question // Revue Internationale de Sociologie. Octobre 1912. Vol. 20. No. 10. P. 657–665*). Написанное спокойным тоном, прекрасным слогом, со скромной честностью, оно заслуживает всестороннего внимания, в особенности веское и бесконечно уместное предупреждение о том, что если социология в ближайшее время не найдет своего Рикардо, она неизбежно породит своего Фурье. И, наконец, в «Задачах теории цены» — дополнении к третьему изданию «Позитивной теории» — есть методологический раздел, где Бём-Баверк возражает немецким теоретикам, которые отрицают возможность существования общей теории цен.

Все эти произведения имеют определенную оборонительную цель. Они не являются самоцелью и не задумывались как эпистемологические исследования, на которые у человека, стремящегося к определенному результату, не хватило бы времени. Отсутствие у Бём-Баверка вкуса к утонченности формы и выражения, которой наслаждаются иные умы, может быть объяснено его местом в истории нашей науки. Он был одним из тех пионеров в своей области, которых интересовала только сущность их предмета, которые оставляли производить «усовершенствования» эпигонам. Бём-Баверк был архитектором, а не дизайнером интерьера, первопроходцем, а не салонным ученым. Именно поэтому его не слишком волновало, можно ли действительно вести речь о причине и следствии или только о функциональных отношениях. Поэтому он временами пишет об относительно малых количествах, в то время как, строго говоря, нужно было бы

писать о бесконечно малых величинах. Поэтому он использует термин «предельная полезность» для обозначения и дифференциального коэффициента и произведения этого коэффициента на величину приращения. Поэтому он не смог дать исчерпывающего определения формальных характеристик функции полезности, которая у него предстает как дискретная шкала полезности. И поэтому его теория цены выглядит рядом с теорией лозаннской школы как фигура древнего тевтонца рядом с придворным Людовика XV. К примеру, свои предположения относительно формы функций он излагал в виде таблиц. Но все это не имеет никакого значения — будущее сгладит неровности. Для Бём-Баверка значение имели только фундаментальные принципы, и своим собственным способом он разработал их лучше и эффективней, чем мог бы любым другим. Его теория цены по-прежнему превосходит все существующие теории и лучше их разрешает фундаментальные задачи и трудности.

В связи с этим характерной выглядит позиция Бём-Баверка в отношении социологии. Отчасти следуя необходимости возделывать свежевспаханную почву, отчасти двигаясь по пути наименьшего сопротивления, многие экономисты устремились в социологию; эта утечка мозгов объясняет особенности немецкой экономической науки. Бём-Баверка течение не захватило: он хотел оставаться только экономистом. И, будучи экономистом, он боялся за будущее своей науки, наблюдая, как родственные дисциплины, отстающие от экономической науки по методологии и по содержанию так же, как сама экономическая наука отставала от естественных наук, крадут у нее людей и приносят с собой журналистский стиль письма, характерный для наук, которым не хватает экспертного знания. Бём-Баверк был слишком обстоятелен, чтобы удовлетвориться предложенными новыми стимулами, кото-

рые не могли не затронуть также и экономическую науку, и в результате навсегда остался чуждым для разнообразных социологических школ своего времени. Он понимал, что для достижения настоящего успеха лучше ограничиться узким полем деятельности и терпеть упрёки и узо́сти, вместо того чтобы вяло перелетать от одной темы к другой.

Здесь подходящий момент упомянуть о том, что Бём-Баверк почти не участвовал в дискуссиях на злободневные темы. Он сторонился любой политической позиции, и его достижения не принадлежат никакой партии. На практике Бём-Баверк успешно занимался насущными проблемами, но как ученый он, насколько мне известно, только однажды коснулся «практического» вопроса (в трех статьях в *Neue Freie Presse* от 6, 8 и 9 января 1914 года под заголовком «Наш пассивный торговый баланс»), убедительно продемонстрировав свое мастерство в подобного рода спорах. «Угроза денежных потоков в большинстве случаев приведет к результату, к которому в случае ее неэффективности привели бы фактические денежные потоки»; «Платежный баланс повелевает, торговый баланс подчиняется, а не наоборот»; «Считается, и не без основания, что в этой стране многие частные лица живут не по средствам. Но верно и то, что уже некоторое время многие органы государственной власти также живут не по средствам»; «Финансовая политика у нас служит политике мальчишеского битья»; и так далее. Никто не смог бы отказать автору в заинтересованности, понимании вопроса или одаренности, однако он оставался в стороне от обсуждения насущных вопросов. Почему же? Потому что эти дискуссии, подчиненные практическим вопросам и ограниченные уровнем аудитории, не выдерживали продолжительных аргументов, глубинных исследований, утонченных методов. Они опускали науку до уровня популярных дебатов — до исполь-

зования аргументов двухсотлетней давности. Эти дискуссии требуют мгновенной реакции — чего-то вроде экономического производства без машин. Эта спешка не позволяет теоретику перевести дух, не дает ему заняться настоящей работой, ведь в лучшем случае требуется применение уже существующих знаний. Но в то же время такие дискуссии, зачастую разогретые жаром политических страстей, захватывают многих экономистов, отнимая у них большую часть времени. Это одна из причин, почему наша наука так медленно движется вперед. Бём-Баверк работал для грядущих поколений, которым то, что сейчас считается «игрой ума», может принести практические плоды. Считая эту работу своим долгом, он понимал, что обязан также противостоять соблазнам, позволяя событиям идти своим чередом, а людям — говорить что хотят.

V

Из нашего обзора трудов Бём-Баверка следует, что наилучшим способом представить структуру его экономической теории и совокупность его достижений и мнений является более подробное рассмотрение «Позитивной теории капитала». К этому я сейчас и приступлю.

Лишь немногие проблемы экономической теории в правильном смысле этого термина не рассматриваются в данной работе. С моей точки зрения, эти проблемы таковы.

Основной процесс социально-экономической жизни может быть продемонстрирован с помощью модели изолированной экономики. Хотя существует теория, рассматривающая взаимоотношения нескольких экономик, она ничего не добавляет к нашему пониманию сущности социально-экономического процесса. Поскольку Бём-Баверк за-

нимался именно этой сущностью, в его основных работах отсутствует теория международных ценностей, хотя некоторый вклад в нее вносят три статьи 1914 года, упомянутые выше.

В этих статьях содержится и одно из его редких замечаний по поводу проблемы денег, согласно которому в количественной теории содержится «нерушимое ядро» истины. У самого же Бём-Баверка теория денег отсутствует. Преодолев примитивные буллионистские и меркантилистские идеи, экономическая наука без заметного сопротивления приняла точку зрения, в соответствии с которой деньги — счетная единица экономики — представляют собой только вуаль, покрывающую глубокие процессы, не влияя на их сущность. Бём-Баверк принял эту точку зрения.

В «Позитивной теории» отсутствуют специализированные исследования, которые с теоретической точки зрения являются не более чем приложениями теории цены и распределения (теория налогообложения, теория монополии, теория политического вмешательства в процесс распределения и т. д.). Однако к такого рода исследованиям относится статья «Власть или экономический закон?», в которой рассматривается вопрос, могут ли забастовки привести к безвозвратному росту уровня заработной платы. Как очерк по прикладной экономике эта статья — одно из первых достижений австрийской школы как своеобразной парадигмы экономических исследований.

Далее. В «Позитивной теории» нет ничего о проблеме циклов. Причина станет ясной, если мы обратимся к единственному упоминанию этой проблемы (в рецензии на работу фон Бергмана «История национально-экономических теорий кризисов», 1896): он, очевидно, придерживался мнения, что экономические кризисы не являются эндогенными и единообразными явлениями, а возникают вслед-

ствии случайных нарушений экономического процесса.

Чужеродным образованием в рамках экономической теории, получившим тем не менее распространение со времен физиократов, является так называемая «проблема народонаселения». Естественно, что ни в «Позитивной теории», ни в других произведениях Бём-Баверка места для нее не нашлось. Однако небезынтересно заметить, что, мимоходом коснувшись ее в статье «Власть или экономический закон?», Бём-Баверк проявил себя мальтузианцем.

За исключением этих проблем «Позитивная теория», как уже было сказано, рассматривает все предметное поле экономической теории. Ценность, цена и распределение являются тремя основными вехами, все остальное группируется вокруг них, в том числе и теория капитала. На социальные рамки экономического процесса Бём-Баверк лишь слегка намекает. Он вновь и вновь повторяет, что исследует только его внутреннюю логику. При этом он верит, что основные элементы, которые он исследует, достаточно важны, чтобы проявиться в любой реальной ситуации. Вопросы, связанные с точными границами действия этих элементов, такие, как проблема классовой структуры общества и ее экономических функций, влияние расовых различий, происхождение рационального расчета, лежащего в основе столь многого в современной экономике, происхождение и социальная психология такого социального феномена, как рынок, — все они не затрагивают проблему, стоящую перед Бём-Баверком, и были бы для него лишь отклонениями от основной темы. Таким образом, мы находим у него экономику, элементы которой сгруппированы в категории рабочих, капиталистов, землевладельцев и предпринимателей и отличаются друг от друга только своими экономическими функциями. Автор абстрагируется от их внеэкономических отношений, люди имеют

значение для его исследования постольку, поскольку они являются рабочими, капиталистами, землевладельцами и предпринимателями, поскольку представляют логику своих экономических позиций.

Начнем с того, что рабочие и землевладельцы характеризуются владением соответствующими факторами производства и своими экономическими функциями. Это следует подчеркнуть во избежание неправильного понимания теории распределения: в конечном счете распределительный процесс приносит доход не рабочему и — что особенно важно — не землевладельцу, а труду и земле. Речь идет, пользуясь американским выражением, одобрительно упоминаемым Бём-Баверком в его последней работе, о «функциональном», а не о «персональном» распределении, и было бы большой ошибкой искать в его работе что-либо похожее на «оправдание» распределения дохода.

Рабочие и землевладельцы живут за счет того, что производят их средства производства. Но это *не* означает, что они живут за счет того, что производят каждый данный момент, — их текущий продукт, конечно, еще не созрел до потребления; им достаются продукты, произведенные *в некоторый прошлый период*. Предоставить им этот запас средств существования — функция капиталистов; можно сказать, что рабочие и землевладельцы всегда и везде живут за счет авансов, которые им предоставляют капиталисты. Это справедливо как для рабочих и землевладельцев в современной капиталистической экономике, так и для первобытных охотников и собирателей.

Фигура предпринимателя не занимает выдающегося места в теоретической картине Бём-Баверка. Правда, его функции как менеджера и спекулянта упоминаются, но по большей части он встречается в тексте благодаря тем свойствам, которыми он обладает часто, но не обязательно, — свойствам капи-

талиста, промышленника, работающего с использованием своего собственного капитала.

Теперь мы можем описать основные черты социально-экономического процесса с точки зрения Бём-Баверка, но вначале мы должны подробнее остановиться на функции капитала.

Бём-Баверк начинает с этого свою «Позитивную теорию». В начале введения он предупреждает о том, как важно не путать два абсолютно различных аспекта: проблему капитала как средства производства и проблему капитала источника чистого дохода. Их смешение было одной из наиболее частых ошибок в дискуссиях как дилетантов, так и профессионалов-экономистов. Ничто не может быть проще, чем принять за теорию процента несомненную связь между этими аспектами и заявить: капитал является незаменимым для производства и поэтому «приносит» чистый доход, как средство производства «вишневое дерево» «приносит» продукт «вишни». Здесь коренится одна из тех фундаментальных ошибок, которые Бём-Баверку в результате неустанной, продолжавшейся всю его жизнь борьбы удалось устранить из научной дискуссии. В приведенной наивной форме ее можно теперь найти лишь у одного-двух известных экономистов. На пороге своего исследования Бём-Баверк вновь подчеркивает этот момент, а затем обращается к теории капитала как средства производства. Хотя трудно устоять перед искушением воспроизвести логическую красоту его аргументов во всех деталях, достаточно будет сказать, что Бём-Баверк начинает с исследования природы процесса производства, и привлекательность этого первого раздела, который содержит вопросы не слишком интересные и не очень обсуждаемые в наше время, состоит в том, что он в какой-то мере дает ключ к тому, что последует дальше.

Производство есть преобразование вещества природы с целью создания предметов, удовлетво-

ряющих наши потребности. Это понятие, не чуждое также и классической школе, является первым звеном его аргументации. Этой цели можно быстрее достичь, если затратить труд не непосредственно на преобразования, сразу порождающие потребляемые объекты, а вначале на непотребляемые блага, с помощью которых конечный продукт может быть произведен более эффективно, то есть так, что те же затраты факторов произведут больший общий результат. Это означает, что производство идет по окольным путям. В этом — и здесь мы видим второе звено аргументации — заключается экономическая философия инструментов, или, обобщая, «произведенных средств производства», и определение их производительной функции. Эта идея, вновь не оригинальная и не сложная, была впервые адекватно сформулирована именно Бём-Баверком. Только ему удалось полностью развить ее теоретическое значение, прежде всего при трактовке фактора времени, которая породила 9/10 фундаментальных сложностей, возникающих на пути аналитической реконструкции экономического процесса.

Отсюда вытекает самый важный побочный продукт — концепция природы капитализма. Реальность, которую мы имеем в виду, употребляя данный термин, была, разумеется, объектом множества различных интерпретаций — не только научной, политической и этической, но и различных интерпретаций в рамках науки: социологических, социально-психологических, культурологических и исторических. Но для чистой экономической науки, а значит, и для Бём-Баверка, имеет значение только вопрос о чисто экономических характеристиках капитализма. Его ответ на данный вопрос таков: капиталистическое производство — это «окольное» производство. Его противоположностью является «непосредственное» производство без использования произведенных средств произ-

водства, например, первобытная охота. Соответственно, капитал — это не что иное, как совокупность промежуточных продуктов, производимых на всех стадиях окольного метода производства. Это фактически теория, а не просто определение, и это важно понимать. Эта теория, конечно, не отрицает тот факт, что современная экономика существенно отличается от экономических систем прошлого. Она не отрицает также, что экономический процесс в социалистической экономике, где производство, согласно данному определению, тоже будет «капиталистическим», обладает значительной спецификой. Но теория Бём-Баверка говорит, что все научные и научно-критические характеристики феномена капитализма не имеют ничего общего с экономической сущностью капиталистического процесса производства. Ни частная собственность на средства производства вообще и на капитальные блага в частности, ни система наемного труда, ни производство на рынок не имеют отношения к сущности капиталистического процесса. Наиболее важный вывод отсюда заключается в том, что чистый доход на капитал *порождается* и в социалистической экономике, хотя там он, конечно, не достанется частным лицам, что с точки зрения функционального распределения является второстепенным обстоятельством. Таким образом, почти всякий производственный процесс является «капиталистическим» в большей или меньшей степени.

Здесь Бём-Баверк останавливается, чтобы рассмотреть «дискуссии вокруг понятия капитала». Для его собственного определения капитала решающее значение имеет его взгляд на капиталистический процесс производства, хотя, базируясь на том же основании, он мог бы назвать капиталом нечто иное, а именно предложение потребительских благ — фонд средств существования, яв-

ляющийся необходимым дополнением окольных методов производства, значение которого для проблемы процента вытекает из производительности окольных методов.

В книге II «Капитал как средство производства» нас подводят к результату, анонсированному в первом разделе первой книги, — услуги земли и труда являются первичными элементарными факторами производства, и, следовательно, капитал, который в экономическом смысле состоит из них, независимым фактором быть не может. Этот тезис прост, можно сказать, самоочевиден. Его не раз формулировали ранее различные авторы, в наиболее плодотворной форме — сэр Уильям Петти. Но никто не принял его всерьез, никто не заметил связанных с ним аналитических возможностей — короче говоря, никто не увидел теоретической пользы и перспектив его систематического использования, достижения нового понимания и аналитических упрощений с его помощью. Напротив, история экономической мысли демонстрирует три основных отклонения от этого тезиса: тезис физиократов о том, что в конечном счете все экономические блага порождаются природой, тезис классиков об эксклюзивной производительной силе труда и, наконец, выдвигаемая частично классиками, но в большей степени их эпигонами точка зрения на капитал как третий независимый фактор производства. Ни одно из этих отклонений как таковое не было «ошибочным», по-своему все они были абсолютно корректны, но они ведут к бесполезным или наивным выводам. Важна ведь не «корректность» таких фундаментальных гипотетических положений — заслуга теоретика заключается в его умении эффективно выбрать отправную точку среди многих возможных, в равной степени несомненных эвристических альтернатив. Достижением Бём-Баверка явилось то, что он навел порядок:

увидел, выбрал и развил ту гипотезу, которая наилучшим образом позволяет избежать всех мелей и собрать наибольший урожай идей и перспектив. Теория распределения как раз обязана своими характерными чертами полному параллелизму услуг труда и земли и их противостоянию капиталу.

Следующий шаг состоит в последовательном использовании идеи окольных методов производства для учета фактора времени. Окольное производство дает в конечном счете больший продукт, чем непосредственное производство, но требует большего времени. Эта комбинация данных двух факторов, данный способ учета фактора времени и данная концепция постоянного капитала совершенно оригинальны. Чтобы отдать должное связанным с ними аналитическим возможностям, обратимся вкратце к подходу Рикардо-Маркса. Рикардо, как и Маркс, обратился к проблеме влияния различий в длительности производственного периода в разных отраслях на его (трудовую) теорию ценности. Оба пытались разными способами (проблема действительно может представлять в разных формах) показать принципиальную незначительность этого влияния, подавить проблему, которая стала фатальной для обеих теорий. Великий синтез этих двух элементов, разделение и комбинация времени и возрастания дохода — только это делает возможной последовательную теорию роли времени в производстве, свободную от натяжек и подчеркивающую специфическую двойную роль времени. Это ведет к глубокому пониманию экономического процесса и приближает нас к проблеме чистого дохода на капитал.

Этот чистый доход, согласно Бём-Баверку, должен быть результатом влияния на образование ценности, с одной стороны, возрастающей технической производительности окольных методов производства, с другой стороны — откладывания их резуль-

татов. Остается только ответить на вопрос, как это происходит. Отсюда необходимо исследовать принципы образования ценности, с которыми будут согласованы эти два факта.

На самом деле, это уже следующий шаг. Но сначала надо решить несколько других проблем. В качестве непосредственного развития принципа, согласно которому окольность увеличивает производительность, Бём-Баверк выдвигает тезис о том, что дальнейшее увеличение производственного периода вызовет дальнейшее, но сокращающееся увеличение конечного продукта. Чтобы можно было говорить об определенном производственном периоде в том случае, когда в производстве блага заняты растущие количества труда, он выдвигает понятие «среднего производственного периода». Здесь можно было бы отметить ряд интересных следствий: например, важное обобщение понятия окольного производства и связанную с этим содержательную дискуссию, но мы опустим их, а также «теорию образования капитала», или, точнее, ее «внешнюю» часть, которая содержится в последнем разделе второй книги. Подчеркнем лишь главное: сберегая потребительские блага, мы сберегаем и средства производства и таким образом производим капитальные блага. Этот подход в конечном счете связывает образование капитала с процессом сбережения, но избегает частой ошибки аналитиков прошлого, которые делали отсюда выводы для теории процента.

VI

Теперь обратимся ко второй опоре, на которой покоится теоретическая постройка Бём-Баверка, — к теории ценности и цены (книга III). Она представляет собой такую же целостную цепь идей, как

и та, которую мы только что рассмотрели. Затем мы рассмотрим надстройку, которая возведена на этих двух опорах.

Общее отношение благ к удовлетворению потребностей, которое не без риска неверного понимания получило название полезности, можно свести к важности для нашего экономического поведения, которую мы обозначим ценностью (потребительной ценностью), если определенное количество определенного блага является признанным условием удовлетворения потребности, которое не настало бы при его (блага) отсутствии. Наличие ценности (при имеющейся общей полезности данного блага) можно установить из соотношения данного «определенного количества» и нашей потребности: для существования ценности к полезности должна быть добавлена относительная редкость. Разграничивая виды (или направления) потребностей и их интенсивности и внимательно рассматривая фактор замещения, Бём-Баверк приходит (в духе Менгера и аналогично Визеру) к закону убывающей предельной полезности по мере возрастающего удовлетворения потребностей данной категории, то есть по мере увеличения количества блага в распоряжении индивида к разрешению старой антиномии ценности, *contradiction economique*. Результат Бём-Баверк формулирует следующим образом: «Величина ценности блага зависит от важности данной конкретной потребности или частичной потребности, которая имеет наименьшую важность среди всех потребностей, удовлетворяемых имеющимся количеством блага».

Затем Бём-Баверк развивает это общее положение применительно к некоторым специальным проблемам, связанным с определением величины субъективной ценности. Для решения этих проблем он использует фундаментальный принцип, который называет универсальным ключом (*pas-*

se partout) для всех трудностей теории ценности: «Экономическую позицию индивида, с точки зрения которого определяется ценность, следует рассмотреть двояко. Во-первых, надо представить, что мы добавляем данное благо к тем, которыми он уже владеет, и смотрим, какие конкретные потребности из данной шкалы могут быть в данном случае удовлетворены. Во-вторых, представим себе, что мы изымаем данное благо у индивида, и опять-таки смотрим, какие потребности он все еще сможет удовлетворить. Станет очевидно, что теперь некоторый уровень потребностей, а именно самый нижний, останется неудовлетворенным. Этот уровень и указывает на предельную полезность, которая определяет ценность блага». Развив этот тезис для нескольких специальных случаев, Бём-Баверк обращается к важной проблеме ценности свободно наращиваемых благ. В соответствии с «универсальным ключом» мы также ценим эти блага в соответствии с уменьшением удовлетворения, которое вызовет их утрата. В данном случае речь идет об уменьшении удовлетворения, связанном с отказом от покупки благ, которые были бы куплены, если бы не утрата данного блага. Блага, от покупки которых отказались, вовсе не обязательно принадлежат тому же виду, что и утраченное, обычно это разные блага. Таким образом, здесь мы оцениваем блага по их «полезности замещения», что позволяет открыть очень важный принцип.

Первое применение этого принципа – случай свободно воспроизводимых благ (с точки зрения экономики в целом к ним относятся почти все блага). Восхитительным логическим рассуждением Бём-Баверк объединяет этот случай со случаем благ, имеющих несколько способов использования. В свою очередь отсюда мы переходим к решению проблемы различия между «потребительной ценностью» и «меновая ценностью».

Это открывает путь к анализу ценности «комплементарных благ» (Менгер), дающих удовлетворение только в сочетании с другими. Ценность группы комплементарных благ определяется предельной полезностью, которую они создают все вместе, и проблема состоит в том, как выделить отсюда ценность отдельных членов данной группы. Бём-Баверк дает следующее правило: «...из общей ценности всей группы, определяемой предельной полезностью их совместного применения, блага, которые можно заменить, получают свою предварительно определенную ценность, а остаток, который изменяется вместе с предельной полезностью, вменяется незаменимым благам в качестве их индивидуальной ценности». Здесь содержится фундаментальный принцип современной теории, нашедший множество приложений во всех областях, в особенности под именем «принцип замещения», которое ему дал Маршалл.

Другое применение этой теории ведет нас к высоте, откуда открывается прекрасный вид на внутренний механизм экономики. Средства производства тоже являются комплементарными благами. Но их ценность нельзя определить непосредственно: мы ценим их только потому, что они так или иначе порождают потребительские блага. Следовательно, их ценность с точки зрения субъективной теории ценности может быть выведена только из ценности этих потребительских благ. Но многие средства производства участвуют в производстве каждого потребительского блага, и их производительный вклад на первый взгляд невозможно выделить. Действительно, вплоть до Менгера один экономист за другим приходили к выводу, что выделить долю средств производства в ценности конечного продукта невозможно, а значит, дальнейший прогресс в этом направлении невозможен и от идеи субъективной ценности следует отказаться.

ся. Теория ценности комплементарных благ решает эту безнадежную на первый взгляд задачу. Она позволяет нам говорить об определенном «производительном вкладе» (Визер) таких средств производства и находить для каждого из них однозначно определенную предельную полезность, выведенную из возможностей их производительного применения. Эта категория под наименованием «предельная производительность», «конечная производительность» (*final productivity, prodittivita marginale, productivite finale*) стала основным понятием современной теории распределения и основным принципом объяснения природы и величины дохода разных экономических групп.

Применяя эту «теорию вменения» (Визер), одна из наиболее совершенных формулировок которой принадлежит Бём-Баверку, мы приходим к выводу, что закон издержек представляет собой специфический случай закона предельной полезности. Вследствие теории вменения феномен издержек становится отражением субъективной ценности и закон равенства издержек ценности продукта выводится из теории ценности — никогда еще в нашей науке не встречалась более красивая и целостная логическая цепочка.

Но все, о чем говорилось до сих пор, еще относится к миру ценностей. Лишь соответствующая теория цены может показать, как все фирмы ценности проявляются и через механизм экономики, основанной на обмене. Итак, Бём-Баверк обращается к теории цены, развивая закон ценности применительно к поведению покупателей и продавцов. Кульминацией анализа становится знаменитый тезис (для случая двусторонней конкуренции), ставший впоследствии «историческим»: «Уровень цены определяется и ограничивается уровнем субъективных оценок двух предельных пар», то есть, с одной стороны, оценками «последнего» покупателя, кото-

рому удалось купить, и «наиболее способного к обмену» продавца из тех, кто был исключен из обмена, а с другой — оценками «наименее способного к обмену» продавца из допущенных к обмену и «„первого“ исключенного покупателя».

Все это вначале разрабатывается для ситуации с заданными количествами обмениваемых благ, и из этого делается вывод, что поскольку со стороны предложения действуют те же силы, что и со стороны спроса, то «старый закон спроса и предложения» оказывается лишь дополнением к закону предельной полезности. Далее этот вывод расширяется для случая, когда количества благ могут изменяться в результате производства. Столкнувшись с трудностями, которые возникают здесь, как и во всех случаях, когда автор пытается проследить действие теоретического принципа сквозь неразбериху реальности, Бём-Баверк не оставляет читателя в растерянности, а по очереди устраняет основные препятствия и создает цепочку решений, которые на протяжении долгого времени будут формировать основу дальнейших исследований.

Итогом, обнаруживающим параллелизм теории ценности и теории цены и в то же время логическое единство данного этапа исследования, является формулировка закона издержек, в данном случае в ценовом выражении. Во-первых, делается вывод, что цены, определяемые в ходе взаимодействия всех субъективных оценок, в равновесии и при свободной конкуренции будут иметь тенденцию сравняться с единичными издержками. Это уже не постулат, а дополнение к закону предельной полезности. Таким образом, закон издержек, который играл такую важную роль у классиков, приобретает свое истинное значение и, что особенно важно, строгое доказательство только в рамках субъективной теории ценности. Отсюда следует, насколько поверхностной является та версия тео-

рии, согласно которой субъективные оценки определяют колебания цен, а издержки — центр, относительно которого происходят колебания. На самом деле, и то и другое определяется субъективными оценками, хотя можно показать, что применительно к центру действует и принцип издержек, который, однако, уже нельзя считать независимым. Наконец, Бём-Баверк показывает, что степень, в которой издержки могут быть «промежуточной причиной» движения цен, объясняется принципом предельной полезности. В завершение разворачивается панорама экономического процесса, в котором под давлением субъективных оценок средства производства направляются в различные области применения.

Теперь фундаментальные принципы, позволяющие понять феномены заработной платы, земельной ренты и прибыли, сами падают нам в руки. Первичными средствами производства являются услуги труда и земли. Все блага, как потребительские, так и капитальные, в конечном счете сводятся к ним. Прямо или косвенно (через посредство капитальных благ) ценность продукта должна быть отражена в услугах труда и земли, которые таким образом приобретают свою ценность, а в условиях рынка свободной конкуренции — еще и цену, то есть заработную плату и ренту. Таким образом, согласно Бём-Баверку, заработная плата — с оговорками, которые будут добавлены позднее, — является ценовым выражением предельного продукта труда, труд же оплачивается в соответствии со своим «производительным вкладом», или, как мы еще можем сказать, предельным значением для социально-экономического процесса. То же самое можно сказать и про земельную ренту, хотя Бём-Баверк здесь ограничивается трудом. При принятых предпосылках совокупный национальный продукт полностью разложится на заработную плату и ренту.

Здесь мы внезапно видим перед собой решение вековых проблем, которое с точки зрения корректности, простоты и плодотворности превосходит все прошлые достижения.

Если продолжать мою метафору, то этот результат можно уподобить абаке*, увенчивающей вторую опору здания. Но ни прибыли, ни процента в этой схеме нет. Здесь мы должны представить себе всю аргументацию «Критики и истории», которая должна была показать неадекватность всех предыдущих попыток встроить прибыль и процент в эту теоретическую картину. Но я не стану этого делать и упомяну лишь о том, что Бём-Баверк указал на два обстоятельства, которые стоят на пути выравнивания выручки и издержек.

Первую группу причин он суммирует под рубрикой «фрикции». В потоке средств производства возникают заторы, что приводит к временным, а иногда продолжительным отклонениям цен потребительских благ от нормы, заданной законом издержек. Эти отклонения являются источником прибылей или убытков предпринимателей. Таким образом, Бём-Баверк принимает ту форму объяснения предпринимательской прибыли, которая сводится к неполадкам в рыночном механизме. Позиция предпринимателей позволяет им извлечь из этих неполадок выгоду, но тем самым он способствует их устранению.

Вторая группа причин связана с течением времени, именно здесь Бём-Баверк призывает нас искать объяснение феномена процента. Итак, мы входим в надстройку над описанными выше опорами, которая является его высшим личным достижением, выделяющим его среди других великих экономи-

* Верхняя часть капители колонны, поддерживающая архитрав. — *Прим. ред.*

стов. Эта надстройка содержит его решение наиболее трудной и глубокой проблемы экономической теории, ее величественный фасад впечатляет и единомышленников, и оппонентов. Она придает всей его системе характерный отпечаток, ведь, как мы видели раньше, наш взгляд на доход с капитала окрашивает наше видение практически всех других проблем, оказывает воздействие на все направления экономических дискуссий и более широкие области исследования общества.

VII

Эта теория процента получила название теории обмена и ажио. В ее основе лежит тезис, что настоящие блага ценятся выше, чем те же самые блага, удовлетворяющие те же потребности той же интенсивности, но доступные в некоторый будущий период. Здесь в рассмотрение вводится новый факт, расширяющий фактическую базу экономической теории. Но этот факт не находится за пределами принципа ценности. Он представляет собой открытие особого свойства наших оценок, иногда предвосхищаемое предшественниками Бём-Баверка, но систематически подчеркиваемое только Джевансом. У Бём-Баверка теория ценности органически вобрала в себя этот факт, приспособилась к нему, ни в чем не нарушая последовательности аргументации и целостности общего построения. У него теория процента также вытекает из принципа предельной полезности. По его собственному описанию в «Истории и критике», главной чертой этой теории процента является то, что все отдаленные факторы, определяющие норму отдачи капитала, действуют через общего посредника — разницу в ценности между настоящими и будущими благами. Процент — это ценовое выражение этой раз-

ницы ценностей, и это говорит нам субъективная теория ценности и цены. Вторая проблема состоит в том, чтобы найти причины этих различий в ценности. На этой ступени формулируются остальные важнейшие составные части его теории. Эта теория принадлежит третьей из трех групп теорий процента, которые Бём-Баверк описывает, обобщая первый том своей великой работы. Первая группа, «теории производительности», смешивает то, что начиная с Бём-Баверка именуется «физической» производительностью и «ценностной» производительностью. Вторая группа, «теории эксплуатации», не может объяснить, почему силы конкуренции не размывают доходы, полученные в результате «эксплуатации». Третья группа теорий ищет происхождение процента в самой категории ценности. И поскольку норма процента является ценовым феноменом, то так и *должно быть*. К этой группе относится и теория ажио, она является... ценностной теорией процента. Влияние фактора времени на субъективные оценки порождает силу, направляющую часть потока благ в руки собственников капитала следующим образом.

Строго говоря, всякое удовлетворение наших потребностей предполагает учет будущего и, следовательно, вся экономическая деятельность — в соответствии с Бём-Баверковой концепцией природы капитализма тем больше, чем больше эта деятельность является капиталистической, — находится под влиянием потребностей, которые мы ощутим только в будущем, но можем представить себе уже сегодня. С другой стороны, на экономическую деятельность оказывают влияние объективные необходимости, с которыми мы столкнемся в будущем, но можем предсказать уже сегодня. Поэтому будущие блага являются объектами — и самыми важными объектами — нашего экономического поведения и наших оценок. Очевидно, эти оценки могут быть

поняты с помощью того же принципа предельной полезности. К этому надо добавить следующие факты, которые, однако, в принципе не представляют дополнительного интереса: мы имеем дело с воображаемыми, а не ощущаемыми потребностями (причем последние столь же соизмеримы, как и первые: мы должны иметь дело с соотношением между нуждами и имеющимися для их удовлетворения благами не сегодня, а в какой-то будущий момент; будущее удовлетворение всегда должно быть скорректировано с определенным коэффициентом, отражающим вероятность ожидаемой полезности («премия за риск»)).

Теперь Бём-Баверк вводит факт, имеющий фундаментальное значение для анализа ценности: он утверждает, что настоящие блага обладают большей субъективной ценностью, чем будущие блага такого же вида и количества.

Во-первых, это происходит потому, что либо существует надежда на большее удовлетворение потребностей в будущем, либо, если это не так, обладание настоящими благами дает возможность для удовлетворения как альтернативных настоящих, так и будущих потребностей (особенно в денежной экономике, где всегда можно «сберечь» возможности с небольшими издержками). Поэтому ценность настоящих благ по меньшей мере равна ценности будущих и в экономике всегда присутствует общее «ценностное ажио» настоящих благ относительно будущих.

Во-вторых, потому, что мы обычно недооцениваем будущие потребности. Они обычно не представляются в нашем сознании в своем полном объеме, потребности, существующие в нашем воображении, ощущаются не так остро, как те, что имеют место сегодня, а за пределами некоторого временного горизонта типичный индивид их вообще не чувствует. Эти психологические факторы взаим-

но усиливают друг друга, а в результате складывается «недооценка будущих удовольствий» — вторая причина существования ценностного ажио на стороне настоящих благ.

В-третьих, потому, что «вреямки» окольные методы производства более эффективны. То есть данное количество первичных средств производства даст больше *физического* продукта, если сначала произнести с их помощью промежуточные продукты (например, инструменты), а затем потребительские блага, чем если все они будут затрачены на непосредственное производство потребительских благ. Поэтому «старые» средства производства (т. е. те, которые ранее включились в окольное производство) всегда будут технически превосходить «новые» средства производства, примененные позже, за исключением тех случаев, когда новые изобретения не сделали прежний метод производства устаревшим.

Здесь возникает вопрос, который не вставал, когда мы рассматривали первые две причины существования ажио: вызывает ли данный третий фактор, то есть «вреямкий» окольный метод производства, прирост не только количества, но и ценности продукта. Бём-Баверк отвечает на этот вопрос положительно. Согласно закону окольного производства данное количество настоящих средств производства во все будущие моменты времени даст больше продукта, чем то же самое количество, вовлеченное в эти же самые моменты в непосредственное производство. Оно также даст больше продукта, чем такое же количество, примененное позднее на более короткий срок, поскольку производительность средств производства тем больше, чем более окольным является их использование. Теперь, поскольку из двух количеств одного и того же блага, которыми индивид располагает в одно и то же время, более ценным является

большее, то ценностная (а не только физическая) производительность того количества блага, которое станет доступным раньше, должно — при наших допущениях и согласно Бём-Баверку — всегда быть больше, чем производительность равного количества блага, доступного позже, независимо от того, до какого момента они оба будут работать.

Далее. То, что мы предпринимаем времяемкие окольные методы, предполагает, что мы можем ждать планируемого большего и более ценного результата, то есть мы в самом начале располагаем фондом потребительских благ, необходимых для существования всех тех, кто занят в окольном производстве. Поэтому получение «прибавочной ценности» от окольного производства зависит от существования такого фонда настоящих потребительских благ, и в соответствии с общими принципами теории вменения эта «прибавочная ценность» достается этому фонду. Таким образом, перед нами третья и наиболее важная причина существования ценностного ажио настоящих потребительских благ относительно будущих.

Тезис о добавочной физической производительности окольных методов производства, а также тезис о том, что этот фактор представляет собой отдельную, третью, причину ажио настоящих благ относительно будущих, независимую от двух первых, вызвали обширную дискуссию, из которой произошла целая «литература о третьей причине» (реакция на нее самого Бём-Баверка содержится в третьем издании книги и в экскурсах). Не вступая в дискуссию по этой проблеме, укажем лишь, как Бём-Баверк объясняет связь третьей причины (которая для него является принципиально независимой) с остальными двумя. Конечно, общественный фонд средств производства устремится прежде всего в те области, которые обещают наибольшую предельную полезность. Эта общая теорема справедли-

ва и для выбора между результатами, которые будут получены в разные моменты в будущем. Из третьей причины следует, что продолжительность окольного производства будет стремиться к бесконечности, поскольку каждое удлинение периода производства при наших допущениях приведет к дальнейшему росту — правда, постоянно замедляющемуся — объема и ценности продукта. Однако в соответствии с первой и второй причинами эти постоянно увеличивающиеся величины ценности должны оцениваться со все возрастающим дисконтом. Это взаимодействие первых двух причин и третьей определит продолжительность производственного периода, которая обеспечит наивысшую ценность, приведенную к настоящему моменту. Итак, воздействие трех причин не аддитивно для каждого индивида, одна из первых двух может уравновесить третью.

Все эти причины по-разному действуют на разных индивидов. Хотя ценностное ажио есть психологический факт, общий для всех индивидов, его проявление может различаться в очень широких пределах. Именно этот факт, порождая различие в оценках, делает возможным обмен между разными индивидами настоящих благ на будущие. Так возникает рынок обмена настоящих благ на будущие, и теория «предельных пар» определяет на этом рынке единое объективное ценностное ажио. Так возникает норма процента, которая согласно элегантной формуле Бём-Баверка и представляет собой ажио при обмене настоящих благ на будущие. Как и каждая цена, это ажио обладает двояким выравнивающим воздействием. Во-первых, даже те, кто при других условиях недооценивал бы будущие блага в меньшей степени, чем это проявляется в рыночном ажио, приспособятся к его существованию. Во вторых, и это чрезвычайно интересный поворот мысли, «величины ажио, которое имеют настоящие блага относительно будущих, доступных

в определенные моменты времени, становятся пропорциональными временным отрезкам, отделяющим нас от этих моментов», в то время как индивидуальная недооценка будущего может варьировать прерывисто и нерегулярно, так что разница между настоящим удовольствием и удовольствием, отложенным на год, может быть очень большим, тогда как разница между удовольствиями, отложенными на один и два года, может быть едва заметной.

В этом и состоит в кратком изложении Бём-Баверкова теория процента. Но он не довольствовался этим общим взглядом и развивал свою идею вширь и вглубь капиталистического организма. Давайте последуем за ним, насколько это возможно в рамках нашего краткого текста. Перед нами две основные проблемы: показать, что наблюдаемые эмпирически источники процента бьют из той скалы, которая была описана выше, и вывести уровень и закон движения нормы процента из этой теоретической основы.

Случай ссудного процента трудностей не представляет. Если мы определим ссуду как обмен настоящих благ на будущие, то у нас будет все, что нам нужно. Очевидно, что каждый, кто берет ссуду на потребительские цели, должен ценить настоящие блага выше будущих, так что процент возникнет здесь, даже если заимодавец не склонен недооценивать будущие блага. Далее очевидно, что для того, кто хочет получить ссуду на производственные цели, такое же ажио возникает из-за ожидания получить чистую прибыль. Но проблема существования такого важнейшего общественного феномена, как отдача от капитала и базиса, на котором стоит высший класс капиталистического общества, да и всей экономической структуры этого общества, лежит именно в объяснении этой чистой прибыли, ее регулярного образования в экономическом процессе. Эту чистую прибыль, которая воз-

никает в руках предпринимателя, мы сейчас и объясним в рамках общей теоретической схемы.

Благодаря аналитическому искусству Бём-Баверка принцип объяснения сформулировать настолько просто, что он представляется почти самоочевидным: предприниматель покупает средства производства, которые частично состоят из услуг труда и земли, а в остальной части могут быть сведены к ним. Услуги труда и земли являются потенциальными потребительскими благами и обязаны этому своей ценностью. Но они представляют собой будущие потребительские блага, и поэтому их ценность ниже, чем у того же количества настоящих потребительских благ. Услуги труда и земли покупаются у их владельцев по настоящей (приведенной) ценности, а их будущие продукты будут проданы по *их* ценности на тот будущий момент, в который эта продажа произойдет. Таким образом, ценность начинает прирастать, как только настоящие средства производства попадают в руки предпринимателя и начинается процесс их дозревания до потребления. Это приращение ценности и является основой чистой прибыли на капитал предпринимателя. Применить этот результат к индивидуальным эмпирическим случаям не всегда просто. Многие из возникающих проблем, в особенности трудность, порождаемая тем, что одно и то же средство производства может быть занято в нескольких процессах с разными периодами производства, решаются Бём-Баверком с бесконечной тщательностью, которая делает его книгу бесценным путеводителем даже для теоретиков далекого будущего.

На следующем этапе надо показать, что эти ценностные соотношения всегда порождают ценовое ажио. Оно возникает в обменной сделке между рабочими и земельными собственниками с одной стороны и владеющими капиталом предпринимателями с другой в качестве дисконта с полной де-

нежной ценности будущего предельного продукта первичных средств производства. Или, если мы отделим капиталиста от предпринимательской функции и рассмотрим предпринимателя только как посредника между собственниками первичных средств производства и капиталистами, оно возникнет в обменной сделке между капиталистами с одной стороны и рабочими и землевладельцами, от имени которых, так сказать, выступают предприниматели, с другой. Это будет ценовое ажио, которое имеет фонд средств существования, авансированный капиталистами, иными словами, это будет процентная ставка в ее непосредственной форме. Здесь мы встречаем капиталистов в их сущностной роли продавцов настоящих благ; может быть, этот взгляд выглядит непривычно, но он глубоко проникает в природу экономического процесса. В обеих формах, которые принимает одно и то же ядро, ажио возникает неизбежно. Сейчас мы покажем его неизбежность во второй форме, которую можно свести к первой.

Итак, на «рынке средств существования» капиталисты встречаются с рабочими и земельными собственниками. В любой данный момент доступные количества средств существования, а также услуг труда и земли являются фиксированными. (Некоторые примечания к первой части этой предпосылки будут сделаны позже.) Для капиталистов потребительная ценность потребительских благ, которыми они владеют, мало что значит — они в любом случае не смогут потратить больше, чем малую их часть. Поэтому мы можем пренебречь их недооценкой будущих благ; если же она существует, то наше ажио будет существовать *a fortiori*. Для рабочих и земельных собственников оценка своих услуг труда и земли соответственно, основанная на их потенциальном использовании в непосредственном производстве (поскольку они сами могут выступить в качестве

предпринимателей и заняться капиталистическим производством, они воспринимают функцию капиталистов как отдельную), строго говоря, выступает как нижний предел, ниже которого они не вступят в сделку с предпринимателями. В современных условиях, однако, этот предел теряется где-то в далекой дымке. В этих условиях капиталисты соглашались вступать в обмен даже при очень малых ажио, асимптотически приближающихся к нулю. Рабочие и землевладельцы, для которых по закону околоного производства всякое превышение над отдачей от непосредственного производства возможно, только если им будут доступны дополнительные средства существования, соглашались обмениваться, даже если им останется лишь небольшая часть этой дополнительной отдачи, асимптотически приближающаяся к нулю. Конечный результат зависит от интенсивности спроса, который рабочие и земельные собственники предъявляют на средства существования в момент продления производственного периода, которое позволяет имеющийся фонд средств существования. Здесь можно заметить, что как бы ни был велик этот фонд, он всегда ограничен. Но в то же время всегда можно достичь большей дополнительной отдачи, если продлить производственный период за пределы, определенные данным фондом средств существования. Отсюда следует, что если бы не было ажио, то практически при любом размере этого фонда остался бы активный спрос на дополнительные количества средств производства, и этот спрос не мог бы быть удовлетворен. Поскольку при любой величине ограниченного фонда средств существования этот спрос останется неудовлетворенным, активным при данной цене, то он будет двигать эту цену вверх. Отсюда следует, что цена настоящих благ должна всегда быть выше, чем цена будущих, то есть должна существовать норма процента, что и требовалось доказать.

И, напротив, легко увидеть, что если бы не было процента, то бесконечное удлинение производственного периода приносило бы прибыль. Очевидно, что это привело бы к редкости настоящих благ, что в свою очередь вызвало бы увеличение непосредственного производства и, следовательно, вторичное появление процента. Отсюда становится очевидной истинная функция процента в экономике. Он выполняет роль тормоза или управляющего, который не дает людям превышать экономически приемлемую длительность производственного периода и обеспечивает удовлетворение нынешних потребностей, привлекая к ним внимание предпринимателей. Таким образом, он отражает сравнительную интенсивность будущих и настоящих интересов в любой экономике, а значит, и интеллект, и моральную силу народа: чем выше они, тем ниже норма процента. Вот почему норма процента отражает культурный уровень нации: чем выше этот уровень, тем больше наличный запас потребительских благ, тем дольше производственный период, тем меньше (в соответствии с законом окольности) дополнительная отдача от дальнейшего удлинения производственного периода и, следовательно, тем меньше норма процента. Здесь мы приходим к закону Бём-Баверка уменьшения нормы процента, в котором заключается его решение той проблемы, которая издавна привлекала внимание лучших умов нашей науки, но не находила удовлетворительного решения.

Из нашей аргументации следует далее, что поскольку только ажио настоящих благ уравнивает спрос на них и будущие блага, то ценность настоящих и будущих благ не сможет выровняться даже в социалистической экономике. Ценностный феномен, являющийся основой нормы процента, не может отсутствовать при социализме и требует внимания центрального планирующего органа. Отсюда

ясно, что и в социалистическом обществе рабочие не могут просто получать свой продукт, поскольку рабочие, производящие настоящие блага, производят меньше, чем те, кто занят в производстве будущих благ. Поэтому как бы ни распорядилось общество этим количеством благ, соответствующим ценностному ажио, оно не достанется рабочим в качестве *заработной платы* (а только в виде прибыли), даже если бы его поровну разделили между ними. Это может иметь практические последствия, если общество, к примеру, решит определить экономическую ценность для себя, своих членов. В этом случае оно может оценивать ценность рабочего только по его дисконтированной производительности, а поскольку все рабочие, обладающие одинаковой работоспособностью, должны быть оценены одинаково, то «прибавочная ценность» возникнет и здесь в виде своего рода дохода. Но намного важнее с теоретической точки зрения тот результат, что норма процента является чисто экономической, а не исторической или правовой категорией (если пользоваться терминологией, принятой в дискуссии по данному вопросу). Также необходимо внести две поправки в идею эксплуатации. Во-первых, об «эксплуатации» как причине прибыли можно говорить лишь в том смысле данного термина, в каком эксплуатация существует и в социалистическом обществе. Во-вторых, эксплуатируется не только труд, но и земля. С точки зрения моральных и политических суждений это, конечно, неважно, так как социалистическое государство будет использовать эти «эксплуататорские доходы» каким-нибудь иным способом, но для нашего погружения в природу вещей это имеет большое значение.

Итак, перед нами полная логическая цепочка ценных результатов теории Бём-Баверка. Нетрудно было бы добавить к ней новые звенья. В связи с этим я только укажу на то, что наше доказательство

вывело нас на вторую ступень, ведущую к созданию завершенной теории заработной платы и земельной ренты. В теории ценности и цены мы считаем заработную плату и ренту результатами предельной производительности двух первичных факторов производства. Сейчас мы можем кое-что к этому добавить, и в этом пункте теории заработной платы и ренты Бём-Баверка отклоняются от взглядов наиболее близких ему экономистов. Эти теории можно сформулировать так: заработная плата и рента являются ценовыми выражениями предельных продуктов труда и земли, умноженных на их количества и приведенных (дисконтированных) к настоящему моменту, — тезис, который не отклоняется от идеи предельной производительности, но, очевидно, заостряет ее в очень важном направлении.

В этом месте я должен упомянуть дальнейшее элегантное развитие теории, которое, вытекая из той же основной идеи, позволяет нам представить феномен земельной ренты как специальный случай общей теории и углубить наше понимание последней. Речь идет о теории процента от употребления товаров длительного пользования и капитализации. Блага, которые можно использовать неоднократно, можно представить как набор услуг. Отдельные их услуги удовлетворяют наши потребности и непосредственно нами оцениваются, тогда как ценность самого блага — не более чем сумма ценностей его услуг. Таким образом, в любой момент времени ценность блага представляет собой сумму ценностей тех его услуг, которые еще не оказаны. Если услуги становятся доступны периодически и их потребление распределено во времени, оценка более отдаленных будущих услуг подчинена принципу недооценки будущих благ и должна происходить посредством приведения их ценности к настоящему моменту. Таким образом, процесс, хорошо знакомый нам в экономической практике, чрезвычай-

но просто встраивается в рамки общего принципа. Отсюда можно объяснить, как формируются ценности и цены таких товаров (например, капитализация) и почему товары, оказывающие бесконечный поток услуг, например, сельскохозяйственная земля, обладают тем не менее конечной ценностью. Только такой анализ может строго доказать, что земельная рента является чистым доходом. То, что мы непосредственно наблюдаем, есть только физическая отдача почвы, что соответствует валовому доходу. Традиционная теория ренты, начиная с физиократов, рассматривала только этот аспект проблемы. Поэтому Бём-Баверк имел основание утверждать, что экономический анализ до сих пор не проникал в экономическую сущность дела — проблему чистого дохода. Если, например, каменоломня в течение ста лет дает доход по тысяче крон в год, а затем полностью исчерпывается, ее собственник, если бы не дисконт, не смог бы потребить какую-либо часть этой суммы, иначе он проел бы свой «капитал». Только с позиций изложенной здесь теории рента предстает чистым доходом. Нам вряд ли нужно показывать во всех деталях, насколько эта теория превосходит как по объяснительной силе, так и по глубине теорию Рикардо, насколько дальше она идет не только в критике, но и в созидании.

Теперь мы можем видеть, как феномен процента, поглотивший все остальные виды чистого дохода, распространяется на весь экономический процесс, проникает во все оценки, становится поистине вездесущим. Мы понимаем, что чистый доход на капитал является не просто доходом, параллельным заработной плате и земельной ренте, а в определенном смысле противостоит им. Этот аспект, в то время совершенно новый, представлял значительный шаг вперед и с тех пор тщательно разрабатывался многими исследователями и был систематизирован в работах Ирвинга Фишера и Ф. А. Феттера.

Теперь мы подходим к последней ступени лестницы, ведущей на вершину здания, построенного Бём-Баверком. Он был первым, кто полностью осознал значение длительности производственного периода в двояком аспекте: аспекте производительности и аспекте течения времени. Он придал каждому из аспектов его точное содержание и его место в основании аналитической системы предельной полезности. Далее, он сделал длительность производственного периода детерминантом экономического равновесия, придав точное значение терминам «производительность», «экономический период», «поток благ». Он включил в сферу анализа множество отношений экономической жизни, которые и сейчас еще далеки от полного понимания. Немногие из его коллег последовали за ним по этим трудным путям, и обширная дискуссия вокруг его трудов настолько сосредоточилась на первых стадиях его исследования, что богатые результаты, в отсутствие которых оппоненты теории предельной полезности всегда ее упрекали (по сравнению, например, с марксистской системой), до сих пор недоступны широкой публике. Мало кто осознал величие его вклада именно в данной области. Однако фундаментальная идея удивительно проста.

Введение в анализ фактора длительности производственного периода обусловлено его связью с величиной фонда средств существования — некоторое время назад мы приняли эту связь за данность. Эта величина определяется, когда мы осознаем, что фонд средств существования, предлагаемый капиталистами, просто равняется совокупному запасу экономического богатства, за исключением, конечно, услуг труда и земли и той небольшой величины, которая потребляется в экономике в виде непроизводительных потерь в случае чрезвычайных ситуаций и т.д. Этот запас всегда имеет определенную величину в отличие от прежнего «фон-

да заработной платы», которую можно объяснить независимо от теории капиталообразования и рассматривать в качестве одной из данных в теории распределения. Поэтому, поскольку количество рабочих и величина земельных угодий даны в любом случае, у нас есть новая основа для установления объективных количественных соотношений, что является значительным прогрессом в нашей теории. Но как может быть, что совокупное богатство в экономике состоит из «средств существования», когда кроме них должны, очевидно, иметься и произведенные средства производства? Разумеется, поток средств существования движется постепенно, и не все запасы, необходимые для данного периода, должны быть в наличии в самом его начале и храниться в некотором складе. В противном случае вопрос был бы ясен. Но ничего существенного не изменится, если все многочисленные текущие производственные процессы находятся в один и тот же момент не на одинаковой стадии, имеют некоторый разброс по степени «зрелости» продукта. Тогда средства существования данного периода в каждый момент времени частично уже потреблены (в то время как промежуточные продукты — сырье, машины и пр. — готовы занять их место), а частично еще не произведены. В этом случае вполне можно сказать, что совокупный фонд средств существования для данного периода равен запасу всех существующих благ и противостоят ему только первичные средства производства. Ясно, что таким способом определенный фонд средств существования тем больше, чем сильнее отдалены от нас цели производства, находящиеся в пределах нашего видения. И, наконец, поскольку поток благ движется постепенно и все стадии производственного процесса протекают одновременно — предпосылка, которая не всегда строго выполняется, но которую мы принимаем здесь для краткости и которая в любом

случае не влияет на действие нашего принципа, — то очевидно, что нам достаточно запаса, покрывающего только половину производственного периода.

Теперь две основополагающие величины — фонд средств существования и доступное количество услуг труда и земли — связаны друг с другом посредством «производственного периода». Связь эта является не жесткой, как у классиков, а гибкой, и мы знаем закон, управляющий этой «гибкостью»: длительность производственного периода в конечном счете зависит, во-первых, от размера двух основополагающих величин, а во вторых, от выбора капиталистов-предпринимателей, который, в свою очередь, направлен на получение максимально возможной прибыли. Объективное количественное соотношение и субъективные силы комбинируются и образуют гармоничное целое. Так мы можем определить абсолютные величины и соотношения длительности производственного периода, нормы процента, заработной платы и ренты.

Бём-Баверк представляет этот результат не в общем виде, а только для заработной платы и процента, не рассматривая ренту. Причина кроется в технической сложности, непреодолимой без использования высшей математики. Но сути проблемы это не меняет, и мы также удовлетворимся упрощенным случаем.

Решение формулируется просто: определяется ставка заработной платы, которая делает наиболее прибыльным для предпринимателей-капиталистов такой производственный период, при котором занята вся доступная в экономике рабочая сила (при упомянутой ставке заработной платы) и поглощается весь фонд средств существования, идущий на ее оплату.

Если бы на рынке устанавливались случайные ставки заработной платы, то, учитывая шкалу производительности различных степеней околности,

наиболее прибыльным для предпринимателей-капиталистов оказался бы один и только один производственный период. Он и будет избран, а вместе с этим определится и ставка процента. Если при этих условиях общее количество услуг труда и земли и общий фонд средств существования обмениваются друг на друга, то достигается равновесие и выполняется его условие, сформулированное выше. Если нет, то незанятые услуги труда и земли, а также средства существования будут понижать ставку заработной платы, или ставку процента, или и то и другое, делая оптимальными разные производственные периоды до тех пор, пока не будет выполнено условие равновесия.

Таким способом был открыт закон процента: ставка процента должна быть равна норме дополнительной отдачи от последнего удлинения производственного периода, возможного при всех сформулированных выше условиях. Представив себе, что это последнее возможное удлинение происходит на отдельных предприятиях, мы можем считать их собственников «предельными покупателями» на рынке средств существования и рассматривать закон ставок процента как специальный случай общего закона цены.

Таким образом, мы установили правильное соотношение между процентом и заработной платой (и рентой), а также способ, которым они определяют друг друга. Это открывает большое количество практических приложений. Укажем на некоторые из них, чтобы проиллюстрировать плодотворность данного подхода. Во-первых, мы можем составить точную картину последствий, которые имеет вариация размеров фонда средств существования и рабочей силы, а также изменения шкалы производительности разных степеней околности — изменения, которые постоянно происходят в результате технического прогресса. Во-вторых, мы решаем

проблему того, как улучшение качества труда влияет на процент и заработную плату. Далее мы устанавливаем, что рост заработной платы вначале вызывает падение ставки процента, затем удлинение производственного периода и, наконец, повышение ставки процента, но не до первоначального уровня. В свою очередь падение заработной платы вызывает сокращение производственного периода, повышение ставки процента, увеличение спроса на труд и рост заработной платы, но опять-таки не до первоначального уровня. Кроме того, выясняется, что распределение фонда средств существования между капиталистами не зависит от уровня ставки процента, а различие между основным и оборотным капиталом имеет иное и гораздо меньшее значение, чем то, которое приписывали ему классики. При некоторых условиях можно вывести законы изменения не только абсолютного уровня заработной платы, но и относительной доли рабочих в общественном продукте. Но здесь нет места для дальнейших рассуждений на этот счет.

Итак, с помощью простейших средств одержана великая победа. На страницах Бём-Баверка теория социально-экономического процесса впервые предстала как органическое целое субъективных оценок и «объективных» фактов. Нигде в другом месте облик мастера не освещен так ярко лучами гения, как в заключительном разделе его труда. Нигде в другом месте не становится так ясно, чего может достичь экономическая теория в его руках. Поразительно, с какой уверенностью и корректностью он пользуется математическими формами мышления, хотя никогда не использовал ни одного математического символа и математической техники анализа. Этим формам мышления он не выучился у кого-либо, но бессознательно обнаружил их безошибочным чутьем прирожденного ученого на логические закономерности и логическую симметрию материала.

Это чувство логической точности и красоты сочеталось в нем со столь же сильным ощущением конкретного и практически важного. Ни разу не оступившись, он знал, как направить свой путь к практическому решению проблем, и его труды представляют собой большую карту сокровищ, обретенных с помощью его методов. Вводя в свою теоретическую схему соответствующие эмпирические данные, он если и не создал реальную возможность конкретного количественного описания капиталистической экономики, то во всяком случае породил серьезную надежду на его появление. Я не знаю, думал ли он сам об этой возможности, по крайней мере, насколько мне известно, он никогда об этом не говорил. Но однажды эта возможность станет реальностью, и его труд будет в первую очередь этому способствовать.

Сказать, что его труд бессмертен, — тривиально. Еще долгое время память об этом великом борце будет окрашена симпатией и ненавистью полемизирующих друг с другом сторон. Но среди великих достижений, которыми наша наука может гордиться, его достижение будет одним из величайших. Какова бы ни была судьба этого достижения в будущем, следы его никогда не пропадут. Какой бы путь ни избрала та часть нашей науки, которая его в наибольшей степени занимала, его дух никогда не будет забыт:

Tratto t'ho qui con ingegno e con arte;
Lo tuo piacere omai prendi per duce.*

* Тебя мой ум и знания вели;
Теперь своим руководись советом.
Данте Алигьери, «Божественная комедия» (Чистилище.
Песнь 27). Перевод М. Лозинского

Глава 7

Фрэнк Уильям Тауссиг (1859–1940)* **

І. Ранние годы (1859–1880)

Что бы мы ни думали о важности той роли, которую происхождение и воспитание или, скорее, наследственность и окружение выдающихся людей играют в их судьбе, нельзя не признать, что в случае Тауссига оба этих фактора объединились счастливейшим образом. Поэтому мы считаем, что для рассказа о том человеке, гражданине, ученом, учителе и общественном деятеле, которым был Тауссиг, мы должны пойти по пути биографов и начать рассказ с описания родительского дома Тауссига и двух замечательных людей, создавших этот дом.

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J., Cole A. H., Mason E. S. Frank William Taussig // Quarterly Journal of Economics. May 1941. Vol. 55. No. 3. P. 337–363.*

** Собирая материал для этой мемориальной статьи, мы пользовались помощью многих друзей и родственников Тауссига. Особенную благодарность мы хотели бы выразить сестре Тауссига, Дженни А. Брандеис, его сыну, Уильяму Г. Тауссигу, а также его другу и однокласснику Чарльзу С. Берлингеу. Пол М. Суизи любезно собрал материалы по Тауссигу из отчета о гарвардских выпускниках 1879 года. Большая часть информации об отце Тауссига взята из его статьи «Деловая карьера моего отца» в журнале *Harvard Business Review: Taussig F. W. My Father's Business Career // Harvard Business Review. Autumn 1940. P. 177–183.* Список произведений Тауссига можно найти в приложении к книге: *Explorations in Economics: Notes and Essays Contributed in Honor of F. W. Taussig. New York: McGraw-Hill, 1936.*

Отец Фрэнка Уильяма—Уильям Тауссиг—родился в Праге в 1826 году. Очевидно, ему не по душе был родной город, над которым постепенно сгущалась тень чешско-немецкого конфликта, и в 1846 году этот умный, энергичный и образованный молодой человек решил эмигрировать в Соединенные Штаты. Он нашел себе работу в торговле химикатами, вначале в Нью-Йорке, затем в Сент-Луисе, и эта работа оказалась началом удивительно успешной и типичной для того времени американской карьеры. Через несколько лет он бросил заниматься грубыми химикатами в оптовом магазине и занялся изучением более сложных веществ в медицинском университете Сент-Луиса. Закончив учиться, он открыл собственную врачебную практику в городке Каронделе (сегодня это восточный район Сент-Луиса) и стал ездить по пациентам верхом, с лекарствами и пистолетами у седла*. Его положение в обществе росло: он стал мэром, судьей окружного суда, а затем и его председателем. Медицинская практика приносила достаточно денег, но гражданская война сделала жизнь в пограничном городке крайне тяжелой. Тогда Тауссиг, убежденный унионист и противник рабства, согласился в 1865 году принять пост районного сборщика федеральных налогов. Сборщикам налогов полагались комиссионные, которых они, как правило, не получали, но если были достаточно терпеливы и энергичны, чтобы отпра-виться в Вашингтон и требовать положенных вы-плат, эти выплаты бывали очень приличными**.

* Пистолеты, похоже, в ту пору были обязательны. Его сын любил рассказывать, что после того, как ношение оружия перестало быть обязательным, отец, чтобы отпраздновать этот факт, позвал жену пойти «вместе пострелять из них напоследок».

** Сын вспоминал, что его отец ездил в Вашингтон и там со своими счетами сидел день за днем на ступенях Мини-

Уильям Тауссиг был достаточно энергичен и на заработанные комиссионные смог начать свою четвертую карьеру — банкира. Банк *Traders' National Bank of St. Louis*, вице-президентом которого стал Тауссиг, был не особенно успешным. Однако среди его клиентов оказалась строительная компания, сформированная, чтобы построить мост через Миссисипи. Тауссиг присоединился к этому предприятию и стал его главным бухгалтером и генеральным управляющим. Так началась его пятая карьера, которой суждено было сделать его богатым и уважаемым человеком. Предприятие оказалось чрезвычайно успешным и постепенно выросло в Сент-Луисскую вокзальную ассоциацию, которая выстроила вокзал для всех железных дорог города и при помощи собственных локомотивов перегоняла направлявшиеся на запад поезда от восточного Сент-Луиса до терминала. Энергия и находчивость Тауссига* помогли преодолеть все препятствия, которые чинили на пути проекта городские магнаты и железнодорожные бароны. Когда дело было сделано и битва закончилась, Тауссиг был избран президентом ассоциации. Это был спокойный и достойный пост, который он покинул в 1896 году в почтенном возрасте семидесяти лет. По-прежнему занятый всевозможными общественными делами, любимый и уважаемый всеми без исключения, он дожил до 1913 года.

стерства финансов, пока не добился приема и не получил положенных денег.

* Есть, например, такая история об этом времени. Строительная компания закупала стальные цилиндры на заводах Карнеги. Когда возникла какая-то проблема с доставкой, Тауссиг отправился в Питтсбург, чтобы выяснить вопрос напрямую с Эндрю Карнеги. Неизвестно, что он ему говорил, но переговоры прошли успешно — до такой степени, что Карнеги предложил ему партнерство.

Мать Тауссига, Адель Вюрпель, родилась в деревне на Рейне в семье учителя-протестанта, который лишился работы во время революции 1848 года и эмигрировал в Соединенные Штаты со всей семьей. Уильям Тауссиг и Адель Вюрпель поженились в 1857 году, их брак был очень счастливым. Она, должно быть, была очаровательной женщиной—умной и нежной, красивой и доброй, веселой и любящей, подругой в беде и в радости. Она разделяла любовь мужа к музыке и пела сама—у нее было меццо-сопрано. Казалось, что в доме, который она освещала своим присутствием, просто не могло быть никаких проблем. Легко представить себе тот домашний очаг, вначале скромный, а потом состоятельный, созданный ею для троих детей и мужа—героя этих воспоминаний, младшего брата, скончавшегося раньше него, и сестры, пережившей его, которые были ей бесконечно преданы. Этот дом был самодостаточным, и жившая в нем семья остро чувствовала свою к нему принадлежность. Неудивительно, что Фрэнк Уильям вырос человеком, для которого семейная жизнь и семейные обязанности были основой мирового порядка.

Как и следовало ожидать, у Фрэнка Уильяма было счастливое детство. Его сестра вспоминала: «Он всегда отличался в школе и на занятиях; он с детства был физически развит и силен. Я помню его крупным мальчиком. Я помню также, что у него всегда была в руках книга либо для занятий, либо для развлечения, и что его невозможно было отвлечь от чтения, если только не позвать его по имени. Он обычно занимался и работал в общей гостиной... Что касается образования, то до одиннадцати лет он точно ходил в государственную школу. После этого он ходил в школу под названием Академия Смита... В доме всегда звучала музыка. Нам довелось познакомиться с такими музыкантами, как Рубинштейн и Венявский, а Теодор Томас бывал у нас

каждый раз, когда приезжал в Сент-Луис. Фрэнк, должно быть, рано начал учиться играть на скрипке. Лучший скрипач в Сент-Луисе был близким другом семьи и его учителем, и Фрэнк хорошо играл к тому времени, как поступил в университет; там он регулярно играл в составе струнного квартета и был членом организации „Пьерриан“*. Музыка была для него отдыхом и источником радости... Путешествовал он мало, не считая летних вылазок**.

В 1871 году началась дружба Фрэнка Тауссига с Чарльзом Берлингемом, его одноклассником в Академии Смита, и эта дружба продлилась всю его жизнь. Вместе они поступили в Вашингтонский университет и вместе в 1876 году перевелись в Гарвард. Декан Чарльз Ф. Данбар весьма мудро принял их без экзаменов сразу на второй курс, хотя они рассчитывали вместе с остальными абитуриентами сдавать вступительные экзамены на первый. Тауссиг, поселившись в «царских», по мнению Берлингема, комнатах на Оксфорд-стрит, с головой ушел в учебу. Он прослушал все возможные курсы по экономической теории — в то время политической экономии — и многие по истории и в 1879 году получил диплом историка с высшим отличием. Тема его дипломной работы звучала так: «Новая империя в Германии». Он был одним из студентов, произносивших речь на церемонии вручения дипломов, и был избран членом общества «Фи бета каппа». Тауссиг не был затворником, хотя записи и свидетельствуют, что в 1878/1879 учебном году он взял в университетской библиотеке невероятное количество книг, преимущественно по истории и философии. Он играл в бейсбольной команде своей группы,

* Американская организация, поддерживающая молодых музыкантов, танцоров и прочих начинающих деятелей искусства. — *Прим. перев.*

** Письмо Дженни Брандеис профессору Мейсону.

участвовал в соревнованиях по гребле на шестивесельных лодках, присоединился к полудюжине студенческих клубов и обществ по интересам и завел множество друзей. И, конечно же, он играл на своей скрипке.

Закончив бакалавриат, Тауссиг отправился в путешествие по Европе. Со вторым своим лучшим другом Эдгаром Конуэем Фелтоном* он отплыл из США в сентябре 1879 года. «Проведя вместе несколько недель в Лондоне, мы разъехались, — написал Тауссиг вскоре после этого. — Я отправился в Германию и провел зиму с октября по март в Берлинском университете, изучая римское право и политическую экономию**. В марте я уехал из Германии и присоединился к Фелтону в Италии. Вместе мы провели два месяца в Италии и затем отправились в Париж через Женеву. В Париже в мае мы вновь разделились: Фелтон отправился в Англию и оттуда домой, а я посетил еще некоторые уголки Европы, преимущественно в Австрии и Швейцарии»***. Статьи Тауссига для газеты *New York Nation*, опубликованные во время его путешествия по Европе, могут послужить доказательством, если такое требуется, серьезности молодого человека.

* Сыном С. М. Фелтона, основателя Пенсильванского сталелитейного завода.

** Стоит упомянуть, что учеба в Берлине означала неминуемый контакт с теми принципами, я бы сказал, консервативной реформы, которых придерживался Союз социальной политики. Тауссиг всегда признавал влияние на свои теории Адольфа Вагнера и до конца жизни сохранил свою симпатию к нему. Мы не знаем, были ли они знакомы лично.

*** Из публикаций выпуска 1879 года, отчет для встречи выпускников в 1882 году. В отчете для встречи выпускников в 1885 году Фелтон добавляет, что в Лондоне они действительно превосходно провели время.

В Гарвард Тауссиг вернулся в сентябре 1880 года с намерением поступить на факультет права. Он еще не принял решения посвятить себя экономической науке. Право по-прежнему привлекало его наравне с экономикой, если не сильнее. Но в этот момент он получил предложение поработать секретарем президента Гарвардского университета Чарльза У. Элиота. Это была работа на полставки, но крайне трудоемкая, и именно эта должность познакомила Тауссига с таинственным миром университетской администрации и политики*. Так он, не зная того, вступил на путь карьеры, которой ему предстояло заниматься следующие шестьдесят лет.

II. Восхождение (1881–1900)

Обязанности секретаря временно отвлекли Тауссига от его плана изучать юриспруденцию, но у него оставалось достаточно энергии, чтобы работать над своей диссертацией по экономике. Темой он выбрал историю тарифного законодательства в США, и этот выбор показывает, насколько важное место занимал исторический компонент в его образе мышления, а также насколько важное место занимали основные вопросы экономической политики в его личной иерархии научных интересов. Важно подчеркнуть оба этих пункта. Без сомнения, Тауссиг был выдающимся теоретиком и великим учителем экономической теории. Те ученые-институционалисты, которые впоследствии протестовали против теории, которую он преподавал, похоже, не заметили, что значительная часть его работы

* Среди плодов этого опыта числится 14-страничный доклад «Университет 1879–1882», опубликованный Тауссигом в отчете выпуска 1879 года для встречи выпускников в 1883 году.

была посвящена институтам и что в некотором смысле им было бы правильней считать его своим лидером, а не оппонентом. Для Тауссига экономическая теория навсегда осталась политической экономией. Полученное в молодости образование и личные предпочтения поставили для него историю не просто наравне с теорией — они поставили ее выше теории. Практические проблемы в своих исторических, юридических и политических аспектах, то есть, коротко говоря, в своих институциональных аспектах, интересовали его куда сильнее, чем любые тонкости экономической теории. Все, кто его знал, невольно восхищались его способностью видеть проблемы в их социологическом контексте и исторической перспективе*.

Так что к избранной им теме — международной торговле — Тауссиг также подошел с исторической точки зрения. Призовое эссе 1882 года «Защита молодых отраслей промышленности на примере Соединенных Штатов», послужившее ему диссертацией и в 1883 году опубликованное в качестве книги, причем успешной, потому что уже в 1884 году потребовалось выпустить ее второе издание, содержало совсем немного теории, но зато представляло собой исчерпывающий и блестящий анализ исторических фактов. Так вышло, что эта работа демонстрирует еще одну черту, слишком типичную для Тауссига, чтобы обойти ее вниманием, черту, которая предвещала его будущую славу эксперта

* Историю США он знал, в сущности, на профессиональном уровне. В 1884 году в отсутствие профессора А. Б. Харта он прочел в университете курс по американской истории. Однако именно благодаря своей глубине это знание не простиралось за пределы Соединенных Штатов, во всяком случае, не на таком уровне. Как мы помним, Тауссиг также изучал римское право и много читал. Но ни древняя история, ни история Средних веков не были для него живой реальностью.

по тарифной политике. Я говорю о той сбалансированности и зрелости суждений, которая так выделяет Тауссига среди других экономистов и которая в этой книге, автору которой было всего двадцать три года, уже заметна с поистине поразительной очевидностью. Тауссиг никогда особо не сочувствовал тарифному законодательству своей страны, не считая его ни особенно политически этичным, ни экономически целесообразным. Его решительно нельзя было назвать протекционистом в обычном значении этого слова. Но он не был и сторонником свободной торговли. Он открыто признавал все то, что в аргументации протекционистов казалось ему здравым, — в частности, аргумент о защите молодых отраслей (*infant industry*), но не только его, и никогда не пытался, как многие сторонники свободной торговли, преуменьшить достоинства тарифной политики. Это был не его метод. К этой проблеме, как и к любой другой, Тауссиг подходил практично и рассудительно.

Еще примерно десятилетие или больше вся созидательная работа Тауссига посвящалась теме, столь благоприятным образом начатой. За «Защитой молодых отраслей промышленности» («Protection to Young Industries») последовала «История современного тарифа 1860–1883 гг.» («History of the Present Tariff, 1860–1883», 1885), и обе эти книги затем развились в классическую работу «Тарифная история Соединенных Штатов» («The Tariff History of the United States», 1888; последняя, восьмая, редакция вышла в 1931 году). Книга завоевала Тауссигу репутацию главного американского эксперта в области тарифов и фактически в плане политико-экономического анализа она ни в какой области все еще не имеет себе равных. Большая часть статей, которые Тауссиг написал в это время, посвящена также тарифам, но и иные общественные вопросы тех лет не ускользнули от внимания его активного разума,

и в отношении двух из них он сделал значительные открытия. Его глубоко волновали экономический и политический аспекты проблемы серебряного стандарта. Проработав вопрос со своей обычной тщательностью, в 1890 году он издал первую из многочисленных публикаций на эту тему, а в 1891 году вышла его книга «Положение дел с серебряным стандартом в Соединенных Штатах» («The Silver Situation in the United States»), которая стала классической работой школы противников серебряного стандарта и имела большое влияние на весь цивилизованный мир. В том же 1891 году в журнале *The Quarterly Journal of Economics* Тауссиг опубликовал статью «Дополнение к теории железнодорожных тарифов» («Contribution to the Theory of Railroad Rates»). Это исследование, единственное из его работ периода до 1893 года, демонстрирует склонность к чисто теоретическим рассуждениям, но и оно посвящено «прикладной» проблеме. Безусловно, работы Тауссига демонстрируют прекрасное владение аналитическим аппаратом своего времени. Но хотя Тауссиг и использовал этот аппарат, до тридцати с лишним лет он, похоже, не представлял для него особого интереса.

В свете этого факта особый биографический интерес представляет для нас предисловие, написанное Тауссигом в 1884 году к переводу «Элементов политической экономии» Эмиля де Лавеле*. Это

* Он также написал к нему дополнительную главу, в которой говорилось исключительно о практических вопросах. Она называется «Экономические вопросы в Соединенных Штатах», и все ее четырнадцать страниц посвящены тарифам, внутренней системе налогообложения, серебряного стандарта (в этом вопросе Тауссиг настолько выступает против биметаллистических взглядов Лавеле, насколько только можно выступать против точки зрения автора в его собственной книге), а также американскому морскому праву и законам навигации.

предисловие, вероятно, является единственным источником информации о методологических воззрениях, которых Тауссиг придерживался в то время, и дополняет наши знания о его взглядах на экономическую политику в целом. Оно также является крайне характерным для Тауссига. Большинство авторов в подобном предисловии ограничились бы комплиментами и похвалами или просто не стали бы его писать. Но только не Тауссиг. В его предисловии есть, конечно, и комплименты, но они сведены к минимуму, а в остальном он отнюдь не избегает демонстрации несогласия и критики, хотя и делает это с неизменным тактом. Он указывает на то, что считает ошибками. Он откровенно говорит, что некоторые взгляды Лавеле «не авторитетны». Он одобряет Лавеле, потому что тот в меньшей степени, чем другие, «освободился от того, что можно назвать классической системой». Он осторожно принимает критику Лавеле *laissez-faire* и его защиту государственного вмешательства в экономику, хотя, по мнению Тауссига, гуманизм и «завел Лавеле слишком далеко». Он одобряет Лавеле за «конкретность» и «внимание к фактам», но как минимум однажды критикует его аргументацию — вполне справедливо — за недостаточную «проницательность».

В собственных работах Тауссиг впервые проявил интерес к теории в 1893 году. Два исследования, которые вышли в сборнике публикаций Американской экономической ассоциации в этом году, — «Толкование Рикардо» («*Interpretation of Ricardo*») и «Ценность и распределение в трудах профессора Маршалла» («*Value and Distribution as Treated by Professor Marshall*») — с любопытной окончательностью указывают, в какой гавани он бросил якорь. Первая показывает, что Тауссиг считал Рикардо величайшим из всех экономистов; из его «толкования» этого выдающегося теоретика становится понятно, почему на протяжении всей жизни Тауссиг

придерживался этой точки зрения, сравнивая Рикардо только с Бём-Баверком*. В образе мышления всех трех этих великих ученых есть фундаментальное родство, которое заставило Тауссига разделить и оценить точку зрения — теоретический стиль — Рикардо и Бём-Баверка так полно, как он не разделял и не оценивал мнений и достижений никаких других теоретиков. Во втором исследовании с такой же ясностью говорится о тех условиях, на которых Тауссиг заключил союз с учением Маршалла, приняв его как одну из главных опор собственной преподавательской деятельности. К этому союзу мы еще вернемся позднее.

Сейчас же мы только отметим, что две следующие работы Тауссига, опубликованные в сборнике «*Proceedings of the American Economic Association*» в 1894 году, написаны в ключе, который стал определяющим для его теоретических исследований. «Отношения между процентом и прибылью» («*The Relation between Interest and Profits*») и «Фонд заработной платы в руках немецких экономистов» («*The Wages Fund at the Hands of the German Economists*») были частью той работы, которую Тауссиг в то время вел в области заработной платы и капитала, и проложили путь его основному труду на эту тему, опубликованному в 1896 году под названием «Заработная плата и капитал». Статья «Количественная теория денег» («*The Quantity Theory of Money*»), вышедшая в *Proceedings* в следующем году, стала последним звеном того, что можно назвать Тауссиговой экономической теорией.

* Тауссиг сам однажды сказал об этом Йозефу Шумпетеру. Поскольку последний был австрийцем и учеником Бём-Баверка, возможно, это было сказано отчасти из дружеских чувств. Но учитывая ход теоретической мысли Тауссига, это явно не было сказано из одних только дружеских чувств.

Но вернемся к карьере Тауссига в университете. Годы с 1881-го по 1896-й были для него напряженными, особенно учитывая, что помимо строго профессиональной деятельности он также работал членом редакционного комитета газеты *Civil Service Record*, писал статьи в издания *Boston Herald, the Advertiser* и *Nation* и участвовал в делах Кобденского клуба и Массачусетского клуба реформ. Без сомнения, эти годы были даже слишком напряженными для человека, который, хотя и отличался редкой физической силой и здоровьем, все же не был неутомимым. У него было совсем немного возможностей отдохнуть и отвлечься от работы, но для своих занятий музыкой он, похоже, все же находил время.

В это же время — а именно в марте 1882 года — Тауссиг был назначен преподавателем политической экономии в 1882/1883 учебном году; важность этого назначения усугубляло то, что именно в этом году единственный постоянный преподаватель экономической теории, Чарльз Ф. Данбар, в университете не работал. Среди прочего, это означало, что молодому человеку было доверено вести вводный курс политической экономии для младших студентов.

Мы второй раз упомянули имя Чарльза Данбара, этого превосходного человека, которого нельзя не упомянуть, рассказывая о жизни Тауссига*. Данбар был не просто преподавателем, познакомившим Тауссига с наукой, в которой ему суждено было стать выдающимся деятелем. Влияние Данбара было глубже, чем предполагает один этот факт. Сравнив некоторые его эссе с ранними работами Тауссига, мы не можем не заметить, что тон, дух и подход этих двух ученых имеют много общего. «Именно профессор Данбар предопределил судь-

* См. статью Тауссига, посвященную памяти Данбара: *Taus-sig F. W. Charles Franklin Dunbar // Harvard Monthly. February 1900. P. 187–195.*

бу Фрэнка и выбрал его для участия в своей собственной судьбе. Когда-то он был редактором газеты *Boston Daily Advertiser* и удалился было с этого поста, чтобы жить на ферме, когда президент Элиот убедил его стать профессором политической экономии, которую до того преподавал профессор Фрэнсис (Фэнни) Боуэн как ветвь моральной философии»*. Поскольку Тауссиг помогал вести один из курсов, которые вел Данбар, можно заключить, что именно рекомендация последнего сыграла роль при назначении Тауссига преподавателем.

Очевидно, после возвращения Данбара в Гарвард перспективы Тауссига оказались менее радужными. Любой по-настоящему способный и энергичный молодой человек, занимающий нижнюю ступень на университетской должностной лестнице, в то время стоял — как и сегодня — перед сложным выбором: либо в течение неопределенного времени занимать не слишком удовлетворительную должность, либо попробовать силы в другой, более перспективной карьере**. Тауссиг временно решил эту проблему, после того как, защитив в июне 1883 года диссертацию, в сентябре этого же года принял пред-

* Из статьи Берлингема памяти Тауссига в *Harvard Alumni Bulletin* за 30 ноября 1940 года. В этом отношении Фрэнсис Боуэн (1811–1890) оказался в одной лодке с Адамом Смитом. Он был эрудитом, что, однако, в то время неминуемо означало, что он не слишком глубоко владел всеми теми предметами, которые подразумевало это широкое понятие. Его «Принципы» (1856; новое издание под названием «Американская политическая экономия» («*American Political Economy*») вышло в 1870 году), не лишённые достоинств, едва ли дотягивали до уровня тех английских классиков, учение которых он отвергал.

** Младшие позиции в Гарвардском университете были, однако, более удовлетворительными, чем сейчас, потому что молодому человеку было проще получить то, что сегодня получить почти невозможно, — собственный курс.

ложение стать преподавателем на полставки (он вел половину курса по тарифному законодательству) и одновременно поступил на факультет права «с намерением прослушать стандартный трехгодичный курс и стать практикующим юристом после окончания учебы». Этим он и занимался, пока в июне 1886 года не получил степень бакалавра права. За несколько месяцев до этого, однако, Гарвардский университет одумался и назначил его старшим преподавателем политической экономии на пять лет.

Таким образом, можно было бы заключить, что эксперимент Тауссига с юриспруденцией оказался потерей времени, в том смысле что он был мерой предосторожности, которая в итоге оказалась ненужной. Однако мы считаем обязательным подчеркнуть то влияние, которое юридическое образование оказало на мышление Тауссига. Можно поспорить, насколько полезной оказалась бы для современного экономиста такая трата сил, возможно, необходимых для освоения собственной науки. Однако во времена юности Тауссига все было иначе. Экономическая наука не имела тогда методов, на изучение которых требовались бы годы; достижение всесторонней образованности было вполне реальной целью и разумной идеей. Более того, юридическое образование в то время было, возможно, лучшим способом для экономиста «настроить» свой ум на правильный способ мышления. Наконец, те факты, с которыми юристы знакомятся в процессе обучения, безусловно, крайне важны для работы экономиста. Если же в перечень изучаемых дисциплин входит еще и римское право, как в случае Тауссига, это гарантирует студентам существенную склонность к институциональному подходу. Тауссиг обладал именно таким складом характера, который позволил ему сполна воспользоваться всеми этими преимуществами. Печать юридического образа мышления лежит на всей его работе в области

как преподавательской, так и исследовательской деятельности.

Тауссиг приступил к своим обязанностям (которых, в сущности, было достаточно для полной преподавательской ставки) осенью 1886 года. Он продолжал читать половину курса по тарифному законодательству*, вводный курс в экономическую теорию был со временем поручен ему полностью**, кроме того, начал свою блистательную историю его знаменитый курс «Экономическая теория II» (хотя это название он получил позднее)***. Время от времени к этому набору добавлялись и другие курсы****.

* Половину этого курса, позже обобщенного и переименованного в курс международной торговли, Тауссиг вел в 1884–1894, 1896, 1897, 1901, 1906, 1913–1917, 1920, 1921, 1923 и 1925–1927 учебных годах. Этот курс был магистерским. Бакалаврский курс по международной торговле Тауссиг вел в 1921, 1922 и 1924 годах.

** Тауссиг вел курс, сейчас известный как «Economics A» (тогда «Poleson I»), в 1887–1894, 1896–1901, 1904–1909 и 1911–1915 учебных годах. Кроме того, в 1922–1928 годах он сотрудничал с университетом как приглашенный лектор.

*** Этот курс по углубленной экономической теории читался в 1887–1894, 1897–1900, 1904–1909, 1911–1917 и 1920–1935 учебных годах, что составляет впечатляющий срок.

**** Мы воспользуемся возможностью перечислить их. В 1891–1900, 1907–1909, 1911, 1912, 1915–1917 и 1920–1935 годах он вел лекционный курс по истории экономической мысли. В 1900 году он вел половину этого курса. Также он вел курс под названием «Исследование экономических вопросов» (в ходе которого обсуждались избранные проблемы экономической истории и политики) в 1889 году, а также по половине этого курса в 1896 и 1899 годах; полкурса по железнодорожному транспорту в 1891–1894 и 1896 годах; полкурса по банковской деятельности в 1896 году; полкурса по налогообложению в 1897, 1898, 1900 и 1901 годах, а также половину бакалаврского курса по теории экономики, позже названного «Экономическая теория I» («Economics I») в 1901, 1904, 1906, 1908, 1916, 1917 и 1930–1935 годах. Студенты считали этот курс блестящим.

Со временем Тауссиг получил профессорское звание — в 1892 г., а в 1901 году ему было доверено руководство только что образованной кафедрой политической экономии имени Генри Ли. Только тогда он написал: «Я могу надеяться на то, что буду жить в Кембридже и работать в Гарварде до самой смерти»*. Однако в реальности уже назначение его преподавателем в 1886 году было решающим, и Тауссиг, вероятно, это понимал. Он прочно обосновался в Гарварде. В отчете для встречи выпускников в 1890 году он написал, что с 1886 года «вел небогатую событиями жизнь университетского преподавателя»: только ли удовлетворенность слышна в этой фразе, или также легкий вздох сожаления? В качестве признака той глубокой привязанности к Гарварду, которую Тауссиг сохранил до конца жизни, мы можем привести и следующее предложение его отчета: «Мне посчастливилось получить назначение как раз вовремя, чтобы принять участие в праздновании двухсотпятидесятилетия со дня основания университета, и поскольку я самый молодой преподаватель на факультете, у меня, похоже, больше шансов, чем у всех остальных, поучаствовать в праздновании трехсотлетия, когда для него придет время».

29 июня 1888 года в городе Эксетере, что в штате Нью-Гемпшир, Тауссиг женился на Эдит Томас Гилд, уроженке Бостона. В 1889 году у них родился сын, Уильям Гилд Тауссиг. Летом того же года Тауссиг выстроил себе дом по адресу Скотт-стрит, 2, в месте, тогда известном как имение Нортонов, и надеялся «прожить здесь в мире и покое долгие годы»**. Старшая дочь, Мэри Гилд (впоследствии она

* Отчет для встречи выпускников в 1895 году.

** Он прожил в этом доме, так хорошо знакомом всем гарвардцам, практически до конца жизни (только осенью 1940 года он сдал его жильцам и переехал к своей старшей дочери на Фрэнсис-авеню). Кроме того, от отца ему

вышла замуж за Джеральда С. Хендерсона), родилась в 1892 году, средняя, Кэтрин Кромби (ныне жена доктора Редверса Опая), — в 1896-м, а третья, Хелен Брукс (сегодня врач-педиатр в балтиморской больнице имени Джона Хопкинса), — в 1898 году.

Помимо преподавания и исследований Тауссиг продолжал заниматься еще множеством разнообразных дел: писал статьи, бросился в битву против серебряного стандарта, был членом комитета Кембриджской школы (1893–1894), участником губернаторской комиссии по массачусетскому налоговому праву, делегатом Бостонской торговой ассоциации на Конвенции по денежным вопросам в Индианаполисе и так далее. Он выполнял свою часть административной работы в университете, хотя это занятие никогда не было его любимым делом*.

достался в пользование просторный летний дом в Котуите, штат Массачусетс, прямо на берегу моря.

* Вот как выглядит список административных функций, которые Тауссиг выполнял в Гарварде:

Факультетские комитеты

Особые студенты	1890/1891–1891/1892
Переводы из других колледжей.	1892/1893–1893/1894
Инструктаж.	1895/1896–1900/1901
Выступления на вручении дипломов	1896/1897–1900/1901
Вручение премии Боудойна (председатель комитета)	1899/1900–1900/1901
Инструктаж и степени в Рэдклиффском колледже	1906/1907–1908/1909
Председатель комитета.	1908/1909

Кафедра экономической теории

Председатель.	1892/1893–1893/1894; 1895/1896; 1898/1899–1900/1901; 1910/1911–1911/1912
-----------------------	--

Кафедра истории, государственного управления и экономической теории

Председатель.	1896/1897–1897/1898
-----------------------	---------------------

В 1888 году он был избран членом Американской академии искусств и наук, а в 1895-м — членом-корреспондентом Британской экономической ассоциации (Королевского экономического общества)*. Все эти назначения, которые в жизни человека меньшего масштаба казались бы столь важными, мы упоминаем лишь для того, чтобы нарисовать максимально полную картину жизни Тауссига для тех многочисленных друзей и учеников, которых интересуют все ее подробности. Для них мы также добавим, что год отпуска (1894/1895 учебный год) Тауссиг провел за границей, из них два месяца на Капри и еще два в Риме, за это время добавив к своим профессиональным способностям умение читать по-итальянски.

По возвращении домой Тауссиг с головой ушел в работу. Кафедра стремительно росла, а его вводный курс по экономической теории посещали около пятисот студентов. Читать лекции такому количеству слушателей было физически тяжело, но это занятие приносило Тауссигу большое удовлетворение, поскольку давало ему «вдохновляющую возможность пообщаться с большим количеством младшекурсников». Однако еще большим источником удовлетворения и еще более вдохновляющей возможностью для приложения созидательных усилий стало для Тауссига назначение председателем редколлегии журнала *Quarterly Journal of Economics* (1896). Этот пост он занимал сначала временно, во время отсутствия Данбара в 1889–1890 годах, а затем постоянно — с 1896 по 1935 год. Впрочем, о его

* В докладе для встречи выпускников в 1895 году он написал: «Мне говорят, что должность члена-корреспондента сделала меня в глазах некоторых предателем и врагом американского благосостояния, но я считаю ее почетным назначением со стороны выдающихся ученых». Замечание одновременно интересное и забавное.

работе главным редактором мы еще поговорим отдельно*. В остальном же наш рассказ об этом периоде жизни Тауссига удачно завершит цитата из его доклада для очередной встречи выпускников в 1895 году: «В плане университетской политики я выступаю за сокращение времени обучения до трех лет (!) и за модификацию вступительных экзаменов таким образом, чтобы знанию древнегреческого языка перестало отдаваться преимущество... среди других предметов, которые сдают абитуриенты... В вопросах политики я сохраняю независимость, ожидая появления новой партии, которая будет непреклонно отстаивать умеренные тарифы и разумную денежную политику, но прежде всего — реформу государственного аппарата и честное правительство».

III. Осень жизни (1901–1919)

В возрасте сорока двух лет Тауссиг не чувствовал себя старым. В его жизни не было ничего изношенного, ничего потерятого, все было идеально организовано. Его репутация была в расцвете. Он добился почти всего, чего хотел. Однако, несмотря на это и на идеальное физическое здоровье, он неожиданно обнаружил, что больше не может работать. Такие случаи мы обычно объясняем нервным переутомлением, которые не так редки в жизни преподавателей, как можно было бы подумать. Тауссиг взял отпуск и на два года уехал за границу, чтобы как следует отдохнуть; одну зиму он провел в деревушке Меран в австрийских Альпах, другую на итальянской Ривьере, а лето в промежутке меж-

* Дальнейшая редакторская работа Тауссига была связана с его избранием в 1896 году председателем издательского комитета Американской экономической ассоциации.

ду ними — в Швейцарии. Так он смог избежать катастрофы и осенью 1903 года вернулся к преподавательской деятельности и редакторской работе в *Quarterly Journal*. Спустя некоторое время он принял пост президента Американской экономической ассоциации и оставался на этой должности в 1904 и 1905 году*. Впрочем, дальше этого он не пошел: в период с 1901 по 1905 год в его достижениях наступило полное затишье.

К концу 1905 года Тауссиг полностью пришел в себя, по крайней мере, как преподаватель и ученый (во всех других отношениях ему до конца жизни приходилось осторожно расходовать силы). Именно в это время он довел до совершенства свое преподавательское мастерство, окончательно разработал и отточил те методы, которые сделали его всемирно знаменитым профессором. В своих исследованиях он продолжал развивать прежнюю тему международной торговли, и большая часть написанного им в эти годы посвящена именно ей. Впоследствии плоды этих трудов были собраны в книгу, по сей день являющуюся кладовой фактов о работе промышленности и шедевром аналитической работы, «Некоторые аспекты тарифного вопроса» (*Some Aspects of the Tariff Question*), впервые опубликованную в 1915 году (третье, дополненное, издание вышло в 1931-м).

Также в 1915 году Тауссиг прочел в Брауновском университете курс лекций, которые затем опубликовал под названием «Изобретатели и дельцы»

* В это же время Тауссиг был избран членом Британской академии и Национальной академии деи Линчеи. Другие почести, оказанные ему в этот период, также свидетельствуют о том, как он был знаменит. В 1914 году он получил степень доктора литературы в Университете Брауна, а в 1916 году, хотя *nemo propheta in sua patria*, также и в Гарвардском университете.

(«Inventors and Money Makers»)*. Насколько нам известно, эта книга стала первым видимым результатом исследований, всегда интересовавших Тауссига и исключительно подходивших ему по образованию и типу характера. Область этих исследований можно определить как экономическую социологию, или социологию экономической деятельности: исследование институтов, а также изучение индивидуального или группового поведения в рамках институционального окружения. В этом обширном научном поле реалистичный анализ типа и поведения предпринимателя составлял одну из важнейших групп проблем, которой Тауссиг со временем стал уделять все больше внимания.

В 1905–1911 годах, однако, он отдавал все силы составлению своих «Принципов экономической науки» («Principles of Economics») — «результата многолетней преподавательской деятельности и размышлений». Книга вышла в 1911 году в двух томах. Она оказалась крайне успешной и вполне заслуженно стала одним из наиболее популярных учебников экономической теории**. Эта фраза, впрочем, не передает ни истинных намерений автора, ни масштаба его достижения. Конечно, с точки зрения педагогики книга была шедевром; в ней талантливейший преподаватель делился с читателем своей годами проверенной мудростью. Но это еще не все. Тауссиг задался целью вооружить читателя не только фактами и методами. Он хотел передать ему также свой дух, свое отношение к экономике.

* Походя заметим, что летом 1916 года он также прочел серию лекций в Калифорнийском университете.

** Издание третье, дополненное рассказом о последствиях войны, вышло в 1921 году. Перевод на японский язык был опубликован в 1924-м. Четвертое издание, сильно переработанное — в 1939-м, с посвящением *Patri Dilecto Filius Gratus*, любимому отцу от благодарного сына.

Некоторые экономисты считают иначе, но Тауссиг был уверен, что экономист имеет право и обязанность формировать и оценивать общественную политику, возглавлять общественное мнение, определять политические цели. Эту обязанность Тауссиг считал почетной и стремился исполнить ее со всей присущей ему ответственностью. Как когда-то Маршалл, он преподавал евангелие своего времени, никогда не выходя за его рамки и ничем не показывая его относительности. Но он преподавал его великолепно и на высшем уровне. Таким образом, Тауссиг присоединился к длинной череде великих экономистов с Адамом Смитом во главе, веривших, что преподавать экономическую науку означает преподавать гуманизм.

Но и это еще не все. Обычно считается, более или менее заслуженно, что учебник состоит из материала, преимущественно не принадлежащего перу его автора. Любое систематическое исследование какой-либо научной области должно, конечно, в значительной степени быть компиляцией чужих трудов. Однако в трактате Тауссига исключительно много материала его авторства и систематизированы в нем результаты собственных размышлений Тауссига. Это особенно заметно в четвертой книге (разделе), которая представляет собой один из лучших в истории экономики трудов на тему международной торговли. В меньшей степени это заметно также в третьей книге (о деньгах и банковской деятельности), шестой (о труде), седьмой (о проблемах экономической организации, таких как железные дороги, промышленные комбинации, государственная собственность и контроль, социализм) и восьмой (о налогообложении).

Первая книга «Организация производства» («The Organization of Production»): вопросы богатства и труда, разделения труда, массового производства и так далее) по традиционной схеме вводит читате-

ля в предмет экономической науки, но в главе о капитале в ней неожиданно ярко начинает звучать голос автора, который затем доминирует во второй и пятой книгах (вопросы ценности и обмена, а также распределения). В этих книгах изложена собственная Тауссигова версия той системы, которую мы сегодня называем классической и которая представляет собой переходную ступень между учением старых классиков (Смита, Рикардо и Милля) и теориями нашего собственного времени. Тауссиг выстроил свою систему на фундаменте, заложенном в «Заработной плате и капитале» — книге, над которой он с момента ее публикации не переставал работать. Важнейшие вехи этой работы звучали в его исследованиях «Капитал, процент и убывающая отдача» (*Capital, Interest, and Diminishing Returns // The Quarterly Journal of Economics*. 1908. Vol. 22. No. 3. P. 333–363) и «Основные принципы теории заработной платы» (*Outlines of a Theory of Wages // Publications of the American Economic Association. Third Series*. 1910. Vol. 11. P. 136–156). Много из того, что он писал, вызвало бы возражения у современного теоретика. Однако Тауссиг сумел завоевать одно из важнейших мест в группе, к которой принадлежали такие знаменитые ученые, как Маршалл и Виксель.

Работу над «Принципами» Тауссиг заканчивал в глубокой скорби. Его жена уже некоторое время была серьезно больна. В 1909/1910 учебном году он взял длительный отпуск, который они вместе провели в Саранаке, штат Нью-Йорк, где Эдит и скончалась 15 апреля 1910 года.

Несмотря на это, Тауссиг безостановочно продолжал свою исследовательскую и преподавательскую деятельность. Цитата из отчета для встречи выпускников в 1914 году поможет нам завершить картину этого периода его жизни, который продлился до 1917 года: «Моя жизнь в последние семь лет была

тихой, зимой я работал в Кембридже, летом отдыхал в нашем доме в Котуите. Я продолжаю вести почти те же курсы, что и в прошлые годы, и много сил отдаю курсу „Экономическая теория I“, первому по этому предмету в Гарварде и самому популярному курсу по выбору в колледже. Наш факультет, да и весь колледж, придерживается мнения, что посещаемые большим количеством студентов неспециализированные курсы должны вестись не молодыми преподавателями, но старшими и более опытными». Далее Тауссиг пишет, что весной 1912 года ненадолго ездил в Европу в качестве представителя Бостонской палаты торговли на Международный конгресс торговых палат в Брюсселе, а затем выступал председателем программного комитета конгресса, проходившего в Бостоне в сентябре 1912 года.

В начале 1917 года, однако, Тауссиг начал новую карьеру, которой суждено было стать столь же выдающейся, сколь и короткой. Природа создала Тауссига для служения обществу, и в широком смысле слова он всю жизнь находился на государственной службе, многого добившись на этом поприще. Но два с половиной года своей жизни он работал на государство в узком смысле слова, когда принял предложение стать председателем только что созданной Комиссии по тарифам Соединенных Штатов Америки.

Возглавить новое государственное учреждение, сформировать его дух и программу, создать ядро традиции — одна из сложнейших задач в государственном управлении. Она сложна в любой стране, но особенно в Соединенных Штатах, где так мало опытных, матерых деятелей бюрократического аппарата, на опыт которых можно было бы положиться при формировании новых организаций. Чтобы справиться с этой задачей в условиях американского государственного аппарата, глава

новой организации должен обладать исключительной силой личности. Для руководства функциями комиссии, смежными с наукой и юриспруденцией, Тауссиг был, разумеется, идеальным кандидатом, и он добился безоговорочного успеха. Для правильной работы комиссии, считал он, необходимо прежде всего заняться выяснением фактов, а затем осторожными шагами продвигаться от исследований к рекомендациям, которые со временем помогут вытеснить те пристрастные суждения, на которых основывалось тарифное законодательство. Поэтому под руководством Тауссига Комиссия по тарифам занялась систематическим изучением всех важных товаров, перечисленных в Акте о тарифах, чтобы при первой возможности предоставить Конгрессу всю достоверную информацию для пересмотра акта. Другой проект Тауссига посвящался исправлению таможенно-административных законов, унаследованных еще с 1799 года, со времен дилижансов и невероятно нескладных. Рекомендации Комиссии были впоследствии исполнены практически полностью. Комиссия также составила доклад о свободных портах и свободных экономических зонах и еще один о взаимном обмене и коммерческих соглашениях; оба доклада не только были образцом превосходно выполненной работы, но и повлияли на политику страны. Эти доклады были в большой степени работой лично Тауссига и манифестацией его взглядов. Непредвзятость и готовность принять любую разумную точку зрения, огромный авторитет — все это естественным образом сделало Тауссига лидером своей группы в смысле более широком, чем обычно предполагает официальное положение лидера. Наилучшим образом это может продемонстрировать такое дополнение к Третьему ежегодному докладу комиссии, написанному вскоре после отставки Тауссига: «С отставкой доктора Ф. У. Таусси-

га, которая вступила в действие 1 августа 1919 года, комиссия понесла невосполнимую утрату. Долгие годы его знание истории тарифов и тарифной политики Соединенных Штатов было непревзойденным. Его книги и многочисленные исследования на эту тему составляют собрание мастерски переработанной информации, к которой студенты и законодатели давно уже обращаются за советом. В то же время его работа и его взгляды демонстрируют полное отсутствие узости взгляда, часто характерной для специалиста в какой-либо одной области, поскольку его обширные знания в других областях и его знакомство с бизнесом и бизнесменами позволяют ему со всех сторон увидеть важность тарифной политики и тарифных мер. Он сочетает точку зрения просветителя и теоретика с разумными суждениями и здравым смыслом практичного бизнесмена. Вдобавок к этим качествам он является сильнейшей личностью и обладает огромной энергией. Он был назначен президентом на пост председателя Комиссии по тарифам, что вызвало всеобщее удовлетворение и уверенность в справедливости, тщательности и полезности работы Комиссии. Жертвуя здоровьем, на протяжении более двух лет он своей мудростью оказывал неоценимую помощь в формировании Комиссии, помогал начинать и планировать ее расследования, руководил ее решениями и направлял ее деятельность».

Когда Соединенные Штаты вступили в войну, обязанности Тауссига быстро вышли за пределы работы в Комиссии по тарифам. Он стал членом Комитета по определению цен в Совете военной промышленности и некоторое время служил в мукомольном подразделении Управления продовольствием, а также в его мясном подкомитете. Вскоре нагрузка стала для него слишком тяжелой и ему пришлось сократить свои обязанности. Однако по просьбе президента Вильсона он сохранил свой

пост в Комитете по определению цен, а также пост председателя Комиссии по тарифам.

Президент Вильсон хорошо понимал, насколько ценно сотрудничество с таким способным, преданным интересам общества и бескорыстным советником, каким был Тауссиг. Их отношения были таковы, что еще в январе 1918 года Тауссиг считал себя вправе делиться с президентом своим мнением по поводу вопросов, далеко выходящих за рамки его официальных обязанностей, в частности вопросов о военных целях Соединенных Штатов. Поэтому решение Вильсона пригласить Тауссига в Консультативный совет по заключению мира было вполне предсказуемым. Естественно, в рамках нового назначения Тауссигу был поручен подкомитет по тарифам и коммерческим соглашениям; однако помимо этого он посещал все заседания общего комитета по экономическим условиям и помогал разрабатывать проект этих условий. Он помогал и советовал и во многих других делах, как внутренних, так и международных.

На Парижскую мирную конференцию Тауссиг отправился полный решимости отстаивать правосудие и справедливость, свободный от всякой жажды мести. Без сомнения, в ходе работы он не раз оказывал решающее и благотворное влияние на участников конференции, убеждая их отказаться от безрассудных требований*. Однако насколько далеко простиралось это влияние, мы никогда не узнаем. Мы также никогда не узнаем, что думал и чувствовал Тауссиг по поводу менее удачных условий мирного договора; в своей лекции «Человеческая история мирной конференции» Бостон-

* Многие мелкие вопросы касательно тарифов и соглашений по предложению англичан оставлены на его личное рассмотрение, хотя вопреки его советам и было сделано несколько уступок неразумным требованиям.

скому обществу унитаристов он об этом не рассказывал*. В тех прелестных, почти болтливых письмах, которые Тауссиг писал домой в течение этих месяцев, он описывает в основном свои ежедневные занятия и наблюдения. Некоторые подробности того, что он делал и думал в то время, вероятно, можно было бы восстановить из личных бесед, но он никогда особо не распространялся о своей работе и всегда был сурово сдержан в критических комментариях. Некоторые из нас, возможно, сожалеют об этом, но для Тауссига это было крайне характерно: все, что он говорил или делал, он говорил и делал с глубоким сознанием собственной ответственности. Он никогда не подводил тех, с кем сотрудничал.

Перед возвращением домой в июне 1919 года Тауссиг подал в отставку со своей должности в Комиссии по тарифам и покинул пост председателя в августе. Однако он продолжал служить в Президентской промышленной конференции в 1919–1920 годах и до 1926 года работал в Комиссии по распределению сахара**.

IV. Великий старик (1920–1940)

В возрасте шестидесяти лет Тауссиг вернулся в Гарвардский университет к своей преподавательской работе и своим исследованиям. Его слава и авторитет многократно возросли, и почти с юношеским пылом он приступил к выполнению давнего плана —

* Отрывок из этой лекции был опубликован в журнале *Christian Register* в 1920 году.

** Для полноты картины добавим, что он был удостоен бельгийского ордена Короны и французского ордена Почетного легиона.

«жить в Кембридже и работать в Гарварде» до конца жизни.

Жизнь его вновь потекла по старому руслу. Дни были заполнены любимой работой с перерывами зимой на короткие прогулки быстрым шагом, а летом на долгие часы плавания и отдыха. Вечерами он иногда ходил на концерты и часто виделся со знакомыми, преимущественно мужчинами из академических кругов; в этой компании он имел такое влияние, что невольно приносил в свои званые ужины легкую атмосферу классной комнаты. Его добрая щедрая душа просвечивала сквозь сдержанное достоинство, с которым он держался, и он стал тем всеми любимым лидером, которого мы помним со всеми его сияющими добродетелями и милыми маленькими причудами*. В 1918 году он женился на Лоре Фишер, доброта которой более десяти лет освещала его дом и служила поддержкой юнцам, приходившим в этот дом, чтобы засвидетельствовать свое почтение великому ученому с любовью и восхищением, граничащими со страхом.

Среди профессиональных занятий Тауссига особенно заметное место занимала в этот период его жизни редакторская работа в *Quarterly Journal of Economics*. Стоит немного подробнее рассказать о его работе в этом журнале, потому что друг для друга

* Мы упомянем также, что он получил почетные степени Северозападного университета (степень доктора литературы, 1920 г.), Мичиганского университета (степень доктора литературы, 1927), Боннского университета (степень кандидата наук, 1928), а также Кембриджского университета (степень доктора литературы, 1933). Последняя степень доставила ему больше всего удовольствия. Он отправился в Англию, чтобы ее получить, и наслаждался как всей поездкой, так и награждением, торжественность церемонии которого немного рассеивали шутки кембриджского оратора. В 1920 году он был избран президентом гарвардского отделения общества «Фи бета капша».

редактор и журнал значили очень много. С 1896 по 1936 год практически без перерывов, не считая двух лет, в течение которых Тауссиг оправлялся от нервного переутомления, он с неутомимым энтузиазмом посвящал себя прочтению рукописей, поиску статей, изобретению улучшений. Пока в 1929 году к нему не присоединился профессор А. И. Монро, он выполнял всю работу практически в одиночку, прибегая только к секретарской помощи. Его успех был потрясающим. При Тауссиге журнал функционировал на непревзойденном по высоте уровне и вносил огромный вклад в развитие экономической науки по всему миру.

Такой успех встречается редко. Строго говоря, трудно назвать другого главного редактора журнала по экономике, который достиг бы такого же высокого стандарта работы, как Тауссиг. Главные составляющие его успеха на редакторском поприще были также главными чертами его характера: широта взглядов и сила, столько счастливо сочетавшиеся друг с другом. Он руководил журналом твердой рукой и не позволял себя ограничивать никаким комитетами. Иногда он искал совета со стороны, но решение всегда принимал самостоятельно и независимо от услышанного. Люди, которые во всем полагаются на собственное мнение, часто бывают ограниченными и авторитарными, но он таким не был. Тауссиг знал, что такое качественно сделанная работа, и настаивал на том, чтобы вся работа выполнялась именно так. Но при этом для него было совершенно несущественно, нравились ли ему методы или выводы автора. Поражает, например, его отношение к математическим статьям. Он относился к математической экономической теории со скептицизмом, если не сказать с открытой неприязнью. Однако он охотно публиковал в журнале исследования Генри Л. Мура, а в последний год своей редакторской работы с радостью принял одно из наиболее

математизированных исследований, когда-либо написанных в области экономики. Но это еще не все. Тауссиг на удивление успешно справлялся с проблемой, которую представляют для редактора любого научного издания статьи на злободневные темы. Он хотел, разумеется, чтобы его журнал освещал актуальные проблемы. Но он предпочитал статьи о тех проблемах, которые можно было обсуждать в свете общих экономических принципов, и старался, чтобы публикуемые им статьи еще долго оставались так или иначе интересными читателю. В отношении обзорных статей он отдавал предпочтение рецензиям на тщательно отобранные книги, избегая тем самым еще одной трудности, которая подстерегает каждого редактора.

Требовательный редактор, который задает авторам собственные стандарты, вместо того чтобы довольствоваться чужими, стал образцом для подражания в своей профессии. Но все же, вспоминая жизнь Тауссига в эти годы, мы неизменно видим в нем прежде всего университетского преподавателя. Он вложил всю душу в работу, в которой ему не было равных. Да, другие экономисты не только сравнивались с ним в плане теоретических достижений, но и превосходили его, несмотря на то, что Тауссиг сформировал собственную школу мысли в области международной торговли, а его взгляды на экономику имели общепризнанное широкое влияние; однако ни в США, ни в какой-либо другой стране не было преподавателя, способного мастерством сравниться с Тауссигом. Давайте же опишем его уникальный метод работы.

Как мы уже убедились, Тауссиг вел самые разные предметы. Он также работал тьютором* и был пре-

* В 1925/1926 и 1931/1932 учебных годах Тауссиг проводил встречи с самыми достойными студентами, как правило,

красным лектором, заставляющим слушателей думать. Но всемирную славу принесло ему преподавание экономической теории, которому он посвятил себя с 1928 года, в частности его любимый курс «Экономика II» — курс, который сформировал умы многих американских ученых и был взят за образец во множестве американских колледжей и университетов. Во время занятий Тауссиг применял метод общей дискуссии. И этот метод, и отобранный им учебный материал были идеально приспособлены для преподавания экономической науки в том виде, в котором он ее застал и в каком помогал ее формировать.

Тауссиг одним из первых осознал, что экономическая теория как теоретическая часть любой другой науки — это не хранилище рецептов и не философия, но инструмент для анализа экономических событий реальной жизни. Поэтому задача преподавателя состоит в том, чтобы привить ученикам особый способ смотреть на факты; образ мышления, искусство формулировать вопросы, в контексте которых нужно рассматривать эти факты. Но научиться понимать инструмент недостаточно, ученик должен научиться им пользоваться. Чтобы этого добиться, Тауссиг использовал метод, который любовно называл сократическим. В конце каждого урока он начинал дискуссию на тему какой-то конкретной проблемы, с редким мастерством направляя ее так, чтобы она была интересной, и позволял своим студентам найти истину в споре, руководя процессом с той добродушной твердостью, в которой ему нет и не будет равных. Однажды, возвращаясь домой после занятий, он сказал другу: «Сегодня я не доволен своей работой. Я слишком много говорил сам».

по одной встрече с каждым. Издание «College Catalogue» упоминает его в списке тьюторов с 1927 по 1935 гг.

Отбирая материал для занятий, Тауссиг предпочитал держаться середины между доктринами прошлого и доктринами будущего. В его время та теория, которую обычно называют «классической экономической наукой» (взгляды и методы ведущих английских экономистов с 1776 по 1848 год), постепенно сдавала свои позиции. Однако, хотя Тауссиг и преподавал более современную теорию, преимущественно Маршаллову, он всегда держал классические начала науки в поле зрения. Опять же в его время складывались новые тенденции, которые сегодня привели к образованию нового типа экономической науки. За их развитием он следил осторожно, используя их ровно настолько, насколько ему казалось безопасным. Эта политика во многом способствовала потрясающему преподавательскому успеху Тауссига. Он избегал тонкостей, которые были бы интересны лишь немногим студентам, и в то же время решительно избегал очевидно устаревавшего материала.

Недостаточно было бы просто сказать, что студенты любили Тауссига и что он вел занятия с авторитетом мудрого и опытного человека. Тауссиг не просто пользовался любовью и авторитетом: он сумел внушить часть свойственных ему широты взглядов и чувства долга перед обществом всем, кто оказывался с ним рядом.

Плоды трудов последних пятнадцати лет жизни Тауссига можно разделить на три категории. Во-первых, мы замечаем, что большая часть почти шестидесяти публикаций, увидевших свет с 1920 по 1934 год, посвящена проблемам международной торговли. Многие посвящены результатам его работы с Комиссией по тарифам, а также проблемам военного и послевоенного периода — опыт государственной работы не только дал Тауссигу возможность применить и проверить свои взгляды на практике (эта проверка, кстати говоря, была куда более

успешной, чем принято считать у критиков «классической» доктрины), но и стимулировал прогресс его теории*. В 1920 году вышел том его избранных эссе: «Свободная торговля, тариф и взаимный обмен» («Free Trade, the Tariff and Reciprocity»)**; затем он навсегда простился с преподаванием международной торговли, хотя и не со своим интересом к этому предмету, опубликовав в 1927 году свой шедевр — «Международную торговлю» («International Trade»)**.*.

Этот трактат содержит несколько теоретических новшеств, которые мы не станем сейчас обсуждать подробно, но по большому счету он с непревзойденной ясностью и энергией суммирует всю работу Тауссига в области международной торговли и его взгляды на нее. Для того чтобы по заслугам оценить эту работу, необходимо для начала поговорить о том, что для современного теоретика в отношении этого трактата всегда оказывается камнем преткновения, — о проблеме инструментов исследования. Чистая теория международной торговли, без сомнения, находится в процессе радикальной реконструкции, который рано или поздно покончит с большинством инструментов, использованных Тауссигом. Он даже успешно употребил для прояснения некоторых базовых проблем количественную трудовую теорию ценности, которая не основывается ни на чем, кроме нескольких второстепенных гипотез крайне зыбкого характера. Это в глазах многих клеймит Тауссига как «клас-

* См., в частности, его важную статью: *Taussig F. W. International Trade Under Depreciated Paper. A Contribution to Theory // The Quarterly Journal of Economics. May 1917. Vol. 31. No. 3. P. 380–403.*

** Перевод на французский язык вышел в 1924 году.

*** Перевод на немецкий язык вышел в 1929 году, на японский — в 1930-м.

сика». Однако он никогда особо не интересовался подобными методами. Он применял свое научное видение, пользуясь любыми подручными инструментами, и если эти инструменты были рикардянскими, то Тауссиг в некотором отношении ушел далеко вперед своего времени — взять хотя бы его грандиозный план международного распределения сырьевых товаров. Ему удавалось с поразительным успехом решать практические проблемы, которые его по-настоящему интересовали. Критики должны изумляться скорее тому, на что способны устаревшие инструменты в руках мастера, а не тому, что мастер неохотно расставался с устаревшими инструментами.

Теория, впрочем, представляет собой только часть достижения Тауссига, причем даже не главную. Если мы закроем глаза на широкий кругозор Тауссига, его мудрость и проницательность в оценке политических последствий и ограничимся лишь его успехами в области чистой теории, нас невольно поразит, насколько его работа проникнута духом эконометрики и какой блестящий пример он подал в этом отношении своим многочисленным ученикам. За «теорией» следуют «факты», или, как он их называл, «проблемы подтверждения»; здесь вступает в свои права анализ временных рядов, пусть и не самый сложный. Однако Тауссиг идет куда дальше, чем обычный эконометрист. Он использует свой анализ как инструмент экономической истории, ведя нас тем самым в полное надежд будущее, в котором теоретическая безграмотность перестанет быть знаком отличия для историка экономики, а историческая безграмотность — знаком отличия для экономиста-теоретика.

Во-вторых, он установил очередную веху в экономической науке своей книгой «Происхождение лидеров американского бизнеса» («Origin of American Business Leaders»), опубликованной в 1932 году;

книга была написана в сотрудничестве с доктором С. С. Джослин. Выше уже отмечен растущий интерес Тауссига к тому, что мы назвали экономической социологией. Изначально его привлекало поведение или мотивация индивида. Затем он зашел с другой стороны. Он был одним из немногих экономистов, которые поняли, что метод, которым общество выбирает своих лидеров в бизнесе, который в структуре этого конкретного общества является такой же фундаментальной общественной функцией, какой в феодальном обществе была функция воина, — это одна из важнейших характеристик общества, решающая для его работы и судьбы. Он предпринял смелую и оригинальную попытку разобраться в этом вопросе, начав при помощи опросников собирать обширную информацию о том, какую роль играет в американской промышленности независимый бизнесмен или его наследник. Мы можем думать что угодно о достоинствах тех методов, которые Тауссиг использовал для выведения заключений из собранного материала, но факт остается фактом: это исследование было первопроходческим и гениальным.

В-третьих, необходимо упомянуть три статьи, написанные Тауссигом по итогам его семинара по экономической теории. Первая, «Дополнение к исследованию кривых издержек» (*Contribution to the Study of Cost Curves // The Quarterly Journal of Economics*. 1923. Vol. 38. No. 1. P. 173–176), заслуживает упоминания благодаря той важности, которую недавно приобрела ее тема. Статья была результатом работы, выполненной Тауссигом в Комиссии по тарифам, и представляла читателю теорию «кривой уровня издержек, характеризующего производство основной массы продукции». Конечно, эта конкретная теория успешной не была, но она стала примером для других исследователей. Вторая статья, «Предопределена ли ры-

ночная цена?» (Is Market Price Determinate? // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 35. No. 3. P. 394–411), также побудила многих ученых к размышлениям. Насколько мы знаем, Тауссиг был первым, кто признал, что экономическая теория, если она когда-либо будет осмыслена в количественном ключе, рано или поздно должна будет начать работать с интервалами, а не с точками, с зонами конечной ширины, а не с функциями в обычном понимании. Это направление исследований пока никем не разрабатывается по той простой причине, что для его разработки потребовался бы совершенно новый метод. Однако наступит время, когда «пенумбра», полутень Тауссига (его собственный, очень удачный термин), получит свое.

Увы, не за горами был тот день, когда «неминуемое» — как называл его сам Тауссиг — влияние возраста начало отбрасывать тень на его деятельность. Начиная с 1932 года у него не вышло ни одной значимой работы. На занятиях со студентами он по-прежнему был вне конкуренции, но постепенно Тауссиг начинал замечать, что теряет хватку. Для человека его склада характера, жизнью которого была работа, это, должно быть, был серьезный удар. Но он без колебаний покинул пост заведующего кафедрой в 1935 году, а затем свое редакторское кресло в журнале в 1936-м*. Впоследствии он писал о своей отставке: «Мои коллеги и друзья сказали, что сожалеют о моем решении, и их добрые слова дали мне надежду, что я успешно исполнил свое давнее намерение — уйти в отставку, пока люди еще могут хоть

* Ему был присвоено звание почетного профессора кафедры имени Генри Ли. Он был избран президентом Ассоциации гарвардских выпускников в 1936–1937 году. В день его семидесятилетия друзья и ученики подарили ему сборник эссе под названием «Экономические исследования» (*Explorations in Economics*, 1936).

с какой-то искренностью сказать „какая жалость“, не дожидаясь момента, когда они с той же искренностью смогут сказать „давно пора“».

К счастью, Тауссиг сумел найти себе занятие по сердцу, которое заполнило пустоту, образовавшуюся в его жизни после ухода с работы, особенно из журнала. Он уже давно беспокоился о своих «Принципах экономической науки». Изменения, которые он вносил в книгу для третьего издания (1921), делались второпях, и он был недоволен результатом. «Ввиду тех огромных экономических и общественных изменений, произошедших с 1914 года, мы больше не можем по-старому подходить практически ни к какому вопросу»*. Так что все остававшиеся у него силы Тауссиг бросил на то, чтобы отредактировать и частично переписать «Принципы», полностью переработать книгу третью (деньги и банковская деятельность) и пятую (распределение благ). Заручившись помощью способных сотрудников, он успешно справился с последней редакцией и в марте 1939 года написал к ней вводное слово. Общая схема книги, видение экономического процесса и подход автора не изменились. Не изменилось и основание теоретической структуры.

Решение не менять структуру было мудрым. Вклад Тауссига в экономическую теорию занимает историческое место в нашей науке. Это место он никогда не покинет. Было бы неправильно сглаживать яркие черты его теории невнятным эклектизмом. Эти черты особенно впечатляют нас своей яркостью, если посмотреть на них в свете эволюции американской экономической науки. Вначале в Соединенных Штатах были мастера практической мудрости — Гамильтон и остальные, но, что вполне естественно в ситуации, когда у людей было полно

* Из предисловия к четвертому изданию.

других дел, кроме философии, национальная экономическая мысль особо не процветала. Экономисты делились на приверженцев протекционизма и Адама Смита, вроде Дэниела Реймонда, и оригинальных, но слабо дисциплинированных мыслителей вроде Генри Кэри. Примерно после окончания гражданской войны американская экономическая мысль начала прогрессировать, вначале медленно, а затем все быстрее. Тауссиг необыкновенно много сделал для этого прогресса. Но в годы своего становления Тауссигу, как и всем экономистам, всерьез интересовавшимся теорией, вначале пришлось усвоить уроки англичан в той форме, которую придал им Милль. Как и Маршалл, базовые элементы теории Тауссиг взял у Милля. Однако внимательный читатель не может, изучая Милля, не заметить, насколько его труды вдохновлены великой фигурой Рикардо. Родство духа побудило Тауссига принять принципы Рикардо, но он принял их не как пассивный имитатор, а как деятельный союзник. Он, должно быть, столкнулся с теми же сложностями, с которыми сталкивались все, кто использовал теоретический аппарат Рикардо, в частности Маркс. Продираясь сквозь знаменитую четвертую часть первой главы Рикардо, Тауссиг открыл для себя труды Бём-Баверка, и они, без сомнения, помогли ему разработать теорию капитала, бывшую одновременно и теорией заработной платы. Как и Маршалл, шедший иной, но по сути параллельной дорогой, он безо всякой симпатии относился к анализу полезности. Однако ему несложно было развить свою теорию заработной платы до той степени, которую предполагает фраза «дисконтированная предельная производительность труда». После достижения им этой стадии родство между английским и американским Маршаллами становится очевидным. Оба преуспели в создании аналитического аппарата, классического в том смысле, в котором

этот термин применяют к теоретической физике 1890-х годов, — в том смысле, который подразумевает красоту и простоту схем, но также и техническую ограниченность. Оба они заставили этот аппарат служить как осмыслению истории, так и решению горящих вопросов своего времени. Оба заслуженно уважали друг друга и ни в чем друг другу не уступали.

После того как новое издание «Принципов» было завершено, в жизни Тауссига появилась пустота, которую он постоянно стремился и не мог заполнить. Он был не способен отдыхать в праздности. Он до конца чувствовал, что еще многое должен сделать, и был прав. Его последнее слово было бы бесценным. Однако чем дальше, тем меньше он мог работать, и из его непрестанных усилий не вышло ничего, кроме рассказа о жизни его отца, который мы цитировали в начале статьи. Тауссиг был одним из тех людей, которые умирают на работе и для кого слова «ныне отпускаеши» (*nunc dimittis*) звучат бессмысленно.

До самого конца жизни Тауссиг на удивление мало страдал от тех неудобств, которые приносит старость. Он сохранил прекрасное зрение, прекрасный слух, возраст не повлиял на его способность ходить и плавать. Его не заботили никакие личные проблемы, он был счастлив в кругу своей семьи, которая в последний раз собралась вокруг него в Котуите летом 1940 года. В обычное время, в начале учебного года, Тауссиг вернулся в Кембридж. Там с ним произошел припадок, после которого он более недели оставался без сознания. Так и не придя в себя, он умер мирно и безболезненно 11 ноября 1940 года.

Глава 8
Ирвинг Фишер
(1867–1947)*

Эконометрика Ирвинга Фишера

I

Великий американец, покинувший нас, был гораздо больше чем экономистом. Но то обширное царство, в котором он был властелином, и интеллектуальный климат той эпохи, которая воспитала его мысль, уже были прекрасно исследованы в журнале *Econometrica*** , так что я ограничусь рассказом о научных достижениях Фишера в области экономики. Это ограничивает тему моего эссе, но не принижает ее — по крайней мере, если это случится, то лишь по моей собственной вине. Ибо кем бы Фишер ни был на протяжении жизни — социальным философом, инженером в области экономики, страстным крестоносцем в отношении вопросов, которые он считал важными для благосостояния человечества, учителем, изобретателем, бизнесменом, — я все же отважусь предсказать, что в истории его имя запомнится прежде

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. Irving Fisher's Econometrics // Econometrica*. July 1948. Vol. 16. No. 3. P. 221–226.

** См.: *Sasuly M. Irving Fisher and Social Science // Econometrica*. October 1947. Vol. 15. No. 4. P. 255–278. Прочие отзывы о Фишере и подробности его карьеры читатель найдет в «Воспоминаниях» Р. Б. Уэстерфилда и П. Х. Дугласа в журнале: *Westerfield R. B. Memorial: Irving Fisher // American Economic Review*. September 1947. Vol. 37. P. 656–661; *Douglas P. H. Memorial: Irving Fisher // American Economic Review*. September 1947. Vol. 37. P. 661–663.

всего как имя одного из величайших экономистов-теоретиков своей страны.

Я еще больше ограничу свою задачу. Макс Сасули, близко сотрудничавший с Фишером, подробно и четко рассказал о его работе в области статистики, подчеркнув, в частности, историческое значение книги «Построение индексов» («The Making of Index Numbers»), а также наиболее оригинального вклада Фишера в теорию статистического метода, распределенного лага. Я не стану повторять то, о чем уже написал Сасули. В моем эссе речь пойдет только об экономисте-теоретике, но не о статистике. Однако статистика невозможно полностью исключить даже из той области деятельности Фишера, которую я собираюсь осветить. Фишер неизменно пытался построить теорию, которая была бы статистически функциональна, иными словами, он стремился не только к количественным, но и к числовым результатам. В целом его работа идеально соответствует программе «продвижения экономической теории в область статистики и математики» и «унификации теоретически-количественного и эмпирически-количественного подходов»*. Учитывая, когда вышла его первая книга, мы должны считать Фишера важнейшим из первопроходцев эконометрики со времен Уильяма Петти. Именно так я ответил бы, если бы меня попросили в одной фразе изложить причины, по которым я, не колеблясь, называю достижения Фишера великими. Большая часть этих достижений кроется под обложками шести книг: «Математические исследования теории ценности и цен» («Mathematical Investigations»), «Повышение ценности и процент» («Appreciation and Interest»), «Природа капитала и дохода» («Capital and Income»), «Теория процен-

* Раздел 2 Устава Эконометрического общества.

та» («The Theory of Interest»), «Покупательная сила денег» («The Purchasing Power of Money») и «Подъемы и кризисы» («Booms and Depressions»)*.

II

Я уверен, что Рагнар Фриш удивил своих слушателей, когда на банкете Американской статистической ассоциации, организованном в честь Ирвинга Фишера, назвал «Математические исследования» работой «монументального значения»**.

Хотя переиздание книги в 1926 году и прочие обстоятельства не дали этой работе исчезнуть из списка великих достижений, основная масса экономистов так и не отдала ей должное. Даже компетентные теоретики обыкновенно считают, что основная заслуга Фишера в том, что еще в 1892-м он разработал крат-

* «Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices» (диссертация 1892 г., переизданная в 1926 г.); «Appreciation and Interest» (Publications of the American Economic Association. Third Series. 1896. Vol. XI. No. 4); «The Nature of Capital and Income», 1906; «The Rate of Interest», 1907, в настоящем эссе речь идет о более поздней версии этой книги: «The Theory of Interest», 1930; «The Purchasing Power of Money», 1911 (revised ed., with H. G. Brown, 1913); «Booms and Depressions», 1932. В эссе не рассказывается о книгах Фишера для широкой аудитории (в частности, об «Иллюзии денег» («The Money Illusion», 1928); «Стабильные деньги» («Stable Money», 1934) и «Стопроцентные деньги» («100 Percent Money», 1935); не рассказывается в нем и о таких шедеврах педагогического мастерства, как «Краткое введение в анализ бесконечно малых величин» («Brief Introduction to the Infinitesimal Calculus») и «Элементарные принципы экономической науки» («Elementary Principles of Economics»). Однако некоторые из множества его работ все же будут здесь упомянуты.

** См.: *Frisch R. Irving Fisher at eighty* // *Econometrica*. April 1947. Vol. 15. P. 72.

кую и изящную версию Вальрасовой теории ценности и цены и проиллюстрировал ее при помощи изобретательных механических моделей. Необходимо поэтому напомнить читателю, в чем на самом деле состоял главный вклад книги в экономическую науку.

Прежде чем пытаться определить этот вклад, мы должны выполнить еще одну задачу: отдать должное Фишеру как человеку. Чтобы сделать это, нам придется выйти за рамки тех областей его работы, которые были объективно новаторскими, и отметить отдельно все то, что было в ней субъективно новаторским, то есть все то, что Фишер открыл самостоятельно, не подозревая о существовании других, более ранних трудов по той же теме. Мы поступаем так и с другими учеными, например, с Рикардо или Маршаллом, и только таким путем можем надеяться по-настоящему оценить интеллектуальный ранг некоторых величайших фигур нашей науки.

Посмотрев под этим углом на «Математические исследования» Фишера, мы обнаружим, что традиционная оценка этой работы неадекватна. В истории аналитической экономики с уравнениями общего равновесия должно ассоциироваться только одно имя: Вальрас. Но для нашей цели уместно будет вспомнить заявление Фишера о том (см. предисловие 1892 года), что он открыл уравнения, содержащиеся в десятом параграфе четвертой главы (которые не охватывают всю систему Вальраса, но вполне охватывают ее основание), в 1890-м, когда он «еще не читал никаких математических экономистов, кроме Джевонса».

Более того, только «через три дня после того, как часть II была завершена», Фишер «получил и впервые увидел „Математическую психологию“ профессора Эджуорта», и хотя кривые безразличия, направления предпочтений и прочее мы справедливо связываем с именем Эджуорта и никого другого,

мы имеем полное право вспомнить это утверждение Фишера для того, чтобы сформировать понятие об умственных способностях нашего покойного друга. Он отталкивался от трудов Джевонса, Аушпица и Либена, он опирался на них. Но субъективно он сделал куда больше, чем просто переформулировал, упростил и проиллюстрировал теорию Вальраса.

Зато никто не оспаривает права Фишера на его достижения в области, которую я за отсутствием лучшего термина назову теорией полезности, если только читатель не позволит мне употребить мой собственный термин — теория экономического потенциала. Мне необыкновенно сложно выразить то, что я хочу сказать об этом его достижении, и не только из-за нехватки места. Сегодняшнее состояние этой области науки не позволяет мне сформулировать свои мысли так, чтобы не быть неверно понятым. Прежде всего достижение Фишера было любопытно двуликим. Давайте рассмотрим два его лика по отдельности.

Один лик напоминает нам о Парето. За восемь (как минимум) лет до того, как Парето отрекся от понимания полезности как психического явления (а также величины), Фишер во второй части «Математических исследований» предвосхитил тот ход рассуждения, который после Парето развивали Бароне, Джонсон, Слуцкий, Ален и Хикс, Джорджеску и, наконец, Самуэльсон. И финальная полезность Джевонса, и множества безразличия Эджуорта покоились на исчислении удовольствий и страдания Бентама (или Беккарии), и Эджуорт всеми силами старался не просто выразить свое почтение утилитаризму, но и подчеркнуть преемственность, указав на «едва заметное возрастание удовольствия». Фишер писал в предисловии, что «полезность должна иметь определение, которое свяжет ее с позитивными или объективными то-

варными отношениями». Но во второй части книги он пошел еще дальше. Исследовав то направление, которое открывается, как только полезность каждого товара начинает пониматься как функция количеств всех товаров, он получил результаты (не полностью изложенные в § 8 главы IV), которые навели его на мысль вообще отказаться от любого вида полезности: оставшееся после исключения полезности понятие не имеет никакой психологической коннотации и содержит зачатки всех составных частей аппарата, который зародился благодаря Парето. Хотя Фишер и не пользовался этим термином, он был предком теории логики выбора. На страницах его книги есть даже мелкие подробности этой системы, такие, как вопрос интегрируемости, которым суждено было впоследствии породить немало дискуссий.

Но есть и другой лик, и он напоминает нам о Фрише. Перед тем как пойти по пути, логическим концом которого является Самуэльсонов постулат соответствия (*consistency*), и начать доказывать, что полезность — это неприемлемое и ненужное понятие, Фишер с непревзойденной простотой и блистательностью дополнил теорию измерения этого несуществующего и ненужного явления, определив единицы его измерения («ютили») при условии, что полезность любого или хотя бы одного товара зависит от его количества и не зависит от количества других товаров*. Возможно, это условие неприемлемо. Не-

* Читателю известно, что Фишер рассказал об этом в своем непревзойденном педагогическом шедевре — исследовании «Измерение предельной полезности» (*Fisher I. A Statistical Method for Measuring Marginal Utility // Economic Essays in Honor of J. V. Clark. New York: Macmillan, 1927. P. 157–193*). Метод самих измерений, возможно, статистически неудовлетворителен. Но он идеально иллюстрирует идею Фишера, и не только это: он показывает возможность ослабления условия независимости, возмож-

достатки метода Фишера, возможно, столь же многочисленны, как недостатки лучшего из кораблей Колумба по сравнению с современным лайнером. Однако же этот метод был одним из величайших достижений зарождающейся эконометрики. Я надеюсь, что читатели журнала *Econometrica* знакомы с теми исследованиями, которые связаны с именем Фриша. Но мне не дает покоя другой вопрос: как получилось, что человек, написавший вторую часть «Математических исследований», счел измерение предельной полезности достойной целью для эконометрического исследования? Неужели он выставил это понятие через дверь — а именно это он и сделал в вышеупомянутой второй части — только для того, чтобы впустить его обратно через окно? Ответ, похоже, таков*. На самом деле Фишер выставил психологическую полезность из своей системы на-

ность, которую развивал также Абрахам Вальд (*Wald A. The Approximate Determination of Indifference Surfaces by Means of Engel Curves // Econometrica. April 1940. Vol. 8. P. 97–116*). О связи между известной книгой Фриша и работой Фишера см. предисловие Фриша к: *Frisch R. New Methods of Measuring Marginal Utility. Tu bingen: Mohr, 1932*.

* Часть его кроется в аксиоматике Фриша (*Frisch R. Sur un problème d'économie pure // Norsk Matematisk Forenings Skrifter. Oslo. Series 1. No. 16. P. 1–40*), которая значительно глубже и шире, чем труды Фишера. Любопытно, однако, что ни Фишер, ни Фриш не стали развивать тему, в которой оба явно были заинтересованы. Фишер, в частности, учитывая его склонность к механическим аналогиям, вполне мог бы ухватить, пусть и в порядке эксперимента, суть проблем, порождаемых тем фактом, что отношения, предусмотренные любой удовлетворительной теорией полезности, будут не только неголономными (будут содержать уравнения, включающие дифференциалы товарных координат, которые не обязательно будут интегрируемыми, — это Фишер подчеркнул первым), но и непременно реономными (будут содержать переменную времени в явном виде).

всегда — еще в первой части книги — и так и не впустил ее обратно, хотя так же, как и Парето, он осознал, что проблема измерения полезности существует также и в рамках логики выбора, или, другими словами, что кардинальная полезность и психологическая полезность не так близко связаны, как до сих пор считает большинство экономистов. Мы можем желать измерить температуру воздуха без того, чтобы желать — или иметь возможность — испытать чувство жары или холода. Я в курсе того, что сейчас сама эта идея считается сомнительной и никто ею не интересуется. Но она еще покажет себя.

III

Вальрасова система содержит уравнения поведения (или максимизирующие), которые воплощают теоремы логики выбора. Выбор в этой системе делается с учетом ограничений, одна часть которых входит в уравнения поведения, а другая — в уравнения баланса. Эта система имеет весьма общий характер и допускает разные интерпретации, иными словами, порождает разные «теории» в зависимости от того, как мы концептуализируем те явления, которые она моделирует. Чтобы придать ей уникальное значение*, в нее нужно добавить не-

* Эта уникальность значения не имеет, конечно, ничего общего с уникальностью набора ценностей, который ей удовлетворяет, то есть с вопросом о том, уникально ли детерминирована та система, которая в последнее время привлекла к себе так много внимания. Теоретики поколения Фишера, как и сам он, довольно легкомысленно относились к этому вопросу. Еще меньше, чем вопрос существования уникального набора решений, их волновал вопрос о том, существует ли в системе тенденция развития по направлению к такому набору в случае его существования.

что, что в строгом логическом понимании является лишь семантическим кодом, но для экономиста содержит всю структуру экономической вселенной, которую он должен анализировать, и предсказывает многие будущие результаты этого анализа. Но понятия подразумевают отношения, и так как теория настолько, насколько она состоит из разработки рациональных схем, является в большой степени теорией экономического расчета, мы можем не говорить, что Вальрасова система заключает в себе решение проблемы концептуализации, но должны сказать, что она заключает в себе схему экономического учета. Мы знаем из прежнего и недавнего опыта, что эта концептуализация, или схема отчетности, строится вокруг понятий величины капитала и дохода. Вот почему Вальрас включил в свои «Элементы чистой политической экономики» несколько параграфов, которые можно было бы озаглавить «Элементарные принципы учета». По этой же причине Ирвинг Фишер добавил в «Исследования» том «Природа капитала и дохода». Насколько мне известно, этот том не получил широкого признания. Большинство людей увидели в нем лишь продолжение давней дискуссии о тех двух понятиях, от которых они по праву уже устали. Однако некоторые экономисты, в числе которых был и Парето, восхищались этой работой*.

Во-первых, Фишер успешно выполнил давнюю задачу. Я не знаю, впечатляет ли других так же сильно, как меня, тот исторический факт, что экономисты привычно игнорируют наиболее очевидный ход рассуждений. Судьба трактата Даниила Бернулли служит тому доказательством. Другим доказательством служит то, что экономисты не объеди-

* Я не знаю, излагал ли Парето свое восхищение этой книгой на бумаге, но он точно делал это в устных беседах.

няют усилий с инженерами. Но самый лучший пример — это то, что экономисты XIX века проигнорировали современную им практику отчетности и страхования, а следовательно, не попытались ее рационализировать с позиции экономической теории. Все попытки это сделать были предприняты относительно недавно и наиболее значимые из них следуют примеру Фишера, хотя наверняка неосознанно. Ответная реакция бухгалтеров была только отчасти благосклонной; положительным был, например, отзыв профессора Кэннинга. Остальные раскритиковали книгу. Но ничего. Главное то, что Фишер сделал первый шаг.

Во-вторых, достижения Фишера в этой области можно сравнить с его достижениями в области теории индексов. Когда он занялся этой теорией, прошло уже около полутора веков со времен Карли и почти два — со времен Флитвуда. Ей было посвящено огромное количество трудов. Вклад Фишера был, с одной стороны, систематизацией, а с другой — рационализацией, то есть созданием ряда критериев, которым должны были удовлетворять индексы. Так же он подошел и к вопросам капитала и дохода. Исходя из тех целей, которым должны были в реальности служить эти понятия, он рационально разработал набор определений понятий богатства, собственности, услуг, капитала и дохода — этот набор был новым благодаря хотя бы тому достоинству, что укладывался в рациональную схему. Результат не всем пришелся по душе. Здесь Фишер вновь опирается на принятую практику, которая, среди прочего, привела к сегодняшнему упору на различие между запасами и потоками. Из нее также следует определение: производственный доход = реализованный доход за вычетом амортизации. Если понимать каждый из использованных терминов в Фишеровом значении, это определение связано с утверждением, что сбережения не явля-

ются достойным объектом для обложения доходом на прибыль, то есть что обложение доходом сбережений означает двойное налогообложение*.

В-третьих, эта работа освободила пространство для развития теории процента. Конечно, для этого использовался принцип Бём-Баверка, или, если угодно, Джевонса. Но достаточно пронаблюдать за дисконтными процессами, принятыми в деловой практике, и аналитически очистить их, чтобы прийти к пониманию связи между величиной капитала и величиной дохода, разработанного в этой

* Мы не станем ожидать, что концептуальная система, результат которой был столь непопулярен, оказалась востребованной экономистами. Тем важнее подчеркнуть, что Фишер был убедителен в своих доказательствах (см., в частности, главу XIV, § 10). Непопулярный результат, впрочем, неизбежен, если мы принимаем понятие нематериального дохода (идея и разработка условий которого принадлежат Ф. А. Феттеру), так что Фишер в конечном итоге выиграл споры по этому вопросу благодаря своей безупречной логике. Но для меня загадка, как он мог верить (а он, очевидно, верил), что эта логика способна убедить в его правоте того, кто хочет, чтобы сбережения облагались налогом, или может понадобиться тому, кто этого не хочет. Взгляды на налогообложение — это идеологическая рационализация чьих-то интересов или недовольства. Даже будь это иначе, мы все равно должны были бы решать вопрос об обложении налогом сбережений в зависимости от соображений (таких, как целительный эффект обложения налогом сбережений во время депрессии или целительный эффект освобождения их от налогов во время периода инфляции) иных, чем логические выводы из определения. Я упоминаю об этом, потому что вера в разум — даже в формальную логику — была вообще очень типична для этого современного Парсифаля. Склад его ума в сочетании с привычкой принимать за чистую монету лозунги, программы, политику и институты (такие как Лига наций), возможно, делали его плохим советчиком в вопросах внутренних или международных дел. Но благодаря этим чертам он был даже милее, чем был бы более искушенный Фишер.

книге. Эта связь, в свою очередь, предполагает, что процент — это не доход, приносимый определенным классом средств производства, но результат этого процесса дисконтирования, который применим как логический принцип ко всему. Тот факт, например, что «ренту с земли» не нужно рассматривать в одной системе координат с «процентом с капитала», был отмечен, хотя и не описан так подробно Маршаллом, чье понятие квазиренты указывает на развитие его мысли в этом направлении. Об этом однозначно писал Феттер, но Фишер, развив его теорию, довел все выводы до конца и построил на их основании собственную систему.

IV

Как «Природа капитала и дохода» была в некотором смысле дополнительным томом «Исследований», так «Процентная ставка» (1907) была результатом обеих этих книг, а также, конечно, книги «Повышение ценности и процент». В своей более поздней редакции, к которой относятся все нижеследующие комментарии*, опубликованной под названием «Теория процента» (1930), книга является замечательным произведением, лучшим в своем роде из того, что было написано в экономической литературе о проценте**. Во-первых, эта

* Я не хочу сказать, что более ранней версией можно пренебречь. набросок истории теории повышения стоимости и процента, приведенный в приложении к главе V «Ставки процента», а также приложение к третьему разделу этой главы в более позднюю версию не вошли.

** Читатель поймет меня, если в этом разделе я буду говорить с позиции того хода мышления, который нашел свое лучшее выражение в шедевре Фишера, и воздержусь от тех возражений, которые я сам мог бы против него привести. В обмен на это, я надеюсь, читатель окажет мне

книга — педагогический шедевр. Она лучше всех известных мне книг показывает, как можно удовлетворить требования и специалистов, и широкого круга читателей, не изгоняя при этом математику в сноски и приложения, и как провести неискушенного читателя от прочно заложенных основ до наиболее важных выводов, используя разумное изложение и доходчивые иллюстрации. Во-вторых, в некоторых своих частях эта работа является откровенно эконометрической. Это сильно отличает ее от всех остальных книг по теории процента. В-третьих, и это главное, книга содержит почти полную теорию капиталистического процесса как единого целого и показывает все виды взаимной зависимости, которые существуют между ставкой процента и остальными элементами экономической системы. При этом взаимодействие этих бесчисленных факторов четко выстроено вокруг двух центров: нетерпения (дисконтирование во времени) и инвестиционных возможностей (предельная норма дохода относительно издержек)*. Эта

услугу и не сочтет то, что я написал, отречением от всего остального, что я написал на эту тему.

* Лорд Кейнс со всей очевидностью заявил, что Фишер «применяет свое понятие нормы дохода относительно издержек в том же смысле и для таких же точно целей, как я — понятие предельной эффективности капитала». Я думаю, что это утверждение заслуживает внимания, несмотря на протесты некоторых последователей Кейнса. Куда важнее то, что сам Кейнс принимал (см. там же, с. 165–166) фактор дисконтирования во времени, то есть всю теорию Фишера. Дисконтирование во времени он ассоциировал со своим собственным понятием склонности к сбережениям (и, соответственно, склонности к потреблению) примерно таким же образом, как свою предельную эффективность капитала он ассоциировал с Фишеровой предельной нормой дохода относительно издержек. Только в качестве поправки, на основании того, что «невозможно вывести норму процента

книга посвящена памяти Джона Рэ и Ойгена фон Бём-Баверка, заложивших основание, на котором я отважился вести строительство. Замечено верно. Но не каждый стал бы говорить об этом. Не каждый заявил бы о том, что основы теории не принадлежат ему. Давайте остановимся, чтобы отдать должное характеру Фишера, а заодно оригинальности той структуры, которую он возвел на этих основах.

Ядро книги — это ее третья часть, которая с восхитительной точностью выполняет программу, заложенную предпосылкой о том, что теория процента на самом деле идентична теории «ценности и распределения» и что процент — это не отдельная ветвь дохода, существующая в дополнение к заработной плате, ренте и прибыли, но лишь аспект всех потоков дохода. Во второй части рассказывается о том же самом, но для читателя, неискушенного в математике. В первой части аргументация связана с понятийным аппаратом, разработанным в «Природе капитала и дохода». Четвертая часть служит хранилищем для всех тех препятствий, которые мешали бы войскам Фишера маршировать, и содержит, среди прочего, главу XV, которая суммирует основную аргументацию книги, полную оригинальных идей, главу XVI «Отношение открытий и изобретений к норме процента», в которой Фишер

на основании знания лишь этих двух факторов» (в краткосрочной перспективе?), он ввел дополнительное понятие предпочтения ликвидности. Само по себе это изменение не было особо значимым. Однако его значимость росла по мере того, как Кейнс и его последователи все большее внимание стали уделять фактору предпочтения ликвидности. Постепенно он начал использоваться для того, чтобы сделать норму процента функцией количества денег, — Фишер никогда не принимал такой позиции. Одной из причин такого различия было то, что модель Фишера не предусматривала частичной безработицы.

выступает новатором, и главу XIX, в которой изложен результат не менее оригинальной статистической работы*. Отборные зерна, среди которых совсем немного плевел**. Фишеров анализ процента является, по сути, анализом дохода в том смысле, что принцип выбора между альтернативно доступными потоками дохода служит осью, вокруг которой должен вращаться экономический анализ в целом. Этот анализ дохода изложен в основном в реальных терминах и подходит к денежному элементу как средству смещения денежных поступлений во времени, а не в аспекте ликвидных активов. Однако любой, кто пожелает, может добавить в него этот аспект и использовать труды Фишера как основу для своих исследований. Этим, однако, мало кто занимался.

V

Всеобъемлющая система экономической теории была частично разработана и частично намечена Фишером в «Норме процента». В частности, в этой книге прозвучали все основные составляющие теории денег. Однако, как и многие создатели систем,

* Эта работа сохраняет свое значение первопродходческой независимо от того, что мы думаем об использованных в ней методах в свете дальнейшего развития статистической теории. Более того, в ней содержатся предположения о создании динамических моделей (см. далее, раздел VI), не все из которых были разработаны и сегодня.

** Критику учения Бём-Баверка о «техническом превосходстве современных товаров» в § 6 главы XX придется, я боюсь, отнести к плевелам. Ко времени ее написания должно уже было быть понятно, что в отношении основ между Бём-Баверком и Фишером не было настоящих разногласий. Однако другие критические замечания, например, критика понимания ожидания как издержки, являются блестящими рассуждениями.

Фишер чувствовал желание подходить к проблеме денег со всей той торжественностью, которой требует ее центральное положение. Так он и поступил в «Покупательной силе денег». Опять же давайте обратим внимание на историческое значение этой работы: она была очередным первопроходческим шагом Фишера в области эконометрики. В ней появились его ранние разработки по теме индексов цен. В ней появился его индекс объема торговли и другие творения, тогда бывшие новаторскими, среди которых был его изобретательный метод оценки скорости обращения денег*. В ней же Фишер попытался статистически верифицировать результаты**. Все эти исследования являются классикой ранней эконометрики. Однако по-настоящему важен тот факт, что вся аргументация книги завязана на критерий статистической состоятельности и что в ней нет ни одного понятия или предположения, которое нельзя было бы статистически проверить. Фишер в очередной раз поднял свой флаг на мачту эконометрики.

Не так просто показать, что эта книга является важнейшим связующим звеном между более старыми и сегодняшними теориями денег. По своей привычке Фишер не претендовал на оригинальность. Книга посвящается Ньюкомбу; у нее есть и другие предшественники, имена которых несложно назвать. Однако ее центральные главы — IV, V и VI — представляют собой куда больше, чем синтез.

* Первый труд Фишера на эту тему, корни которого находятся еще в работах Петти и который вновь начал разрабатывать Кеммерер, вышел в декабре 1909 года в журнале *Journal of the Royal Statistical Society*. За ним последовала работа Кинли, во многом вдохновленная Фишером.

** Фишер затем опубликовал прогнозы относительно элементов, входящих в уравнения обмена, на несколько лет вперед.

Фишер без тени сомнения принял то, что тогда еще было новой теорией банковского кредита. Он приписал центральную роль в кредитном цикле отставанию ставки процента от других переменных. Он открыто признал изменчивый характер скорости обращения денег — вспомним, что постулат о ее постоянстве считался и иногда даже сейчас продолжает считаться основной характеристикой и основным изъяном «старых» теорий денег. Кроме того, он должным образом учел целый набор факторов (некоторые из них он объединил под названием «условия производства и потребления»), которые помогают определить покупательную силу. Все эти достижения не обеспечивают полной интеграции теории денег ни с теорией цен и распределительных долей, ни с теорией занятости. Но они представляют собой мостик между деньгами и занятостью.

Если это так, то почему ни друзья, ни враги «Покупательной силы денег» не увидели в ней ничего, кроме подкрепленного статистическими примерами очередного изложения старейшей количественной теории денег, то есть памятника устаревшей теории, которой суждено было вскоре устареть окончательно? Ответ прост: потому что именно так отзывался об этой книге Фишер как в предисловии к ней, так и на протяжении всего повествования. Но и это еще не все. Он приложил все усилия, чтобы прийти к количественной теории, а именно чтобы хотя бы «один из нормальных эффектов» увеличения количества денег приводил к «ровно пропорциональному увеличению в общем уровне цен». Ради этой теоремы он проигнорировал тот известный ему факт, что вариации в количестве денег могут («временно») повлиять на скорость обращения, и строил свои рассуждения на основании гипотезы о том, что скорость обращения — это институциональная константа. По той же причине он утверждал, что количество депозитов имеет тенденцию варьировать

пропорционально количеству денежных резервов. Все то богатство факторов, влияющих на денежный процесс, было отправлено — в качестве «косвенных» факторов влияния — на задний план. На переднем же остались пять факторов (количество резервов и депозитов, скорости их обращения и объем торговли), которые Фишер счел «прямыми факторами воздействия» на уровень цен, ставший, таким образом, зависимой переменной в знаменитом уравнении обмена. Именно эту теорию Фишер развивал, бесконечно иллюстрируя богатейшими примерами, а все свои по-настоящему ценные идеи безжалостно отправил в главы IV, V, VI и полупрезрительно классифицировал их как нарушения, случающиеся в «переходные периоды», когда количественная теория денег не является «строго верной» (см. гл. VIII, § 3). Чтобы понять суть достижений Фишера, нужно сначала пробить фасад возведенного им здания, который один имел значение для него, его поклонников и оппонентов, на который он не жалел труда.

Но для чего Фишер так испортил свой труд? Его собственная верификация, хотя и объявленная удачной, не выдерживает наиболее негибких из его формулировок (см., например, к какому результату он пришел в отношении 1896–1909 годов). С ними вступают в противоречие некоторые из его собственных аргументов, изложенных в «Теории процента» и в его работах об экономическом цикле. Мы не можем даже утверждать, что значительную часть Фишеровой, как и любой другой количественной теории, можно спасти, если интерпретировать ее исключительно как предположение о равновесии*, верное для некой разновидности Маршаллова дол-

* Справедливости ради мы не должны забывать, что большая часть современных возражений по поводу этой теории выросла из тех явлений, которые Фишер отнес к типичным для переходных периодов. Если принять

госрочного равновесия. Потому что, как продемонстрировал сам Фишер, к этому равновесию не приводит тот механизм, который можно полностью объяснить в терминах его пяти факторов. Его можно только суммировать, но нельзя «каузально объяснить». Более того, он применял уравнение обмена к одному году за другим, а значит, к условиям, которые были весьма далеки от состояния равновесия. Я невольно думаю, что в этом случае крестоносец повел ученого неверной дорогой. Фишер возлагал большие надежды на компенсированный доллар. В нем кипела кровь реформатора. Ему нужен был простой план стабилизации покупательной силы — такой же простой, как его более поздние идеи, печатные деньги и сто процентов, чтобы убедить непокорное человечество, и научное обоснование этого плана также должно было быть несложным. Это обстоятельство кажется мне достаточным объяснением этой загадки*. Я не собираюсь обсуждать здесь вопрос экономического крестового похода. Однако позвольте мне спросить мнение читателя: что выиграл хотя бы конкретно в этом случае сам Фишер благодаря этому крестовому походу? Что выиграла экономическая наука, наша страна, весь мир?

VI

Реформатор денежной системы также вмешался и в научные разработки Фишера — как практические, так и теоретические — в области экономического цикла. Но эти разработки все же куда важнее,

это обстоятельство во внимание, проблема верификации также выглядит не столь безнадёжной.

* Важен, конечно, еще и тот факт, что ум Фишера был весьма «механистично» устроен.

чем считает большинство экономистов*. Они представляют собой модели эконометрических исследований; они, возможно, повлияли на развитие стандартной процедуры этих исследований. Затем эконометрика Фишера стала развиваться в совершенно ином направлении: исследование 1925 года предполагает явно динамическую модель (см. последнюю сноску), притом что бум на такие модели наступил несколько лет спустя. Наконец, с достойной восхищения интуицией Фишер перечислил все пусковые механизмы циклического движения, так что оставалось лишь разработать его *modus operandi*, чтобы создать удовлетворительную объяснительную схему.

Но чтобы это осознать, мы вновь должны «пробиться» сквозь фасад. Пусковые механизмы расположены не там, где должны быть, то есть не на почетном месте в начале книги. Они задвинуты в пятую главу. На поверхности же мы видим чрезмерную задолженность и процесс ее дефляции, «корень всех зол». Иными словами, Фишер сводит все к механически контролируемому поверхностному явлению и в результате начинает использовать термин «цикл» по отношению к любому фактическому историческому событию. Рост же и сокращение долга, связанные с растущим и падающими уровнями цен, вновь приводят нас к реформе денежной системы—теме, которая наиболее

* Первые разработки Фишера в этой области можно найти в «Норме процента» и «Покупательной силе денег». За ними последовало еще несколько важных работ, в частности: *Fisher I. The Business Cycle Largely a Dance of the Dollar // Journal of the American Statistical Association. December 1923. Vol. 18. P. 1024–1028*) и *Fisher I. Our Unstable Dollar and the So-called Business Cycle // Journal of the American Statistical Association. June 1925. Vol. 20. P. 179–202*). Интересно, прав ли я в своей убежденности, что последняя работа была первой экономической публикацией, где появилась динамическая схема T'.

интересовала Фишера в момент написания книги. Фишер по-прежнему продолжал рекомендовать компенсированный доллар, но уделял ему уже совсем немного внимания. Вместо той яростной защиты этого плана реформ, которую мы видели в «Покупательной силе денег», в третьей части «Подъемов и кризисов» мы видим простое и изложенное популярным языком исследование средств денежного контроля, с которым согласятся почти все экономисты и которое включает почти все стратегии «рефляции», принятые или предложенные впоследствии. Я не хочу ни преуменьшать достоинства, ни подвергать сомнению мудрость всего того, что Фишер написал в этой книге. Напротив, учитывая дату выхода этой работы, я считаю, что Фишер заслуживает за нее даже больших почестей, чем полученные им. Но я все же хочу подчеркнуть, что это не единственное, чем хороша эта книга, и что за ее фасадом кроется нечто куда большее*.

VII

«Исследования», «Повышение ценности и процент», «Природа капитала и дохода», «Теория процента», «Покупательная сила денег», «Экономические подъемы и кризисы» являются колоннами и арками так никогда и не построенного храма. Они принадлежат к величественному строению,

* Еще более очевидно это в работе: *Fisher I. The Debt-Deflation Theory of Great Depressions // Econometrica. October 1933. Vol. 1. P. 337–357.* Сама по себе дефляция задолженности является лишь частью механизма, знакомой спиралью, которую мы все хорошо понимаем. Если бы дело было только в этом, работа не стоила бы упоминания, но это не все. В сущности, теория «вводных» и ее следствия в ней сформулированы куда лучше, чем в книге.

которое архитектор так никогда и не явил миру в его целостности. От Кантильона до Адама Смита, Джона Стюарта Милля и Маршалла ведущие экономические мыслители производили впечатление на современников и потомков при помощи систематизированных трактатов. Фишер так и не изложил свои мысли в подобной форме. У вечно занятого крестоносца не было на это времени, однако это был единственный возможный способ обратить американских коллег-экономистов в его веру. Он не оставил собственной школы. У него было много учеников, но не было последователей. В своих крестовых походах он объединял силы со многими группами и отдельными людьми. В своих научных изысканиях он был почти одинок. Ему пришлось обходиться без всех тех преимуществ, которые дает ученому школа — защищающая, интерпретирующая и развивающая каждое слово своего лидера. Существуют рикардианцы, маршаллианцы и кейнсианцы, но нет фишерянцев. Это может показаться странным, ведь перед нами человек столь целеустремленный, со столь широкими социальными взглядами, столь бесконечной преданностью одному из главнейших фетишей своего времени — стабилизации, но Фишер всегда оставался вне современных ему течений, ему никогда не удавалось убедить в своей правоте ни ровесников, ни подрастающее поколение. Но эти колонны и арки устоят и сами по себе. Они будут хорошо заметны еще долгое время после того, как пески поглотят большую часть актуальных сегодня строений.

Глава 9

Уэсли Клэр Митчелл (1874–1948)*

Митчелл скончался 29 октября 1948 года, работая до последнего момента своей жизни. «За повседневной работой» — именно так он описал свою грядущую кончину в письме ко мне**. Мы простились с человеком исключительной чистоты и непорочности, ученым твердых убеждений и в то же время беспредельной доброты, учителем, до мозга костей верным своему долгу, неподкупным слугой правды и справедливости, глухим ко всем соблазнам, даже самым изощренным и утонченным, лидером, влекущим за собой примером и действием, при этом никогда не навязывавшим свои взгляды или власть. Дух такой личности ощущается окружающими и влияет на них. Трудно выразить словами, сколь широк был круг его интересов, сколь эффективно он решал самые разные вопросы, подходя к каждому из них с глубочайшей серьезностью, что, однако, не могло погасить весе-

* Эта статья была окончена профессором Шумпетером всего за две недели до его смерти, которая наступила 8 января 1950 года.

** Незаконченная работа под заголовком «Что происходит во время экономических циклов», над которой Уэсли Клэр Митчелл работал непосредственно перед смертью, была представлена участникам проведенной Национальным бюро экономических исследований конференции «Экономические циклы» (Нью-Йорк, 25–27 ноября 1949 года).

лый огонек в его глазах. Мы любили его, и мы знаем, что никогда не встретим подобного ему.

Это все, что я хотел бы сказать о нем как о человеке. В остальном моя статья будет посвящена исключительно попытке сделать обзор его работы и сформулировать ее значение для экономической науки нашей эпохи, если, конечно, это возможно: отделить работу от ее создателя, ученого, чье величайшее достижение — моральное послание, звучащее с каждой написанной им страницы*.

I

Есть ли что-то здравое в теории, которая утверждает, что жизненная позиция человека определяется влиянием, оказанным на него, когда ему от двадцати до тридцати? Если да, то мы должны искать

* Помимо настоящей работы рекомендую читателю ознакомиться с некрологами о Митчелле, коих существует большое количество. Я бы хотел упомянуть отдельно несколько выступлений профессора Артура Ф. Бернса (*Burns A. F. Wesley Mitchell and the National Bureau*. New York: NBER, 1949) и доклад профессора Фредерика Миллса на 61-й ежегодной конференции Американской экономической ассоциации (см.: *Mills F. Wesley Clair Mitchell, 1874–1948* // *American Economic Review*. June 1949. Vol. 39. No. 3. P. 730–742). Я в долгу перед обоими вышеупомянутыми авторами за предоставление самой различной исключительно полезной информации, содержащейся также в ряде писем профессора Бернса, воспоминаниях о Митчелле профессора Дорфмана (*Dorfman J., R. F. H. Obituary* // *The Economic Journal*. September 1949. Vol. 59. No. 235. P. 448–460) и профессора Кузнецца (*Journal of American Statistical Association*. March 1949). Также эту работу следует сопоставить со статьей профессора Элвина Хансена: *Hansen A. H. Wesley Mitchell, Social Scientist and Social Counselor* // *The Review of Economics and Statistics*. November 1949. Vol. 31. No. 4. P. 245–255. Библиография составлена Национальным бюро экономических исследований.

формирующие факторы в десятилетии, предшествующем переходу Митчелла в Калифорнийский университет в 1903 году. Этот период юности ученого включает в себя, главным образом, работу в Чикаго, где он получил докторскую степень в 1899 году. Но Митчелл был тверд характером, а его убеждения и моральные ценности, восходящие к детству, проведенному на отцовской ферме в Новой Англии, были слишком прочны. Его учителя экономики не могли изменить их, хотя такой, например, предмет как английская экономическая история, а также наставления Дж. Лоренса Лафлина в отношении денежной и валютной политики оказали на Митчелла серьезное влияние. Гораздо больше по душе Митчеллу, нонконформисту по натуре, предпочитавшему движение застою, чей быстрый ум более всего отвергал догмы и несвободу, искренне любившему, хоть и редко создававшему, сарказмы и парадоксы, пришелся Веблен. Однако, несмотря на то, что Митчелл принял вебленовскую систему категорий (до конца жизни он продолжал подчеркивать разницу между понятиями «делать деньги» и «производить товары»), он вскоре устал от блеска сомнительных жемчужин Веблена. Джон Дьюи и Жак Леб открыли для него новые горизонты, которым не суждено было потерять свою актуальность. Они показали путь к социальной науке, представлявшей собой гораздо более обширную область знаний, чем профессиональная экономика, в рамках которой Митчелл с удовольствием оставался до этого. Этот момент очень важен с точки зрения понимания экономической концепции Митчелла и сути его личного вклада в науку. Давайте сделаем здесь небольшую остановку, чтобы расставить все точки над *i*.

1890-е были первым из трех десятилетий, образующих маршаллианскую эпоху. Однако поскольку не каждый читатель, и особенно не каждый амери-

канский читатель, согласится со всем, что подразумевает эта фраза, позвольте объяснить, что я имею в виду. К тому времени созрели три направления, создавшие Новую экономику 1900-х годов. Прежде всего, тогда появилось новое практическое отношение и новый теоретический подход к проблемам социальной реформы (наилучший пример продемонстрирован немецкой *Sozialpolitik*). Во-вторых, сформировалась экономическая история, в целом расположившаяся в границах академической экономики, хоть иногда и переливаясь за ее рамки. В-третьих, после борьбы, продлившейся около четверти века, сложилась новая система экономической теории (довольно трудно определить, какое из названий — маржинализм, неоклассицизм или какое-то другое — наименее обманчиво). Но (Англия, возможно, является здесь исключением — лидерство Маршалла в некоторой степени имело успех в объединении трех направлений) в целом эти направления противоречили не только друг другу, но и методам и представлениям прошлого. В США, в частности, где число профессиональных экономистов стало расти, как тропический лес, взгляд в прошлое позволял увидеть лишь устаревший учебник, без сомнения доработанный такими людьми, как Ф. Уокер, но от этого не перестающий быть устаревшим. В остальном это был хаос. Возможно, плодородный хаос, но — хаос. Не стремясь кого-нибудь обидеть, проявляя неуважение к забытым или полужабытым видным фигурам, мы с легкостью можем понять, что мальчишка, поступивший на факультет экономики в Чикагский университет в 1895 году, не встретил никого, кто помог бы ему познать богатство и глубину идей и исследовательских программ, которые прятались под гладкой поверхностью «Принципов» Маршалла — единственной работы, по которой можно было изучить взгляды Маршалла, не посещая Кембридж и не слушая там

его лекции*. В 1895 году или даже позднее потребовался бы преподаватель с очень большим талантом, чтобы изложить учение Дж. Б. Кларка небесполезным способом. Итак, *Sozialpolitik* продолжала активно развиваться из-за отсутствия достойной альтернативы, экономическая история оставалась второстепенной дисциплиной, от новой теоретической концепции легко избавились как от «маржинализма» или «неоклассицизма», а сухой учебник, основывавшийся в большей или меньшей мере на модели Милля, преуспел в том, чтобы вызвать «институционалистский бунт» активных молодых умов**.

Кривая, с помощью которой можно описать деятельность Митчелла, может, как мне кажется, быть представлена как пересечение двух поверхностей, одна из которых представляет условия окружающей среды, другая — его собственные интеллектуальные наклонности. Человек с его способностями не был, разумеется, удовлетворен существующим положением дел, неизбежно искал спасения в море социальных фактов, из которых экономисты, как казалось ему, использовали лишь ничтожную часть. Он мечтал плавать по этому морю, а не пытаться перейти его вброд, исследовать новые территории, а не топтаться на маленьком клочке бесплодной земли. И еще два пункта, чтобы дополнить картину.

* В связи с этим вопрос: много ли людей сейчас понимает, что сделало критическое представление Маршаллом «доктрины максимального удовлетворения» для научного обоснования концепции невмешательства в игру рыночных сил? Или сколько сделал Маршалл, чтобы проложить путь к современной эконометрике?

** В течение года Митчелл обучался в Галле и Вене, прервав свою работу в Чикаго. Этот год, однако, не оставил видимого следа. И вновь — без непочтительности к чьей-либо памяти, особенно к памяти великого Менгера, — это было вполне ожидаемым.

Во-первых, он был настолько внимателен к логической строгости, остерегаясь ее малейших нарушений так же, как жеребенок остерегается уздечки и седла, что вскоре обнаружил в работе «топчущихся на маленьком бесплодном клочке» не только нереалистичные «постулаты», созданные ради методологического удобства, но также и «предпосылки» (идеологические концепции), которые поработают исследователя, вместо того чтобы служить ему*.

Во-вторых, его тип ума был создан не для того, чтобы наслаждаться или высоко оценивать то, что он называл «игрой» с постулатами: работа над этой засушливой землей была искажена политическими предубеждениями или метафизическими верованиями. Но даже если бы это было не так, затея все равно казалась бы ему бесполезной.

Если это определяет позицию институционалиста, тогда Митчелл был и всегда оставался им. Я не хочу вступать в дискуссию о точном значении этого едва уловимого понятия. Дискуссия, которая все еще время от времени вспыхивает, породила такие заявления, что Веблен вовсе не являлся институционалистом или, наоборот, что он и являлся единственным институционалистом. Это было бы делом бесполезным, потому что все, кто принимал участие в «институционалистском восстании», строили на расчищенном критикой месте свои собственные индивидуальные теоретические концепции. Но собственная методологическая позиция Митчелла может и должна быть тщательно рассмотрена как из-за выдающейся важности его работы, так и потому, что она неоднократно (и в том числе недавно) являлась предметом дискуссий в манере, которая мне кажется не совсем удовлетворительной. Мы должны рассмотреть три различные

* Характерную цитату см. в: *Mills. Op. cit.* P. 734. Notes 4 and 5.

вещи: представления Митчелла о надлежащем отношении ученых-экономистов к «политике»; его представления о надлежащем методе защиты научных выводов от идеологического искажения; его представления о «теории».

В течение всей взрослой жизни Митчелла его мнение касательно всех трех вопросов если и изменилось, то лишь незначительно. Мы можем рассмотреть их теперь.

II

Что касается первого, его опыт — показательный пример для всех нас. Как и другие институционалисты, он не терпел политического союза, существовавшего между экономической наукой тех лет и либерализмом *laissez-faire*. Но он был одним из немногих, кто делал это, исходя из истинных причин. Несмотря на то, что его социальные симпатии и ощущение практической неадекватности прямолинейной политики *laissez-faire*, по всей видимости, способствовали его негативному отношению к такому союзу, гораздо более важно то, что он чувствовал, что вступать в этот союз — не дело экономистов. Экономика должна быть объективной наукой, предоставляющей тщательно отобранные факты и выводы из них в распоряжение тех, кому они необходимы. Это не побуждало его закрываться в башне из слоновой кости. Напротив, он был готов оказать помощь обществу всякий раз, когда это требовалось. Его сотрудничество с Иммиграционной комиссией в 1908 году и с Бюро трудовой статистики и Военно-промышленным комитетом во время Первой мировой войны и позже его работа в качестве председателя Комитета по социальным вопросам при президенте Гувере (1929–1933), члена Национального совета по планированию,

Совета по национальным ресурсам, Федерального управления чрезвычайных общественных работ (1933) и председателя Комитета по прожиточному минимуму (1944) являются достаточным доказательством этого. Но суть этой работы подтверждает сказанное выше: она всегда соответствовала его концепции научной миссии, заключающейся в наблюдении и интерпретации полученных фактов и объективной демонстрации того, что же все-таки происходит. В ситуациях, когда последствия были ясны, он не избегал практических рекомендаций. Но он никогда не переступал черты, которую, как я вслед за ним считаю, не может переступить человек, посвятивший свою жизнь аналитической работе. Он никогда не раздавал рецептов и не защищал тот или иной политический курс.

Что касается второго пункта — опасений по поводу идеологизированности, его внимание к этому вопросу должно рассматриваться как очень важный момент. Вопросы, которые могут только возникнуть в связи с этим, состоят в следующем: с одной стороны, не был ли он слишком склонен подозревать идеологию («предвзятые мнения») у авторов, чьи методы и выводы он не разделял, с другой стороны, было ли средство, которое он призывал использовать, адекватным? Например, в анализе Рикардо содержится много неточностей и имеются иные недостатки. Но если мы оставим в стороне его политические рекомендации и примем во внимание уровень абстракции, к которому он стремился, мы не увидим много искаженных идеологизированностью утверждений, что охотно отмечал Карл Маркс. Средство Митчелла — тщательное и «объективное» исследование фактов — действительно развеет много предвзятых мнений, но не все. Никакое количество внимательности и осторожности не защитит исследование от злых духов, обитающих в самой душе ученого и при

этом никогда не сообщающих ему о своем существовании. Ну и что, это никак не отменяет того, что Митчелл был одним из очень немногих экономистов, которые видели проблему во всей ее глубине и кто понял, что предвзятые мнения в нашей области — это не просто вопрос политических предубеждений или спонсорства со стороны определенных групп интересов.

Третий пункт — «Митчелл и экономическая теория» — представляет большие трудности, чем два остальных. Отчасти эти сложности вызваны двусмысленностью значения этого слова. В главных публикациях по экономическим циклам Митчелл, перечисляя большое количество теорий и провозглашая готовность использовать предположения любой из них, довольно ясно дал понять, что он не собирается объединяться с любой из них или сковывать себя, создав собственную теорию такого же типа для своих целей. Он использовал слово «теория» в значении «объясняющая гипотеза». То, что он имел в виду, может быть выражено неоспоримым заявлением, что такая гипотеза должна вытекать из детализированного исследования фактов, а не постулироваться в начале исследования.

Рассуждая беспристрастно, приходишь к выводу, что это довольно надежная позиция, закрытая для возражений и споров о том, что такая программа логически невозможна, потому что в любом случае мы должны в первую очередь определить, какое явление исследовать. Делая это, необходимо ввести элементы, которые окажут некоторое направляющее, руководящее влияние на исследование фактов. Другими словами, такого понятия, как «просто» исследование, не существует и, в частности, нет такого понятия, как «измерение без теории». Это тоже верно. Но когда мы говорим это, мы должны понимать, что теперь используем слово «теория» в другом смысле, по сути — в значении

«концептуальный инструмент». И в этом смысле Митчелл, разумеется, не хотел исключать «теорию» из любой стадии его собственной или чьей-то еще работы. Это будет проиллюстрировано ниже. Но это не все.

Хотя Митчелл никогда не совершал абсурдной ошибки, возражая против использования концептуальных инструментов или схем в принципе, он выступал против тех из них, которые использовались в «классической» литературе, куда он включал и постклассическую литературу, доступную в период формирования его как ученого*. Эти выступления определялись двумя причинами, одна из которых тесно связана с его личным достижением как лидера экономической мысли, а другая иллюстрирует ограничения, не позволившие расширить его лидерское влияние на еще более широкую интеллектуальную территорию.

Но, оценив высоко его предпосылки, нам следует поставить под вопрос один из выводов, который он делает из этих предпосылок, а именно, что экономическая логика того, что он, как и остальные, согласился называть неоклассической теорией, должна быть выброшена за борт. Если изучить текст его известного курса истории экономической мысли «Типы экономической теории», который я надеюсь когда-нибудь увидеть опубликованным, читатель будет поражен фактом, что он возражал против «постулатов» авторов ровно в той же мере, в какой он возражал против

* Под классической литературой здесь понимаются публикации ведущих английских авторов 1776–1848 годов. Что касается доступной литературы в период его формирования, мы не должны забывать, что Вальрас (кроме, возможно, сомнительной философии, окружающей его работы) едва существовал для него и что учение Маршалла, как сказано выше, никогда не было для него чем-то реальным.

их «предвзятых мнений». В какой-то степени он оказался прав еще раз: вполне очевидно, что логические схемы или модели — это еще не вся экономическая наука, и даже не вся экономическая теория в его понимании. Кроме того, обстоятельной критике можно подвергнуть и то, как эти модели создавались, их ключевые постулаты и предположения. Но Митчелл возражал против отдельных постулатов или законченных моделей не для того, чтобы заменить их другими. Он возражал против моделей или постулатов как таковых и пожимал плечами по поводу людей, интересовавшихся такими вопросами, как определенность и последовательность этих моделей. Он считал, что «богословие его двоюродной бабушки», Платон и Кенэ, Кант, Рикардо и Карл Маркс, Кернс, Дживонс и даже Маршалл были в этом смысле похожи друг на друга*.

Сегодня было бы излишним делать упор на этой ошибке и пытаться точно определить, каким именно образом фундаментально верный методологический инстинкт привел его к ошибке. Очевидный факт состоит в том, что требуется много самых разных умов для того, чтобы строить науку. Зачастую эти умы едва ли понимают друг друга. Индивидуальные предпочтения в работе заставляют запросто делать уничижительные суждения о других работах, не рассматривая последние серьезно. Но не будет лишним сказать, какой вред подобное отношение нанесло работе Митчелла, какое влияние оно оказало на степень ее распространения. Его нежелание в явном виде формулировать свою теоретическую схему затрудняет для всех, кроме наиболее сочувственно относящихся к его идеям, признание того, что такая схема в его работе есть: основная

* Цит. по: *Mills*. Op. cit. P. 733.

идея его книги 1913 года может быть описана как динамическая схема, причем имеющая завершённый вид. Такие параграфы, как тот, где он избавляется от статической модели равновесия как от «сказочной страны», позволяют не разделяющим его идеи толкователям отрицать, что Митчелл был ведущим ученым своего времени, утверждая, что он не понимал либо смысла модели равновесия, либо природы и смысла экономических моделей вообще. Он никогда бы не стал слушать аргумент, что рациональные схемы направлены на описание логики определенных форм поведения, превалирующих в каждой экономике, связаны с поиском материальной выгоды — понятие, содержание которого он так хорошо понимал, — и совсем не подразумевают, что предметы этого рационалистического описания сами чувствуют или действуют рационально. И я никогда не забуду, как он не мог и слова вымолвить от удивления, когда я попытался показать, что его великая книга 1913 года, так же как и основные факты его теории, была попыткой динамической теории равновесия*. Я пишу эти слова не для того, чтобы занизить достоинства человека, которого не только любил, но и которым восхищался. Я пишу их просто для того, чтобы убрать то, что, как мне кажется, является недоразумением со всех точек зрения, и открыть путь к Митчеллу для еще большего количества его потенциальных последователей.

* Чем еще являются его «повторяющиеся приспособления цен», к которым он возвращался снова и снова, как не несовершенными движениями экономической системы в направлении состояния равновесия? Если он не был в состоянии пользоваться инструментом теории равновесия, то создатели теории равновесия (точнее, их премники) не могли пользоваться установленными им фактами.

III

Теперь обратимся к самой сути его работы. Первое, что поражает читателя, — впечатляющее единство концепции. Возможно, счастливым совпадением было то, что Лафлин предложил ему историю с гринбеками (бумажные деньги времен гражданской войны, стоимость которых, по мнению Митчелла, колебалась в зависимости от действий правительства, а не от их количества в обращении. — *Прим. перев.*) как тему для докторской диссертации. Своенравный кандидат принял предложение, ставшее стартовой точкой его исследований; думается, однако, что Митчелл нашел бы свой путь к цели вне зависимости от выбранной стартовой точки. Сама по себе история с выпуском гринбеков стала в руках Митчелла лишь подходом к изучению экономических процессов — того, как экономика реагировала на финансовую политику военного времени. И, в общем-то, не очень важно то, что, следуя учению Лафлина, он невысоко оценивал количественную теорию денег, которую вскоре ему довелось модифицировать*.

Действительно важным в двух работах, выросших из диссертации, является проявившееся в них видение денежной, или «капиталистической», экономики**. С одной стороны, он объединил денежно-кредитные явления с остальными, таким образом

* Едва ли компетентный негативный отзыв на эту «теорию» был представлен в самой, как мне кажется, первой публикации Митчелла: *Mitchell W. C. The Quantity Theory of the Value of Money // The Journal of Political Economy. 1896. Vol. 4. No. 2. P. 139–165.* Характерно, что в скором времени он изменил свой вердикт и признал неподходящими свои прежние высказывания в этой публикации.

** *Mitchell W. C. A History of the Greenbacks, With Special Reference to the Economic Consequences of their Issue: 1862–1865. Chicago: University of Chicago Press, 1903; Mit-*

предвидя тенденции, проявившиеся позднее. С другой стороны, он проанализировал отношения, связывающие «цены друг с другом во времени»*, что вполне естественным образом привело его к изучению экономических циклов в качестве первого шага к общей теории денежной экономики, истинной теме всей его жизни**.

Над книгой «Экономические циклы», появившейся в 1913-м, Митчелл работал с 1905 года, хотя осознанное решение написать трактат по этой теме, похоже, появилось лишь в 1908-м***. Эта книга стала ориентиром для всей американской экономической науки, хотя и далеко за пределами границ США ее влияние на ученых трудно переоценить. Книга написана в самом расцвете интеллектуальных сил ее автора, в тот самый промежуток лет, когда свежесть и энергия еще не ослабли, но уже набран опыт аналитика и проявились широкие способности. Эта книга — шедевр в самом прямом смысле этого слова: работа, с помощью которой средневековый ремесленник доказывал себе и всем остальным, что он действительно мастер своего дела, а также она и кодекс, содержащий все правила работы, которым надо было следовать****.

chell W. C. Gold, Prices, and Wages Under the Greenback Standard. Berkeley: The University Press, 1908.

* См.: *Burns*. Op. cit. P. 13.

** Этот важный момент должен быть уяснен лучше, для чего сошлемся на Бернса (*Burns*. Op. cit. P. 20–22). Митчелл задумывал план своей «Теории денежной экономики» и начал выработать ее «скелет» в декабре 1905 года. Письмо профессора Бернса, датированное этим временем, ясно показывает, что изучение Митчеллом экономических циклов было основой более общей работы.

*** См.: *Burns*. Op. cit. P. 22. Митчеллу было тогда 34.

**** Читатель поймет, что это относится только к его основной работе, а не к второстепенным. Но это положение

Основы плана книги вновь появляются в томе за 1927 год. Даже «Измерение экономических циклов» (1946) реализует на более высоком и широком уровне часть идей, которые впервые увидели свет в 1913 году. Большая часть работы Национального бюро экономических исследований на самом деле отражает те же идеи*. И методы, и результаты 1913 года выдержали проверку огромным количеством исследований, хотя Митчелл, будучи приверженцем истины, всегда был готов изменить их**.

Определив так точно, как только я мог, место «Экономических циклов» в личном развитии Митчелла, теперь я должен определить их место в развитии науки в целом. К этой задаче я приступаю с некоторой неуверенностью. Во-первых, как указано выше, творческие усилия Митчелла не были просто направлены на изучение циклов как таковых. Скорее, на изучение новой экономической науки, или, как он сам говорил, новой экономической теории — чтобы быть воодушевленным «идеями, созданными

применимо гораздо более широко, чем могло бы показаться на первый взгляд. Первые два самых важных исключения — работа Митчелла над индексами и исследования в области истории экономической мысли — уже рассмотрены; первое — как часть обрисованной в общих чертах и реализованной в какой-то степени в книге 1913 года программы, второе — как критическое дополнение к его работе (см. ниже: С. 351). Большинство его работ — частички гигантской мозаики.

* Это немного измененная версия высказывания профессора Миллса: «Национальное бюро экономических исследований как учреждение представляет собой на самом деле тень Уэсли Митчелла» (*Mills. Op. cit. P. 735*).

** Самое важное изменение в этом методе касалось того, что именуется методом анализа временных рядов (см. ниже: С. 352).

в процессе изучения экономических колебаний»*. Это делает его труд несопоставимым по значению с работами других исследователей экономических циклов. Во-вторых, как большинство творческих людей, Митчелл с трудом признавал работу других, которые были, или ему казалось, что были, далеки от него в идеях или методах. Он был исключительно щедрым человеком и много читал. Но погруженный в решение собственных задач, над которыми он работал с почти нездоровым рвением, он нелегко проникал в суть чужих, не своих собственных, идей. Это заставляет, отдавая должное высокому уровню его исследований, вернуться к установлению различий между субъективным и объективным приоритетом, необходимость чего так часто приходила мне на ум в моих исследованиях истории экономического анализа. И, в-третьих, как в случае открытия или изобретения дифференциального исчисления или иных подобных открытий, умы людей в любой данный момент времени могут вырабатывать похожие взгляды, но делают это таким образом, что заставляют этих ученых (и их учеников) видеть вторичные различия между теориями друг друга гораздо более отчетливо, чем основные общие моменты. В случае, о котором мы говорим, ученым казалось, что количество отличных друг от друга «объяснений» росло, в то время как факт состоял в наличии определенного сходства их концепций (циклов и «кризисов»), методов (основанных на привлечении все большего объема статистического материала) и выводов (таких, как акцент на обобщенной форме того, что сейчас мы называем принципом акселерации). Ни один автор не вел за собой других в этом смысле и ни на кого из них не повлияли другие. Но дата выхода в свет работы

* *Mitchell W. C. Business Cycles: The Problem and Its Setting.* New York: NBER, 1927. P. 452.

Митчелла доказывает его выдающуюся роль в истории этого направления исследований*.

Конечно, у всех этих мыслителей был один предшественник — Клеман Жюгляр, великий дилетант, который известен изобретением современной теории циклов деловой активности. Жюгляр был предшественником Митчелла как в методике, так и в теории. Он не только написал «Большую книгу фактов», которая опровергла теорию, доминировавшую в то время, и сделала очевидной необходимость перейти от «кризисов» к «циклам»**. Помимо этого он со сдержанностью и осторожностью, характерными и для Митчелла, обозначил важные принципы объяснения, которые, как он считал, напрямую следуют из наблюдений и которые лучше всего выражаются в известном высказывании:

* Упомянем и некоторые другие источники: работа Афталыона, написанная в покоем ключе в плане методов, но имеющая ряд отличий от труда Митчелла в плане объяснений, появилась также в 1913 году. Работа Шпитгофа хоть и обещала стать серьезным трактатом, промелькнув в нескольких статьях в первой декаде того века, но так и не была никогда доступна в окончательном виде и не обосновывает факты, на которые опиралась вплоть до 1925 года. Пигу не показывает близости к подходу Митчелла вплоть до 1927 года. Д. Х. Робертсон — до 1915 года. Кассель (чьё объяснение приобрело позже различные черты) — до публикации его трактата по общей экономике. Профессор Хаберлер называет Туган-Барановского предшественником Шпитгофа (*Haberler G. Prosperity and Depression. A Theoretical Analysis of Cyclical Movements. 3rd ed. Geneva: League of Nations, 1941. P. 72*), но я предпочитаю не включать его в эту группу. Позвольте мне подчеркнуть, что я не пытаюсь затушевать теоретические различия в работах этих ученых. Их близость по духу и схожий подход — вот что я хочу подчеркнуть.

** См. собственный комментарий Митчелла в книге 1927 года (*Mitchell. Business Cycles. P. 11–12*), где Митчелл также отмечает Уэйда, Оверстона и других, кто двигался по этому пути, но не Маркса.

единственный источник депрессий — процветание, или, если я правильно прочитал это предложение, депрессия — это реакция на то, что происходит во время экономического подъема. Это кажется мне первой, хоть и неполной, формулировкой теории о том, что каждая фаза экономического цикла порождает следующую фазу и что, в частности, напряжение, которое накапливается в экономике во время подъема, приводит к спаду (который, в свою очередь, создает условия для новой фазы подъема). Митчелл, который независимо пришел к такой же идее, не колеблясь, назвал ее теорией (см.: *Mitchell. Business Cycles. P. 583* или *Burns. Op. cit. P. 26*). И это именно теория, в том смысле, что можно попытаться использовать ее для объяснения (если таковое вообще имеется) бесконечной череды усиления и ослабления деловой активности. Она выражает одну из двух фундаментально разных гипотез о цикличности экономической активности. Первая из них исходит из того, что экономические процессы изначально «непериодичны», и, таким образом, объяснение их колебаний, в том числе циклических, следует искать в конкретных условиях (денежных или иных), которые нарушают этот ровный поток. Альфред Маршалл стоит во главе огромной толпы сторонников этой гипотезы. Другая же гипотеза, за которой стоит авторитет Митчелла, утверждает, что экономические процессы имеют волнообразную природу, что циклы — это форма капиталистической эволюции. Но он пошел дальше: на основании того, что капиталистическая экономика — это экономика прибыли, где деловая активность зависит от факторов, влияющих на настоящую либо ожидаемую денежную прибыль, что эквивалентно кейнсианской предельной эффективности капитала, он утверждал, что прибыль — это и есть причина колебаний в деловой активности. Это утверждение не противоречит теории, опи-

санной в главе 22 «Общей теории» Кейнса*, а также теориям других исследователей цикла — столь же многочисленных, сколь и число считающих циклы имманентными капиталистическому процессу. Митчелл не углублялся далее в своих размышлениях. В частности, он не утверждал, что прибыль как-им-то, причем тесным, образом связана с инвестированием. Но все равно перед нами четкая идея, пусть и высказанная в устной форме, которая стоит за его анализом фактов. Эта идея менее заметна на последней стадии его работы, но это лишь потому, что кончина застала его внезапно, и он не успел полностью привести в порядок результаты своих трудов. Точно так же, как и книга 1927 года, та, что была написана в 1913-м, начинается с краткого обзора существующих объяснений. В обоих случаях они представлены очень лаконично и отстраненно. По мнению Митчелла, они все были «правдоподобны», но также и «вводили в заблуждение». Он классифицировал их, но воздержался от последовательной критики. Кое-где он выдвинул контраргументы, но у читателя складывается впечатление, что Митчелл смотрел на них как на утверждения, каждое из которых не хуже и не лучше другого, но все нуждаются в фактической проверке. Эта беспристрастность также раскрывает одну из черт методологии Митчелла, которая была упомянута выше: для него не существовало ничего, во всяком случае, ничего важного, на пути между гипотезой и фактом; в частности, не было никаких логических критериев, с помощью которых можно было бы отвергнуть теорию как неверную до проверки фактами.

* Безусловно, существуют различия, которые связаны со сдержанностью одного автора и твердостью другого. Но «ключом», или первопричиной, циклических колебаний для обоих является прибыль.

Но, учитывая недоверие Митчелла к неоклассической теории, у такой беспристрастности были свои достоинства. И это не оставило его, вопреки тому, что неоднократно утверждалось, без компаса в путешествии через океан статистических фактов.

Так же, как и книга 1927 года, книга 1913 года раскрывала видение Митчеллом денежной экономики. В обоих случаях эти главы являются вводными трактатами в общую экономическую теорию. Сделанные на скорую руку и не имевшие должной концепции, они так и не были оценены по заслугам. Возьмем лишь один пример: сколько людей знает, что теория денежных потоков, о которых эти главы скорее упоминают, нежели рассказывают, предвосхищает лучшие достижения современной литературы о счетах национального дохода и агрегатного экономического анализа? И, конечно, здесь есть «теоретическая основа», которую многие критики пропускают и которая будет изложена подробнее в 3-й части книги 1913 года*. Без сомнений, эта основа требует расширения и правки профессионального теоретика. Но все равно — это большая работа.

Вторая часть тома 1913 года в любом случае не требует никакой коррекции. Это — драгоценный камень и достижение первопроходца. Митчелл не просто знал, как использовать статистический ма-

* Эта часть 3, перепечатанная в 1941 году под названием «Экономические циклы и их причины» (*Mitchell W. C. Business Cycles and Their Causes*. Berkley, CA: University of California Press, 1941), содержит несколько пунктов, которые несколько позже стали неважны для Митчелла. Несмотря на это, описывая их, он приблизился к совершенно четкому изложению теории экономического цикла в такой степени, которая ранее ему не удавалась. Неопубликованная работа (упомянутая в прим. 1) не просто незаконченная. Это следствие борьбы с огромным материалом и временем.

териал, но и как развивать его: как получить то, что он хотел, даже если этого уже не было. Восприятие необходимости анализа, которая простекала из широкого видения, диагностика доступных средств и атака на проблему – вот шаги, которые надо было предпринять один за другим с 1908 по 1913 год со скоростью молнии. У многих людей тогда имелось всестороннее видение. У многих была страсть к деталям. Но он был одним из немногих, кому было дано управлять своим видением и заставлять его работать над деталями, а также заставлять страсть к деталям работать на видение.

IV

Больше говорить о книге 1927 года нет нужды, кроме того что она в гораздо большей степени, чем книга 1913 года, является обзором сделанной работы и планом работы, которую еще предстоит сделать*. Труд Митчелла в период с 1908 по 1913 годы научил его, что гигантские задачи, которые он пытался решить, были за пределами возможностей одного человека. Его деятельность в течение последующих лет дала, среди прочего**, такие плоды, как исследование индексов цен и объема производства***.

* Читателя здесь можно отослать к моей обзорной статье: *Schumpeter J. Mitchell's Business Cycles // The Quarterly Journal of Economics. November 1930. Vol. 45. No. 1. P. 150–172.*

** Самое важное из исследований, которое следовало бы рассмотреть здесь, было переиздано профессором Дж. Дорфманом в сборнике: *Mitchell W. C. The Backward Art of Spending Money, and Other Essays. New York: McGraw Hill, 1937.*

*** См.: *Mitchell W. C. The Making and Using of Index Numbers // Index Numbers and Wholesale Prices in the United States and Foreign Countries (published in 1915 as Bulletin No. 173*

Митчелл обладал редким талантом вести за собой команду единомышленников, при этом не просто указывая направление, но и всегда принимая участие в работе на равных с остальными. И вполне естественным образом в 1920 году его работа привела к появлению Национального бюро экономических исследований, одним из основателей которого он являлся. Митчелл был лидером, который направлял, но никогда не управлял людьми, человеком вдохновлявшим, но не создающим преграды инициативам своих единомышленников. Этот «смелый эксперимент» был актом самореализации, и его безусловный успех — памятник интеллектуальным и моральным качествам Митчелла.

Бюро проводило и с самого начала планировало провести ряд исследований, начиная с изучения размера и распределения национального дохода, которые, как оказалось, вышли далеко за рамки исследования экономических циклов и тем, непосредственно относящихся к этому вопросу*. Но концепция экономических циклов Митчелла охватывала весь экономический процесс и тем самым сделала все, что происходит в нем, относящимся к этой теории. Наличие средств анализа и возможностей определило только лишь последовательность отдельных проектов, каждый из которых имел свое место в комплексном плане. Это должно быть учте-

of the U.S. Bureau of Labor Statistics, reprinted in 1921 as Bulletin No. 284, and in 1938 as Bulletin No. 656). «История цен во время Войны» («The History of Prices during the War»), серия публикаций Военно-промышленного комитета под редакцией Митчелла, в которой им самим были подготовлены выпуски «Международные сравнения цен» («International Price Comparisons») и «Заключение».

* Для более подробной информации посмотрите годовые отчеты или, по крайней мере, краткую историю профессора Бернса: *Burns. Op. cit.* P. 31ff.

но в любой оценке «Измерения экономических циклов» Бернса и Митчелла (1946).

Авторы этого тома не утверждают, что написали трактат об экономических циклах. Они, по их словам, лишь представили «план измерения экономических циклов», или, скорее, «экономического процесса в движении». Это «заявление о намерениях» соответствует первым восьми главам лучше, чем четырём последующим (которые посвящены результатам, а не просто измерениям). Но я предпочитаю формулировать содержание книги несколько по-другому: цель состоит в том, чтобы заставить явление предстать перед нами и таким образом продемонстрировать, что, собственно, необходимо объяснить. Этому стремлению предшествует целый ряд аналитических решений, которые составляют улучшенную версию тех, что мы можем найти в томе 1913 года, но которые едва ли можно назвать определением. Вот они: «Экономические циклы — тип колебаний, обнаруженный в агрегатной деловой активности стран, в которых производство организовано преимущественно в виде коммерческих предприятий. Цикл состоит из расширений, происходящих примерно в одно и то же время во многих экономических областях, за которыми идет такой же общий спад, затем спады и оживления, которые уже сливаются с фазами расширения следующего цикла. Эта последовательность изменений является повторяющейся, но не периодической; экономические циклы варьируют по времени от несколько превышающего один год до десяти-двенадцати лет. Они неделимы на менее продолжительные циклы с амплитудами, приближающимися к их собственным» (р. 3). В этих утверждениях много «теории» помимо предвосхищения последующих фактических выводов. Последнее предложение, в частности, смело принимает гипотезу единственного цикла, которая не позволяет различить типы колебаний, существ-

вание которых является вопросом не гипотезы, а прямого наблюдения*.

С точки зрения Митчелла, было бы правильным проанализировать *все* временные ряды (более тысячи), которые Национальное бюро смогло найти и рассмотреть. Для экономических циклов, которые рассматриваются как форма капиталистического процесса, необходимы «скопления взаимосвязанных явлений» одинакового протяжения с самим процессом. И даже если было бы возможно представить себе элемент, который сам по себе не имеет никакого отношения к циклам, все равно будет необходимо исследовать, как на него влияет циклическое движение**. Если, однако, несмот-

* Второе предложение, кажется, предполагает, что есть некоторый смысл в выделении четырех фаз цикла. Как мы увидим, это предложение не воплощено в модели циклических стадий, принятой впоследствии. Читатель увидит, что причиной — или одной из причин — этого может быть старое негативное отношение Митчелла к теории равновесия (или к ее аналогу в деловом мире, понятию «нормального состояния торговли»), которую он объявил фикцией в работе 1927 года. (Р. 376). Поскольку ценность четырехфазовой концепции невелика, если только мы не интерпретируем расширение (процветание) и сокращение (депрессию) как движение от, а спады и возрождения как движение к сравнительно уравновешенному (и в этом, но ни в каком другом смысле «нормальному» состоянию.

** Концепция циклической ситуации Митчелла может, я думаю, быть лучше всего представлена путем аналогии. Члены семейного круга создают определенную моральную атмосферу, которая в некотором смысле является результатом их индивидуального поведения. Но все же эта атмосфера, созданная однажды, сама по себе является объективным фактом, который в свою очередь влияет на поведение членов семьи: временные ряды, входящие в «семью» Национального бюро, совместно производят циклические ситуации, но каждый из них также формируется существующей циклической ситуацией.

ря на все теоретические сомнения, пришлось бы делать выбор и рассматривать не все ряды, (как, например, в последних четырех главах «Измерения экономических циклов»), это была бы уступка, вызванная ограниченностью доступных средств, а не делом принципа. Однако Митчелл хорошо знал, что даже самый полный подбор статистических данных не позволил бы ему осуществить задуманное. Для того чтобы проверить свой статистический материал, он пришел к мысли о сборе того, что он назвал деловыми хрониками, — из максимально возможного числа стран и уходя в прошлое настолько, насколько возможно. Известная книга У.Л. Торпа (1926) стала результатом этой работы. В статистическую эпоху методологическую важность этого признания ценности нестатистических исторических данных невозможно переоценить. Хотя со временем доверие Митчелла к этому источнику информации, по-видимому, падало, да и использовался он с самого начала не вполне удовлетворительным образом, только так ему удавалось избежать угрозы чрезмерного погружения в статистику.

К настоящему моменту все знакомы с тем, что называется методом Национального бюро. Однако исходная идея, что лежит в основе этого представления о циклическом поведении, должна быть заново сформулирована. С одной стороны, каждый временной ряд, скорректированный с учетом сезонных колебаний, рассматривается отдельно и выявляется циклический рисунок его поведения в среднем (специфические циклы): каждый такой цикл с отмеченными высшей и низшей точками делится на интервалы или стадии, для которых значения данного ряда характеризуются определенным процентом от среднего значения для каждого цикла (компромисс между устранением тренда из анализа и сохранением его), а потом средние пока-

затели этих процентов служат, чтобы нарисовать типичный специфический цикл для этого временного ряда. С другой стороны, для того чтобы продемонстрировать поведение каждого отдельного ряда в периоды расширения и сокращения всей экономической системы, определяются высшие и низшие точки общей экономической активности. Это делается на основе как приблизительного «консенсуса» всех учитываемых рядов, так и нечисловой информации, присутствующей в деловой хронике. Поведение каждого ряда затем изучается в каждом из девяти интервалов или стадий, на которые этот «контрольный цикл» (*reference cycle*) разделен. Положение ряда на каждой стадии контрольного цикла также выражается через процент от его среднего значения в течение всего контрольного цикла. Типичный контрольный цикл для каждого ряда создается путем вычисления среднего положения временного ряда в каждой стадии всех исследуемых циклов. Сравнения специфического и контрольного цикла каждого ряда являются, возможно, самыми познавательными операциями или измерениями, которые только допускает эта схема. Это двойное представление (потенциально) каждой частички статистической информации чрезвычайно хорошо разработано, чтобы выстроить факты цикла экономической активности настолько далеко, насколько это возможно, не постулируя априори отношений между этими частичками. Много гордиевых узлов при этом надо разрубить. Двигатель естественным образом работает с большим трением в последних четырех главах, где образцы семи сравнительно длинных временных рядов обработаны для того, чтобы нести тяжелое бремя выводов. Но цель представить факты для того, чтобы можно было сопоставить их с теорией, ставится на каждом шагу. Разумеется, этот том был всего лишь началом. И если бы Митчелл мог все-таки дописать незакон-

ченную работу, это тоже было бы всего лишь начало. У такой работы не бывает окончания, она сама подталкивает исследователя вперед, в неопределенное будущее. Это верно для всей работы Митчелла. И именно это делает его великим и определяет его уникальное место в истории современной экономической науки. Это был человек, у которого хватало храбрости, в отличие от всех нас, сказать, что у него не было ответов на все вопросы; который делал свою работу без спешки, но и не отдыхая; который не плыл по течению; который учил нас делом, а не словом; человек, который был настоящим ученым.

Глава 10

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946)*

В своем блестящем эссе «Род Джорджа Вильерса»** Кейнс ясно дал понять, что признает наследственность способностей. Это мнение плохо вяжется с распространенным представлением о его интеллектуальном мире, но является очевидным выводом из его социологической теории и подкрепляется тем вниманием, которое Кейнс уделял своему происхождению во всех биографических текстах. Поэтому сам он наверняка разделит бы мое сожаление, что из-за нехватки времени я не могу сейчас подробно углубиться в историю рода Кейнсов. Остается надеяться, что это сделает кто-то другой, и довольствоваться несколькими восхищенными словами о его родителях. Рожденный 5 июля 1883 года, Кейнс был старшим сыном Флоренс Ады Кейнс, дочери преподобного Джона Брауна, доктора богословия, и Джона Невилла Кейнса, архивариуса Кембриджского университета. Мать

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J.* John Maynard Keynes: 1883–1946 // *American Economic Review*. September 1946. Vol. 36. No. 4. P. 495–518.

** Это эссе (рецензия на книгу: *GunW. T. J.* Studies in Hereditary Ability. L.: Allen and Unwin, 1928) было опубликовано в журнале *Nation and Athenaeum* (*Keynes J. M.* Great Villiers Connection // *Nation and Athenaeum*. 27 March 1926), а также в сборнике очерков Кейнса (*Keynes J. M.* Essays in Biography. L.: Macmillan, 1933). Этот сборник больше говорит о Кейнсе как человеке и ученом, чем любая другая его книга, и я еще не раз его упомяну.

его была исключительно одаренной и очаровательной женщиной, первой женщиной-мэром Кембриджа, а отец — выдающимся мыслителем и автором, среди прочего, одной из лучших методологий в истории экономической науки*.

Отметим отдельно, что герой этого эссе родился в семье ученых и церковнослужителей. Полученное им образование дополнительно подкрепило влияние семьи: Кейнс учился сначала в Итоне, а затем в кембриджском Королевском колледже. Многие из нас, будучи преподавателями, склонны преувеличивать влияние образования в жизни человека, но никто не станет отрицать, что такое влияние существует. Влияние обоих учебных заведений на Джона Мейнарда было исключительно положительным — его научная карьера складывалась крайне удачно с самого начала**. В 1905 году он был назначен президентом Кембриджского союза студентов и в том же году стал двенадцатым в университете по математике.

Теоретики обратят особенное внимание на последнее достижение. Чтобы войти в число лучших по математике, нужно иметь математические способности и много работать — работать достаточно упорно, чтобы натренировать ум и потом без особого труда овладевать любой сложной техникой. За теоретической частью работы Кейнса мы угады-

* *Keynes J. N. The Scope and Method of Political Economy. L.: Macmillan, 1891.* О заслуженном успехе этой замечательной книги свидетельствует тот факт, что новый тираж ее четвертой редакции был напечатан и раскуплен в 1930 году; собственно говоря, эта книга так удачно пережила полвека споров по поводу своего содержания, что и сегодня может служить прекрасным пособием по методологии.

** Итон всегда много значил для него. Мало какие почести и награды радовали его так сильно, как обрадовало избрание представителем в управляющий совет Итонского колледжа.

ваем математический склад ума, а также, возможно, даже следы полузабытого образования. Некоторые могут задаться вопросом: почему же тогда Кейнс так упорно держался в стороне от математической экономики, которая как раз набирала силу, когда он начинал заниматься наукой? Хотя Кейнс никогда не демонстрировал открытого неприятия математической экономики, и даже принял пост президента Эконометрического общества, он никогда не поддерживал его всей мощью своего авторитета. Иногда в частных беседах он почти выдавал свою неприязнь к эконометрике.

Причину такого отношения легко найти. Высшая математическая экономика по природе своей является «чистой наукой». Ее выводы не имеют почти никакого влияния на практические вопросы, а блестящие способности Кейнса были почти монополизированы практическими вопросами. Он был слишком умен и образован, чтобы пренебрежительно относиться к логическим тонкостям. Иногда он наслаждался ими, чаще они бывали ему скучны, но еще чаще они выводили его из себя. Искусство ради искусства даже приблизительно не было его научным кредо. Он мог быть прогрессивным в чем угодно, но только не в аналитических методах. Мы еще увидим, как эта его черта проявлялась в областях, не связанных с высшей математикой. Если цель оправдывала средства, Кейнс несколько не возражал против аргументов столь же грубых, как те, которыми пользовался еще сэр Томас Ман.

II

Англичанин, вошедший во взрослую жизнь через двери Итона и Кембриджа, страстно интересующийся политикой своей страны, завоевавший кресло президента Кембриджского союза студентов

в знаменательном 1905 году, отметившем конец одной эпохи и начало другой*, — почему же Кейнс не задумался о карьере политика? Почему вместо этого он пошел работать в департамент по делам Индии при Министерстве финансов? Конечно, на его решение повлияло множество факторов, в частности денежный, но только одно обстоятельство стало решающим. Достаточно было провести в беседе с Кейнсом хотя бы час, чтобы обнаружить, что он самый аполитичный человек на свете. Политическая игра интересовала его не больше, чем гонки или, допустим, чистая теория. Обладая редким талантом в ведении дебатов и острым пониманием тактических маневров, Кейнс оказался невосприимчив к соблазнам политической службы, которые в Англии сильны как нигде в мире. Политические партии для него почти ничего не значили. Он был готов сотрудничать с любой партией, которая поддерживала его рекомендации, и при необходимости забыть для этого любые прошлые разногласия. Но на других условиях он не был готов сотрудничать ни с кем, не говоря уже о том, чтобы принять чье-то руководство. Верность Кейнс хранил только политическим мерам, но никак не отдельным политикам или группам политиков. И еще меньше, чем политиков, уважал он любые идеологии, кредо или знамена.

Не был ли он в таком случае прирожденным государственным служащим? Не был ли он самой природой предназначен, чтобы стать одним из тех бесценных замминистров, которые невидимой рукой творили историю Англии? Только не это. У Кейнса было мало склонности к политике, но еще меньше склонности у него было к упорной монотонной ра-

* В этом году либерал Генри Кэмпбелл-Баннерман победил на выборах и стал премьер-министром, а в январе 1906 года была сформирована парламентская партия лейбористов.

боте и к тому, чтобы искусно укрощать и направлять этих диких зверей — политиков. Зато одинаковая нерасположенность к политике и бюрократии подтолкнула Кейнса к той роли, для которой он был на самом деле предназначен природой, для которой он быстро нашел идеальную форму и которой до конца жизни оставался верен. Мы можем думать что угодно о тех психологических законах, которые он сформулировал, но не можем не заметить, что свою собственную психологию Кейнс с ранних лет понимал прекрасно. Это обстоятельство было одной из ключевых составляющих его успеха, а также секретом его счастья, ибо, как мне кажется, жизнь его была чрезвычайно счастливой.

Проработав с 1906 по 1908 год в департаменте по делам Индии, Кейнс вернулся в университет, приняв преподавательскую должность в Королевском колледже в 1909 году, и быстро обосновался в кругу коллег-экономистов в Кембридже и за его пределами. Он преподавал Маршаллову экономическую теорию, выбрав в качестве основы курса пятую часть «Принципов экономической науки». Этой теорией он овладел в совершенстве и следующие двадцать лет оставался ей верен. В моей памяти сохранился рассказ случайного посетителя Кембриджа о Кейнсе, каким он предстал перед ним в то время: сухощавый молодой преподаватель с лицом аскета и сверкающими глазами, сосредоточенный и невероятно серьезный, буквально вибрирующий от того, что посетителю показалось сдерживаемым нетерпением, грозный противник в споре, которого все замечали, все уважали и некоторые любили*. О растущей репутации Кейнса свидетельствует тот факт, что уже в 1911 году он был

* Сам я познакомился с Кейнсом только в 1927 году, и на меня он произвел совершенно иное впечатление.

назначен редактором журнала *Economic Journal*, сменив на этом посту Фрэнсиса И. Эджуорта. Эту ключевую в мире экономической науки должность он занимал без перерыва и с неутомимым энтузиазмом вплоть до весны 1945 года*. Учитывая, как долго Кейнс проработал на этом посту, а также учитывая все остальные его многочисленные интересы и увлечения, его достижения на этом поприще можно назвать выдающимися, почти невероятными. Он не только сформировал общую политику журнала и Королевского экономического общества, в котором служил секретарем. Он сделал гораздо больше. Многие статьи в журнале выросли из его предложений; все без исключения статьи, от идей и фактов до пунктуации, изучались им внимательнейшим образом**. Результат известен нам всем, и у каждого есть по этому поводу своя точка зрения. Но я уверен, что выражу всеобщее мнение, если скажу, что в целом Кейнс как редактор не имел себе равных с тех самых пор, как Дюпон де Немур перестал руководить журналом *Ephémérides du citoyen*.

Работа в департаменте по делам Индии была лишь стажировкой, о которой человек менее пытливого ума забыл бы без следа. Нам многое говорит не только об энергии Кейнса, но и о характере его таланта тот факт, что для него эта стажировка стала плодотворной: его первая — и первая успешная при этом — книга была посвящена индийской денеж-

* Эджуорт вернулся в журнал на семь лет, с 1918 по 1925 год, соредактором. Его сменил на этом посту Д. Х. Макгрегор, которого, в свою очередь, в 1934 году сменил Э. А. Г. Робинсон (с 1933 года работавший в журнале младшим редактором).

** Например, однажды он терпеливо объяснял автору-иностранцу, что, хотя в английском языке и принято сокращать словосочетание, например, «*exempli gratia*» до «*e. g.*», но не принято сокращать «*for instance*» до «*f. i.*», так что позволит ли автор внести эту поправку в свою статью?

ной системе и финансам*. Она вышла в 1913 году, тогда же, когда Кейнс был назначен членом Королевской комиссии по индийским финансам и денежной системе, в которой проработал год. Мне кажется, эту книгу можно заслуженно назвать лучшим исследованием, написанным в Англии о золотовалютном стандарте. Однако куда больший интерес представляет другой вопрос, лишь отдаленно связанный с успехом «Индийской денежной системы» как таковой: можно ли различить в первой книге Кейнса что-либо, что предвещало бы его «Общую теорию занятости, процента и денег»? В предисловии к «Общей теории» Кейнс утверждает, что его учение 1936 года — это лишь результат «естественной эволюции его размышлений за последние несколько лет». Это высказывание я еще прокомментирую. Пока же я хотел бы отметить, что, хотя в работе 1913 года не содержится тех характерных предположений, которые сделали книгу 1936 года столь революционной в глазах современников, общее отношение Кейнса к денежным феноменам и политике в 1913 году явно предрекало то отношение, которым проникнут «Трактат о деньгах» 1930 года.

Регулирование денежного обращения в то время, конечно, не было новшеством, а Кейнс, занимаясь проблемами Индии, был особенно хорошо осведомлен о природе, нуждах и возможностях этого регулирования. Однако новшеством был живой энтузиазм Кейнса в отношении влияния регулирования денежного обращения не только на цены, экспорт и импорт, но и на производственный процесс и занятость населения. Этот энтузиазм, возможно, не определил однозначно направление разви-

* В 1910–1911 году он читал лекции по финансам Индии в Лондонской школе экономики. См.: *Hayek F. A. The London School of Economics, 1895–1945 // Economica. February 1946. Vol. 13. No. 49. P. 17.*

тия Кейнсовой мысли, но создал для него условия. Более того, давайте вспомним, как тесно была связана теоретическая мысль Кейнса в послевоенное время с той конкретной экономической ситуацией, решение проблем которой он предлагал и которой в 1913 году никто не предвидел; затем добавим теоретические выводы, сделанные Кейнсом из опыта Англии 1920-х годов, к теории «Индийской денежной системы и финансов» и получим суть кейнсианских идей 1930 года. Это утверждение консервативно. Я пошел бы и дальше, если бы не боялся совершить ошибку, которую так часто совершают биографы.

III

В 1915 году Кейнс из потенциального государственного служащего превратился в действительного, приступив к работе в Министерстве финансов. Английская система финансов во время Первой мировой войны была крайне крепка и представляла собой первостатейное достижение морального характера. Но она не отличалась особой оригинальностью, и возможно, что именно тогда подающий надежды молодой чиновник и приобрел ту нелюбовь к образу мышления и взглядам министерства, которая впоследствии сделалась столь заметна. Впрочем, как работника его ценили высоко, потому что он был выбран главным представителем Министерства финансов на Мирной конференции в Париже (это назначение вполне могло бы стать ключевым, если бы в орбите премьер-министра Ллойд-Джорджа могли существовать еще какие-то ключевые должности), а также заместителем министра финансов в Верховном экономическом совете. Однако, с точки зрения биографа, куда важнее этих назначений был внезапный уход Кейнса в отставку в июне 1919 года, столь характерный для него как человека и как государ-

ственного служащего. У многих в то время имелись сомнения насчет мирного договора, но никто не отважился высказать их вслух. Кейнс был сделан из другого теста. Он оставил свой пост и рассказал всему миру, почему принял такое решение. Этот поступок принес ему мировую славу.

Книга «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1919) была принята публикой так, что слово «успех» для описания этого приема звучит слишком бледно и невыразительно. Те, кто не понимает, как связаны между собой удача и личные заслуги, конечно, скажут, что Кейнс просто написал о том, что было в то время на уме у каждого разумного человека; что он находился в крайне выигрышном положении для того, чтобы его протест прогремел на весь мир; что именно этот протест, а не аргументы Кейнса завоевали ему всеобщее внимание и привлекли на его сторону тысячи сердец; что в момент выхода книги та волна, на гребне которой он прокатился, уже набирала ход. Все это отчасти правда. Конечно, возможность, которой воспользовался Кейнс, была уникальной. Но если мы решим признать незначительными все те подвиги, которым поспособствовала какая-либо уникальная возможность, нам придется переписать историю, потому что без великих возможностей не существует великих подвигов.

Поступок Кейнса требовал прежде всего огромного мужества. Но помимо этого книга была настоящим шедевром, полная мудрых и глубоких практических советов; безжалостно, но не холодно логичная; глубоко гуманная, но не сентиментальная; все факты в ней были представлены без сожалений, но и без безысходности; книга была сочетанием тщательно продуманных советов с тщательно продуманным анализом. Кроме того, она была произведением искусства. Форма и содержание сочетались в ней идеально. Все сказанное автором было сказано по делу, без единого

лишнего слова. Мудрую экономию средств выразительности не нарушали праздные украшения. Идеальная выверенность изложения — ни в какой другой книге слог Кейнса не был так хорош — подчеркивала его простоту. На страницах, где Кейнс пытается описать через действующих лиц трагический провал тех целей, которые преследовались ими при заключении мирного договора, он поднимается до высот, на которых побывали очень немногие авторы*.

* См. рассказ о Совете четырех, переизданный с важным дополнением — фрагментом о Ллойд-Джордже — в «Биографических эссе». С сожалением вынужден сообщить, что после выхода книги некоторые противники взглядов Кейнса, будучи не в состоянии опровергнуть его победоносную логику, начали насмехаться над тем, как он изложил некоторые факты и как интерпретировал мотивы членов совета, о которых, по мнению этих критиков, не имел никакого права судить. Поскольку этот вердикт, вынесенный правдивости Кейнса, недавно был повторен в фельетоне, опубликованном в одном из американских журналов, я хотел бы прежде всего попросить читателя не беспокоиться: ни один вывод из Кейнсова анализа, ни одна его рекомендация не зависят от того, насколько верную или неверную он нарисовал картину мотивов Клемансо, Вильсона, Орландо и Ллойд-Джорджа. Однако, поскольку мой очерк ставит своей целью среди прочего кратко описать характер Кейнса, я хотел бы также доказать, что нет абсолютно никаких оснований считать, что Кейнса унес поток «поэтической фантазии» и что он претендовал на знание каких-то «тайн», которые не могли быть ему известны, то есть обвинять его в мелком тщеславии, если не сказать больше. Доказать это совсем нетрудно. Если читатель обратится к той мастерской зарисовке, к тому эссе, о котором мы говорим, он обнаружит, что Кейнс не делает вид, будто был близок с его героями, и пишет о личном знакомстве только с Ллойд-Джорджем. Он ничего не пишет о встречах с членами Совета четырех наедине, лишь описывает сцены общих заседаний, которые вместе с остальными ведущими экспертами посещал по долгу службы. Более того, его рассказ о том, какую роль личные мотивы сыграли в принятии решения, закончившегося катастрофой, подтверждается многочислен-

Экономическая теория книги, как и теория «Пересмотр мирного договора» («A Revision of the Treaty», 1922), которая дополняет и отчасти усовершенствует ее аргументацию, очень проста и не требует от автора использования никаких сложных методов. Однако в ней есть нечто, заслуживающее нашего внимания. Перед тем как начать убеждать читателя в своей правоте, Кейнс кратко обрисовывает экономические обстоятельства и состояние общества, приведшие к тем политическим событиям, которым посвящено его исследование. Совсем немного изменив оригинальный текст, мы могли бы так суммировать этот отрывок: время капитализма *laissez-faire*, этого «чрезвычайного эпизода», закончилось в августе 1914 года. Стремительно исчезли те условия, в которых предпринимательское лидерство позволяло бизнесменам добиваться успеха за успехом: быстрый рост населения и многочисленные возможности для инвестиций, которые предоставлял технологический прогресс, а также завоевание нескольких новых источников питания и сырья подряд. В прежних условиях было трудно находить применение сбережениям буржуазии, которая продолжала откладывать на черный день — печь пироги «не для того, чтобы их есть». Но в 1920 году стимулирующие импульсы начали слабеть, дух частного предпринимательства постепенно выветривался, возможности для инвестиций исчезали, а значит, привычки буржуазии делать сбережения утратили свою общественную функцию; их существование даже ухудшало ситуацию.

ными свидетельствами: его рассказ — это лишь разумная интерпретация всем известных событий. Наконец, критикам стоит задуматься о том, что в рассказе Кейнса нет ни малейших следов презрения, которое он вполне заслуженно мог бы испытывать по отношению к его героям.

Итак, Кейнс разработал объяснение современной теории стагнации — в отличие от той теории, которую мы можем при желании найти у Рикардо. В этом объяснении мы также видим зародыш «Общей теории». Любая полноценная «теория» экономического состояния общества состоит из двух взаимодополняющих, но заметно различающихся элементов. Во-первых, у теоретика есть мнение об основных чертах экономического состояния общества, о том, что важно и что не важно знать для того, чтобы понять жизнь этого общества в исследуемый период. Назовем эту часть видением автора. Во-вторых, у него есть метод, аппарат, при помощи которого он концептуализирует свое видение и превращает его в конкретные предположения, или теории. На страницах «Экономических последствий мирного договора» мы не видим ничего от того теоретического аппарата, который Кейнс использует в «Общей теории». Но мы находим в этой книге все то видение экономических и общественных явлений, к которому этот аппарат является чисто техническим дополнением. «Общая теория» — это конечный результат долгой борьбы Кейнса за то, чтобы сделать свое видение нашего времени аналитически функциональным.

IV

Для экономистов «научного» типа Кейнс является прежде всего автором «Общей теории». Чтобы описать тот путь, который привел Кейнса прямо к «Общей теории» от «Последствий мирного договора» (главные вехи этого пути отмечены «Трактатом о денежной реформе» и «Трактатом о деньгах»), мне придется безжалостно отказаться от рассказа о многих других публикациях Кейнса, но я должен их хотя бы упомянуть. Три ступени на пути к «Последствиям», впрочем, названы

в примечании*, и еще несколько слов мы скажем о книге «Трактат о вероятности» («A Treatise on Probability»), опубликованной в 1921 году. Боюсь, что не может быть никаких вопросов относительно роли Кейнса в развитии теории вероятности, хотя его интерес к этой теме зародился давно: он писал о ней диссертацию на право преподавать в Кембридже. Нас больше интересует другой во-

* Эти три вехи таковы: статья о населении и продолжительная полемика с сэром Уильямом Бевериджем (*Keynes J. M. A Reply to Sir William Beveridge // The Economic Journal. December 1923. Vol. 33. No. 132. P. 476–486*); памфлет «Конец laissez-faire» (*Кейнс Дж. М. Конец laissez faire // Истоки. Вып. 3. С. 260–279*) и статья «Проблема германских платежей» (*Keynes J. M. The German Transfer Problem // The Economic Journal. March 1929. Vol. 39. No. 153. P. 1–7*), а затем ответы на критические отзывы Улина и Рюффа. Первые попытки вызвать из небытия призрак Мальтуса — защитить (на пороге периода, когда в стране оказалась масса еды и сырьевых товаров, которые невозможно было реализовать!) тезис о том, что примерно с 1906 года природа стала менее щедро отвечать на усилия человека и что перенаселение — это важнейшая проблема нашего времени, — были, пожалуй, самым неудачным из всех предприятий Кейнса и продемонстрировали ту некоторую небрежность его рассуждений, существование которой не могли отрицать даже те, кто особенно любил его. Все, что необходимо сказать о «Конце Laissez-Faire», — что не нужно искать в этой работе того, что заявлено в ее названии. Она совсем не похожа на книгу Сидни и Беатрис Уэббов. Статья о немецких репарациях открывает нам тайную сторону натуры Кейнса: она явно продиктована самыми добрыми побуждениями, и с политической точки зрения ее советы бесконечно мудры. Но с теоретической точки зрения статья была слаба, и Улин с Рюэффом легко разнесли ее в пух и прах. Трудно понять, как сам Кейнс мог не заметить слабых мест в своей аргументации. Иногда, стремясь послужить делу, в которое верил, он в благородной спешке закрывал глаза на недостатки того дерева, из которого делал свои стрелы. Изучение собрания работ, озаглавленного *Essays in Persuasion* (1931), — это, возможно, лучший способ исследовать не самую профессиональную часть трудов Кейнса.

прос: какова была роль теории вероятности в жизни Кейнса? Она, похоже, служила для того, чтобы дать выход умственной энергии, не поглощавшейся полностью проблемами экономической науки, которой Кейнс, отчасти из чувства долга, отчасти по собственному желанию, посвящал большую часть времени и сил. Мнение Кейнса о чисто интеллектуальных возможностях экономической науки было не особенно высоким. Когда ему хотелось вдохнуть воздуха настоящих научных вершин, он обращался не к экономической теории; он был в некотором роде философом или эпистемологом, интересовался Витгенштейном. Он близко дружил с Фрэнком Рамсеем, блестящим мыслителем, умершим в расцвете лет (Кейнс оставил ему очаровательный памятник)*. Но быть пассивным наблюдателем ему было недостаточно. Ему нужна была собственная борьба. Нам многое говорит о складе ума Кейнса то, что он обратился для этого именно к теории вероятности — предмету, исполненному логических тонкостей, но не лишённому при этом практического применения. Несгибаемая воля Кейнса привела его к результату, который я считаю великолепным, несмотря на то, что о нем думают специалисты, особенно специалисты за пределами Кембриджа.

* Статья памяти Рамсея вышла в журнале *New Statesman and Nation* (*Keynes J. M. Review of The Foundation of Mathematics by Frank P. Ramsey // The New Statesman and Nation. 10 March 1931*), а затем была переиздана в сборнике «Биографические эссе». К этой статье, самой теплой из всех когда-либо написанных Кейнсом, прилагалась антология избранных цитат из Рамсея. Эти цитаты, конечно, выражали взгляды Рамсея, а не Кейнса, но, безусловно, Кейнс отбирал только те отрывки, которые нравились ему самому. Таким образом, эта антология весьма показательна в отношении философских взглядов Кейнса.

Раз мы перешли от работы Кейнса к его характеру, я воспользуюсь этой возможностью, чтобы больше рассказать о нем. Кейнс вернулся в Королевский колледж, к довоенному складу жизни, с той лишь разницей, что сфера его деятельности стала гораздо шире. Он продолжал активно преподавать и заниматься исследованиями; он продолжал редактировать журнал; он продолжал принимать общественные проблемы близко к сердцу. Но хотя его связь с Кембриджем упрочилась, когда он принял почетную и трудоемкую должность казначея, его дом в Лондоне на Гордон-Сквер, 46 стал для него второй штаб-квартирой. Кейнс заинтересовался журналом *Nation* и возглавил его. В 1921 году этот еженедельник вытеснил с рынка журнал *Speaker*, поглотил *Athenaeum* и объединился с *New Statesman* в издание *New Statesman and Nation*, в котором Кейнс публиковал постоянный поток статей, на написание которых у другого человека уходило бы все рабочее время. Кроме того, с 1921 по 1938 год он был председателем страховой компании *National Mutual Life Assurance Society*, что отнимало у него немало времени, а также управлял делами инвестиционной фирмы; эти занятия приносили ему хороший доход. Кейнс был серьезным человеком. Особенно серьезен он был в вопросах бизнеса и зарабатывания денег: он откровенно ценил все те удобства, которые приносит высокий доход. Не менее откровенно он говорил в 1920-е годы, что не примет профессорской должности, потому что не может себе этого позволить. В дополнение ко всем своим многочисленным занятиям Кейнс был активным членом Консультативного совета по экономическим вопросам и Комитета по проблемам финансов и промышленности (Комитета Макмиллана). В 1925 году он женился на балерине Лидии Лопуховой, ставшей ему ближайшей подружкой и преданной помощницей «в болезни и здравии» до конца жизни.

То, что Кейнс сочетал такое количество разнообразных занятий, само по себе не редкость. Редкостью и практически чудом было то, что в каждое из этих занятий он вкладывал столько сил и энергии, как если бы оно было единственным. Его рабочие аппетиты и способность к эффективному труду были невероятны, а умение концентрироваться на одном деле было поистине Гладстоновым: когда он чем-то занимался, он не думал ни о чем другом. Ему случалось уставать. Но, похоже, ему почти не случалось испытывать уныния и ощущения утраты жизненной цели.

Природа припасла два способа наказать того, кто пытается использовать весь запас своих сил до последней капли. Кейнсу пришлось заплатить за свое рвение. Качество его работы пострадало от ее количества, и не только в плане формы: заметно, что значительная часть его второстепенных публикаций написана впоыхах, а также что он постоянно отвлекался от написания некоторых важнейших своих работ, что не могло на них не сказаться. Чтобы по достоинству оценить силы Кейнса как мыслителя, нужно понять, что он был полон идей, которые так и не успели дозреть, так и не были никогда до конца оформлены*. Зато Кейнсу удалось избежать второго наказания.

* Самый очевидный пример такой незрелой работы — это «Трактат о деньгах» (*Keynes J. M. A Treatise on Money. Vol. 1–2. L.: Macmillan, 1930*), состоящий из нескольких сильных, но незаконченных исследований, крайне небрежно соединенных друг с другом. Но лучше всего мою мысль подтвердит биографическое эссе о жизни Маршалла (*Keynes J. M. Alfred Marshall 1842–1924 // The Economic Journal. September 1924. Vol. 34. No. 135. P. 311–372*). Оно, очевидно, написано с любовью и старанием. В сущности, это лучшее описание жизни ученого, которое я когда-либо читал. И читатель, который обратится к этому произведению, не только получит удо-

Как правило, в людях-роботах, которые сполна используют каждый миллилитр своего горючего, есть что-то нечеловеческое. В отношениях с людьми они часто бывают холодными, закрытыми, вечно занятыми. Их жизнь — это их работа, кроме нее у них либо нет вообще никаких интересов, либо только самые поверхностные. Но Кейнс таким не был, напротив, он был приятнейшим человеком: таким приятным, добрым и жизнерадостным, каким обыкновенно бывает только тот, кто вообще никогда ни о чем не задумывается и из принципа не позволяет никаким своим занятиям деградировать до уровня работы. Он был любящим. Он был всегда готов с дружеским энтузиазмом разделить взгляды, интересы и проблемы других людей. Он был щедр, и не только на деньги. Он был общителен, любил разговаривать с людьми и был блестящим собеседником. А также, вопреки распространённому мнению, он мог быть вежливым, даже по-старомодному церемонным. Например, однажды он отказался садиться обедать, игнорируя телефонные и телеграфические протесты своего гостя, пока этот гость, задержанный туманом в проливе Ла-Манш, не добрался до его дома к четырем часам вечера.

Факультативные интересы Кейнса были многочисленны, и всеми он занимался с радостным энтузиазмом. Конечно, есть немало людей, которые напряженно работают, а затем отдыхают за какими-то расслабленными занятиями. Кейнс отличался от них тем, что даже на отдыхе был созидателен. Например, он любил старые книги, тонкости

вольствие, но и поймет, что я имею в виду, когда упрекаю Кейнса в недоработках. Эссе прекрасно начинается, прекрасно заканчивается; однако чтобы довести его до совершенства, над ним потребовалось бы еще пару недель поработать.

библиографических прений, детали характеров персонажей, жизни и мысли людей прошлого. Это увлечение, возможно, воспитанное в Кейнсе классическим образованием, разделяет множество людей. Однако, предаваясь этому увлечению, Кейнс, верный себе, отчасти превращал его в работу, так что мы обязаны ему несколькими немаловажными вкладами в историю литературы*. Он также увлекался живописью и даже немного коллекционировал картины. Он наслаждался хорошими театральными постановками, основал и щедро финансировал Кембриджский театр искусств, который не забудет никто, кто хоть раз был в нем зрителем. А однажды знакомый получил от Кейнса записку, явно написанную в прекрасном настроении: «Уважаемый... Если Вы хотите знать, что в настоящий момент занимает все мое время, загляните в приложение к этой записке»**. Приложение оказалось программой балета «Камарго».

* Его особенно привлекала литература на философские и экономические темы. В этом увлечении ценным союзником для него стал профессор Пьеро Сраффа. Лучший пример из известных мне литературных изысканий Кейнса — это изданный в 1938 году отрывок из «Трактата о человеческой природе» Юма с предисловием Кейнса и Сраффы. Это предисловие — любопытное свидетельство страсти Кейнса к филологии.

** Этот знакомый, человек крайне недисциплинированный, не хранит писем, поэтому подтвердить точность цитаты невозможно. Но я уверен, что записка содержала единственное короткое предложение и что его суть передана верно. Записка была отправлена около десяти или пятнадцати лет назад, возможно, что и раньше. В последние годы жизни Кейнса его увлечение искусством привело его в совет попечителей Национальной галереи, кроме того, он возглавил Совет по поддержке музыки и искусств. Дополнительная работа!

V

Вернемся к научному пути Кейнса. Как уже было сказано, первой остановкой на этом пути был «Трактат о денежной реформе» (1923). Поскольку в случае Кейнса главной целью и сутью анализа были практические рекомендации, я поступлю так, как никогда не поступил бы, рассказывая о любом другом экономисте, то есть предложу читателю ознакомиться вначале с теми взглядами, которые отстаивал Кейнс. По сути, он выступал за стабилизацию национального уровня цен с целью стабилизации состояния бизнеса в стране. Второстепенное внимание он уделял также средствам смягчения краткосрочных колебаний курсов иностранных валют. Для достижения этой цели Кейнс рекомендовал использовать в мирное время денежную систему, выстроенную согласно нуждам военного времени. Наиболее смелым из его предложений было предложение, сделанное с очевидной тревожностью, совершенно ему не свойственной: отделить выпуск банкнот от золотого запаса, который он, однако, считал нужным сохранить и важность которого постоянно подчеркивал.

Я хотел бы обратить внимание читателя на две черты этого совета. Во-первых, на его особую актуальность для Англии; во-вторых, ввиду краткосрочных интересов Англии и того, что автор рекомендации был англичанином до мозга костей, на ее трезвую мудрость и консерватизм*. Советы Кейнса всегда были прежде всего советами для Англии и разработаны они были для решения английских проблем даже тогда, когда адресовались другим странам. Во всем, не считая некоторых ху-

* Неудивительно, что со временем, в 1942 году, Кейнс был назначен директором Банка Англии.

дожественных пристрастий, Кейнс был убежденным островитянином, в том числе в философии, но особенно в экономической теории. Кроме того, он был страстным патриотом. Его патриотизм, лишенный налета вульгарности, был столь неподдельным, что, видимо, Кейнс сам его не осознавал, а значит, не осознавал, как сильно этот патриотизм влиял на ход его мысли, не давая ему полностью разделить точку зрения, обстоятельства, интересы и особенно убеждения других стран, в частности Америки. Как когда-то сторонники свободной торговли, он всегда превозносил советы, мудрые и верные для Англии в конкретный момент времени, как мудрые и верные для любой страны в любое время*. Но и это еще не все. Чтобы понять точку зрения, с которой Кейнс давал свои советы, необходимо вспомнить, что он принадлежал к английской интеллигенции высшего уровня и не был связан ни к какому классу и ни к какой партии: он был типичным интеллектуалом довоенного периода, справедливо претендовавшим на духовное родство с Локком и Миллем.

Что же этот патриотичный интеллектуальный англичанин видел перед собой? Мы помним общую картину, описанную им в «Экономических последствиях Версальского мирного договора». Но случай Англии был особенным. Англия вышла из войны совсем не такой, какой она вышла из войны с Наполеоном. Она обнищала; она лишилась многих экономических возможностей на долгое время, а некоторых навсегда. Ее общественный строй ослаб и стал негибким, уровень налогов и зарплат был несовместим со стремительным развитием, и с этим ничего нельзя было поделать. Кейнс

* Это свойство характера объясняет то, что противники Кейнса называли непоследовательностью.

не желал предаваться бесполезным сожалениям. Он не имел привычки горевать о том, чего нельзя изменить. Он также не собирался бросать все свои умственные силы на решение отдельных проблем кораблестроительной, угольной, текстильной или сталелитейной промышленности, хотя в некоторых статьях и давал советы по этим вопросам. Наконец, менее всего он был расположен проповедовать возрождение былой системы. Он был типичным английским интеллектуалом, отчасти утратившим связь со своей страной и созерцающим печальную картину ее разрухи со стороны. Детей у него не было и его жизненная философия была не рассчитана на особенно долгий срок. Поэтому он решительно взялся за тот «параметр действия», который ему оставался как англичанину и как человеку, — контроль и регулирование денежного обращения. Возможно, он считал, что это поможет исцелить Англию; он знал наверняка, что это поможет облегчить ее страдания, и знал также, что возвращения к золотовалютной системе по довоенному паритету Англия не перенесет.

Если бы люди это понимали, они бы поняли также, что кейнсианство принадлежит английской земле и его ростки нельзя переносить в другие страны: там они погибают, а перед смертью еще и становятся ядовитыми. Они бы также поняли, что в своей родной стране кейнсианство — это здоровое растение, которое со временем обещает принести и плоды, и тень. Мое мнение неизменно: эти слова верны в отношении всех рекомендаций Кейнса. В остальном можно сказать, что аргументация в пользу регулирования денежного обращения в «Трактате» была крайне далека от революционной, хотя Кейнс и сделал новаторский ход, предложив его в качестве метода экономической терапии. Интерес автора к механизму сбережений и инвестирования становится очевиден по первым же

строкам введения и по всей первой главе*. Таким образом, хотя непосредственная задача Кейнса и не дала ему углубиться в эти вопросы, «Трактат» все же указывает на то, что он постепенно продвигался в сторону «Общей теории».

В качестве аналитического метода Кейнс выбрал количественную теорию денег, которая «фундаментальна. Ее соответствие фактам жизни не подлежит сомнению». Тем важнее для нас понимать, что он сделал это ошибочно, перепутав, как и многие другие, количественную теорию с количественным уравнением денежного обращения. Таким образом, этот выбор был вовсе не таким значительным, каким казался, равно как и последующее отречение Кейнса от количественной теории. На самом деле он выбрал уравнение денежного обращения в его кембриджской форме, которое, будучи определенным как тождество или как условие равновесия, не подразумевает тех выводов, которые типичны для количественной теории в строгом смысле слова. Исходя из этого, Кейнс свободно сделал скорость обращения денег, или k , ее эквивалент в Кембриджском уравнении, переменной денежно-кредитной проблемы, заслуженно отдав должное Маршаллу за «развитие традиционного подхода к вопросу». Это, собственно говоря, была будущая Кейнсова теория предпочтения ликвидности в своей эмбрионической форме. Кейнс упустил тот факт, что эта теория ведет свое начало как минимум от Кантильона и что ее разработкой, хотя и по-

* См., например, крайне характерный отрывок на с. 10, а также описание «системы инвестиций» на с. 8, которое предвещает некоторые из основных недочетов анализа «Общей теории». Уже тогда Кейнс демонстрировал любопытное нежелание признавать тот простой и очевидный факт, что обыкновенно промышленность финансируется банками.

верхностно, занимался Кеммерер*, писавший, что «крупные суммы денег постоянно хранятся в виде сбережений» и что «пропорция денежных средств, хранящихся в виде сбережений... непостоянна». К сожалению, мы не можем здесь подробно обсудить достоинства «Трактата», например, мастерски написанные разделы «Форвардный рынок валют», глава III, часть IV («Forward Market in Exchanges») и «Великобритания», глава V, часть I («Great Britain»), которые заслуживают всевозможных похвал. Нам пора перейти ко второй остановке на пути к «Общей теории»: это «Трактат о деньгах», написанный в 1930 году.

Не считая «Трактата о вероятности», Кейнс ни в одной из своих книг не был менее наставителен, чем в «Трактате о деньгах». Наставления в нем все равно присутствуют, причем не только в последней, седьмой, части, в которой мы, среди прочего, находим все основы Бреттон-Вудской системы — какое потрясающее достижение! Прежде всего два тома «Трактата» представляют собой попытку Кейнса заняться истинными научными исследованиями, при-

* См.: *Kemmerer E. W. Money and Credit Instruments in their Relation to General Prices. New York: Henry Holt and Company, 1907. P. 20.* Впрочем, в «Трактате» (*Keynes J. M. A Tract on Monetary Reform. L.: Macmillan, 1923. P. 193*) Кейнс высказывает бездоказательное утверждение, что «внутренний уровень цен в основном определяется суммой кредита, создающегося банками», и продолжает его упорно придерживаться. До самого конца этот кредит оставался для него независимой переменной, данностью экономического процесса, определяемой не добычей золота, как в старые времена, а либо банками, либо «денежными властями» (Центральным банком или правительством). Эта черта — уверенность в «данности» количества денег в экономике — крайне характерна для количественной теории денег в строгом понимании. Отсюда мое утверждение, что Кейнс так и не порвал с количественной теорией так решительно, как ему казалось.

чем попытку столь блестящую и при этом столь основательную, что мне бесконечно жаль, что ее урожай был собран до того, как успел созреть. Если бы только Кейнс унаследовал от Маршалла хотя бы часть его стремления к «невозможному совершенству» (см.: *Keynes. Essays in Biography*. P. 211–212), вместо того чтобы попрекать его этим стремлением*! Более того, «Трактат» вполне заслуживает мягкой насмешки Гуннара Мюрдаля над «типичной для англо-саксов ненужной оригинальностью»**. И тем не менее книга Кейнса была выдающимся достижением в своей области и в свое время. Впрочем, все, что я могу сделать в данном очерке, — это перечислить содержащиеся в ней наиболее важные указатели в направлении «Общей теории»***.

* Отрывок из предисловия к «Трактату», в котором Кейнс отчасти оправдывается, показывает, что он сознавал, что предлагает читателю непропеченный хлеб.

** См.: *Myrdal G. Monetary Equilibrium*. L.: William Hodge, 1939. P. 8. Мюрдаль, конечно, озвучил свой протест не от своего лица, но от лица Викселя и его последователей. Однако аналогичный протест могли бы справедливо заявить также Бём-Баверк и его последователи, особенно Мизес и Хайек. Правда, книга последнего, «Теория денег и теория конъюнктуры», была издана лишь в 1929 году (*Hayek F. A. Geldtheorie und Konjunkturtheorie*. Wien and Leipzig: Hölder, Pichler, Tempsky, 1929), но труд Бём-Баверка был доступен на английском языке гораздо раньше, а «Заработная плата и капитал» Тауссига появилась вообще в 1896 году. Тем не менее Кейнс написал основную теорию шестой части своей книги точно так, как если бы всех этих ученых никогда не существовало. И все же он поступил так не из лицемерия — он действительно о них не знал. Это доказывают его многочисленные ссылки на всех тех авторов, которые ему были известны, среди прочих — на Пигу и Робертсона.

*** Это, конечно, несправедливо по отношению к книге в целом, особенно по отношению к двум первым ее частям: вполне традиционной, но все равно блестящей вводной части «Природа денег» («Nature of Money») и поч-

Первый указатель — это понимание теории денег как теории экономического процесса в целом; эта идея впоследствии получила развитие в «Общей теории». Второй указатель — то, как это понимание встроено в видение современного Кейнсу экономического процесса, в тот диагноз, который он вынес этому процессу еще в «Экономических последствиях Версальского мирного договора». В-третьих, Кейнс решительно разделяет сбережения и инвестиции, так же решительно, как в «Общей теории», и открыто назначает экономию частных граждан на роль главного злодея в экономической пьесе. Мы узнаем, что кампания в защиту бережливости не поможет снизить норму процента (см., например: *Keynes J. M. A Treatise on Money. Vol. 2. L.: Macmillan, 1939. P. 207*). Различия в концептуальной проработке — иногда существующие только на уровне терминологии — маскируют фундаментальное сходство идей автора в обоих произведениях, но оно все же существует. Поэтому, в-четвертых, значительная часть аргументации написана в терминах Викселева разделения нормы процента на «естественную» и «денежную». Конечно, денежная норма процента — это еще не та самая Кейнсова норма процента, а естественная норма, как и прибыль, она еще не стала «предельной эффективностью капитала». Но аргументация логически предполагает, что оба эти шага будут сделаны. В-пятых, та важность, которую Кейнс придает ожиданиям, тенденции к понижению, которая еще не является предпочтением ликвидности по спекулятивно-

ти независимому трактату об уровнях цен «Ценность денег» («Value of Money»), полному интересным идеям. Важно помнить, что «Трактат о деньгах», в отличие от «Общей теории», претендует на анализ динамики уровней цен, «того, как на самом деле происходят колебания цен», хотя в реальности работа гораздо шире.

му мотиву, и теории о том, что падение ставки заработной платы в денежном выражении во время депрессии приводит к восстановлению экономического равновесия потому, что оно будет воздействовать на процент (банковскую ставку), снижая потребность в деньгах со стороны промышленного обращения, — все эти и многие другие предположения (бананы, кувшины вдовиц, сосуды данаид) похожи на робкие и недоработанные первые формулировки предположений «Общей теории».

VI

«Трактат» ни с какой точки зрения нельзя было назвать провалом в обычном смысле слова. Все признали его справедливость и отдали должное усилиям Кейнса. Даже самые злые критики — профессор Хансен, раскритиковавший основные уравнения*, или профессор фон Хайек, разнесший базовую теоретическую структуру Кейнсово́й теории**, — разбавили свои замечания заслуженной похвалой. Но, с точки зрения самого Кейнса, книга была провалом, и не только потому, что не была принята достаточно тепло. Ее заряд не попал в цель — она не оставила заметного следа в обществе. Нетрудно понять, почему: Кейнс не смог передать читателю суть своей идеи.

* См.: *Hansen A. H. A Fundamental Error in Keynes' Treatise on Money // The American Economic Review. 1930. Vol. 22. No. 3*; а также *Hansen A. H. and Tout H. Investment and Saving in Business Cycle Theory // Econometrica. 1933. Vol. 1. P. 119–147.*

** См.: *Hayek F. A. Reflections on the Pure Theory of Money of Mr. Keynes // Economica. August 1931 and February 1932.* Хайек даже назвал достижение Кейнса «огромным прорывом», но Кейнс все равно ответил на критику не без раздражения. Как он сам отметил однажды, автору трудно угодить.

Он писал научный трактат и, стремясь к полноте системы, перегрузил текст материалом о ценовых индексах, *modus operandi* банковских ставок, о создании депозитов, золотом запасе и многом другом. Вся эта информация, хотя и полезная, была созвучна основной экономической доктрине и поэтому для целей Кейнса не была достаточно показательной. Он погряз в понятийном аппарате, который бастовал каждый раз, как Кейнс пытался заставить его произвести на свет нужные ему понятия. Пытаться исправить отдельные части трактата было бесполезно. Бесполезно было и отбиваться от критики, справедливость которой Кейнс был вынужден признать. Не оставалось ничего другого, кроме как отказаться от работы целиком, отречься от нее и начать все сначала. Кейнс быстро усвоил полученный урок.

Решительно порвав с «Трактатом», Кейнс собрался с силами для второй попытки изложить свою теорию, величайшую в его жизни. С удивительной энергией он вычленил из прежней работы основные идеи, которые хотел донести до читателя, и сосредоточился на том, чтобы создать понятийный аппарат, который смог бы выразить эти идеи, и только их. К своему глубокому удовлетворению, он успешно справился с задачей. И как только в декабре 1935 года эта работа была завершена, Кейнс облачился в новые доспехи, выхватил меч и снова бросился в бой, смело заявив, что выведет экономистов из пустыни заблуждений, по которой они бродят уже сто пятьдесят лет, в обетованную землю истины.

Окружавшие его ученые заворуженно наблюдали за процессом. Редактируя свою работу, Кейнс постоянно рассказывал о ней в лекциях и личных беседах, а также в «Клубе Кейнса», который собирался в его квартире в Королевском колледже. Шел оживленный обмен идеями. «Мне помогали своими советами и конструктивной критикой Ричард Ф. Кан. В этой книге многое сформировано

под воздействием его предложений», — написал Кейнс в предисловии к «Общей теории». Учитывая все выводы из статьи Кана «Связь внутренних инвестиций с безработицей», опубликованной в *Economic Journal* еще в июне 1931 года, Кейнса нельзя заподозрить в преувеличении. В том же предисловии он благодарит за помощь Джоан Робинсон, Ральфа Хоутри и Роя Харрода*. Были и другие помощники, среди них некоторые из лучших молодых умов Кембриджа. И все они говорили о новой работе Кейнса. По всей Британской империи, а также и в Соединенных Штатах экономисты тут и там слышали о новой, истинной теории. Студенты были взволнованы. Волна радостного предвкушения прокатилась по экономическому миру. Когда

* Роль Хоутри в написании «Общей теории» сводилась к роли понимающего и до некоторой степени сочувствующего критика. Кейнсианцем он, конечно, никогда не был; зато Кейнс был хоутрианцем. Рой Харрод, возможно, независимо от Кейнса, продвигался примерно к той же цели, что и Кейнс, хотя и стал потом его бескорыстным последователем. Справедливость требует, чтобы мы это отметили, поскольку в противном случае Харрод, этот выдающийся экономист, рискует потерять свое заслуженное место в истории экономической науки, которое он занимает в отношении развития кейнсианства и теории несовершенной конкуренции. Заслуги Джоан Робинсон также требуют упоминания. Нам многое говорит о положении женщины в науке тот факт, что Робинсон не входила в «Клуб Кейнса» (во всяком случае, она не была приглашена на ту встречу, на которой я был лектором). Но она была в самом центре событий. Это доказывает ее статья (*Robinson J. A Parable on Saving and Investment // Economica. February 1933. Vol. 13. P. 75–84*), в которой она мастерски прикрывает с тыла отход Кейнса от теории «Трактата». Еще больше говорит о роли Робинсон в эволюции «Общей теории» еще одна ее статья: *Robinson J. The Theory of Money and the Analysis of Output // Review of Economic Studies. October 1933. Vol. 1. No. 1. P. 22–26*.

книга, наконец, вышла, гарвардские студенты были не в силах ждать, пока она поступит в магазины: они скинулись и организовали прямую поставку первых экземпляров книги прямо в университет.

VII

То понимание общества, которое Кейнс впервые описал в «Экономических последствиях мирного договора», видение экономического процесса, в котором инвестиционные возможности слабеют, а привычки делать сбережения продолжают существовать, нашло свое теоретическое выражение в книге «Общая теория занятости, процента и денег» (предисловие датировано 13 декабря 1935 года). Это было сделано при помощи трех понятий: функции потребления, функции эффективности капитала и функции предпочтения ликвидности*. Эти понятия

* Четкая терминология помогает заручиться вниманием читателя и донести до него основные мысли автора. Только это оправдывает переименование понятия предельного уровня дохода относительно издержек Ирвинга Фишера, первичное авторство которого Кейнс полностью признавал, и использование словосочетания «предпочтение ликвидности» вместо традиционного «сбережение». Функция потребления явно лучше подходит для выражения идеи Кейнса, чем Мальтусов термин «эффективный спрос», который он тоже использовал, поскольку употребление понятий спроса и предложения вне поля частичного анализа, в котором они имеют строго определенное значение, приводит только к путанице. Небезынтересно отметить, что Кейнс назвал свои предпосылки относительно форм потребления и предпочтений ликвидности психологическими законами. Это, конечно, было очередным средством привлечения внимания читателя, и никакого смысла в этом термине нет, даже такого, какой можно найти в термине «закон насыщения потребностей». В этом отношении, как и в некоторых других, Кейнс был явно старомоден.

вместе с фиксированной единицей заработной платы и таким же фиксированным количеством денег «определяют» доход и *ipso facto* трудовую занятость населения (в том случае и в той степени, в которой она может ими определяться), главные зависимые переменные, которые нуждаются в теоретическом «объяснении». Нужно быть первоклассным поваром, чтобы сварить обед из таких скудных запасов!* Давайте посмотрим, как это удалось Кейнсу.

1. Первое условие простоты модели — простота того видения, которое эта модель должна воплотить. А простота видения — это вопрос отчасти таланта, а отчасти желания заплатить цену в виде тех факторов, которые придется оставить за рамками модели. Но если мы встанем на ортодоксальную точку зрения

* Несправедливо по отношению к Кейнсу сводить его достижение к голому остову логической структуры и затем делать выводы на основании одной этой структуры. Однако попытки вычленить точную форму системы Кейнса крайне любопытны. Я перечислю некоторые из них: рецензия У.Б. Реддэуэя в *Economic Record* (1936); *Harrod R. F. Mr. Keynes and Traditional Theory* // *Econometrica*. January 1937. Vol. 5. No. 1. P. 74–86; *Meade J. E. A Simplified Model of Mr. Keynes' System* // *Review of Economic Studies*. February 1937. Vol. 4. P. 98–107; *Hicks J. R. Mr. Keynes and the «Classics»* // *Econometrica*. April 1937. Vol. 5. No. 2. P. 147–159; *Lange O. The Rate of Interest and the Optimum Propensity to Consume* // *Economica*. February 1938. Vol. 5. P. 12–32; *Samuelson P. A. The Stability of Equilibrium* // *Econometrica*. April 1941. Vol. 9. P. 97–120 (с динамической переформулировкой); *Smithies A. Process Analysis and Equilibrium Analysis* // *Econometrica*. January 1942. Vol. 10. No. 1. P. 26–38 (также является исследованием динамики Кейнсово́й схемы). В руках авторов, менее симпатизирующих Кейнсово́й экономической теории, некоторые из результатов этих исследований могли превратиться в серьезную критику. Так, например, произошло в случае статьи Модильяни (*Modigliani F. Liquidity Preference and the Theory of Interest and of Money* // *Econometrica*. January 1944. Vol. 12. No. 1. P. 45–88).

Кейнса и решим принять его видение экономического процесса нашего времени как дар гения, взгляд которого смог пронзить сумбур поверхностных явлений и увидеть под ним безупречную простоту основы, то мы не сможем ничего возразить против агрегативного анализа, который позволил Кейнсу прийти к тем выводам, к которым он пришел.

Поскольку агрегатные категории, избранные Кейнсом в качестве переменных, могут, за исключением занятости населения, быть выражены в денежной форме, мы имеем право говорить о Кейнсовом денежном анализе, а поскольку национальный доход является центральной переменной теории, мы можем говорить и о его анализе доходов. Ричард Кантильон был, я думаю, первым, кто описал полную схему подобного анализа — агрегативного, денежного анализа доходов, схему, разработанную Франсуа Кенэ в его *tableau économique*. Получается, что истинным предшественником Кейнса был Кенэ, и интересно, что его взгляды на сбережения были аналогичны Кейнсовым: читатель легко убедится в этом, пролистав «Общие правила экономического управления земледельческим государством». Нужно, однако, добавить, что агрегативный анализ «Общей теории» в современной литературе не уникален: он является членом стремительно разрастающегося семейства*.

2. Кейнс дополнительно упростил свою теоретическую структуру, избегая, насколько это было возможно, любых осложнений, которые возникают в ходе анализа процесса. Основа Кейнсово́й систе-

* Простейший способ узнать о том, как развивался агрегативный анализ до момента публикации «Общей теории», — это прочесть статью Тинбергена (*Tinbergen J. Annual Survey: Suggestions on Quantitative Business Cycle Theory // Econometrica. July 1935. Vol. 3. No. 3. P. 241–308*).

мы относится, используя термины Рагнара Фриша, к макростатике, а не к макродинамике. Отчасти правда то, что это ограничение восходит к последователям Кейнса, формулировавшим его учение, а не к самому этому учению, в котором есть и динамичные элементы, в частности понятие ожиданий. Но правда и то, что Кейнс питал неприязнь к «периодам» и предпочитал рассматривать ситуацию статичного равновесия. Тем самым он избавился от важной преграды на пути к успеху — необходимости использовать разностное уравнение, которое и сегодня действует на экономистов парализующе, как голова горгоны Медузы.

3. Более того, Кейнс ограничил свою модель — хотя и не всегда свою аргументацию — рамками краткосрочных явлений. Пункты 1 и 2, говоря о Кейнсе, упоминают часто, но мало кто, похоже, осознает, насколько краткосрочный горизонт планирования имеет его модель и как этот факт важен для всей структуры «Общей теории» и всех выводов из нее. Кардинальное ограничение состоит в том, что в экономической системе Кейнса неизменны не только производственные функции и методы производства, но также и количество и качество заводов и производственного оборудования; об этом ограничении Кейнс не устает напоминать своему читателю (см., например: *Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Прогресс, 1978. С. 127, 316)*.

Это позволяет ввести многие упрощения, в противном случае недопустимые, например, позволяет

* Строго говоря, некоторые изменения в количестве оборудования должны допускаться, но они считаются такими незначительными в каждый конкретный момент времени, что их воздействие на существующую промышленную структуру и количество вырабатываемой ею продукции можно проигнорировать.

рассматривать занятость как примерно пропорциональную доходу (производительности) так, что одно можно определить сразу после того, как определено второе. Но это ограничивает область применения анализа Кейнса горизонтом планирования длиной максимум в несколько лет (возможно, периодом «сорокамесячного цикла»), а в плане явлений — кругом факторов, которые управляют использованием промышленного аппарата в большей или меньшей степени, в случае если он остается неизменным. Все элементы промышленного аппарата, способные к возникновению и изменению, то есть те явления, которые управляют капиталистическим процессом, тем самым исключаются из области анализа.

В качестве слепка реальности эта модель наиболее оправдана в периоды депрессии, когда фактор предпочтения ликвидности как таковой становится по-настоящему действенным. Профессор Джон Хикс был, таким образом, прав, называя экономическую теорию Кейнса экономической теорией депрессии. Но с точки зрения самого Кейнса его модель дополнительно оправдывает тезис о вековом застое. Хотя он действительно пытался применить модель краткосрочного действия для долгосрочного использования, он в некоторой степени обосновал это применение, рассуждая (почти) исключительно о статичном процессе или, во всяком случае, о колеблющемся процессе, не выходящем за рамки неподвижного равновесия полной занятости. У Маркса эволюция капитализма приводит к распаду. У Милля она приводит к возникновению статичного государства, которое работает без помех и помех. У Кейнса же эволюция капитализма приводит к появлению статичного государства, которое постоянно находится на грани распада. Хотя Кейнсова теория распада сильно отличается от Марксовой, у них есть одна важная общая черта: в обеих теориях распад провоцируется причи-

нами экономического характера, а не факторами, находящимися вне экономического процесса. Благодаря этой черте теория Кейнса естественным образом подходит на роль «рационализатора» антикапиталистических настроений.

4. Кейнс вполне осознанно отказался выйти за рамки факторов, непосредственно определяющих уровень дохода (и занятости). Сам он свободно признавал, что эти непосредственные детерминанты, которые могут «иногда» рассматриваться как «полностью независимые переменные... могут быть подвергнуты дальнейшему разложению и не являются, так сказать, нашими конечными элементарными независимыми переменными». Кажется, что эта формулировка предполагает лишь, что значение агрегированных экономических показателей выводится из составляющих «атомов». Но это не все. Мы можем, конечно, упростить нашу картину мира и прийти к крайне простым предположениям, если нас удовлетворяют аргументы следующей формы: дано A , B , C ... тогда D будет зависеть от E . Если A , B , C ... являются внешними факторами по отношению к исследуемой области, говорить больше не о чем. Если же, однако, они принадлежат к тем явлениям, которые требуется объяснить, то полученные предположения касательно того, что чем определяется, с легкостью превращаются в неоспоримые и приобретают видимость новшества, не имея при этом никакого особого значения. Профессор Леонтьев назвал такие рассуждения неявным теоретизированием*. Но для Кейнса, как и для Рикардо**, подобная аргу-

* См.: *Leontief W. Implicit Theorizing: A Methodological Criticism of the Neo-Cambridge School // The Quarterly Journal of Economics. February 1937. Vol. 51. No. 2. P. 337–351.*

** Интеллектуальное родство Кейнса и Рикардо заслуживает отдельного упоминания. Их методы рассуждения

ментация была лишь средством акцентирования внимания читателя: она служила для того, чтобы выделить связи между определенными явлениями и тем самым подчеркнуть эти связи. Рикардо не писал: «В условиях современной Англии, как я их понимаю, торговля продуктами питания и сырьевыми товарами с учетом всех условий скорее повышает норму прибыли». Вместо этого он написал: «Норма прибыли зависит от цены на зерно».

5. Поскольку для «Общей теории» вообще характерен сильный акцент на те вопросы, которые казались Кейнсу важными и недооцененными, он использовал и другие средства привлечения к ним внимания. Два таких средства мы уже упоминали. Третье критики обыкновенно называют преувеличением. Более того, преувеличения, использованные Кейнсом в «Общей теории», невозможно оправдать, поскольку несоразмерность утверждений непосредственно влияет на выводы. Но нужно помнить не только о том, что с точки зрения Кейнса эти преувеличения были лишь способом отсечь несущественные вопросы, но также и о том, что мы сами отчасти виноваты в их использовании. Мы как аудитория не способны услышать автора, если он не пытается всеми силами вбить нам в голову какую-то одну идею. Учитывая, что идеи Кейнса были достаточно важными, чтобы он имел право вбивать их в голову читателя, а также не забывая, что самые отборные перлы некомпетентных преувеличений встречаются не в «Общей теории», но в трудах некоторых последователей Кейнса, мы можем по заслугам оценить его способ придать особый вкус тому, что я выше назвал обедом.

были крайне близки, несмотря на то, что Кейнс, будучи ярым поклонником Мальтусова порицания сбережений, не мог не относиться к учению Рикардо критически.

Достаточно привести три примера. Во-первых, каждый экономист знает если не из курса экономической теории, то из общения с бизнесменами, что любое достаточно крупное изменение ставки заработной платы в денежном выражении в сторону повышения или понижения влечет за собой аналогичное изменение цен. Тем не менее раньше среди экономистов было не принято учитывать это обстоятельство в теории заработной платы. Во-вторых, все экономисты, вероятно, знали, что теория механизма сбережений и инвестирования Тюрго, Смита и Милля неадекватна и что, в частности, она слишком тесно связывает между собой решения, принимаемые относительно сбережений и инвестирования. Однако если бы Кейнс предложил нам по-настоящему компетентное утверждение о связи между этими двумя явлениями, в ответ он получил бы лишь невнятное бормотание: «Да... это так... имеет некоторое значение в определенных циклических ситуациях... И что с того?» В-третьих, откройте первые две страницы главы 13 «Общая теория нормы процента». Что мы там видим? Мы видим, что теория, согласно которой инвестиционный спрос на сбережения и предложение сбережений, которым управляет аспект предпочтения во времени (который я назвал склонностью к потреблению), уравнивается нормой процента, «изменится», потому что «невозможно вывести норму процента, исходя лишь из указанных двух факторов». Почему же это невозможно? Потому что решение человека копить деньги необязательно является решением инвестировать: мы должны учесть возможность того, что решение инвестировать не будет принято им вообще или будет принято нескоро. Я готов побиться об заклад, что эта совершенно разумная поправка, внесенная Кейнсом в экономическое учение своего времени, мало бы нас впечатлила, если бы он довольствовался этим заключением. Ему потребовалось

вывести предпочтение ликвидности на передний план, а процент свести до уровня вознаграждения за решение расстаться с деньгами (что невозможно, как он доказывает в этой же главе) — и довести до конца всем известную цепочку рассуждений, чтобы у нас в изумлении раскрылись глаза. И он не зря так поступил. Теперь гораздо большее количество экономистов, чем тридцать пять лет назад, готовы прислушаться к предположению, что процент — это чисто денежное явление.

Однако в теории Кейнса есть одно слово, которое ничем нельзя оправдать: слово «общая». Те средства привлечения внимания читателя, которые Кейнс использовал, даже будь они превосходными во всех остальных отношениях, годятся лишь для того, чтобы подчеркнуть очень особые случаи. Кейнсианцы могут считать, что эти особые случаи являются реальностью нашего времени. Дальше этого они пойти не могут*.

6. Кажется очевидным, что Кейнс стремился закрепить свои основные выводы, не обращаясь к элементу негибкости, так же, как он отказался от той помощи, которую могло бы ему оказать признание несовершенства конкуренции**. Однако это не всегда ему удавалось, особенно в случае точки, в которой норма процента должна стать негибкой в сторону понижения, потому что эластичность спроса на ликвидную наличность становится в ней бесконечной. В других случаях негибкость оставалась запасным аргументом, к которому Кейнс прибегал, если не срабатывал

* На это указал Оскар Ланге в упомянутой выше статье. Он также отдал должное единственной по-настоящему общей из всех когда-либо написанных теорий — теории Леона Вальраса. Ланге доказал, что теория Кейнса является частным случаем теории Вальраса.

** Этот фактор, однако, впоследствии внес в теорию Харрод.

основной. Всегда, конечно, остается возможность доказать, что экономическая система прекратит работу, если достаточное количество ее адаптивных органов окажется парализовано. Кейнсианцам этот аварийный выход нравится не больше, чем другим теоретикам. Однако он не лишен значения: классический пример его важности — это случай равновесия в условиях неполной занятости*.

7. Наконец, я должен признать изобретательность Кейнса в отношении аналитических инструментов. Взять хотя бы искусное использование мультипликатора Кана или крайне уместно созданное понятие стоимости использования (*user cost*), которое помогает Кейнсу определить понятие дохода и вполне может считаться значимым новшеством в экономической науке. Больше всего в этих и остальных концептуальных инструментах Кейнса мне

* Я иногда удивлялся, почему Кейнс считал таким важным доказать возможность — а при его предпосылках и вероятность — неполной занятости в условиях полного равновесия или совершенной конкуренции. Существует так много доказуемых факторов, объясняющих ту безработицу, которую мы наблюдаем в реальной жизни в любой момент времени, что только амбиции теоретика могут побудить нас искать еще какие-то объяснения. Вопрос существования вынужденной безработицы в состоянии совершенного равновесия, совершенной конкуренции, в реальность которого никогда не верил даже Кейнсов воображаемый «классический экономист», представляет немалый теоретический интерес. Но на практике Кейнсу вполне хватило бы той безработицы, которая существует в постоянном состоянии неравновесия. Он не смог доказать свою правоту. Но понятие негибкости заработной платы в сторону понижения могло бы его выручить. Вопрос теоретической безработицы является предметом дискуссии, которая страдает от того, что ее участники не видят разницы между разными теоретическими проблемами, затронутыми в ходе обсуждения. Но мы не станем обсуждать этот вопрос здесь.

нравится их адекватность: они подходят для его целей так же идеально, как сшитый на заказ костюм подходит заказчику. Конечно, именно это сильно ограничивает возможность их применения с любыми другими целями, кроме изначальных целей Кейнса. Нож для фруктов прекрасно подходит для того, чтобы очистить грушу. Тот, кто попытается резать им стейк, сам будет виноват в своей неудаче.

VIII

Успех «Общей теории» был мгновенным и, как мы знаем, длительным. Неблагоприятные отзывы, которых книга получила множество, только способствовали ее популярности. После ее выхода сформировалась кейнсианская школа, не в том широком смысле слова, в котором историки говорят о французской, немецкой или итальянской школе экономической мысли, но настоящая школа: социологическая единица, группа, провозгласившая верность одному мастеру и одной доктрине, со своим кругом участников, своими пропагандистами, своими девизами, своими эзотерической и популярной доктринами. Но и это еще не все. Помимо ортодоксальных последователей у теории Кейнса появилось множество сочувствующих, а помимо них — огромное количество людей, которые в той или иной форме, охотно или не очень, впитали что-то от духа или от элементов Кейнсово́й доктрины. Во всей истории экономической науки лишь два учения имели такой же успех — физиократия и марксизм.

Это великое достижение, которое претендует на восхищенное признание со стороны как друзей, так и врагов. Особенной благодарности Кейнс заслуживает со стороны всех тех преподавателей, занятия которых его теория помогла оживить. К сожалению, в экономической теории подобный энтузи-

азм по отношению к какой-либо теории — равно как и сильное неприятие — никогда не вспыхивает, если только холодное лезвие анализа не подогрето некими политическими выводами из идеи автора, причем неважно, подразумевал ли их автор на самом деле или нет. Поэтому давайте взглянем на идеологические последствия книги. Большая часть ортодоксальных кейнсианцев — «радикалы» в том или ином смысле слова. Автор эссе о Вильерсе не был радикалом ни в каком общепринятом смысле слова. Что же в его книге так зацепило радикалов? В своей прекрасной статье в журнале *American Economic Review* Дэвид Райт* утверждает: «Консервативный кандидат мог бы провести политическую кампанию, основанную преимущественно на цитатах из „Общей теории“». Это так, но только в том случае, если такой кандидат умеет использовать оговорки и ограничения. Кейнс был слишком умен, чтобы отрицать очевидное. До некоторой степени, пусть и небольшой, его успеху поспособствовало то, что даже в момент наивысшего накала страстей он никогда не оставлял свои фланги совсем незащищенными, как быстро и не без потерь обнаруживают опрометчивые критики его экономической политики или его теорий**.

* *Wright D. The Future of Keynesian Economics // The American Economic Review. June 1945. Vol. 35. No. 3. P. 287.* Эта статья, несмотря на то, что ее автор не во всем согласен с Кейнсом, дополняет мою статью в отношении многих вопросов, которые я не успел в ней осветить.

** Вот почему в кейнсианской литературе мы так часто встречаем обороты «Кейнс на самом деле не говорил этого» или «Кейнс на самом деле не отрицал этого». В «Общей теории» большая часть очевидных ограничений приходится на главы 18 и 19. Но неявные ограничения разбросаны по всей книге. Кейнс на самом деле не оспаривает логику классической системы. Он не отказывается полностью даже от закона Сэя (в значении, определенном в главе 3); даже существование механизма, который стре-

Ученики Кейнса не смотрят на ограничения. Они видят лишь одно — обвинительный приговор частным сбережениям и те выводы, которые следуют из этого приговора в отношении регулируемой экономики и неравенства доходов.

Чтобы оценить значение этого факта, нужно вспомнить, что в результате длительного процесса развития экономической доктрины сбережения в ней стали рассматриваться как последняя опора буржуазной аргументации. В сущности, еще Адам Смит разделался почти со всеми остальными ее основами: если мы внимательно проанализируем его аргументацию (я говорю сейчас, конечно, только об идеологических аспектах его системы), она сведется к постоянным нападкам на ленивых помещиков и скупых купцов и к знаменитой похвале бережливости. До Кейнса они оставались лейтмотивом идеологии немарксистской экономической мысли. Маршалл и Пигу также прибегали к ним. Оба они, особенно Пигу, считали само собой разумеющимся, что неравенство или, во всяком случае, существующий уровень неравенства «нежелательны». Но они были уже близки к тому, чтобы начать критиковать этот аргумент.

мится к выравниванию решений о накоплении и инвестициях, и роль нормы процента в этой механизме, а также возможность того, что снижение заработной платы в денежном выражении может стимулировать отдачу, не отрицается полностью; хотя, конечно, Кейнс признает истинность первого и существование второго только иногда, в очень особых случаях. Поэтому критики постоянно рискуют быть обвиненными в «грубейшем неверном истолковании» точно так же, как опрометчивые критики первого эссе Мальтуса непременно попадают под град цитат из второго издания, в котором, в сущности, Мальтус вышел далеко за пределы толкования мальтузианства. Но мы не можем сейчас обсудить этот вопрос подробно. В процитированной статье профессора Райта приведены крайне поучительные примеры.

Многие из экономистов, которые в 1920-е или 1930-е годы начинали работать в области преподавания или исследований, отреклись от буржуазной схемы жизни, буржуазной схемы ценностей. Многие из них стали презрительно относиться к роли, которую мотив получения прибыли и элемент личного достижения играют в капиталистическом процессе. Но в той мере, в которой они не проповедовали явный марксизм, им все же приходилось признавать значение накоплений под угрозой потерять самоуважение и присоединиться к тому, что Кейнс столь красноречиво назвал «подпольем» экономической науки. Кейнс разбил сковывавшие таких экономистов кандалы: он дал им, наконец, теоретическую доктрину, которая не только сглаживала личный элемент и была если не механистической, то поддающейся механизации, но также и не оставляла камня на камне от последней опоры буржуазной идеологии. Кейнс, возможно, и не написал так напрямую, но в его доктрине можно было при желании прочесть, что «тот, кто пытается копить, уничтожает реальный капитал», а также что через накопление сбережений «неравномерное распределение дохода является основной причиной безработицы»*. К этому сводится суть кейнсианской революции, и в этом контексте слово «революция» не является слишком громким. Этим и только этим объясняется и до некоторой степени оправдывается та перемена в отношении Кейнса к Маршаллу, которая с научной точки зрения совершенно необъяснима и неоправданна.

* В конце концов, глава 24 «Общей теории» кого угодно убедит, что Кейнс вплотную подошел к тому, чтобы признать правомерными оба этих утверждения. Нужно быть таким же скрупулезно добросовестным, как профессор Райт, чтобы сказать, что на самом деле он этого не сделал.

Хотя красивая упаковка и помогла сделать подарок Кейнса экономической науке привлекательным для широкого круга читателей, она не должна отвлекать наше внимание от содержания этого подарка. До «Общей теории» экономическая теория как наука постепенно становилась все более сложной и все менее способной давать прямые ответы на прямые вопросы. «Общая теория» немного упростила ее и позволила экономистам снова давать людям простые, всем понятные советы. Однако, как и в экономической теории Рикардо, в ней было достаточно содержания, чтобы привлечь также и самых искушенных читателей. Система, которая была столь доступна людям, несведущим в экономике, подошла и для лучших умов молодого поколения теоретиков. Некоторые из них считали (и до сих пор считают, насколько мне известно), что все остальные теории должны быть отправлены в мусорную корзину. Все они с благоговением относятся к человеку, который дал им четко определенную модель для работы, критики и усовершенствования, — человеку, труд которого символизирует, если не воплощает, то достижение, которое они хотели бы увидеть реализованным.

Даже те, кто нашел свое место в экономической науке до выхода в свет «Общей теории», кто не столкнулся с ней в годы своего становления, с ее появлением почувствовали дуновение свежего ветра. Как написал мне в письме один выдающийся американский экономист, в «Общей теории» «было и есть нечто, что дополняет те аналитические методы и тот образ мышления, которые существовали до нее. Это нечто не делает нас кейнсианцами, оно делает нас лучшими экономистами». Нам решать, соглашаться с этим утверждением или нет, но оно прекрасно выражает главную черту достижения Кейнса. Оно объясняет, в частности, почему самая злобная критика, даже будучи успешной в на-

падках на отдельные предпосылки или предположения Кейнсовской теории, не могла нанести существенного урона его теории в целом. Кейнсом, как и Марксом, можно восхищаться, даже считая его общественные воззрения неверными, а все до единого предположения — недостоверными.

Я не стану оценивать «Общую теорию» так, как если бы она была студенческой контрольной работой. Более того, я считаю, что оценивать экономистов вообще неверно: достижения разных людей, которые можно было бы попытаться сравнить между собой, оказываются на деле слишком разными, слишком несопоставимыми. Какова бы ни была дальнейшая судьба доктрины, память о Кейнсе будет долгой, она переживет и кейнсианство, и ответную реакцию на него.

На этом я завершаю свой рассказ о Кейнсе. Все знают о той великой битве, в которую вступил этот отважный воин, чтобы защитить трактат, которому суждено было стать его последней работой*. Все знают, что во время войны, в 1940 году, он вновь начал работать в Министерстве финансов и что его авторитет рос вместе с авторитетом Черчилля, пока не стал безграничным. Все знают о той чести, которая выпала Палате лордов, когда в 1942 году Кейнс стал ее членом. И, конечно же, все знают о его роли в разработке Плана Кейнса, Бреттон-Вудского соглашения и договора с США об английском займе. Но все эти вопросы требуют внимания прилежного биографа, в распоряжении которого будут необходимые материалы.

* Его последней великой работой. Он оставался активным почти до самой смерти и написал еще много статей второстепенного значения.

Приложения

Приложение 1

Георг Фридрих Кнапп

(1842–1926)*

Со смертью профессора Кнаппа 20 февраля Сиз немецкого научного мира ушел один из величайших представителей той эры, которую можно назвать третьей эпохой политической экономии в Германии. Первую эпоху, камералистскую, представляют Зекендорф и фон Юсти; вторая эпоха сопоставима с периодом классических экономистов в Англии, ее кульминация нашла выражение в работах фон Тюнена и Херманна. Отличительными чертами третьей эпохи стали понятие *Sozialpolitik* и применение исторического метода. Стоящий в одном ряду со Шмоллером, Вагнером, Бюхером и Brentano, хотя и во многом непохожий на них, Георг Фридрих Кнапп навсегда останется представителем этого периода, со всеми присущими ему достоинствами и некоторыми недостатками.

Для рассказа о размеренной жизни Кнаппа не потребуется много слов. Он родился 7 марта 1842 года в Гиссене, его отец был профессором и автором крайне успешного учебника по техническим и прикладным наукам. Кнапп учился в Мюнхене, Берлине и Геттингене и, обладая редкими по тому времени способностями к математике, стал заниматься статистикой. В 1867 году он возглавил Бюро статистики Лейпцигского муниципалитета и следующие

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. Georg Friedrich Knapp // Economic Journal. September 1926. Vol. 36. No. 143. P. 512–514.*

двадцать лет оставался на этой должности, заслужив немало похвал за эффективное управление учреждением и за высочайшее качество статистических материалов, опубликованных бюро за эти годы. В 1869 году Кнапп был назначен «экстраординарным» профессором — должность, примерно равноценная должности доцента — в Лейпцигском университете, а в 1874 году был приглашен в Страсбург, где получил полноценную профессорскую ставку. Там он и оставался, пока не покинул свою кафедру, — в реальности даже дольше, вплоть до 1919 года, когда ему пришлось уехать из Страсбурга, перешедшего во владение Франции.

Всем, чем профессор Кнапп занимался, он занимался с полной отдачей, концентрируясь на одном деле так, как это свойственно людям с исключительно сильным характером. Поэтому описать ход его научной карьеры проще, чем это обыкновенно бывает в случае людей с таким пытливым умом. Вплоть до 1874 года — если не брать в расчет двух незначительных исследований, диссертации о Тюне и работы о вопросах налогообложения — Кнапп занимался исключительно статистикой. Он решил немало практических задач, а также внес несколько ценных дополнений в теорию статистики. Некоторые из его исследований по статистике, перечисленные ниже*, полезно перечитывать даже сейчас. Только тот высочайший стандарт качества, который Кнапп задал себе в иных научных областях, не дает нам углубиться подробнее в его дости-

* *Knapp G. F.* Über die Ermittlung der Sterblichkeit aus den Aufzeichnungen der Bevölkerungs-Statistik. Leipzig: Hinrichs, 1868; *Knapp G. F.* Die neueren Ansichten über Moralstatistik. Jena: Mauke, 1871; *Knapp G. F.* Theorie des Bevölkerungswechsels: Abhandlungen zur angewandten Mathematik. Braunschweig: Vieweg, 1874.

жения в области статистики если не исключительные, то близкие к тому.

Как историк экономической жизни и экономист «институциональных» наклонностей Кнапп был поистине великим ученым. Его шедевр — двухтомник «Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственного работника в старейших частях Пруссии» («*Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den ältern Teilen Preussens*»), вышедший в 1887 году, — стал основополагающим трудом по этому вопросу. Он завоевал Кнаппу многочисленных последователей и способствовал появлению практически самостоятельной ветви экономической науки. Это произошло не потому, что Кнапп использовал новые исторические методы, и не потому, что он сумел овладеть каким-то особенно сложным материалом. Достижения Кнаппа в этом отношении все же нельзя сравнить с достижениями Майцена или Ханссена. Однако он обладал другими достоинствами, более редкими и ценными. У него было ясное, мне даже хочется сказать — страстное видение сути вещей, его взгляд без труда проникал в самую глубину событий истории человечества. Кнапп видел исторические процессы и проблемы и понимал их лучше, чем большинство людей понимают окружающий их мир. Кроме того, его исторический анализ всегда опирался на всестороннее знание фактов современной жизни. Такие научные зарисовки, как «Крестьяне при крепостном праве и на свободе» («*Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit*», 1891 г.) и «Сеньоральная власть и дворянское поместье» («*Grundherrschaft und Rittergut*», 1897 г.), только отчасти основаны на исторических событиях; частично они написаны по материалам исследования о современных немецких землевладельцах и их работниках, об их жизни, ментальности и порядках. Все это я говорю для того, чтобы описать то особое ка-

чество Кнаппа, которое не просто делает ученого историком, но является бесценным для того, кого интересуют не выдумки, а исторические проблемы.

Как крестьянин, который меняет выращиваемые культуры и тем самым сохраняет урожайность своей земли, примерно в 1895 году Кнапп оставил историю и обратился к совершенно иному кругу проблем. В некотором смысле именно тогда он написал свое самое успешное произведение. Его книга «Государственная теория денег» («*Staatliche Theorie des Geldes*»), недавно переведенная на английский язык благодаря инициативе Королевского экономического общества, впервые была опубликована в 1905 году. Она прославила Кнаппа на весь мир. Благодаря этой книге у него появились толпы учеников, а поклонники и критики способствовали — вторые своими возмущенными нападениями не менее, чем первые своими похвалами, — ее потрясающему успеху. Однако как бы мы ни восхищались достоинствами этого произведения — масштабом замысла, независимостью формы, свежестью стиля, — мы не можем отрицать тот факт, что в отношении фундаментальных вопросов экономической теории Кнапп пошел в неверном направлении и что влияние его работы на развитие теории денег в Германии было в целом негативным. Впрочем, хотя судьба этой книги и демонстрирует, что к экономической науке, каковы бы ни были ее недостатки, не стоит относиться с презрением, она также лишний раз подтверждает силу ума Кнаппа, этого выдающегося человека, который сумел убедить столь многих людей в том, чего не мог доказать, и очаровал всех тех, кого не смог убедить.

Приложение 2

Фридрих фон Визер

(1851–1926)*

Последний из трех основателей австрийской экономической школы ушел от нас 23 июля 1926 года, всего через несколько дней после своего семидесятипятилетия, еще полный умственных и физических сил.

Барон Фридрих фон Визер родился 10 июля 1851 года, его отцом был тайный советник барон Леопольд фон Визер. Образование он получил в Вене, где в 1872 году закончил университет. Сначала молодого человека больше всего привлекали исторические исследования, но затем ему в руки попала книга Менгера «Основания учения о народном хозяйстве» («Grundsätze»), и, прочитав ее, он решил заниматься экономической теорией. Фон Визер начал свой путь по этой стезе, пройдя обучение в Гейдельбергском, Йенском и Лейпцигском университетах, а затем некоторое время проработав на государственной службе. После этого в 1883 году он стал «приват-доцентом» в Венском университете, а в 1884-м отправился преподавать в Пражский университет. В 1903 фон Визер вернулся в Вену, сменив Карла Менгера на посту заведующего кафедрой экономической теории. Опуская незначительные детали его карьеры, я скажу только, что в 1917 году он стал пожизненным членом австрийской Палаты

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. Friedrich von Wieser // Economic Journal. June 1927. Vol. 37. No. 146. P. 328–330.*

лордов (*Herrenhaus*) и в том же году вступил в должность министра торговли. Выйдя в отставку, он вернулся к своей кафедре и прежней научной работе.

Нелегко описать этого выдающегося человека, очаровывавшего всех на своем пути, так, чтобы его смог представить тот, кто не был с ним знаком. Его тонкая харизма, его уникальный, совершенно нетрадиционный шарм и манера держать себя с необыкновенным достоинством, нечто, что придавало вес каждому его слову, а также нечто неуловимо артистичное в его личности, величественный покой во всем, что он делал или говорил, говорящий о широком кругозоре, — все это не поддается описанию. Возможно, делу несколько поможет, если я расскажу, что во время празднования семидесятилетия фон Визера три человека, включая меня самого, не сговариваясь, сравнили его с Гете. Он был всегда активен, никогда не спешил, интересовался всем — среди прочего он был прекрасным знатоком и постоянным покровителем искусства — и никогда не расстраивался. В его душе был как будто некий зачарованный тайник, в который не было пути никаким несчастьям — ни личным, ни общественным. Почести и успехи приходили к нему сами собой, без усилий и так естественно, как будто он с ними родился, и при этом, похоже, они ничего для него не значили. Он никогда не сражался ни за что-то, ни против чего-то — все сложности, казалось, сами отступали перед ним. Даже старость, столь разрушительная для всех остальных, в его случае только добавила завершающие штрихи к и без того эстетически безупречной картине.

Еще труднее на одной-двух страницах рассказать о научной работе фон Визера, особенно англоязычному читателю, поскольку Визеров способ изъясняться очень плохо ложится на английский язык, и есть подозрение, что даже известный перевод некоторых его трудов профессором Уильямом

Смартон не помог донести до английской и американской аудитории всю его истинную научную значимость. Его книгам не хватало техничности; он был одним из тех немногих людей, которые, обладая совершенно ясным мышлением, не могут адекватно излагать свои мысли на бумаге. К лучшему из написанных после смерти Визера некрологов, статье Фридриха фон Хайека в издании «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*» (1926), прилагается полный список его работ – 62 позиции. Нам же придется довольствоваться кратким рассказом об общем ходе его мысли.

Прежде всего фон Визер был теоретиком. Менгер не столько внушил ему свою идею, сколько сообщил импульс развивать идеи собственные. Найдется мало ученых, которые так же глубоко, как он, задумывались о фундаментальных основах теории ценности или имели такое четкое видение теоретической базы экономической науки. Будучи в расцвете сил, большую часть энергии Визер посвятил тому, чтобы терпеливо выработать те взгляды и методы, которые он суммировал в своей книге «*Естественная ценность*» («*Der Natürliche Wert*», 1889). Ступенью на пути к этой работе была книга «*Происхождение и основные законы экономической ценности*» («*Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Güterwertes*», 1884), в которой были впервые изложены его теория предельной полезности (*grenznutzen*), объяснение издержек производства при помощи «косвенной полезности» (Панталеони назвал эту теорему Законом Визера), а также теория «вменения» (*zurechnung*). Эти изобретения широко известны. Однако я хотел бы привлечь внимание не к важности отдельных инструментов или теорем Визера, но к продуктивности и масштабу его понимания экономической жизни в целом, которое становится особенно зримым, когда он пишет о коммунистическом обществе. Со времен Визера теория

равновесия цен ушла далеко вперед, но до совсем недавнего времени, если я не ошибаюсь, у нас продолжали возникать вопросы, отсылавшие нас к его фундаментальным идеям, которые многие экономисты считают устаревшими.

После выхода «Естественной ценности» Визер на двадцать лет забросил чистую экономическую теорию. Но в 1909 году он вновь вернулся к ней и в 1914-м в энциклопедическом сборнике «Основания социальной экономики» («Grundriss der Sozialökonomik») опубликовал «Теорию общественного хозяйства» («Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft»), свою последнюю, наиболее зрелую работу в области чистой теории, истинное значение которой мы из-за вмешательства войны начинаем осознавать только сейчас.

В перерыве между этими трудами Визер, так же как Вальрас и многие другие, занимался денежной теорией, строя медленно и не глядя на то, что пишут другие авторы, понятие, которое навсегда останется в своей области одним из лучших достижений нашего времени. Впервые он затронул тему денежной теории в обращении к коллегам и студентам по случаю своего избрания преемником Менгера в 1903 году, а его последняя публикация на эту тему, статья «Деньги» в словаре «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», была завершена незадолго до смерти. Визер начал изучать денежную теорию, расследуя исторические изменения покупательной силы денег. Его целью было обеспечить количественную теорему таким же основанием, каким стала для закона издержек его теория ценности. Ученых, глубоко понимавших денежную теорию, можно пересчитать по пальцам. К счастью, в их взглядах много общего, а различия во многом являются лишь вопросами вкуса и используемых методов. Поэтому разработки Визера существенную часть пути естественным образом шли параллельно разработкам

других экономистов. Но некоторые элементы его теории—впоследствии развитые Францем Вайссом и Людвигом фон Мизесом—кажутся мне куда более глубокими, чем у остальных.

Впрочем, в свои последние годы Визер занимался в основном социологией в том смысле, в котором ее можно считать анализом истории или, как он выражался с присущим ему умением давать меткие прозвища, «историей без имен». Историческая социология, она же социологическая история, была его первым научным интересом, и ей же суждено было стать последним. Годами трудясь над ней с юношеским задором, Визер в возрасте семидесяти четырех лет опубликовал свое великое социологическое исследование «Закон власти» («Das Gesetz der Macht»), добившись тем самым той цели, которую поставил себе еще в университете, и пожав плоды своих размышлений в этой области.

В жизни Визера не было ничего небрежного, незаконченного, неискренного или искаженного. Каждое событие этой жизни было частью гармоничного целого; она была похожа на дерево, которое медленно растет и распускается, чтобы со временем достичь впечатляющей высоты.

Приложение 3

Ладислав фон Борткевич

(1868–1931)*

Фон Борткевич, самый выдающийся немецкий статистик после Вильгельма Лексиса и во многих отношениях его ученик, не был немцем по происхождению. Он родился в Санкт-Петербурге, в одной из тех польских семей, которые сумели наладить отношения с русскими правителями Польши. В этом же городе он вырос, получил образование и впоследствии некоторое время преподавал в университете. Во время своего длительного пребывания в Германии, где в 1895 году Борткевич стал приват-доцентом в Страсбургском университете, он завязал знакомства, благодаря которым в 1901 году был назначен «экстраординарным профессором» (доцентом) в университете Берлина. Крайне характерно для Борткевича то, что никому не пришло в голову выдвинуть этого выдающегося человека на роль главы кафедры ни в Берлинском, ни в других университетах, и только в 1920 году, когда в попытке «демократизовать» факультеты все внештатные профессора были назначены полноценными профессорами, он тоже получил этот статус, хотя и не перестал при этом пребывать в полной изоляции.

Для такого отношения было несколько причин. Борткевич был иностранцем. Хотя он излагал свои

* Впервые опубликовано: *Schumpeter J. Ladislaus von Bortkiewicz* // *Economic Journal*. June 1932. Vol. 42. P. 338–340.

мысли стройно как устно, так и на бумаге, хорошим лектором он не был, и говорят, что свои лекции, продуманные с типичным для него вниманием к мельчайшим деталям, он читал в довольно-таки пустых аудиториях. Из-за критического склада ума Борткевича боялись, но не любили. Те коллеги, которые должны были бы предложить Министерству образования его кандидатуру, едва ли были способны понять тот вклад, который он внес в науку. Борткевича, казалось, это не расстраивало, он держался отчужденно, со сдержанным достоинством, наслаждаясь тем уважением, с которым к нему относились все окружающие, и тихой жизнью ученого, которую неожиданная смерть оборвала в самом расцвете интеллектуальных сил. Полную, насколько мне известно, библиографию Борткевича, к которой читатель может обратиться, составил профессор Оскар Андерсон*.

Природа создала Борткевича критиком до мозга костей, определив его предназначение с несвойственной ей решительностью, так что даже собственные исследования Борткевич писал в форме критики чужих работ; критика была его жизнью. Эта склонность, или, скорее, даже страсть к критике, из которой он не упускал даже маленьких промахов в численных примерах, особенно заметна в его экономических трудах. В этой области он не создал собственных произведений, и я считаю, что зря: если бы Борткевич не отказался в полной

* См.: *Anderson O. Ladislaus v. Bortkiewicz // Zeitschrift für Nationalökonomie. 1932. Vol. 3. No. 2. S. 242–250.* Поскольку я пишу о человеке, бывшем образцом добросовестности, я позволю себе последовать его примеру и указать на опечатку в списке его экономических исследований на с. 279: критикуя «Курс политической экономии» Парето, он упрекал сторонников теории предельной полезности в принятии не ультралиберальной, но ультралиберальной экономической политики.

мере использовать в экономической теории все те математические инструменты, которые были в его распоряжении, он встал бы наравне с Эджуортом или Бароне. Однако он все же поднял знамя экономической теории — под девизом Маршалла — в стране, в которой в то время никто не желал о ней слышать, и очистил не одно поле боя мощными ударами своего меча. Главное достижение Борткевича — его анализ теоретического основания системы Маркса (см.: *Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1906. Bd. 23. S. 1–50; 1907. Bd. 25. S. 10–51, 445–488; Bortkiewicz L. von. Zur Berichtigung der grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx im Dritten Band des «Kapital» // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Juli 1907. Bd. 34. S. 319–335*), лучшее исследование, когда-либо написанное об этой системе, а заодно и обо всех остальных ее критиках. Не меньшим шедевром является его исследование теорий ренты в трудах Родбертуса и Маркса (см.: *Bortkiewicz L. von. Die Rodbertus'sche Grundrententheorie und die Marx'sche Lehre von der absoluten Grundrente // Archiv für Geschichte des Sozialismus. 1910–1911. Bd. 1. S. 1–40, 391–434*). В отношении тех работ, в которых промахи были вторичны, а теоретические основы прочны, как у Вальраса, Парето и Бём-Баверка, суровый критик проявлял себя не так заметно. Как автор трудов о теории денег и монетарной политике Борткевич высоко ценится среди немецких писателей. Мы многим обязаны ему в отношении тем золотовалютного стандарта, банковского кредита и скорости обращения денежных средств. Однако лучшее, что Борткевич создал в этой области, — это его работа об индексах (см.: *Bortkiewicz L. von. Zweck und Struktur einer Preisindexzahl // Nordisk Statistisk Tidskrift. 1923–1924. Bd. 2. S. 369–408; Bd. 3. S. 208–252, 494–516*), мастерский

обзор исследований Ирвинга Фишера, достойный считаться самостоятельным научным вкладом в теорию статистических проверок.

В области развития статистического метода первенство Борткевича среди немецких авторов несомненно. Как первооткрыватель «закона малых чисел» (*Bortkiewicz L. von. Das Gesetz der kleinen Zahlen. Leipzig: Teubner, 1898*) и глава школы последователей Лексиса он завоевал международную известность, которая продлится еще немало поколений. Его книга о теории вероятностей «Итерации» (*Bortkiewicz L. von. Die Iterationen. Berlin: Springer, 1917*) — единственная полноценная книга Борткевича — вышла с такой задержкой, что он не смог претендовать на всю ту оригинальность, на которую имел полное право. Эта работа вызывает восхищение даже у того, кто не имеет никакой предрасположенности к тому фундаментальному пониманию вероятности, которое лежит в ее основе. Перечислить длинный список всех исследований Борткевича, которые оставили след в теории статистики, просто невозможно, не говоря уже о том, что это было бы несколько неуместно в журнале об экономической теории. Нам придется довольствоваться упоминанием нескольких его достижений, имеющих особую важность для экономистов. Никто не сделал столько, сколько Борткевич, для прояснения важнейшего вопроса показателей неравномерного распределения дохода (см. материалы 19-го заседания Международного института статистики). Большинству экономистов будет интересно и полезно прочесть его превосходные исследования о квадратуре эмпирических кривых (см.: *Bortkiewicz L. von. Über die Quadratur empirischer Kurven // Skandinavisk aktuarietidskrift. 1926. Bd. 9. S. 1–40*), а также о явлениях гомогенности и устойчивости в статистике (см.: *Bortkiewicz L. von. Homogenität und Stabilität in der Statistik // Skandinavisk aktuarietidskrift.*

Bd. 1. S. 1–81), об изменчивости в условиях действия Закона Гаусса (см.: *Bortkiewicz L. von. Die Variationsbreite beim Gauss'schen Fehlergesetz // Nordisk Statistisk Tidskrift. 1922. Bd. 1. S. 11–38, 193–220*), об общих свойствах всех законов распределения ошибок (см.: *Bortkiewicz L. von. Über eine verschiedenen Fehlergesetzen gemeinsame Eigenschaft // Sitzungsberichte der Berliner Mathematischen Gesellschaft. 1923. Bd. 22. S. 21–32*) или о временной последовательности случайных событий (см.: *Bortkiewicz L. von. Die Sterbeziffer und der Frauenüberschuß in der Stationären und in der progressiven Bevölkerung, zugleich ein Beitrag zur Frage der Berechnung der «Verlebten Zeit» // Bulletin de l'Institut international de statistique. 1911. Bd. 19. No. 1. S. 63–183*), не говоря уже о его работах о смертности и страховании: некоторые из них являются подлинными сокровищами.

Однако для того, чтобы понять, насколько широк был кругозор Борткевича, необходимо ознакомиться с еще одним небольшим его произведением, хотя тема этого произведения весьма удалена от экономической теории: это памфлет «Радиоактивное излучение как предмет изучения теории вероятностей» (*Bortkiewicz L. von. Radio-aktive Strahlung als Gegenstand wahrscheinlichkeitstheoretischer Untersuchungen. Berlin: Springer, 1913*). Листая страницы этого труда, начинаешь различать истинные контуры ума его автора и невольно задумываешься, можно ли оценить истинные масштабы его возможностей по тем работам, которые он успел опубликовать.

Научное издание

Йозеф Шумпетер
Десять великих экономистов
от Маркса до Кейнса

Выпускающий редактор Елена Попова
Художник Валерий Коршунов
Верстка макета Сергей Зиновьев
Корректор Татьяна Пальгунова

Издательство
ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.

Подписано в печать 11.01.2011. Формат 84×108/32.
Гарнитура New Baskerville. Бумага офс. №1.
Печать офсетная. Заказ № 0000

Отпечатано в типографии
ГУП ППП «Типография “Наука”»

121099, Москва, Шубинский пер., 6